ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Давыдова Ольга Александровна

КУЛЬТ ЦАРИЦ В ПТОЛЕМЕЕВСКОМ ЕГИПТЕ IV-II ВВ. ДО Н.Э.: ГЕНЕЗИС, ОРГАНИЗАЦИЯ, СПЕЦИФИКА

Специальность 5.6.2 – Всеобщая История

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Большаков Владимир Анатольевич

Москва – 2026

Оглавление

Введение **4**

Глава 1. Организация культа цариц **59**

§ 1.1. Происхождение культа цариц **59**

§ 1.2. Организация института жречества **73**

§ 1.2.1. Канефора Арсинои II 74

§ 1.2.2. Атлофора Береники II 78

§ 1.2.3. Жрица Арсинои III 79

§ 1.2.4. Жрица Клеопатры I 82

§ 1.2.5. Жрицы Клеопатры II 88

§ 1.2.6. Жрицы Клеопатры III 90

§ 1.3. Роль праздников в культе цариц **103**

Выводы к главе 113

Глава 2. Культ цариц в греко-македонской среде **116**

§ 2.1. Царицы в греческой изобразительной традиции **116**

§ 2.1.1. Изображения цариц на монетах 117

§ 2.1.2. Ойнохои 132

§ 2.1.3. Статуи цариц 141

§ 2.2. Развитие культа цариц: политико-культурные аспекты **150**

§ 2.2.1. Победы цариц на спортивных играх 150

§ 2.2.2. Сакрализация образа цариц в поэзии 157

§ 2.2.3. Близкородственный брак 171

Выводы к главе 183

Глава 3. Отождествление цариц с египетскими богинями и распространение культа Исиды **185**

§ 3.1. Царицы в египетской изобразительной традиции **185**

§ 3.1.1. Храмовые рельефы 187

§ 3.1.2. Стелы 209

§ 3.1.3. Статуи цариц 224

§ 3.2. Значение божественных эпитетов в титулатуре цариц..... 240
§ 3.3. Эволюция культа Исиды и его роль в культе цариц 257
Выводы к главе..... 271
Заключение..... 272
Список сокращений:..... 282
Письменные источники:..... 283
Список литературы: 286
Приложение:..... 332
№ 1. Генеалогия династии Птолемеев 332
№ 2. Хронология основных событий 333
№ 3. Победы представителей династии Птолемеев в гонках на колесницах 336
№ 4 Фрагмент папируса P.Colon. inv. 5063 и перевод..... 337
№ 5. Монеты..... 339
№ 6. Ойнохои..... 348
№ 7. Рельефы..... 352
№ 8. Стелы..... 377
№ 9. Статуи..... 391
№ 10. Мозаика с изображением Береники II 413

Введение

Настоящее исследование посвящено культу цариц династии Птолемеев: от Береники I до Клеопатры III, который формировался в условиях взаимодействия греко-македонской и египетской традиций. На рубеже IV и III вв. до н.э. в Египте развивался династический культ – почитание членов царской семьи в рамках официальной религиозной политики. Его развитию сопутствовало создание эпонимных жреческих должностей, которые институционализировали почитание правящей семьи и делали его частью публичной религиозной жизни[1]. Культ цариц представлял собой отдельную ветвь династического культа и проявлялся в обожествлении цариц, которые почитались независимо от своих супругов или сыновей. Для этого возводили храмы, назначали жрецов, а, образ самих цариц сближался с образами богинь египетского и греческого пантеонов – прежде всего с Исидой, Хатхор, Афродитой, Деметрой и Тюхе, через заимствование атрибутов, эпитетов и функций, сходство в сакральных функциях (покровительство семье, морякам) либо прямое сравнение с богинями, например, в поэзии.

В работе рассматриваются возникновение и развитие культа цариц, а также способы их репрезентации в греческой и египетской изобразительных традициях. Особое внимание уделяется развитию института жречества, пропаганде сакрального образа цариц, а также взаимодействию культа цариц с культами греческих и египетских богинь, в особенности с культом Исиды.

---

[1] Dunand F. The Religious System at Alexandria // A Companion to Greek Religion / Ed. D. Ogden. Malden, Oxford, Victoria, 2007. P. 261. Вопрос формирования культа Птолемеев и его особенностей в греческой и египетской среде является предметом отдельных исследований, например, Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. Ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПБ, 2016. С. 265–312; Bouche-Leclercq A. Histoire des Lagides. T. 1–3. Paris, 1903–1907; Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. Leuven, 2016; Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt. Chronological Lists of the Priests of Alexandria and Ptolemais with a Study of the Demotic Transcriptions of their Names. Leiden, 1983; El-Damaty M. Ein ptolemäisches Priesterdekret aus dem Jahr 186 v. Chr. Leipzig, 2005.

Актуальность проблемы: Вопросы формирования культа династии Птолемеев представляются актуальными в отечественной[1] и в мировой исторической науке[2]. Проблема формирования культа цариц и его восприятия различными группами населения также становится значимой для исследований[3]. В последние десятилетия были сделаны значимые шаги для лучшего понимания данного явления: была проведена переоценка роли культа цариц в династической пропаганде, осуществлена ревизия и каталогизирование археологических памятников данного периода[4], в том числе внимание уделяется тому, как сакральный статус птолемеевских цариц сочетался с их политической ролью[5].

Таким образом, изучение культа цариц является одним из важнейших направлений антиковедения и египтологии. В то же время, недостаточно полно освещены вопросы эволюции культа цариц, а также возникновение и развитие жреческого института цариц Птолемеев. Многие современные исследования

---

[1] Арсиноя или Клеопатра? / авт. вступ. ст. А.О. Большаков; сост. кат. А.О. Большаков, О.Я. Неверов, Ю.Л. Дюков. СПБ, 2002; Большаков А.О. Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия. СПБ, 2011; Ладынин И.А. Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I до н.э // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. Ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПБ, 2016. С. 136–173; Апенко М.С. Культ Арсинои II Филадельфы: причины распространения в египетской среде // Восток (Oriens). 2023. № 5. С. 32–43.

[2] The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London, 2020; Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period. Kleopatra Thea and Kleopatra III. London, 2022; Llewellyn-Jones L. The Cleopatras. The Forgotten Queens of Egypt. New York, 2024; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. Cambridge, 2025.

[3] Macurdy G.H. Hellenistic queens: a study of woman-power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Baltimore, 1932; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. Detroit, 1990; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. London, New York, 2014;

[4] Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220. Context and Function. Oxford, 2015; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Volume 1: Precious Metal, Volume 2: Bronze. New York, 2018; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II. 3 vols. 3. New York, 2025.

[5] Burstein S. The Reign of Cleopatra. Westport, London. 2004; Women in Ancient Egypt: Revisiting Power, Agency, and Autonomy / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York, 2022; Kim P.E. Op. cit.

посвящены или культу отдельной правительницы[1], или же рассматривают конкретную проблему по данной теме на протяжении всей эпохи Птолемеев[2]. Таким образом, различные, но взаимосвязанные аспекты – культурный, политический, социальный – рассматриваются отдельно друг от друга, что не позволяет дать целостную оценку явлению культа цариц и его специфике, которая проявлялась в ходе влияния двух религиозных традиций: египетской и греческой.

Для понимания генезиса и развития птолемеевских культов важно учитывать широкий историко-культурный контекст: трансформация ближневосточных империй в эллинистические царства на рубеже IV и III вв. до н.э. сопровождалась интенсивными изменениями в политической и религиозной картине региона. В результате походов Александра Македонского и последующих завоеваний диадохов культурное и социально-экономическое взаимодействие стран Средиземноморья и Ближнего Востока достигло высокого уровня; среди этих стран Египет представлял собой тысячелетнюю цивилизацию с устойчивыми интеллектуальными, художественными и религиозными традициями, где новая столица Александрия, основанная в 331 г. до н.э., стала культурно-экономическим центром, в котором сопряжение греческих и египетских традиций приобрело постоянный характер[3]. Это обстоятельство способствовало процессу аккультурации и создавало основу для развития династического культа Птолемеев с опорой как на египетские, так и на греческие религиозные представления.

Птолемеи, как замечает Н.П. Рубекас, продемонстрировали наибольшее взаимодействие с существующими местными институтами, нежели остальные

---

[1] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos // American Journal of Archaeology. 1955. Vol. 59. No. 3. P. 199–206; Burstein S. Op. cit; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. New York, 2013; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. Oxford, New York, 2014; van Oppen de Ruiter B. Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship. New York, 2015.

[2] Foley H.P. Reflections of Women in Antiquity. London, 2004; Frandsen P.J. Incestuous and Close-Kin Marriage in Ancient Egypt and Persia. An examination of the evidence. Copenhagen, 2009.

[3] Egypt and the Classical World: Cross-Cultural Encounters in Antiquity / Eds. J. Spier, S.E. Cole. Los Angeles, 2022. P. 59.

правители эллинистических царств[1]. Ярким примером такого взаимодействия в религиозной сфере стал культ цариц. Акцент на роли царственных женщин и развитие их культов больше соответствовали египетским обычаям, тогда как для греческой традиции данное явление выступало заметным нововведением[2]. Обожествление цариц, органически вписавшееся в египетскую ритуальную практику, оказалось удобным для легитимации новой греко-македонской династии и получило поддержку со стороны египетского жречества[3].

Обожествление цариц было тесно связано с развитием их иконографии. Согласно схеме, упомянутой впервые П.М. Фрейзером, процесс обожествления состоял из трех этапов[4]. Первым этапом являлось заимствование эпитетов, греческих и египетских божеств[5]. Второй этап состоял в одновременном упоминании богини и царицы, что нашло отражение в концепции царицы, разделяющей храм или алтарь с богиней[6], а также на ритуальных сосудах (ойнохоях)[7]. Третья стадия – это полное отождествление с богиней, в результате которого не упоминается даже имя царицы. Это произошло, когда в честь

[1] Roubekas N.P. Belief in Belief and Divine Kingship in Early Ptolemaic Egypt: the Case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II // Religio: revue pro religionostiku. 2015. Vol. 1. No. 23. P. 7–8.

[2] Нефедов К.Ю. Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. № 2012. С. 249.

[3] Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers // A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Oxford, 2005. P. 440; Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? // The Ancient History Bulletin. 2021. Vol. 35. No. 1–2. P. 38; Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. С. 265–312; Апенко М.С. Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев // Ученые записки Казанского университета. 2023. № 4–5 (165). С. 43–53.

[4] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. Oxford, 1972. P. 236–246.

[5] Minas-Nerpel M. The Creation of New "Cultural Codes": The Ptolemaic Queens and Their Syncretic Processes with Isis, Hathor, and Aphrodite // Egypt and the Classical World: Cross-Cultural Encounters in Antiquity / Eds. J. Spier, S.E. Cole. Los Angeles, 2022. P. 59–79.

[6] Dunand F. The Religious System at Alexandria. P. 262; Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens // Numismatica e Antichità Classiche. 2021. Vol. 50. P. 71; Naoum D.-Ch. The Hellenisation of Isis and the spread of the cults. PhD thesis. Liverpool, 2008. P. 107; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 115–116.

[7] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. Oxford, 1973.

Клеопатры III было учреждено жречество священного жеребенка Исиды, великой матери богов, которое существовало ок. 131–104 г. до н.э.[1]. Однако данная структура не отражает всей сложности развития культа цариц, который проходил нелинейно, скачкообразно, при этом одни практики заменялись другими, поэтому культ каждой отдельной царицы в некоторой степени обладал уникальными чертами, будь то особое жречество или перечень эпитетов. Таким образом, данное исследование направлено на систематическое изучение культа цариц и официальной царской иконографии Птолемеев, с особым вниманием к процессам институционализации культов.

Под **основными терминами**, которыми оперирует исследование, подразумеваются следующие явления и категории, которые делятся условно на три группы: описывающие сакрализацию власти, организацию и репрезентацию власти, а также относящиеся к иконографическому методу.

Сакрализация власти

Под «культом» понимается совокупность религиозных практик и ритуалов – учреждение жречества, жертвоприношений, празднеств и иных церемоний, – посредством которых царь, царица или царская семья получают культовые божественные почести, и в результате они могли быть приравнены после смерти или при жизни к богам[2]. Однако установлению культа (если речь идет о династическом культе, а не об инициации почестей полисами за заслуги) нередко предшествуют явления и события, приводящие к сакрализации образа правителя уже при жизни: царь или царица демонстрируют особое благоволение к ним богов и их покровительство (например, через победы на общегреческих играх), либо их образ целенаправленно сближается с образами божеств – посредством поэтических

[1] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den demotischen und griechischen Papyri. Mainz am Rhein, 2000. S. 155–160.

[2] Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. K. Vandorpe. Hoboken, 2019. P. 429–438.

уподоблений, изображений с божественными атрибутами[1]. Это обусловило необходимость разграничения в исследовании понятий «обожествления» и «сакрализации». При определении данных понятий мы опираемся на выводы, выработанные в коллективной монографии «Сакрализация власти в истории цивилизаций»[2].

Так, под обожествлением понимается, в сущности, признание царя или царицы божеством, то время, как сакрализация образа возможна тогда, когда в представлении подданных царь или царица все-таки остается человеком, но считается обладателем значительных, и притом тесно связывающих его с божествами возможностей для обеспечения всеобщего благополучия, изобилия и процветания[3]. При этом о сакрализации власти можно говорить тогда, «когда царь или царица считаются причастными к высшим силам и их проявлениям, рассматриваются как носители или проводники этих сил и занимают ключевое место в системе жизненно важных взаимоотношений подвластных им людей с их божествами»[4]. Обожествление, таким образом, подчеркивало существование дистанции между олицетворявшими сверхъестественные силы царем и царицей и народом; возносило правителей над подданными, тогда как «при сакрализации власти царь или царица признаются особенными, но все же людьми»[5]. При этом обожествление, согласно современным исследованиям, представляет собой процесс, инициируемый «сверху вниз»: решающую роль играет одобрение самого правителя, что, в свою очередь, находит выражение в официальной иконографии,

[1] В данном случае мы ориентируемся именно на создание и становление династического культа в птолемеевском Египте и не утверждаем, что данная последовательность универсальна и обязательна для обожествления правителей в других царствах.

[2] Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части I, II, III / Отв. редакторы: Д.М. Бондаренко, Л. А. Андреева, А.В. Коратаев. М., 2005.

[3] Там же. С. 4.

[4] Там же. С. 3.

[5] Там же. С. 5.

даже если формально почести инициируют полисы[1]; такая репрезентация может служить стратегией удержания власти, но также способна отражать искреннее стремление к божественности или понимание царской власти как неотделимой от сакральной сферы[2]. Следовательно, победы на общегреческих играх, поэтические уподобления цариц богиням и заключение близкородственного брака представляют собой способы сакрализации образа царицы, тогда как свидетельством обожествления является исключительно институционально оформленный культ, в рамках которого учреждались жрица или жрец[3].

Организация и репрезентация власти

Все перечисленные практики и институты не были самоцелью, они отражали понимание царской власти как неотделимой от сакральной сферы и формировали «царскую идеологию» – систему идей и ценностей, которая обосновывает власть правящей династии и формирует образ царя или царской пары у подданных, а также служит средством легитимации и укрепления царской власти. Царская идеология выражается в официальной иконографии.

Также в исследовании используется термин «институт», который употребляется в двух основных значениях. Во-первых, под институтом понимается устойчивая социально-религиозная практика, то есть нормативно оформленное явление. Например, институт жречества цариц – это система официально учрежденных жреческих должностей, как правило, с индивидуальными титулами для культа каждой царицы; жриц представляли на династических праздниках для посмертного или прижизненного почитания цариц. Институт близкородственного (кровосмесительного) брака – это нормативно закрепленная и получившая двойное

[1] Iossif P.P., Lorber C.C. More than men, less than gods: concluding thoughts and new perspectives // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven, 2011. P. 705.

[2] Ibid. P. 699.

[3] Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 40–43.

(греческое и египетское) мифологическое обоснование династическая практика заключения союзов между близкими родственниками (через уподобление божественным парам Зевса и Геры, Осириса и Исиды). Во-вторых, под «институционализацией» (и «институциональным оформлением») понимается процесс и результат формальной организации. Например, институциональное оформление культа – это процесс создания и результат функционирования системы почитания цариц, которая включала греческие (эпонимные жречества в Александрии и Птолемаиде) и египетские религиозные практики (почитание цариц, как богинь, разделяющих храмы).

Наконец термин «пропаганда» (она же династическая пропаганда) в рамках данного исследования предлагается понимать, согласно концепции Р.А. Хаззарда, который трактовал его не в классическом, упрощенном значении (как навязывание лжи или активная агитация), а считал средством воздействия на политическую реальность, формирования восприятия этой реальности и создания культурных прецедентов, которые меняют само «политическое воображение»[1] элит и некоторых групп подданных (например, военных, жречества). Р.А. Хаззард утверждает, что пропаганда не обязательно отражает фактическую реальность, но создает иллюзию (восприятие), которая со временем становится новой политической нормой. В качестве примера исследователь приводит случай возвышения статуса царицы Арсинои II после ее смерти: хотя царица и не была полновластным правителем, но пропаганда Птолемея II создала такой образ ее могущества, который стал ориентиром для будущих женщин-правительниц[2].

Термины, относящиеся к иконографическому методу

[1] Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000. P. 10–11, 156. Заметим, что многими отечественными исследователями термин «пропаганда» применительно к древности и эллинизму нередко признается не вполне удачным в силу его современных коннотаций. Однако, поскольку более точного и устоявшегося аналога для обозначения целенаправленного создания политических образов в данный период не выработано, в настоящем исследовании данный термин сохраняется, но с оговоркой, что он употребляется в значении, предложенном Р.А. Хаззардом.

[2] Hazzard R.A. Op. cit. P. 82, 99.

Прежде всего, необходимо определить содержание понятия «иконография», используемого в искусствоведческой и исторической науке. В искусствоведении, согласно, к примеру, подходу Э. Панофского, под иконографией понимается тот уровень анализа памятника, который имеет дело со вторичным, или условным, сюжетом. В отличие от первичных, или естественных, мотивов, идентифицируемых на основе практического опыта, вторичный сюжет требует знакомства со специфическими темами и понятиями из литературных источников и культурной традиции[1]. Иконография, таким образом, представляет собой описание и классификацию образов и сюжетов, однако, по определению самого автора подхода, «не считает своим долгом определять их генезис»[2].

В исторической науке, иконография трактуется как вспомогательная историческая дисциплина, предметом которой является изучение и типологическая классификация изобразительных материалов, относящихся к определенной эпохе[3]. В рамках данного подхода иконография позволяет устанавливать облик исторических деятелей, а также выявлять особенности восприятия современниками политической и культурной действительности.

Оба этих подхода имеют собственные исследовательские задачи и не вступают в противоречие друг с другом, однако для целей нашего исследования мы полагаем необходимым опереться на определение, которое наиболее органично вписывается в историческую проблематику и одновременно охватывает содержательную сторону изучаемого материала. Таким образом, под иконографией понимается «устойчивая система изображения каких-либо персонажей, сюжетов и т.п. в изобразительных искусствах»[4]. Это определение, с одной стороны, не противоречит искусствоведческому подходу, поскольку также предполагает

[1] Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. Санкт-Петербург, 1999. С. 44–47.
[2] Там же. С. 48–49.
[3] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014. С. 120–122.
[4] Ванян С.С. Иконография // Большая российская энциклопедия. М., 2008. Т. 11. С. 84–88.

идентификацию и классификацию устойчивых изобразительных элементов. С другой стороны, оно ближе к историческому пониманию, поскольку уделяет внимание не процедуре описания как таковой, а самим изображениям, сложившимся в определенный период и зафиксированным в памятниках.

Применительно к корпусу памятников материальной культуры эпохи Птолемеев, мы конкретизируем понятие царской иконографии. В рамках нашего исследования «царская иконография» (также официальная иконография) понимается как комплекс образов и сюжетов, а также система символов и художественных образов, через которые царская идеология находила репрезентацию в памятниках официального происхождения[1]. Следуя логике Э. Панофского, этот термин обозначает именно идентификацию и классификацию тех изобразительных элементов (атрибуты, типы корон, жесты, одеяния и пр.), которые позволяют уверенно отличать, например, изображение царицы от изображения божества, а также фиксировать устойчивые сочетания этих элементов для изображения конкретной царицы. При этом, как и в случае с общей иконографией, выявление данных элементов не предполагает их глубинной интерпретации (с чем имеет дело иконология), но служит необходимой процедурой для каталогизации и структурирования материала. Важно также учитывать, что официальная иконография служит выражением того, как цари стремились представить себя и осмысливали свои отношения с божественным[2]. При этом формирование иконографии не является односторонним процессом: если инициатором выступает царь, то существенное влияние на ее содержание и формы оказывают социокультурные ожидания подданных[3].

---

[1] Таким образом, иконография отдельной царицы представляет собой комплекс сюжетов и атрибутов, представленных в памятниках официального происхождения, в котором находят выражение идеи сближения образа царицы с образом богини.

[2] Iossif P.P., Lorber C.C. D. More than men, less than gods: concluding thoughts and new perspectives. P. 705.

[3] Fowler R., Hekster O. Imagining Kings: From Persia to Rome // Imaginary kings: Royal images in the ancient Near East, Greece and Rome / Eds. O. Hekster, R. Fowler. München, 2005. P. 21–24.

Следовательно, «памятник официального происхождения» – это памятник материальной культуры (монета, ойнохоя, статуя, стела, храмовый рельеф), созданный по инициативе царского двора для репрезентации царской идеологии. В исследовании используются в основном памятники официального происхождения, за исключением нескольких бронзовых монет, отчеканенных за пределами Египта. Несмотря на то, что эти монеты не являются прямым продуктом александрийского двора, они в качестве примера фиксируют рецепцию птолемеевского образа на периферии: демонстрируют, как именно Птолемеи желали презентовать себя за пределами Египта, и какими способами греческие полисы, находившиеся в сфере их влияния, интерпретировали этот образ.

Необходимо также определить понятия «образ царицы» и «образ богини». Следуя пониманию Э. Панофскомим термина «образ», в настоящем исследовании под образом царицы подразумевается изобразительный мотив (женская фигура, поза, одеяние, жесты), который идентифицируется как носитель вторичного, условного смысла, а именно – как конкретная представительница династии Птолемеев[1]. Под образом богини, соответственно, понимается мотив (женская фигура с определенными атрибутами), который идентифицируется как носитель вторичного, условного смысла – как конкретное божество греческого или египетского пантеона[2].

В работе исследуется, как образ царицы и образ богини сближаются. Это означает, что к изначальному образу царицы добавляются вторичные смыслы, заимствованные из образов богинь: например, царица начинает изображаться с рогом изобилия Тюхэ. В результате образ царицы начинает восприниматься как носитель не только царского, но и божественного статуса, при этом сами божественные атрибуты остаются условными знаками, позволяющими аудитории распознать конкретное уподобление.

[1] Панофский Э. Указ. соч. С. 46.
[2] Там же.

Следовательно, соглашаясь с концепцией Э. Панофского, когда мы говорим об «образе царицы, сближающимся с образом Исиды», мы фиксируем два уровня идентификации. Первый уровень: мы понимаем, что это царица (благодаря фигуре, позе и др.); второй уровень: мы понимаем, что она уподоблена Исиде (благодаря заимствованным атрибутам). Это не означает, что царица становится конкретной богиней (Хатхор или Тюхэ), но ее образ приобретает дополнительные вторичные коннотации, которые делают ее визуально и по смыслу сопоставимой с божеством.

Наконец, стоит уточнить разграничение между обозначениями «греческий» и «эллинистический». В исследовании под «эллинистическим» понимаются явления и предметы, которые возникли или оформились непосредственно в эпоху эллинизма, т.е. после походов Александра, как части новой реальности, даже если их корни уходят в более ранние периоды. Эллинистическими, таким образом, признаются придворная александрийская поэзия и новый жанр идиллии, одеяние с узлом Исиды, получившее в это время устойчивые культовые коннотации, а также само явление культа царя и царицы. Напротив, термин «греческий» сохраняется за традиционными явлениями, восходящими к доэллинистической полисной культуре: Олимпийские, Немейские и Истмийские игры, богини греческого пантеона (даже если в эллинистический период они приобрели новые функции), а также элементы греческой изобразительной традиции, присутствующие на памятниках цариц.

Последующие специальные термины, например, должности жриц, объяснены в соответствующих параграфах исследования.

Объект исследования составляют памятники официального происхождения, включающие как письменные источники, так и памятники материальной культуры. К письменным источникам относятся произведения придворных поэтов, формирующие комплекс сюжетов и мифологических мотивов, связанных с образом птолемеевских цариц. Корпус памятников материальной культуры включает монеты, сосуды для возлияний, статуи, стелы и храмовые рельефы.

Предметом исследования является культ цариц Птолемеев, его генезис, развитие, а также взаимодействие в рамках культа греческих и египетских традиций.

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить характерные черты и эволюцию культа цариц Птолемеев в период с рубежа IV в. до н.э. до конца II вв. до н.э.

Для достижения поставленной цели в диссертации решаются следующие **задачи**:

1) Реконструировать институциональную структуру культа: проанализировать происхождение культа цариц и жреческих титулов и характер их трансформации, а также степень смешения египетских и греческих религиозных форм культа.

2) Проанализировать роль публичных празднеств как способа распространения и закрепления культа цариц как в культовых центрах, так и в провинциях.

3) Проанализировать корпус памятников материальной культуры, относящихся к греческой традиции, с целью выявления форм визуального уподобления птолемеевских цариц греческим богиням.

4) Охарактеризовать поэтическую репрезентацию, участие в агонах и близкородственный брак как способы династической пропаганды, направленные на сакрализацию образа царицы.

5) Исследовать корпус памятников материальной культуры, относящихся к египетской изобразительной традиции, с целью выявления форм визуального уподобления птолемеевских цариц египетским богиням, в первую очередь – Исиде, культ которой распространялся в этот период в греко-македонской среде Египта.

6) Рассмотреть процесс заимствования божественных эпитетов египетских богинь и их отражение в титулатуре цариц.

Хронологические рамки работы ограничиваются периодом, в который укладываются становление и развитие культа цариц династии Птолемеев. Нижняя

хронологическая граница определяется 319–318 гг. до н.э., когда Птолемей I женился на Беренике I[1]. Несмотря на то, что развитие династического культа Птолемеев и культа цариц началось при Птолемее II, важные события, такие как участие Береники I в общегреческих соревнованиях[2] и составление первых произведений придворными поэтами[3], происходят до официального обожествления Птолемея I и Береники I их сыном[4].

Верхний хронологический предел определяется 101 г. до н.э., когда в результате заговора была убита царица Клеопатра III[5]. Выбор этой даты обусловлен несколькими причинами. В первую очередь, стоит отметить степень обозримости материала, в частности, относящегося к институту жречества цариц: датировочные формулы греческих и демотических папирусов, содержащие имена и жреческие должности, из-за громоздкости к концу II в. до н.э. стали записываться сокращенно[6]. Кроме того, необходимо принять во внимание фрагментарность памятников материальной культуры, которая прослеживается от Клеопатры III до начала правления Клеопатры VII[7], что связано с глубоким кризисом, в который

[1] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. London, New York, 2001. P. 24.

[2] Lloyd-Jones H., Parsons P. Supplementum Hellenisticum T. II. Berlin, 1983. P. 592–601.

[3] Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? P. 40.

[4] Brady T.A. The Reception of the Egyptian Cults by the Greeks (330–30 B.C.). Columbia, 1935. P. 18. Naoum D.-Ch. The Hellenisation of Isis and the spread of the cults. p. 105.

[5] Hölbl G. Op. cit. P. 210.

[6] Ibid. P. 288–289. Упоминался жрец Александра и богов Птолемеев и канефора Арсинои Филадельфы, прочие имена и должности не указывались, поэтому проследить развитие института жречества по данным этого источника не представляется возможным.

[7] Отсутствие данных о Клеопатре IV Филадельфе объясняется объективными обстоятельствами: ее мать, Клеопатра III принудила сына Птолемея IX в первый год его правления расторгнуть брак с Клеопатрой IV, видимо из-за ее сопротивления воле матери-царицы. Позже Клеопатра IV попала в плен к Антиоху VIII и была убита по приказу собственной сестры, жены Антиоха. См. Macurdy G.H. Hellenistic Queens… P. 163–165; Whitehorne J. Cleopatras. London, New York, 1994. P. 134–135. Клеопатра Селена I после расторжения брака сначала с Птолемеем IX, затем с Птолемеем X стала супругой Антиоха VIII и, соответственно, ей не был посвящен культ в Египте. Наиболее показательным является скудность свидетельств о культе Береники III, которая правила вместе со своим мужем-дядей Птолемеем X Александром на протяжении двенадцати лет после смерти своей бабки Клеопатры III в 101 г. до н.э. См. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. New York, 2007. P. 14.

птолемеевский Египет погрузился на рубеже I в. до н.э. Беспрерывная династическая борьба привела к стагнации культа цариц, когда их почитание стало ситуативным[1]. В то же время культ Клеопатры VII при всей его преемственности по отношению к предыдущей традиции представляет собой явление совершенно иного масштаба за пределами установленного исследовательского охвата и требует отдельного исследования. Вместе с тем, именно культ Клеопатры III подводит итог предшествующему развитию культа цариц и отождествление царицы и богини получает свое полное выражение; культы цариц вплоть до Клеопатры VII не привносят существенно новых черт. Поэтому верхняя хронологическая граница, совпадающая с концом правления Клеопатры III, представляется обоснованной.

Методологическая основа исследования обусловлена сочетанием общенаучных и специальных исторических методов, что позволяет осуществить комплексный анализ культа цариц династии Птолемеев. Исходным принципом выступает *принцип историзма*[2], требующий рассмотрения культа в его развитии –

Клеопатра V Трифена до сих пор остается загадочной фигурой среди цариц, даже ее происхождение не определено достоверно, а свидетельств культа не сохранилось. См. Llewellyn-Jones L. Cleopatra VI Tryphaina // The Encyclopedia of Ancient History. Vol. 3 / Eds. R.S. Bagnall et al. Hoboken, 2013. P. 1568. Аналогичным образом отсутствуют сведения об обожествлении Береники IV, которая правила самостоятельно в течение трех лет до возвращения ее отца Птолемея XII из римского изгнания и ее последующей казни. См. Macurdy G.H. Op. cit. P. 180–184.

[1] Показательно, что даже в наиболее полном и авторитетном обобщающем труде по династии Птолемеев на данный момент, монографии Г. Хёльбля (Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire), период от смерти Клеопатры III до правления Клеопатры VII характеризуется почти полным отсутствием данных о культе цариц: исследователь ограничивается перечислением греческих эпиклез (p. 222–223) и упоминает лишь один памятник – закрашенные после опалы рельефы Клеопатры VI Трифены, тогда как параграф «Береника IV (58–55) и возвращение Птолемея XII» (p. 227–229) de facto посвящен Птолемею XII, а царице. Показательно, что в обобщающем разделе «Религиозная культура и божественное царствование от Птолемея VI до Клеопатры VII» (p. 257–303) автор вынужден неоднократно переходить от свидетельств храмового строительства и рельефов времени соправления Клеопатры III сразу к данным эпохи Клеопатры VII, что наглядно подтверждает лакуну в источниках о культе цариц между этими двумя правлениями.

[2] Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Методы исторического исследования / Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград, 2014. С. 386–387.

от возникновения первых культов Береники I и Арсинои II до развитого культа Клеопатры III. Такой подход позволил избежать взгляда на культ цариц как на статичную систему и показать, что его отдельные аспекты со временем утрачивали значение, другие, напротив, выходили на первый план в зависимости от конкретных политических задач. Для реализации принципа историзма использовался *историко-генетический метод*, который ориентирован на раскрытие процесса возникновения, развития и видоизменения исследуемых институтов и практик[1]. В рамках нашего исследования генетический подход позволил проследить развитие институтов жречества и близкородственного брака.

Также несмотря на то, что эффективность *хронологического метода* оспаривается некоторыми исследователями из-за неравномерного распределения источников[2], хронологический метод сохраняет свою значимость для анализа эволюции культа цариц и позволяет выстроить четкую последовательность событий во времени. В частности, данный метод был использован для восстановления последовательности событий, приведших к изменениям в институте жречества Клеопатры I, а также политических обстоятельств, которые обусловили необходимость развития культа Клеопатры III.

Историко-системный метод, позволяющий рассматривать систему как совокупность взаимосвязанных элементов, применяется для анализа структуры культа и взаимодействия ее компонентов[3]. В данном исследовании под системой понимается культ цариц Птолемеев. В качестве подсистем выступают культы отдельных цариц. Среди элементов системы выделяются: институт эпонимных жриц, институт близкородственного брака, поэзия и победы в агонах, являющиеся средствами пропаганды образа цариц. В ходе исследования удалось проследить два типа развития системы[4]. Первый связан с видоизменением отдельных элементов, к

[1] Там же. С. 390–408.

[2] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens... P. 16.

[3] Мазур Л.Н. Методы исторического исследования: учебное пособие. Екатеринбург, 2010. С. 423–430; Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С. 156.

[4] Мазур Л.Н. Указ соч. С. 422.

примеру, ежегодная ротация жриц, свойственная для культов Арсинои II и Береники II, переходит в долгосрочное служение в рамках культов Арсинои III и Клеопатры I, после чего увеличивается само число учреждаемых жречеств. Второй тип развития системы связан с изменением общесистемных функций, когда созданный изначально для посмертного почитания цариц культ развивается в культ, учреждаемый прижизненно, как средство для укрепления претензий на власть. Этот вариант связан с перерождением системы в ее в новое качество.

Наряду с общеисторическими подходами в работе используются специальные методы, обусловленные природой источников. Среди них центральное место отведено иконографическому методу. *Иконографический метод* применяется в работе для анализа визуальных образов цариц и соотнесения с известными мифологическими и литературными сюжетами[1]. В основе метода лежит принцип, выработанный еще в античной археологии[2]: персонажи идентифицируются по устойчивым атрибутам, которые в совокупности позволяют определить круг божеств, с которыми сближался образ царицы. Особое внимание уделяется соотнесению иконографических программ[3] с поэтической традицией. При этом иконографический анализ в настоящем исследовании сознательно ограничен выявлением, описанием и систематизацией атрибутов и иконографических типов; вопросы генезиса символов и атрибутов, глубинной семантики и мировоззренческих структур, составляющие предмет иконологии, остаются за рамками работы.

---

[1] См. также Пожидаева А. В., Мкртчян Н. А., Сидоренко М. К., Спиридонова С. В., Суслова Е. А. Иконографический метод в терминах: опыт построения иконографического глоссария // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 1. С. 15–36.

[2] Основополагающим трудом можно считать работу И.И. Винкельмана. Винкельман И.И. История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подготовил И. Е. Бабанов. СПб., 2000.

[3] Иконографическая программа – это совокупность сюжетов и тем, характерных для определенной культурной традиции (например, античного искусства). См. Пожидаева А. В., Мкртчян Н. А., Сидоренко М. К., Спиридонова С. В., Суслова Е. А. Иконографический метод в терминах: опыт построения иконографического глоссария. С. 21. с опорой на труд А. Грабара: Grabar A. Christian Iconography: A Study of Its Origins. Princeton, 1968.

Дополнительную перспективу анализа открывает *имагологический подход*, который применяется для изучения формирования и трансляции образов цариц как «своих» или «чужих» для различных воспринимающих групп[1]. Имагология, понимаемая как дисциплина о законах создания, функционирования и интерпретации образов инородных объектов, в исторической плоскости позволяет исследовать существовавшие в прошлом стереотипы восприятия и их связь с политическим контекстом[2]. В рамках данной работы имагологический анализ используется, к примеру, для выявления способов создания образа царицы в эллинистической поэтической традиции, где ее уподобляли богиням или эпическим персонажам. В целом, сопоставление изобразительных образов царицы в рамках греческой и египетской традиций позволяет увидеть, что царица выступала как «свой» персонаж для каждой из двух аудиторий, но в разном смысловом наполнении: для греков – как носительница эллинских добродетелей и божественного благоволения, для египтян – как сопровождающая царя носительница сакральных функций. Источниковая база имагологического анализа включает как письменные источники, так и изобразительные, что позволяет рассматривать образ царицы в единстве вербальных и визуальных средств репрезентации. Применение имагологического подхода не заменяет традиционный иконографический анализ, но дополняет его, акцентируя способы восприятия образа разными социальными и этнокультурными группами.

Особое значение имеет *«принцип контекстов»* к изучению иконографического материала, учитывающий природу его носителя. Данный принцип, сформулированный Н. Элкинсом[3] применительно, например, к античной

---

[1] Промыслов Н. В. Имагология. Представления народов друг о друге. Учебно-методическое пособие. М., 2022. С. 3–5. Также см. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов. СПб., 2010.

[2] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. С.122–123.

[3] Elkins N. Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / Eds. H.-M. von Kaenel, F. Kemmers. Mainz am Rhein, 2009. P. 25–46.

нумизматике, предполагает рассмотрение памятников царской иконографии, прежде всего монет, в качестве объектов двойного функционального назначения. Эти артефакты, выполняя экономические функции, одновременно служили носителями официальных изображений, поэтому их анализ требует учета различных контекстов: экономического, идеологического и культурного.

В отличие от перечисленных методов, географический подход был исключен в связи со случайным характером распределения источников: папирусы происходят преимущественно из Среднего Египта, вещественные памятники неравномерно представлены в дельте Нила и Верхнем Египте, территориальное происхождение многих из них остается неуточненным. Таким образом, методологический аппарат исследования сочетает общенаучные и специальные методы, что обеспечивает многоплановый анализ источников и позволяет достичь поставленных целей.

Источниковая база исследования включает в себя различные памятники официального происхождения периода правления Птолемеев.

В исследовании были использованы письменные источники для изучения политической истории, которая необходима для понимания развития культа цариц, большое значение имеет греческая литературная традиция. События политической истории царства Птолемеев переданы в трудах Диодора Сицилийского «Историческая библиотека», эпитоме сочинения Помпея Трога «Филиппика», переданного в работе Юстина, Полибия «История», Афинея «Пир мудрецов», у Страбона и Плутарха. Однако при изучении данных произведений необходимо учитывать ряд особенностей: неравномерное освещение событий истории птолемеевского Египта, а также хронологическую асинхронность сочинений и описываемых в них событий. Тем не менее реконструкция истории развития культа цариц невозможна без использования данных письменной традиции, которые дополняют иконографический материал.

Для исследования династической идеологии и самовосприятия Птолемеев большое значение имеют произведения придворных поэтов: Каллимаха[1], Феокрита[2] и Посидиппа[3], где сообщается о божественном происхождении династии. Поэты формируют новую мифологию для правящей династии, опирающуюся на греческие религиозные традиции. В данных произведениях находят отражение основные установки династической идеологии, в отношении цариц Птолемеев.

Отдельно необходимо отметить корпус демотических и греческих папирусов. Папирусы содержат ключевые данные о жречестве цариц Птолемеев, его возникновении и развитии. Кроме того, ряд папирусов, в основном происходящих из архива Зенона[4], являются важным источником для изучения празднеств в честь представителей правящей династии. Важные хозяйственные и административные детали могут указать на проведение различных церемоний, масштаб и характер того или иного праздника, что важно для понимания организации культа цариц.

Кроме того, были привлечены памятники материальной культуры. В целом, стоит отметить, что изучение культов, посвященных членам правящих домов в эллинистический период, значительно продвинулось за последние десятилетия благодаря значительному увеличению опубликованных источников, а также обновлению теоретических подходов[5]. До нас дошло множество изображений царственных женщин, относящихся как к греческой, так и к египетской традиции

[1] Pfeiffer R. Callimachus I: Fragmenta. Oxford, 1949. P. 218–220.

[2] Gow A.S.F. Theocritus II: Commentary, Appendix, Indexes, and Plates. Cambridge, 1950. P. 293–294, 333; Hunter R. Theocritus, Encomium of Ptolemy Philadephos. Text and translation with introduction and commentary. Los Angeles, 2003. P. 126–128.

[3] Gutzwiller K. The New Posidippus. A Hellenistic Poetry Book. Oxford, 2005.

[4] Edgar C.C. Selected Papyri from the Archives of Zenon. 1920.

[5] Caneva S. Ruler cults in practice: Sacrifices and libations for Arsinoe Philadelphos, from Alexandria and beyond // Divinizzazione, culto del sovrano e apoteosi Tra Antichità e Medioevo / Eds. T. Gnoli, F. Muccioli. Bologna, 2014. P. 85.

[1]. Царицы эпохи Птолемеев часто появлялись на рельефах египетских храмов, где сопровождающие иероглифические надписи дают представление об их титулах и эпитетах[2]. Однако необходимо принять во внимание, что исторические данные неоднородно рассредоточены по трем столетиям эпохи правления Птолемеев, и здесь, как и в других исследованиях древнего мира, порой приходится обобщать и делать выводы, основываясь на нескольких источниках[3]. При этом необходимо признать, что прямые исторические свидетельства, касающиеся обожествления цариц династии Птолемеев, скудны, в то время как объем соответствующей археологической информации сравнительно велик[4]. Археологических свидетельств распространения династического культа в египетских храмах больше, чем в греческих святилищах, в основном из-за местной традиции украшать стены храмов изображениями правителей[5]. Собственно, в исследовании было использовано пять групп памятников материальной культуры, содержащих изображения цариц. Всего было проанализировано более ста сорока единиц. Материал в соответствующих параграфах 2.1 и 3.1 систематизирован по формальному принципу: от памятников с рельефными изображениями (монеты, ойнохои; рельефы, стелы), к круглой скульптуре.

Первая группа включает сорок монет с изображениями цариц Птолемеев, либо с упоминанием их имен. Исследованы отдельные монеты, отчеканенные как

[1] Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 122; Smith R.R.R. Hellenistic royal portraits. Oxford, New York, 1988. P. 14; Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult; Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the interaction between Greek and Egyptian traditions. Oxford, 2001.

[2] Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen’s Power or King’s Will? P. 39.

[3] Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 12. Особенно это касается Береники I и Клеопатры I.

[4] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 71.

[5] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 123.

в Александрии[1], так и в Кирене[2], Тире[3], на Родосе[4], Косе[5], Кипре[6], Сидоне[7], Пафосе[8]. На золотых и серебряных номиналах царицы изображены либо за царем, либо в одиночку, на реверсе сохраняются либо рог изобилия, либо орел, как символ птолемеевской монархии. Медные номиналы могут отличатся изображением на реверсе, уточняющим культовую роль царицы для полиса-эмитента[9]. Монеты эллинистического периода выступают комплексным историческим источником, объединяющим элементы духовной, материальной и политической культуры. Их двойственная функция проявляется в выполнении базовой экономической роли средства обращения и накопления и в передаче идеологической информации. Художественное исполнение античных монет отличается высокой семантической насыщенностью[10]. Изображения на лицевой и оборотной сторонах формируют единую композицию с характерными атрибутами. Для эллинистической традиции характерна устойчивая иконографическая схема: на лицевой стороне, как правило, изображался правитель, в то время как оборотная сторона предназначалась для сцен, подчеркивающих божественное покровительство власти, военные достижения или династическую символику[11]. Монеты функционировали не только как экономическое средство[12], но и как средство визуальной коммуникации,

[1] Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. London, 1883. P. 40; Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. London, 2001. P. 68.
[2] Kahrstedt U. Fraue auf antiken Münzen // Klio. 1910. Vol. 10. S. 261–314.
[3] Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 69.
[4] Head B.V. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes. London, 1897. P. 251.
[5] Stephanake V.E. Κώς. Athens, 2012. P. 14.
[6] Whitehorne J. Cleopatras. P. 106; Poole R.S. Op. cit. P. 105.
[7] Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. Athens, 1904. Pl. 1030.
[8] Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda // Journal of the American Research Center in Egypt. 2009. Vol. 45. P. 362.
[9] Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes &c. P. 251; Cheshire W. Op. cit. P. 362; Poole R.S. Op. cit. P. 105.
[10] Smith R.R.R. Hellenistic royal portraits. P. 196.
[11] Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander to the Peace of. Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 2003. P. 30.
[12] Noreña C. Coins and Communication // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World / Ed. M. Peachin. Oxford, 2011. P. 248–268.

распространяя символику династии[1]. Особое значение монеты Птолемеев имеют для исследования способов репрезентации власти, в которых символика и атрибутика обладали первостепенной важностью. Монеты нередко содержат единственные дошедшие до нас образы правительниц с атрибутами, заимствованными у греческих и египетских богинь.

Вторая группа источников представляет собой тип сосудов для возлияний – ойнохои, использовавшиеся в ритуалах в честь цариц. По материалу, декору и иконографии эти птолемеевские сосуды составляют единый комплекс, созданный в ограниченный хронологический период – преимущественно в III в. до н.э.[2]. Подавляющее большинство фрагментов фаянсовых ойнохой происходит из Александрии, причем многие были найдены при раскопках некрополей Шатби, Хадра и Ком эш-Шукафа в начале XX в.[3]. Отдельные артефакты были найдены и в зонах жилой застройки в Александрии[4]. Ряд фрагментов происходит из Нижнего Египта: Бубастиса, Канопа, Навкратиса и Мемфиса[5]. Статистика географического

---

[1] De Callatay F., Lorber C.C. The pattern of royal epithets on Hellenistic coinages // More than men, less than gods: studies on royal cult and imperial worship: proceedings of the international colloquium organized by the Belgian School at Athens (November 1–2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski. C.C. Lorber. Leuven, 2011. P. 418.

[2] Томпсон датирует сосуды с периода правления Арсинои II (275 до н.э.) по конец правления Клеопатры I (176 до н.э.). См. Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 21–22, 46–48, 78–101. Эштон сужает хронологические рамки до правления Птолемея IV (205 до н.э.). См. Ashton S.-A. Faience and the Ptolemaic Royal Cult: Further fragments and thoughts // Faraoni come dei. Tolemei come faraoni. Atti del V Congresso Internazionale Italo-Egiziano / Ed. N. Bonacasa. Turin, Palermo, 2003. P. 334–339. Ван Оппен наоборот считает, что сосуды могли изготавливаться вплоть до правления Клеопатры II. См. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens... P. 112.

[3] Thompson D.B. Op. cit. P. 125–198; Nenna M.D., Seif El-Din M. La vaisselle en faïence du musée gréco-romain d'Alexandrie // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1993. Vol. 117. No. 2. P. 396–399.

[4] Empereur J.Y. Alexandrie (Égypte) // Bulletin de correspondance hellénique. 1997. Vol. 121. P. 841–842 ; Nenna M.D. Vaisselle en faïence, en métal, en verre et en céramique: filiations et imitations dans l'Égypte ptolémaïque // Cérmaiques hellénistiques et romaines: productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne) / Eds. F. Blondé, P. Ballet, J.F. Salles. Lyon, 2002. P. 323.

[5] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 146.

распространения находок демонстрирует следующую картину: около 90% экземпляров происходят из Александрии и ее окрестностей, 5% – из хоры, т.е. с территории остального Египта, и еще 5% обнаружены за его пределами, в Коринфе, Афинах. Подобное распределение подтверждает, что данные сосуды являлись характерным элементом культа правителей, получившим максимальное распространение именно в Александрии[1]. С учетом устойчивой типологии данных сосудов для диссертационного исследования было отобрано четыре наиболее значимых экземпляра[2].

Третья группа источников представляет собой статуи, изображающие цариц. Было рассмотрено тридцать три статуи, от мелкой пластики, до бюстов и статуй в полный рост. Всего можно выделить две категории статуй:

1) Статуи, выполненные в греческой изобразительной традиции, собранные Г. Кириелейсом[3]; В исследовании использовано восемнадцать подобных статуй[4];

2) Статуи, выполненные в египетской изобразительной традиции. К ним относятся:

а) статуи с одной ногой, выставленной вперед, с опорным столбом сзади. В исследовании использовано восемь подобных статуй[5];

б) статуи, выполненные в египетской изобразительной традиции, но с эллинистическими прическами или одеянием. В исследовании использовано семь подобных статуй[6];

Несмотря на сложные вопросы атрибуции отдельных статуй, данный источник является одним из ключевых для понимания характера культа цариц и

[1] Caneva S. Ruler cults in practice... P. 104.

[2] Для понимания того, какую роль выполняли ойнохои в контексте культа цариц, было достаточно рассмотреть четыре образца, так как эти сосуды представляют собой стандартизированный тип. За исключением одного, рассмотренного в §1.1.2, все сосуды воспроизводят один и тот же формат изображения и надписей.

[3] Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. Berlin: Mann, 1975.

[4] Приложение № 7.1–18.

[5] Приложение № 9.19–26.

[6] Приложение № 9.27–33.

его репрезентации в городах и храмах Египта. Сопоставление археологических, эпиграфических и литературных источников позволило установить, что масштабные царские изображения происходят из египетских храмов или крупных городов. В первом случае преобладали статуи, выполненные в египетской изобразительной традиции, тогда как в городской среде помещались статуи, выполненные в греческой традиции, связанные с общественными и культовыми пространствами – храмами, театрами и монументальными постройками. Таким образом, выбор изобразительной традиции и места установки отражал культурную среду, для которой предназначалась статуя, и обеспечивал ее функциональную значимость. Функции статуй выходили за рамки чисто декоративных: они служили важным средством политико-религиозной коммуникации между царем и населением Египта. Статуи служили визуальным воплощением идей божественной природы власти и династической преемственности (например, группы статуй, включающие царя, царицу и их детей). При этом заказчиками и инициаторами их установки могли выступать не только цари, но и представители жречества, местной элиты и общины, что свидетельствует о широкой вовлеченности различных слоев общества в диалог с правящей династией. В исследовании было показано, что птолемеевские правители сознательно опирались на египетские формы и традиции, стремясь подчеркнуть свое место в линии правителей Египта и укрепить легитимность. Вместе с тем для греческой аудитории Птолемеи представали фигурами, близкими к идеализированным эпическим героям. При этом исследователи фиксируют появление новых форм и элементов, которые можно уже назвать собственно эллинистическими, например, прическу в виде локонов и платье с узлом Исиды[1].

В *четвертую группу* источников вошли шестнадцать стел с изображением цариц Птолемеев из собраний Египетского музея в Каире, Морского музея Кайтбея в Александрии, ГМИИ им. А.С. Пушкина, Британского музея, Королевского музея

[1] См. подробнее об этом С. 210–213.

Онтарио, Королевского музея искусств и истории в Брюсселе, Шаркейского национального музея. Эти памятники создавались на протяжении всей династии – как для официальных целей, связанных с царскими постановлениями и храмовыми церемониями, так и для частных религиозных практик. Стелы сочетали текст и изображение, фиксируя ключевые аспекты царского культа: участие царицы в обрядах, ее божественный статус и ассоциации с египетскими богинями. Даже без надписей, по типу короны, позе, атрибутам и месту в композиции можно определить, как подавался образ царицы. Наиболее ранние стелы, такие как памятник из ГМИИ им. Пушкина (270 г. до н.э.)[1] и Пифомская стела (264 г. до н.э.)[2], демонстрируют формирование образа Арсинои II как обожествленной супруги и богини, отождествляемой с Исидой. Большая[3] и Малая стелы Мендеса[4] (265–264 гг. до н.э.) фиксируют учреждение ее культа и титула «богини, разделяющей храмы», что свидетельствует о включении Арсинои II в пантеон египетских

[1] Приложение № 8.1. Стела инв. № 5375: Hodjash S., Berlev O. The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin museum of fine arts. Moscow, Leningrad, 1982. P. 184–186.

[2] Приложение № 8.2. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22183 / JE 37547: Urk. II. 81–105. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville // Sphinx. 1904. Vol. 8. P. 223–236; Naville E. La stèle de Pithom // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1902. Bd. 40. No. 1. P. 66–75; Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele // The Journal of Juristic Papyrology. 1990. Vol. 20. P. 157–167.

[3] Приложение № 8.3. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22181: Urk. II. 28–54; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes // Das ptolemäische Ägypten: Akten d. internat. Symposions, 27–29. September 1976 in Berlin / Eds. H. Maehler, V. M. Strocka. Mainz am Rhein: von Zabern, 1978. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe // Le culte du souverain dans l'Egypte ptolémaïque / Ed. H. Melaerts. Louvain: Peeters, 1998. P. 73–108, no. 6; Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181) // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 2007. Bd. 134. P. 64–65.

[4] Приложение № 8.4. Национальный музей Шаркея в Херритат-Разнах, инв. № H 854: Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1970. Vol. 69. P. 191–217. no. 13; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. Wärmster, 1976. P. 176–177; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. no. 15.

божеств. На стелах из Королевского музея Онтарио[1] и Брюсселя[2] заметны черты греческого влияния в позах и деталях, но сохраняются элементы египетской изобразительной традиции. Стела из Ком эль-Хисн[3] иллюстрирует идею династической преемственности – здесь Береника II изображена рядом с обожествленными предками, включая Арсиною II и Беренику I. Дальнейшая эволюция образа цариц прослеживается на стеле из Таниса (222–204 гг. до н.э.)[4] и Мемфисской стеле с текстом Рафийского декрета (217 г. до н.э.)[5], где Арсиноя III представлена в военном контексте, сопровождая царя-всадника. Две копии Мемфисского декрета[6] из Египетского музея в Каире (ок. 182 г. до н.э.) изображают

[1] Приложение № 8.5. Инв. № 979.63: Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. Mainz am Rheine, 1988. P. 44, 46; Quaegebeur J. Egyptian clergy and the Ptolemaic cult. P. 112; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 73.

[2] Приложение № 8.6. Инв. № E. 8387: Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Cheshire W. Zur Deutung eines Szepters der Arsinoe II Philadelphos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1982. Bd. 48. S. 109.

[3] Приложение № 8.7. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22186 / JE 37548: Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty // Ancient Society. 1989. Vol. 20. P. 96; Quaegebeur J. Reines Ptolemaiques et traditions egyptiennes. P. 254, 257; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 2005. Bd. 51. S. 135.

[4] Приложение № 8.8. Британский музей, инв. № EA1054: Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. No. 15; PM. IV. 24; Coutts H. Gold of the Pharaohs: Catalogue of the Exhibition of Treasures from Tanis. Edinburgh, 1988. P. 91; Myśliwiec K. Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX. Mainz am Rhein, 1988. P. 85.

[5] Приложение № 8.9. Египетский музей в Каире, инв. № CG 31088/JE 35635: Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166. Die demotischen Denkmäler I Die demotischen Inschriften. Leipzig, 1904. P. 15–16; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 22001–22208. Le Caire, 1905. S. 218–219. Также приложение № 8.10. Египетский музей, инв. № CG 50048: Gauthier H. Un nouveau décret trilingue ptolémaïque // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1923. P. 376–383; Gauthier H., Sottas H. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV. Le Caire, 1925.

[6] Приложение № 8.13. Египетский музей в Каире, инв. № RT 2/3/25/7: Leclère Fr. Les villes de Basse Égypte au Ier millénaire av. J.-C.: analyse archéologique et historique de la topographie urbaine. Vol. I. Le Caire, 2008. P. 132. Также приложение № 8.12. Египетский музей в Каире, инв. № JE 44901: Daressy G. Un second exemplaire du décret de l'an 23 de Ptolémée Épiphane // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1916–1917. Vol. 38. P. 175–179.

Клеопатру I в сходной с Арсиноей III позе позади Птолемея V, что символизирует единство царской четы. Стела из Эль-Нибейры (т.н. «Надпись из Даманхура»)[1] повторяет этот мотив, при этом на стеле изображен целый ряд обожествленных предков династии. От более позднего периода дошли стелы, на которых Клеопатра II и Клеопатра III (стела из Британского музея[2] и стела из Гераклейона[3] 118–116 гг. до н.э.), изображены совместно с Птолемеем VIII в симметричных позах. Завершает ряд стела из Асуана (115 г. до н.э.)[4], фиксирующая культовую деятельность Птолемея IX и Клеопатры III. В совокупности шестнадцать стел представляют хронологическую линию развития образа птолемеевской царицы – от Арсинои II до Клеопатры III.

В *пятую группу* источников включены пятьдесят храмовых рельефов, на которых царицы изображены вместе с царями в сценах подношения жертв богам, в сценах получения лет правления от богов или же в сценах с участием божественных предков Птолемеев. Одежда, парики и атрибуты цариц заимствованы у изображений египетских богинь и служат для обозначения сакрального статуса. Большая часть рельефов происходит из крупных храмовых комплексов Верхнего Египта – прежде всего из Эдфу, о. Филе, из Карнака, а также из Ком-Омбо, Дейр эль-Медины, Эль-Каба, Эль-Тода и отдельных маммиси при главных храмах; рельефы встречаются как на фасадах и вратах, так и на внутренних

[1] Приложение № 8.11. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22188: Daressy G. Un décret de l'an 23 de Ptolémée Épiphane // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1911. Vol. 33. P. 1–8; Kamal A. Op. cit. P. 183–187, Pl. 62–63; Sethe K. Zur Geschichte und Erklärung der Rosettana. Göttingen, 1916, P. 284–297; Daumas F. Les moyens d'expression du grec et de l'égyptien: comparés dans les décrets de Canope et de Memphis. Le Caire, 1952. S. 6–7; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 101.

[2] Приложение № 8.14. Инв. № EA612: Budge W. A Guide to the Egyptian Galleries (Sculpture). London, 1909. P. 260, No. 961.

[3] Приложение № 8.15. Морской музей Кайтбей в Александрии, инв. № SCA 529: Thiers C. La stèle de Ptolémée VIII Evergète II à Héracléion. Oxford, 2009.

[4] Приложение № 8.16. Британский музей инв. № EA1020: Parkinson R. Cracking Codes: The Rosetta Stone and Decipherment. Los Angeles, 1999. P. 27.

стенах наоса, в пронаосах, помещениях-*уабет* и гипостильных залах, а также на колоннах и архитравах.

Рельефы показывают постепенную трансформацию образа цариц: от преимущественно сопровождающих фигур, например, Береники I и Береники II, держащих систр, цветы или знак-анх, к более заметным и в ряде случаев самостоятельным участницам ритуала, совершающим жертвоприношения. Эта трансформация не была тотальной – часто царь сохраняет ведущую роль в сцене или в тексте, сопровождающем ее, – но по мере изменения исторических обстоятельств (особенно с сер. II в. до н.э.) изображения цариц начинают подчеркивать их религиозную и политическую значимость сильнее, чем ранее. Помимо иконографических данных, источники из четвертой и пятой групп дали богатый материал для исследования титулатуры цариц, содержащей заимствованные эпитеты египетских богинь, что существенно расширяет понимание того, с какими богинями ассоциировались царицы и какие культовые роли связывали цариц и богинь.

Весь комплекс использованных источников позволяет с разных сторон изучить вопросы возникновения и развития культа цариц, а также проследить, через какие формы осуществлялось развитие культа, какие из них оказались наиболее устойчивы, а какие перестали употребляться при поздних царицах.

Степень изученности проблемы наглядно демонстрирует ключевые тенденции в области изучения культа цариц. Эволюция научного интереса к этой теме прослеживается на протяжении более чем столетия, однако в отечественной науке царицам династии Птолемеев было посвящено немного работ, в сравнении с зарубежными исследованиями. Отечественные исследовали XX в. сконцентрировали внимание на социально-экономической истории птолемеевского

Египта[1]: земельных отношениях[2], экономическом взаимодействии греков и египтян в районах Файюма и Дельты[3]. Только с 2000-х гг. в работах исследователей стала превалировать тема культа Птолемеев. Например, И.А. Ладынин изучал вопросы династического культа[4] и идеологии Птолемеев[5]. В работах И.А. Ладынин отмечает, что Птолемеи проводили двойственную политику легитимации: для греко-македонских подданных они позиционировали себя как преемников Александра Великого, а для египтян должны были демонстрировать, что продолжают исполнять сакральную роль фараонов, ответственных за поддержание миропорядка через ритуалы. Ключевой предпосылкой этого стало египетское восстание при Птолемее III, который начал активно поддерживать местные культы и храмовое строительство, пытаясь создать единый династический культ для обеих общин. Это в том числе привело к разделению греко-македонского и египетского царских культов, каждый из которых стал обращен к своей аудитории. Также изучением царского культа царей-Птолемеев занимается М.С. Апенко. В фокусе его внимания оказываются как отдельные практики[6], которые способствовали укреплению

[1] Пикус Н.Н. Переломный период в истории эллинистического Египта (конец III в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1951. № 1. С. 53–64;

[2] Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до нашей эры. М., 1960; Пикус Н.Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н.э. М.: Изд-во МГУ, 1972.

[3] Литвиненко Ю.Н. Греческие колонисты и тайны египетского земледелия (по данным папирусов Зенона) // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 119–124; Литвиненко Ю.Н. О «колониальном» сельском хозяйстве в птолемеевском Египте // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 17–28.

[4] Ладынин И.А. Древнеегипетские концепции сакральности царской власти в I до н.э. С. 136–173; Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. С. 265–312.

[5] Ладынин И.А. «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV–III вв. до н.э // Петербургские египтологические чтения 2009–2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С.Четверухина. Доклады / Отв. Ред. А. О. Большаков. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 139–169; Ладынин И.А. Чужеземные цари: образ власти в древнеегипетских памятниках греко-римского времени // Цивилизации классического Востока в памятниках собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина / Ред. И.А. Ладынин, О.А. Васильева, А.А. Немировский. М.; СПб: РХГА, 2021. С. 69–97.

[6] Апенко М.С. Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев // Проблемы истории, философии, культуры. 2024. № 2. С. 219–237.

династического культа в египетской среде, так и вопросы институализации культа[1]. Кроме того, отдельное исследование М.С. Апенко посвящено культу Арсинои Филадельфы и причинам его возникновения[2]. В работе он обращает внимание на важные исторические предпосылки возникновения культа, которые способствовали его распространению в египетской среде. Особого упоминания заслуживают труды М.В. Панова по изданию египетских текстов эпохи Птолемеев[3]. В них опубликованы все известные синодальные декреты, каждый из них переведен автором и сопровождается комментарием и очерком истории изучения. Результатом данной работы стало значительное расширение источниковой базы для исследователей, работающих с материалом периода Птолемеев. В целом приходится констатировать, что в отечественной историографии по отношению к теме истории птолемеевского Египта и развития династического культа царей Птолемеев вопрос культа цариц остается второстепенным.

В зарубежной историографии данная тема изучена более основательно. На раннем этапе, в конце XIX – 50-х гг. XX века, исследования о царицах Птолемеев носили биографический характер, а работы, посвященные непосредственно их культу, оставались единичными. Так, Дж.П. Махаффи – представитель ранней, нарративной историографии конца XIX в., – сосредоточил внимание на политических сюжетах, связанных с царицами[4]. Его изложение живое, яркое, но опирается на ограниченный корпус источников и не содержит системного анализа культа цариц. Уделяя много внимания Арсиное II, он почти не говорит о Беренике II, Арсиное III. Констатируя существование культов, храмов и жречеств цариц,

[1] Апенко М.С. Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев. С. 43–53; Апенко М.С. Царская власть и локальные элиты в эллинистическом Египта III в. до н.э.: проблемы взаимодействия: дис … к.и.н. М., 2024.

[2] Апенко М.С. Культ Арсинои II Филадельфы: причины распространения в египетской среде. С. 32–43.

[3] Панов М.В. Документы по истории государства Птолемеев. Новосибирск, 2022.

[4] Mahaffy J. P. A History of Egypt Under the Ptolemaic Dynasty. London, 1899.

исследователь не проводит концептуального осмысления культа как религиозно-политического института.

В 1932 г. был опубликован труд Г.Х. Макурди, посвященный царицам эллинистического времени, в нем царицам династии Птолемеев уделена целая глава[1]. Работа Г.Х. Макурди представляет собой фундаментальное, но в значительной степени нарративное исследование, в котором последовательно рассмотрены исторические портреты цариц от Береники I до Клеопатры VII. Главным недостатком монографии также является отсутствие системного анализа. Автор не ставит задач по исследованию символики обожествления, практически не учитывает египетские источники о культе цариц. Остаются нераскрытыми политические функции культов как средств легитимации династической власти. Таким образом, несмотря на неоспоримую ценность работы Макурди как первую систематизацию данных о птолемеевских царицах, исследование требует существенного дополнения.

Книга У. Отто и Г. Бенгтсона вносит значительный вклад в изучение культов цариц Птолемеев, детально показывая, как культовая репрезентация была непосредственным средством в политической борьбе за власть между Клеопатрой II и Клеопатрой III[2]. Основное внимание в работе уделяется политическим событиям, в частности восстаниям в Египте, междоусобному конфликту между Клеопатрой II и Птолемеем VIII, однако важную роль в этот период сыграло жречество и культ цариц, на который опиралась Клеопатра III.

В 50-е гг. XX в. появляются первые специализированные исследования, например, статья Ж. Тондрио о царских культах[3] или работа Д.Б. Томпсон о

[1] Macurdy G.H. Hellenistic Queens... В работе далее будет использовано более современное переиздание работы Macurdy G. H. Hellenistic queens: a study of woman-power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Westport, 1975.

[2] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. Впервые опубликована в 1938 г.

[3] Tondriau J. Esquisse de l'histoire des cultes royaux ptolémaïques // Revue de l'histoire des religions. 1950. T. 137. No. 2. P. 207–235;

портрете Арсинои II[1], которые можно считать предвестниками будущего всплеска интереса к данной теме. Главный вывод Ж. Тондрио состоит в том, что культ цариц, оформленный при Птолемее II, играл роль первостепенной важности и служил опорой для власти цариц, что особенно заметно во времена Клеопатры III и Клеопатры VII[2]. Д.Б. Томпсон детально исследует культ Арсинои II в ходе изучения небольшой базальтовой головы, созданной вскоре после смерти царицы в 270–268 г. до н.э.[3]. Этот портрет является единственным сохранившимся образцом, кроме монет, изображающим Арсиною II с рогом овна, что свидетельствует о взаимосвязи с культом египетского бога Мендеса[4].

В 70–80-е гг. XX в. интерес к истории Египта в период правления Птолемеев возрос. Работы П.М. Фрезера[5], У. Отто и Г. Бенгстона[6] и Е.Р. Бевана[7] по общей истории династии частично затрагивали вопросы культа цариц. Существенный вклад в развитие темы не только династического культа Птолемеев, но также и культа цариц, в частности, внес П.М. Фрезер, посвятив целую главу религиозной жизни в Александрии[8]. П.М. Фрезер исследует механизмы функционирования династического культа, эволюцию жреческих должностей, а также отождествление цариц с греческими и египетскими божествами, в первую очередь с Афродитой и Исидой. Отдельно указывается на различия между централизованным династическим культом, куда включались царицы как супруги правящих царей,

---

[1] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos // American Journal of Archaeology. 1955. Vol. 59. No. 3. P. 199–206.

[2] Tondriau J. Op cit. P. 220.

[3] Thompson D.B. Op cit. P. 199.

[4] Ibid. P. 202.

[5] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I.

[6] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. Munich, 1978.

[7] Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. Chicago, 1985. Несмотря на то, что работа Бевана носит фундаментальный характер, и ее необходимо упомянуть в контексте обзора историографии, многие ее положения устарели, и в ходе исследования в основном использовался труд Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt, 1994, переведенный в 2001 году на английский язык.

[8] Fraser P.M. Op cit. P. 189–304.

например, боги Сотеры, боги Эпифаны и др. и отдельными, индивидуальными культами цариц, такими как культ Арсинои Филадельфы[1].

Специализированные работы, опубликованные в 70–80-е гг. XX в. кардинально изменили направление исследований. Центральной фигурой этого десятилетия стал Я. Квегебер, чьи статьи[2] заложили методологический фундамент для изучения культа цариц. Он систематически вводил в научный оборот египетские источники, например, демотические тексты, храмовые рельефы, доказав, что понимание идеологии Птолемеев невозможно без синтеза греческих и египетских свидетельств, и занимался в основном культом Арсинои II, которую считал единственной царицей Птолемеев, по-настоящему почитаемой в египетской среде[3]. В 1971 г. в двух статьях им было рассмотрено около шестидесяти четырех документов: эпиграфика, иероглифы и демотические тексты, имеющие отношение к почитанию Арсинои Филадельфы[4]. Параллельно публикуются основополагающие труды, фокусирующиеся на культовых практиках, как например монографии Д.Б. Томпсон[5], Л. Трой[6] и трехтомник Ф. Дюнан[7]. Именно в это время тема царского культа и женского правления оформляется в

[1] Ibid. P. 216–217, 226.

[2] Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée; Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis // Journal of Near Eastern Studies. 1971. Vol. 30. P. 239–270; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes; Quaegebeur J. Arsinoé Philadelphe, reine, 'roi' et déesse, à Hildesheim; Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens // Cleopatra’s Egypt. Age of the Ptolemies / Eds. R. S. Bianchi et al. Brooklyn, 1988. P. 41–54; Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe.

[3] Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. В 1998 г. Я. Квегебер каталогизировал девяносто два источника, включая статуи и фрагменты, изображающие Арсиною II, царские стелы, храмовые рельефы и различные документы, связанные с Арсиноей II. Quaegebeur J. Documents Egyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoe philadelphe.

[4] Quaegebeur J. Ptolemee II en adoration devant Arsinoe II divinesee; Quaegebeur J. Documents concerning a Cult of Arsinoe' Philadelphos at Memphis.

[5] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult.

[6] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. Uppsala, Stockholm, 1986.

[7] Dunand F. Le culte d' Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Vol. I-III. Leiden: Brill, 1973.

самостоятельное направление науки. Д.Б. Томпсон подробно анализирует уникальный материал – фаянсовые ойнохои и связанные с ними портреты, которые напрямую соотносятся с царским культом. Автор изучает типологию, хронологию и назначение этих предметов, чтобы прояснить ритуальную практику, связанную с данным источником, и связь цариц с богинями Агатой Тюхе и Исидой[1]. Л. Трой анализирует титулатуру цариц, чтобы показать, как в период правления Птолемеев продолжали использоваться основные мифологические концепции, установленные в более ранние эпохи[2]. Изучение титулов помогает проследить преемственность ритуальной роли цариц, которая была неотъемлемой частью идеологии царской власти[3]. В свою очередь, работа Ф. Дюнан показывает, как ассоциация цариц с Исидой служила ключевым средством для легитимации власти, например, предоставляя божественное обоснование кровосмесительным бракам[4].

Наблюдение за динамикой тем по десятилетиям выявляет дальнейшие этапы исследований. С 1990-х по 2000-е годы наметилась тенденция к углубленной специализации работ: монографии С.Б. Померой[5], Э.Д. Карни[6], С.-А. Эштон[7] и Дж. Уайтхорн[8] о птолемеевских и других эллинистических царицах задали стандарты в области гендерной истории, но при этом носят нарративный характер, воссоздавая исторический портрет цариц на основе предыдущих исследований. Появляются основополагающие монографии Г. Хёльбла и Р.А. Хаззарда о Египте времен Птолемеев, собравшие воедино все новейшие результаты исследований[9]. Знаковую

[1] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 50–51.
[2] Troy L. Op. cit. P. 53.
[3] Ibid. P. 140.
[4] Dunand F. Op. cit. P. 35.
[5] Pomeroy S. B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. Также под редакцией Померой: Women in the classical world Image and Text / Eds. by E. Fantham, S.B. Pomeroy, H.A. Shapiro. Oxford, 1994.
[6] Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman, 2000.
[7] Ashton S.-A. The last queens of Egypt.
[8] Whitehorne J. Cleopatras.
[9] Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches…; Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000.

диссертацию, посвященную отождествлению цариц Птолемеев с богинями, защищает Ф. ван Оппен де Рюйтер[1]. Особенно показателен всплеск интереса к династическому инцесту в середине 2000-х, когда серия статей Ш. Агер сделала эту тему центральной для дискуссий о династической идеологии и легитимности[2], а М. Минас-Нерпель выпустила серию исследований посвященных храмовой иконографии цариц, особенно Клеопатры II и Клеопатры III, которым до этого уделялось недостаточно внимания[3]. Ее центральная идея заключается в том, что, несмотря на значительный рост личного политического влияния птолемеевских цариц, на рельефах египетских храмов они неизменно изображались как соправительницы, а не как самостоятельные правительницы. Были выявлены ключевые закономерности, такие как стратегия декорирования входов в нестабильные периоды и, главное, принцип правой и левой стороны, согласно которому Клеопатра II, как старшая жена, всегда изображалась справа от культовой оси храма, что символически закрепляло ее приоритет[4]. Исследования, заложившие современное понимание культа Птолемеев и влияния греческих и египетских религиозных традиций, публикует Ш. Пфайффер[5]. Другой заметной тенденцией

[1] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens…

[2] Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. //Journal of Hellenic Studies. 2005. Vol. 125. P. 1–34; Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Anthropologica. 2006. Vol. 48. No. 2. P. 165–186; Ager Sh. A. Response to Michael M. J. Fischer's "Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager 'The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty'" // Anthropologica. 2007. Vol. 49. No. 2. P. 301–310.

[3] Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1 // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1996. Vol. 27. P. 51–78; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 2 // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1997. Vol. 28. P. 87–121; Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige…; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln.

[4] Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil 1. P. 51–78; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. P. 87–121.

[5] Pfeiffer S. Die Bekämpfung einer drohenden Hungersnot durch Ptolemaios III. und seine Gemahlin Berenike II // Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut von der Antike bis zur Gegenwart / Hgs. A. Gestrich, L. Raphael. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Wien, 2008. S. 245–263. Pfeiffer S.

этого периода является рост числа работ, посвященных отдельным царицам[1], что свидетельствует о движении от обобщений к детальным тематическим исследованиям. Кроме того, продолжают публиковаться Я. Квегебер[2] и Д.Б. Томпсон[3].

Современный этап, с 2010-х гг. по настоящее время, характеризуется аккумулированием знаний и выходом на новый уровень обобщений. В настоящее время прослеживается отчетливая тенденция на публикацию коллективных трудов и тематических сборников[4], что указывает на зрелость темы и необходимость подведения итогов. Исследования становятся более нюансированными: изучаются региональные особенности культа[5], значение отдельных ритуальных практик[6] и

The God Serapis, his Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II Philadelphus and his world / Eds. P. McKechnie, Ph. Guillame. Leiden, 2008. P. 387–408.

[1] Carney E.D. Arsinoe before she was Philadelphus // The Ancient History Bulletin. 1994. Vol. 8. P. 123–131. Burstein S. The Reign of Cleopatra. Westport, 2004; Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels…

[2] Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe.

[3] Thompson D.B. Demeter in Graeco-Roman Egypt // Egyptian Religion: the Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur / Eds. W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems. Leuven: Peeters, 1998. P. 699–707.

[4] Creating a Hellenistic World / Eds. A. Erskine, L. Llewellyn Jones. Swansea, 2010; A Companion to Women in the Ancient World / Eds. Sh.L. James, Sh. Dillon. Oxford, 2012; Women in Antiquity. Real women across the Ancient World / Eds. S.L. Budin, J.M. Turfa. London, 2016; Queenship and Power. Royal Women and Dynastic Loyalty / Eds. C. Dunn, E.D. Carney. London, 2018; Power Couples in Antiquity. Transversal Perspectives / Ed. A. Bielman Sánchez. London, 2019; The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World; Women in Ancient Egypt: Revisiting Power, Agency, and Autonomy.

[5] Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies // Within the circle of ancient ideas and virtues: studies in honour of professor Maria Dzielska / Eds. K. Twardowska et al. Kraków, 2014. P. 117–128; Grabowski T. The Cult of the Ptolemies in the Aegean in the 3rd Century BC // Electrum. 2014. Vol. 21. P. 21–41.

[6] Caneva S.G. Queens and Ruler Cults in Early Hellenism. Festivals, Administration, and Ideology // Kernos. 2012. Vol. 25. P. 75–100; Caneva S.G. Ruler cults in practice…; Caneva S.G. Short Notes on 3rd-Century Ptolemaic Royal Formulae and Festivals // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2016. Vol. 200. P. 207–214; Caneva S.G. Ritual Intercession in the Ptolemaic Kingdom. A Survey of Grammar, Semantics and Agency // Erga-Logoi Rivista di storia letteratura diritto e culture dell antichità. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 117–154.

способы межкультурного взаимодействия[1], в частности, синкретические процессы отождествления цариц с Исидой, Хатхор, Афродитой и Тюхе[2]. Кроме того, в 2010-х гг. окончательно оформляется интерес к визуальной репрезентации и материальной культуре, что демонстрируют диссертации и монографии, анализирующие составную корону Арсинои II[3] и иконографию власти[4]. Вместе с этим продолжаются изучение жизненного пути и культа конкретных цариц[5]. Среди этих работ стоит выделить монографию Л. Ллевеллин-Джонс и А. Маколи, посвященную двум царицам: Клеопатре Тее и Клеопатре III[6]. Работа фокусируется на структурном анализе идеологии власти цариц во II в. до н.э., рассматривая их культ не как аномалию, а как кульминацию развивавшихся столетиями религиозно-политических традиций. Авторы убедительно доказывают, что титулы, почести и культовые инновации Клеопатры III, являлись тщательно разработанными средствами утверждения личной власти. Таким образом, авторы переключают внимание с биографического описания на изучение сакрального и политического влияния цариц в более широком контексте истории Птолемеев и Селевкидов.

---

[1] Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult; Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London, 2020. P. 96–107.

[2] Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. PhD Thesis. Los Angeles, 2010; Minas-Nerpel M.The Creation of New “Cultural Codes”: The Ptolemaic Queens and Their Syncretic Processes...

[3] Nilsson M. The crown of Arsinoë II. The creation and development of an imagery of authority: Doctoral thesis. Gothenburg, 2010.

[4] Minas-Nerpel M. Ptolemaic Queens in Egyptian Temple Reliefs: Intercultural Reflections of Political Authority, or Religious Imperatives? // Proceedings of the Tenth International Congress of Egyptologists, University of the Aegean, Rhodes, 22–29 May 2008 / Eds. P. Kousoulis and N. Lazaridis. Leuven, 2015, P. 809–821; Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power // Ägypten zwischen innerem Zwist und äußerem Druck. Die Zeit Ptolemaios’ VI. bis VIII. Internationales Symposion Heidelberg 16–19.9.2007 / Eds. A. Jördens, J.F. Quack. Wiesbaden, 2011, P. 58–76; Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens.

[5] Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt; van Oppen de Ruiter B. Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship.

[6] Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period...

Последняя опубликованная на данный момент монография принадлежит П. Ким[1]. В третьей главе, посвященной Птолемеям, П. Ким фокусируется на визуальной и материальной культуре, а не на традиционной политической истории, смещая фокус с политического влияния женщин на их культовую иконографию и ее роль в восприятии образа женщины-правительницы[2].

Если говорить о решении конкретных историографических проблем, связанных с культом цариц, то в первую очередь, стоит выделить проблему *соотношения культовой репрезентации и реальной власти цариц* при жизни. В историографии прослеживаются две основные линии интерпретации. Первая опирается на предположение о прямой связи между усилением политической роли царицы и развитием ее культа. Так, Дж.П. Махаффи считал, что особый культовый статус Арсинои II и присвоение ей тронного имени отражали ее исключительное политическое влияние[3], аналогичным образом он объяснял и обожествление Клеопатры I ее положением регента[4]. В случае Клеопатры II, по мнению исследователя, ее политическое равноправие с царем привело к уникальным, хотя и нестабильным, изменениям в системе датировок официальных документов, фиксировавших ее фактическую власть[5]. С этой точкой зрения согласуются выводы У. Отто и Г. Бергстона: провозглашение Клеопатры II богиней Филометорой Сотейрой и отождествление Клеопатры III с Исидой они рассматривают как способ легитимации власти в условиях династических

[1] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World.

[2] Ibid. P. 113–161. Кроме того, стоит отметить неизданную диссертацию В. Жолитон: “Etude iconographique des représentations de la reine dans les temples de l'Egypte ptolémaïque”, защищенную в 2015 г.

[3] Mahaffy J.P. History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 78. С мнением исследователя согласны С.Б. Померой и Э.Д. Карни, отмечая, что положение Арсинои II при дворе было чрезвычайно авторитетным. Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 19. Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. P. 177–178. С.А. Эштон считала, что культ Арсинои II был «неизмеримым компонентом женской власти». Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 80.

[4] Mahaffy J.P. Op. cit. P. 165.

[5] Ibid. P. 187–188.

конфликтов[1]. Культовые титулы и институты, по их мнению, были не только отражением, но и способом закрепления политической власти.

Похожего подхода придерживалась Ф. Дюнан, отмечавшая, что усиление влияния женщин в политике II века до н.э., прежде всего Клеопатры II и Клеопатры III, прямо коррелирует с развитием их культа. Особое значение, по ее мнению, имело отождествление цариц с Исидой, а религиозная политика Птолемеев в целом была направлена на сближение греческого и египетского населения через культ[2]. Э.Д. Карни также рассматривала культы цариц как форму признания их политического статуса: поздние царицы фактически соуправляли Египтом, что подтверждает связь между культовым почитанием и реальной властью[3]. Для Т.Л. Сьюэлл-Ласатер очевидно, что именно культовая репрезентация стала основой для роста реальной политической власти цариц[4]. Данная позиция в современной историографии имеет большее влияние.

Вторая линия интерпретации предлагает более осторожный взгляд. Ш. Пфайффер утверждает, что оценить реальные полномочия ранних цариц – включая Арсиною II – затруднительно, поскольку ее пребывание в Александрии как супруги Птолемея II было относительно непродолжительным. Он считает, что активная политическая роль Арсинои II во многом была приписана ей посмертно с целью усиления культового влияния[5]. Реальная же политическая власть, по его мнению, становится очевидной лишь у поздних цариц (Клеопатры II, Клеопатры III), которые действительно принимали политические решения и участвовали в

[1] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. P. 53–180.

[2] Dunand F. Le culte d' Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Vol. I. P. 41, 54–55.

[3] Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. P. 268. Также см. Macurdy G.H. Hellenistic Queens... P. 7; Carney E.D. What's in a Name? The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // Women's History and Ancient History / Ed. S.B. Pomeroy. Chapel Hill, 1991. P. 162–163; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 92.

[4] Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra: Ptolemaic Royal Marriage, Incest, and the Path to Female Rule. PhD Thesis. University of Houston, 2020. P. 46, 93.

[5] Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults. P. 97.

военных кампаниях, что отражено в храмовой иконографии[1]. Схожей позиции придерживаются С.Дж. Канева и П. Ким, отмечая, что современные дискуссии о политическом статусе Арсинои II во многом искажены как тенденциозностью древней историографии, изображавшей ее придворной интриганкой, так и посмертной идеологической проекцией, созданной Птолемеем II[2].

Из проблемы соотношения культа и власти логично вытекает проблема репрезентации *культа для греко-македонского и египетского населения*[3]. В историографии выстраивается достаточно последовательная линия рассуждений о двойственной или даже многоуровневой структуре культов. Дж.П. Махаффи лишь косвенно затрагивал идею о том, что птолемеевские правители сознательно заимствовали египетские культовые практики для укрепления своей власти, однако специально не развивал ее[4]. Больше внимания данной теме уделил Э.Р. Беван, который разграничивал два типа культов Арсинои II: эллинистический, включавший ее отождествление с Афродитой и празднества в Александрии, и египетский, где по царскому указу она почиталась как богиня, разделяющая храмы с египетскими божествами. Такое двойное представление свидетельствовало о продуманной политике, ориентированной на разные этнические группы[5]. Эту позицию развивал П.М. Фрезер. Он подчеркивал, что династический культ Птолемеев был, по сути, греческим: имел греческую культовую иерархию, привлекал преимущественно грекоязычное население и не являлся прямым

[1] Pfeiffer S. Op. cit. P. 99–100. Также Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 58–76. Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 69–85.

[2] Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi... P. 134; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 117–119.

[3] Пример см. Pfeiffer S. Die Bekämpfung einer drohenden Hungersnot durch Ptolemaios III und seine Gemahlin Berenike II. S. 261.

[4] Mahaffy J.P. History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 78–80.

[5] Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 127–131. Также Carney E.D. Arsinoe before she was Philadelphus. P. 129. Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi... P. 131–135.

наследником египетской религиозной традиции[1]. Тем не менее отдельные элементы династической идеологии – например, близкородственный брак – могли быть обращены к египетской аудитории, для которой такие практики считались привычными[2]. С П.М. Фрезером соглашается Ж. Тондрио[3], считавший, что, хотя сам династический культ оставался греческим, культы отдельных членов династии создавались по египетскому образцу и отправлялись в египетских храмах[4]. На разграничение двух параллельных культовых систем – греко-македонской и египетской – указывает Т.Л. Сьюэлл-Ласатер. По ее мнению, греко-македонская версия династического культа развивалась вокруг эпонимического жречества Александра Македонского, тогда как в египетской версии Птолемеям поклонялись в храмах по всей стране[5]. Говоря о двойственной природе культовой репрезентации, Ш. Пфайффер утверждает, что Птолемей II инициировал создание отдельного культа своей супруги Арсинои II с конкретной политико-религиозной целью. Поскольку новая династия не обладала глубокими историческими корнями в Египте, ей требовалась легитимация. Для этого был разработан культ новой богини, который, будучи внешне египетским, оставался внутренне греческим. Создание синкретического культа царицы с египетской атрибутикой, но греческой сущностью решало две задачи: обеспечивало лояльность греко-македонских поселенцев, предлагая им знакомый религиозный формат, и одновременно позволяло укоренить власть в рамках древней египетской традиции[6]. Подобная практика была уникальной среди эллинистических царств[7]. Таким образом, наряду

[1] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 214.
[2] Ibid. P. 218.
[3] Тондрио выделяет отдельно культ Александра как основателя в Александрии, в котором участвовали греки, и династический культ, охватывающий греко-македонцев и эллинизированных египтян, поскольку официальные документы датировались по имени жреца-эпонима Александра и богов Птолемеев. Tondriau J. Esquisse de l'histoire des cultes royaux ptolémaïques.
[4] Fraser P.M. Op. cit. P. 218.
[5] Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra... P. 57–60.
[6] Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults. P. 101.
[7] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 114–115.

с династическим культом Птолемеев, представленным в египетской и греческой среде, существовал и специфический культ цариц, адресованный обеим аудиториям, но при этом обладающий ярко выраженной синкретической природой. Показательным источником, демонстрирующим сочетание греческих и египетских элементов, являются ойнохои: греческая форма сосуда, надписи и упоминание Агате Тюхе соседствуют в них с египетским материалом (фаянсом), типом алтаря и иногда – с изображением царицы в одеянии с узлом Исиды[1]. Э.Д. Карни и С.-Э. Эштон в этом контексте подчеркивают, что птолемеевская ассоциация цариц с богинями изначально отражала необходимость удовлетворить две религиозные традиции: египетскую, связывавшую царских женщин с Исидой и Хатхор, и греко-македонскую, ассоциировавшую их с Афродитой[2].

Вопрос о наличии реальной власти и влияния цариц, несомненно, связан с *проблемой происхождения и заключения близкородственных браков*, как характерного института династии[3], а также с тем, как такие союзы отражали распределение влияния внутри царской пары. В историографии отсутствует единое мнение о том, кто был инициатором первого кровосмесительного брака: Птолемей II или Арсиноя II. Дж.П. Махаффи связывал появление этого института с политическими обстоятельствами и считал близкородственный союз самым «египетским» элементом в правлении Птолемея II. Он объяснял его традицией «священной крови царей» и требованием ритуальной чистоты, опираясь на взгляды Г. Масперо[4]. П.М. Фрезер и Э.Д. Карни[5] также интерпретировали этот брак как

[1] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 120; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 116.

[2] Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. P. 322; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 99, 125; Caneva S.G. Ruler cults in practice… P. 90.

[3] Титул «сестра-жена царя» прямо фиксируется в титулатуре цариц Птолемеев, таких как Береника II и Клеопатра II. См. Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 178–179.

[4] Mahaffy J.P. History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty. P. 77–78.

[5] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 217; Carney E.D. Arsinoe before she was Philadelphus. P. 123.

средство достижения политического баланса: Птолемей II, по его мнению, стремился примирить египетское и греко-македонское население. Выбор титула «Филадельфы» П.М. Фрезер связывал с необходимостью подчеркнуть совместное правление брата и сестры[1]. Эти идеи оспаривает Т.Л. Сьюэлл-Ласатер, считая, что Птолемея II побудили к браку лишь две причины: укрепление собственной политической позиции и стремление создать религиозную ассоциацию с парами Зевса и Геры, Осириса и Исиды[2]. Г.Х. Макурди утверждала, что во время своего правления в Египте Арсиноя была ведущей политической силой и, следовательно, могла выступить инициатором брака[3]. Д.Б. Томпсон однозначно указывала на доминирующую роль Арсинои Филадельфы как старшей сестры Птолемея II, что обусловило ее влияние на решения о браке и о внешней политике[4]. Эту позицию поддерживала Г. Лонгега[5]. Тем не менее некоторые исследователи считают, что существующие источники не позволяют дать окончательный ответ[6].

После краткого перерыва в практике – брака Птолемея III и Береники II, не являвшихся близкими родственниками, – традиция возобновилась. В 217 г. до н.э., в момент национального кризиса перед угрозой вторжения Антиоха III, Птолемей IV женился на своей сестре Арсиное III. По мнению Дж. Уайтхорна, этот шаг был попыткой опереться на популярность своего деда и восстановить авторитет династии[7]. С этого момента институт близкородственных браков становится

[1] Fraser P.M. Op. cit. P. 217; Tondriau J. Esquisse de l'histoire des cultes royaux ptolémaïques. P. 214; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 16–17.
[2] Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra... P. 71–73, 75.
[3] Macurdy G.H. Hellenistic Queens... P. 124.
[4] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 200.
[5] Longega G. Arsinoe II. Rome, 1968. P. 64
[6] van Oppen de Ruiter B. F. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 218; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 57; Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. P. 37.
[7] Whitehorne J. Cleopatras. P. 90–91.

устойчивой традицией[1]. Для поздних цариц, таких как Клеопатра II и Клеопатра III, брак с братом или дядей служил надежным средством сохранения и передачи власти[2].

В целом, близкородственный брак способствовал созданию связи царской пары с богами: Осирисом и Исидой и Зевсом и Герой[3]. Так, союз Птолемея VI и Клеопатры II в 176 г. до н.э. не только укрепил власть: выданная замуж за брата, она становилась недоступной для претендентов, которые могли бы через нее предъявлять права на египетский трон[4]. Таким образом, брак между братом и сестрой укреплял династию и подчеркивал сакральный статус царской семьи в сравнении не только с подданными, но и с другими эллинистическими царскими домами. В дальнейшем роль этого института только возрастала. У. Отто и Г. Бенгстон напрямую связывают брак Птолемея VIII с его племянницей, Клеопатрой III, с началом ожесточенного конфликта с Клеопатрой II, рассматривая его как ключевое событие, приведшее к перераспределению власти и соответствующим изменениям в культовой репрезентации обеих цариц[5].

К обсуждению этой проблемы вновь привлекла внимание Ш. Агер, оспаривая традиционные объяснения птолемеевского инцеста (подражание фараонам, сохранение чистоты крови) как недостаточные[6]. Она предлагает рассматривать его в символическом ключе: нарушая фундаментальное табу, цари демонстрировали свою сверхчеловеческую природу и абсолютную власть[7]. В ее интерпретации инцест следует рассматривать в связи с птолемеевской идеологией «трюфе» (τρυφή) – демонстративной роскошью и отказом от греческого идеала

[1] Заметим, что близкородственный брак в контексте данного исследования – это не всегда брак, заключенный между родными братом и сестрой, но также между дядей и племянницей, отцом и дочерью, сводными братом и сестрой.
[2] Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period… P. 36, 56–57, 99.
[3] Ashton S.-A. Op. cit. P. 20.
[4] Whitehorne J. Op. cit. P. 91.
[5] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. P. 53–180.
[6] Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 1–34.
[7] Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 167.

умеренности[1]. Однако эта позиция вызвала возражения, поскольку неясно, могла ли династия на протяжении всей своей истории сохранять подобную практику исключительно ради демонстрации изобилия, особенно учитывая необходимость поддержки со стороны греко-македонской элиты, для которой практика близкородственных браков была нетипична[2].

Несмотря на значительное внимание, уделяемое отдельным вопросам и проблемам, многие темы, связанные с культом цариц, до настоящего времени остаются малоизученными. В частности, *генезис и развитие института жречества цариц* освещены недостаточно: исследования, как правило, касаются отдельных правительниц и не предлагают целостного анализа этого явления. Еще П.М. Фрезер отмечал, что наряду с центральным жречеством Александра развились другие жреческие должности, состоящие исключительно из жриц, служивших культам отдельных цариц[3]. В частности, после смерти Арсинои II был учрежден ее собственный культ во главе с жрицей канефорой («носительницей корзины»)[4]. Позже был введен культ Береники II, который возглавила атлофора («носительница приза»). В период династических распрей при Клеопатре III появились еще более возвышенные титулы, такие как стефанефора (носительница стефаны) и фосфора («носительница факела или факелов»)[5]. Эти должности

[1] Ibid. P. 166.

[2] Fischer M.M.J. Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager "The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty" // Anthropologica. 2007. Vol. 49. No. 2 P. 295–299. Агер продолжила дискуссию в следующей статье: A Ager Sh. A. Response to Michael M. J. Fischer's "Ptolemaic Jouissance… P. 301–310.

[3] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 219.

[4] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 42; Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 71; Pomeroy S. B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 57; Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi... P. 133; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 148.

[5] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 140; Whitehorne J. Cleopatras. P 133; Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults. P. 100; Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period… P. 103–104, 196.

изначально предназначались для греко-македонской элиты[1]. П.М. Фрезер также подчеркивал, что изменения титулов жрецов в датировочных формулах (например, добавление или исключение жриц) отражали политические перемены и династическую борьбу, что прослеживается со второй половины II в. до н.э.[2]. В периоды гражданских войн учреждение жречества способствовало укреплению престижа и влияния правителя или правительницы и становилось одним из средств в политической борьбе, а жреческие титулы возникали и исчезали с заметной частотой, вероятно отражая реальные изменения в распределении власти[3]. В частности, У. Отто и Г. Бенгстон анализируют создание Клеопатрой III новых жреческих должностей для обслуживания ее собственного культа[4], что было представлено как прямое следствие ее политических амбиций и стремления укрепить свою власть. По наблюдению Я. Квегебера, имена жрецов-эпонимов систематически встречаются в греческих и демотических текстах с 285 по 100 г. до н.э.[5] а затем исчезают около 84–83 г. до н.э. из-за сокращения громоздких формулировок[6]. Тем не менее на сегодняшний день не существует исследования, которое в полной мере было бы посвящено институту жречества птолемеевских цариц как самостоятельному и целостному явлению.

Также остается недостаточно освещенной проблема *эволюции культа цариц Птолемеев параллельно с распространением культа богини Исиды в эллинистической среде*. Под «эллинистическим культом Исиды» в данном контексте понимается синкретический религиозный феномен, сложившийся в IV–I вв. до н.э., при котором древнеегипетский культ богини Исиды был

[1] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 219, 221–222; Tondriau J. Esquisse de l'histoire des cultes royaux ptolémaïques. P. 217. В статье упоминается о назначении на должность жриц для Арсинои II, Береники II, Клеопатры III, однако отсутствует детальный анализ института.

[2] Fraser P.M. Op. cit. P. 220.

[3] Ibid. P. 216, 221.

[4] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemäerreiches. P. 53–180.

[5] К 138–137 г. до н.э. существовал полный список жриц, как пишет Голдберг. См. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. P. 40.

[6] Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. P. 243–244.

трансформирован и адаптирован для греко-македонского населения и получил широкое распространение за пределами Египта. Этот культ сочетал в себе исконные египетские черты Исиды как супруги Осириса, матери Хора, целительницы с элементами греческой религии и философии, превращая ее в богиню-спасительницу, владычицу судьбы и гарант благополучной загробной жизни. В ходе трансформации ее культ вобрал в себя черты других богинь: Хатхор, Афродиты, Деметры, Тюхе. Этот процесс сопровождался изменениями в иконографии, в частности Исида стала изображаться в платье с характерным узлом, с рогом изобилия и прической с завитыми локонами[1]. Данные трансформации происходили параллельно развитию культа птолемеевских цариц и находились с ним в тесной взаимосвязи.

П.М. Фрезер рассматривает взаимодействие культа цариц с культом Исиды, подчеркивая, что весь процесс культурно-религиозного синкретизма в Александрии сосредоточен во многом вокруг Исиды[2]. Заимствование ее атрибутов и божественных эпитетов широко применялось в рамках культа цариц Птолемеев. Эта заимствование непрерывно прослеживается от культа Арсинои II[3] до культа Клеопатры III. При Клеопатре III произошло полное отождествление царицы с богиней, в результате чего было учреждено жречество священного жеребенка Исиды, великой матери богов[4]. Таким образом, эволюция культа цариц демонстрирует постепенный переход от одиночных заимствований из культа Исиды к полному слиянию образа царицы с образом богини, и при этом культ самой Исиды на протяжении IV–II вв. до н.э., вбирал в себя черты культов других богинь[5]. Ж. Тондрио также считает, что культ Исиды при Птолемеях не являлся

[1] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 120, 141.

[2] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 245; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 116, 138.

[3] С.Дж. Канева отмечает связь культа Арсинои с культом Исиды и Сераписа. См. Caneva S.G. Ruler cults in practice… P. 96.

[4] Fraser P.M. Op. cit. P. 244–246; Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period… P. 196.

[5] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 244, 246. Предположения исследователя о том, что эпитет «великой матери богов» в данном жречестве заимствован из культа богини Кибелы, в

строго египетским, поскольку образ Исиды сочетал в себе черты культов Афродиты, Артемиды, Деметры, Дикайосюны[1]. Почитание Исиды было широко распространено как в Египте, так и на территориях, находящихся под его влиянием.

Д.Б. Томпсон высказывает провокационную гипотезу о том, что после Клеопатры III культ цариц фактически слился с культом Исиды и перестал существовать как самостоятельный[2], однако не развивает далее это предположение. Л. Трой отмечает, что тенденция к слиянию атрибутов цариц и богинь отчетливо прослеживается уже в период Нового царства[3]. В частности, с середины XVIII династии в изображениях царственных жен и матерей появляются новые элементы, которые связывают их с главными богинями – Хатхор, Исидой, Маат, Мут, Нехбет, Уаджит и, возможно, Тефнут[4]. При этом, как отмечает В.А. Большаков, сближение образов цариц и богинь проявлялось в нескольких формах: атрибутах (например, в коронах цариц, сочетавших солярные и хаторические элементы – солнечный диск, змей-уреев, рога)[5], с помощью эпитетов[6] и в

современной историографии оспариваются, поскольку в Египте при Птолемеях не зафиксировано устоявшегося культа Кибелы. См. Colin F. L'Isis" Dynastique" et la Mère des dieux phrygienne: Essai d'analyse d'un processus d'interaction culturelle // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Vol. 102. P. 271–295.

[1] Tondriau J. Esquisse de l'histoire des cultes royaux ptolémaïques. P. 232–233.

[2] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 121.

[3] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 54, 68, 70. Стоит отметить, что элементы одеяний и головные уборы цариц начинают уподобляться изображениям богинь еще с Древнего царства, когда характерным атрибутом цариц становится убор в виде грифа. Позднее типичны для цариц иконографические уподобления богиням Хатхор и Исиде (но также и другим богиням, например, супруга Аменхотепа III, Тейе могла изображаться в образе богини Маат). Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов. История и легенда. Пер. с франц. Е. В. Пантюшева М., 1992. С. 316.

[4] Bolshakov V.A. Some Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. Vostok (Oriens). 2022. No. 6. P. 45–57.

[5] Большаков В.А. Царственные женщины-«систрофоры»: к интерпретации символики систра в культовой практике эпохи Нового царства. Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 25–35.

[6] В период Нового царства, особенно с XVIII династии, наблюдается слияние образов и атрибутов царственных женщин с богинями египетского пантеона. В частности, титулы цариц «владычица Обеих Земель» (*nbt tꜣwy*) и «госпожа Юга и Севера» (*hnwt tꜣwy*) служили эпитетами могущественных богинь – Нехбет, Уаджит, Хатхор, Исиды, Мут и Маат. Ярким подтверждением этого взаимного влияния служит криптографическое написание титулов и имени царицы

особенностях их репрезентации в культово-церемониальных сценах, где царицы изображались рядом с царем в позах, аналогичных богиням-спутницам. Однако В.А. Большаков подчеркивает, что это было именно уподобление, а не полное отождествление: параллели проводились в основном через визуальные черты, а не через институционализированный культ, и служили усилению сакральности фигуры царя[1].

В греко-римский период Исида и Хатхор окончательно перенимают элементы иконографии и титулы, ранее характерные для женщин царского рода. Поэтому птолемеевские царицы почитались в рамках устоявшейся традиции, где Исида стала одним из основных божественных архетипов, вобравшим черты культа смертных цариц[2]. Ф. Дюнан, С.Б. Померой, П. Голдберг и Ш. Пфайффер поддерживали данное мнение, считая, что культ цариц Птолемеев был тесно связан с почитанием Исиды, которая стала универсальной богиней, объединив функции греческих божеств – Афродиты, Деметры и Тюхе[3]. Однако эти два процесса: трансформация культа Исиды и развитие культа цариц, до настоящего времени не были рассмотрены параллельно.

Таким образом, несмотря на подробное освещение отдельных вопросов культа цариц в историографии, не все аспекты данной темы были представлены и изучены в одинаковой степени, и важные проблемы остались без внимания. Следовательно, представляется необходимым комплексно проанализировать процесс генезиса и развития культа цариц без уклона в нарративное исследование

Нефертари-Меритенмут, где использованы символы и изображения богинь Мут, Таурт, Хатхор и Исиды. Большаков В.А. Великая супруга царя. Владычица Обеих земель? // Труды Государственного Эрмитажа LXXVI. Петербургские Египтологические Чтения 2013-2014. СБП: Издательство Государственного Эрмитажа, 2015. С. 38–50.

[1] Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства. С. 33–44.

[2] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 54, 68, 70; Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. P. 322.

[3] Dunand F. Le culte d' Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Vol. I. P. 79; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 39; Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. P. 18–106; Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults. P. 100–101.

и с освещением в равной степени источников греческого и египетского происхождения, уделив особое внимание институциональному оформлению культа цариц.

Научная новизна заключается в том, что впервые культ цариц от Береники I до Клеопатры III подвергается последовательному и комплексному анализу, что позволяет в полной мере оценить характер и степень взаимодействия греческих и египетских религиозных традиций в рамках данного явления.

Впервые для исследования культа птолемеевских цариц привлечен и проанализирован обширный корпус памятников материальной культуры, включающий сразу пять групп источников: монеты, сосуды для возлияний, статуи, стелы и храмовые рельефы. Собранный материал представляет собой наиболее представительную выборку, посвященную данной проблеме. В отличие от предшествующих исследований, где эти группы источников использовались выборочно и, как правило, изолированно друг от друга, их анализ позволил проследить особенности репрезентации культа цариц в различных типах источников, относящихся как к греческой, так и к египетской традиции.

Впервые была комплексно проанализирована институциональная структура культа: происхождение жреческих титулов и характер их трансформации, а также степень смешения египетских и греческих религиозных форм культа. Доказано, что институт, изначально созданный для посмертного почитания цариц, как предков, покровительствующих правящей чете, трансформировался: жрицы назначались при жизни, с целью поддержки авторитета царицы и политической позиции в условиях борьбы за власть.

Впервые развитие культа птолемеевских цариц рассмотрено параллельно с распространением культа Исиды в эллинистическом Египте. Выявлены причины постепенного отхода на второй план образов других греческих и египетских богинь и показано, почему именно Исида стала богиней, полностью отождествленной с образом царицы при Клеопатре III. Установлено взаимное влияние двух культов, проявившееся, в частности в распространении одеяния с узлом Исиды.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Назначение на должности жриц, приуроченное к династическим праздникам и сопровождавшееся их участием в официальных торжествах, стало институциональной основой культа цариц. Положение жрицы в датировочных формулах папирусов, равно как и ее индивидуальный титул стали индикаторами, значимости культа конкретной царицы. При этом институт эпонимного жречества, восходивший к греческой религиозной традиции, был адаптирован в птолемеевском Египте, что проявилось в появлении новых жреческих титулов и специфических культовых атрибутах.

2) При Клеопатре III жречество культа цариц достигло наибольшего расцвета и стало действенным средством легитимации женского правления. Учреждение новых жреческих должностей и изменение их положения в иерархии, отраженной в датировочных формулах греческих и демотических папирусов, обеспечили Клеопатре III приоритетный статус сначала царицы-жены, а затем царицы-матери по отношению к царице-сестре, а затем – к царю-сыну и царице-дочери.

3) На рубеже IV и на протяжении III вв. до н.э. активно использовался такой способ пропаганды сакрального образа цариц, как поэзия. Через уподобление цариц греческим богиням и эпическим героиням, а также через мотив благоволения богов, благодаря которому царицы побеждали на общегреческих агонах, эллинистическая поэзия формировала представление о близости цариц к божественной сфере уже при жизни и обосновывала их последующее посмертное обожествление. Однако к концу III в. до н.э. эти способы утратили актуальность.

4) Подлинным и устойчивым средством утверждения статуса цариц, способствовавшим развитию их культа, стал близкородственный брак, получивший мифологическое обоснование как в греческой, так и в египетской традиции. Именно этот институт открыл царицам путь сначала к регентству, а затем – к соправлению и кратковременному единоличному правлению. Однако при Клеопатре III даже институт близкородственного брака отошел на второй план:

Клеопатра III не вступает в новый брак, ей достаточно статуса царицы-матери при сыне и дочери, заключивших династический союз, при этом политическое положение царицы-дочери оказывается заведомо ниже, за счет культа Клеопатры III.

5) Сближение образов птолемеевских цариц и греческих богинь являлось одним из основных средств их сакрализации в греко-македонской среде Египта и осуществлялось посредством последовательного включения в репрезентацию цариц мифологических мотивов и божественных атрибутов, связанных, прежде всего, с Афродитой, Тюхе, Деметрой, Герой. Выбор конкретных божественных параллелей определялся актуальными задачами династической пропаганды и для обоснования различных аспектов образа царицы – любящей супруги, матери, защитницы царя, подательницы процветания и изобилия. При этом греческая изобразительная традиция не испытала существенного влияния египетской.

6) Сближение образа цариц с египетскими богинями достигалось через заимствование атрибутов и эпитетов. Образы цариц сближались с Хатхор, Нехбет, Уаджит и Исидой, культ которой в эллинистический период вобрал в себя черты египетских и греческих богинь. Египетская изобразительная традиция не испытала сильного влияния греческой. В скульптуре и на отдельных стелах фиксируются эпизодические заимствования, но не столько из греческой, сколько уже из эллинистической традиции – платье с узлом Исиды и прическа из локонов. На храмовых рельефах зафиксированы минимальные композиционные изменения, основа для которых была заложена в период Нового царства. Эпизодический характер заимствований показывает, что для египетской аудитории образ цариц формировался на основе местной изобразительной традиции, тогда как для греко-македонской аудитории применялись свои средства репрезентации.

7) Отождествление цариц с богинями с Исидой развивалось не линейно, а зависело напрямую от политического статуса представительницы династии. Если при первых царицах связь с культом Исиды носила символический характер, то при Клеопатре II и особенно Клеопатре III данная практика превратилась в средство

утверждения власти. В период правления Клеопатры III культ царицы достигает максимального сближения с культом Исиды: учреждалось жречество для почитания Клеопатры III как живого воплощения богини Исиды, и прямое отождествление с Исидой служило для оправдания политического статуса Клеопатры III.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты данного диссертационного исследования о становлении и эволюции культа птолемеевских цариц в эллинистическом Египте представляют ценность для учебных курсов и научных исследований в таких областях гуманитарного знания, как история и культура Древнего Египта, история эллинизма, а также гендерная история античности.

Полученные в исследовании выводы уточняют характер взаимодействия греческих и египетских религиозных традиций в рамках культа цариц Птолемеев, закономерности формирования культов цариц и особенности их институциональной репрезентации. Эти результаты могут быть использованы при подготовке учебных пособий, научных статей и монографий, а также в преподавании общих и специальных курсов по истории эллинизма, культуре эллинистического Востока, истории птолемеевского Египта.

Степень достоверности исследования подтверждается всесторонним анализом широкого круга разноплановых источников: от сочинений античных авторов, папирусов и эпиграфических материалов до скульптурных портретов, храмовых рельефов, стел, монет и сосудов для возлияний. Помимо этого, автор привлек и подверг критическому анализу значительный массив научной литературы, отражающей современные тенденции в зарубежных и отечественных исследованиях.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были опубликованы в 11 публикациях, в т.ч. 10 публикациях в научных журналах, включенных в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных для защиты диссертационным советом Института востоковедения РАН по паспорту

специальности 5.6.2. – «Всеобщая история». Основные результаты исследования были представлены в ходе научных докладов на конференциях в т.ч. на Всероссийской научной конференции «Жебелевские чтения» XXV, XXVI, XXVII (2023, 2024, 2025), Всероссийской научной конференции «Дьяконовские чтения» (2024), Всероссийской научной конференции «XXIII Сергеевские чтения» (2025), Всероссийской научной конференции «Scholia studiorum V: пространство исторического нарратива» (2025), Общероссийской конференции «Женщины в исторических нарративах до “истории женщин”» (2026), Международной научной конференции «Sapiens ubique civis» в Венгрии (2025), Международной научной конференции «Историко-психологические особенности взаимодействия государств Евразии» (2026), Научной конференции «Историк и текст» (2023, 2024, 2025), Научной конференции «Цивилизации древнего Ближнего Востока и античности: историческая динамика общего и особенного» (2023, 2024, 2025), Круглом столе «Запись событий по годам как письменная практика» (2023), Научной конференции «Этнокультурное взаимодействие в древних обществах: формы и субъекты» (2025), Научной конференции «Древний город и его периферия» (2026), а также в ходе лекции «The institutions of the priesthood during the reign of the Ptolemies in Egypt» в рамках культурной программы Александрийского археологического общества (The Archaeological Society of Alexandria) в Египте (2025).

Глава 1. Организация культа цариц

Формы организации и поддержания культа цариц Птолемеев были многообразны и включали как создание постоянных институтов, так и проведение регулярных публичных мероприятий. В рамках данной главы представляется целесообразным рассмотреть три ключевых аспекта этой системы:

1. Возникновение культа цариц, его исторический контекст и взгляды исследователей на причины его возникновения.

2. Институт жречества, который служил основой культа. Изучение специфических жреческих титулов, их происхождения, функций и эволюции позволяет выявить не только степень синтеза египетских и греческих традиций, но и индивидуальные особенности почитания каждой из цариц.

3. Роль праздников как способа пропаганды. Эти масштабные публичные действа транслировали образ обожествленной царицы широкой аудитории, интегрируя культ в повседневную жизнь и религиозную практику как греческого, так и эллинизированного египетского населения.

Таким образом, институционально культ птолемеевских цариц, обеспечивавший устойчивость и распространение их почитания, имел два взаимодополняющих аспекта: статичный, воплощенный в жречестве, и динамичный – в виде зрелищного воплощения в общественных празднествах.

§ 1.1. Происхождение культа цариц

Рассуждая о возникновении культа цариц в династии Птолемеев, необходимо прежде всего обратиться к истокам этого явления – высокого положения царственных женщин, в целом несвойственного греческой традиции. Несмотря на то что в Египте существовала собственная традиция почитания цариц, о чем еще будет упомянуто в данном параграфе, для династии Птолемеев это наследие пришло в первую очередь из македонской династической практики, где статус супруги и матери царя был высок уже в доэллинистический период. Царицы

династии Аргеадов играли заметную роль в вопросах власти, особенно в отношении престолонаследия[1].

В основе этой роли лежала специфическая модель династической преемственности. Как справедливо замечает Р. Струтман, македонские династии основывались на двойном происхождении: передача власти осуществлялась как по мужской, так и по женской линии, и в такой структуре женщины имели возможность стать ключевыми политическими фигурами[2]. Именно потому, что царская власть (βασιλεία) была не публичной должностью, а наследственной привилегией, семейным достоянием, женщины играли значительную роль в передаче этого наследия[3]. Осложняющим фактором и одновременно катализатором женского влияния выступала практика полигамии, распространенная среди Аргеадов. Цари не устанавливали иерархии своих жен и рожденных от них сыновей, и в силу этого царские женщины находились в ситуации конкуренции и стремились всячески обеспечить как собственный статус, так и преемственность своих сыновей[4]. В такой ситуации, как отмечает Д. Огден, связь между родными братьями, сестрами и их матерями была особенно крепка, и дети, как правило, были более преданы матерям, на которых они могли положиться, чем отцам, за уважение которых им приходилось конкурировать[5]. Далее относительно лояльными были отношения между детьми царя от одной женщины; и, собственно, основой для «амфиметрических» конфликтов[6] являлись противоречия между детьми царя от разных жен. Следовательно, именно такие амфиметрические конфликты были

[1] Carney E.D. Women and monarchy in Macedonia. P. 3.

[2] Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London, 2020. P. 334.

[3] Strootman R. Op. cit.; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon. A Royal Life. P. 34.

[4] Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death. The Hellenistic Dynasties. London; Swansea: Duckworth – The Classical Press of Wales, 1999. P. ix.

[5] Ibid.

[6] Ibid. P. x.

унаследованы эллинистическими царствами; и степень успеха в их преодолении определяла стабильность каждой династии[1].

Исторические свидетельства подтверждают, что македонские царицы обладали реальными властными полномочиями. Уже на рубеже IV века до н.э. Эвридика, мать Филиппа II, действовала как самостоятельная и сильная фигура, заключив альянс с афинским стратегом Ификратом[2]. Олимпиада Эпирская, супруга Филиппа II, активно отстаивала положение Александра как наследника: когда Филипп женился на Клеопатре, Олимпиада подняла переполох, порожденный, как пишет Ю. Борза, не сколько ревностью, сколько борьбой за будущее сына[3]. Позднее она получила должность простасии, являвшуюся самой престижной в Македонии, и в период с 334 по 324 год до н.э. замещала царя в его отсутствие[4]. На этой должности она отвечала за религиозные церемонии и праздники, ежедневно принося жертвы, и, вероятно, была хранительницей царской казны[5]. Также она издавала указы от имени дома и семьи Филиппа, согласно выражению Н. Хэммонда, «говоря царским голосом от имени царей и себя самой»[6]. Впоследствии Олимпиада стала регентом при своем внуке Александре так же, как позднее некоторые эллинистические царицы стали регентами при сыновьях[7]. После смерти Александра влияние Олимпиады на македонских солдат только возросло: для тех,

---

[1] В рецензии на работу Д. Огдена Ладынин И.А., Габелко О.Л., и Кузьмин Ю.Н. справедливо замечают, что данный подход не стоит абсолютизировать на всю династию Аргеадов, поскольку основные рассматриваемые автором конфликты приходятся на на эпизоды передачи власти от Аминты III к Филиппу II и от него к Александру, а также на время Александра и эпоху диадохов. Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Новая концепция династической истории эллинизма? Размышления по поводу монографии Д. Огдена (Ogden D. polygamy, prostitutes and death. The Hellenistic dynasties. London; Swansea: Duckworth - the Classical Press of Wales, 1999. Xxxiv, 317 p.) // Античный мир и археология. 2009. № 13. С. 121–122.

[2] Борза Ю.Н. История античной Македонии (до Александра Великого). С. 249, 252.

[3] Там же. С. 270.

[4] Hammond N.G.L., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. III 336–167 B. C. P. 90

[5] Ibid.

[6] Ibid. P. 138.

[7] Ibid. P. 91; Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts P. 338; Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death The Hellenistic Dynasties. P. x.

кто находился дома, она являлась представителем правящей династии, а для войска за морем – матерью Александра и бабушкой его сына[1]. Таким образом, Олимпиада стремилась использовать культ Александра для вмешательства в македонскую династическую традицию и легитимировать право на власть Аргеадов, с помощью мифа о рождении Александра от Олимпиады и Зевса-Аммона в обличье змея[2].

Следующее поколение женщин также активно участвовало в борьбе за власть. Дочь Филиппа II Кинана была убита в ходе этой борьбы, но македонские солдаты, почитавшие женщин царского дома, взбунтовались, вынудив признать права ее дочери[3]. Эта дочь, Адея-Эвридика являлась наследницей царской власти (βασιλεία) как внучка Пердикки III[4]. Она действовала как самостоятельный политик, посылая указы военачальникам от имени царя Филиппа III и бросая вызов Олимпиаде[5]. Позднее Кассандр женился на другой дочери Филиппа, Фессалонике, и через этот брак обеспечил себе положение законного правителя, поскольку достиг цели в легитимации власти через связь с династией Аргеадов[6].

Наряду с политическими полномочиями прослеживаются элементы культового почитания македонских цариц, что предвосхитило эллинистическую практику. Македоняне приписывали сверхъестественное качество всему царскому дому, включая женщин[7]. Так, Олимпиада выполняла сакральные функции простасии, осуществляя родовые ритуальные жертвоприношения аргеадского и вакхического характера от имени Александра. Кроме того, она совершала

---

[1] Hammond N.G.L., Walbank F.W. Op. cit. P. 138; Борза Ю.Н. Указ. соч. С. 270.

[2] Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Указ. соч. С. 122.

[3] Hammond N.G.L., Walbank F.W. Op. cit. P. 119, 138.

[4] Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World // The Public Lives of Ancient Women (500 BCE-650 CE) / Eds. L. Dirven, M. Icks, and S. Remijsen. Leiden: Brill, 2023. P. 23.

[5] Hammond N.G.L., Walbank F.W. Op. cit. P. 139.

[6] Ibid. P. 145. В качестве идеологической основы союза Кассандра и Фессалоники, а также попыток сватовства Птолемея, Лисимаха и Антигона к Клеопатре Н. Хэммонд определил представление о сакросанктном характере власти царей в Македонии, которое, в свою очередь, связано с происхождением македонских правителей от Геракла. Подробнее об этом см. Hammond N.G.L. The Macedonian State: The Origins, Institutions and History. Oxford, 1989. P. 16–18.

[7] Ibid. P. 123.

публичные посвятительные подношения от своего лица в крупнейшие греческие святилища, в том числе в Дельфы[1]. Сам Александр Великий объявил о намерении добиться для Олимпиады божественных почестей в случае ее смерти[2]. Показательно, что подобное отношение проявлялось и к другим женам Филиппа II. Когда после смерти отца Александр, спешно завершив погребение в главной камере гробницы II, отбыл подавлять восстания, входная камера осталась недостроенной. Вернувшись и узнав об убийстве молодой жены Филиппа Клеопатры и ее ребенка, он изменил первоначальный план и распорядился разместить отдельное захоронение именно в этой камере, обычно предназначавшейся для церемониальных целей. Связь Клеопатры с могущественными македонскими семьями, в поддержке которых Александр нуждался, вероятно, побудила его похоронить ее рядом с мужем так, как подобает царице[3]. Таким образом, хотя в период Аргеадов титул «царица» (βασίλισσα) еще не существовал для царских женщин, на этом этапе уже закладывались основы политического статуса эллинистических цариц[4].

Таким образом, македонская политическая модель, в которой царица-мать приобретала влияние как защитница престолонаследия и хранительница семейного благополучия, во многом повлияла на птолемеевскую традицию. Македонская практика передачи наследства по женской линии, роль македонских женщин как гарантов продолжения династии, их участие в военных действиях и делегирование им властных полномочий как регентам создали прецедент, позволивший женщинам эллинистического Египта занять исключительно высокое положение[5].

Вместе с тем естественно, что рецепция македонского династического уклада Птолемеями не могла быть механической. В эллинистических царствах Востока

[1] Hammond N.G.L., Walbank F.W. Op. cit. P. 90.
[2] Ibid. P. 91.
[3] Борза Ю.Н. История античной Македонии (до Александра Великого). С. 335.
[4] Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon. A Royal Life. P. 78, 81.
[5] Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 37; Carney E.D. Women and monarchy in Macedonia. P. 8, 10; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon. A Royal Life. P. 78.

власть вышла на другой уровень по сравнению с доалександровой Македонией, и значимую роль для сознания греко-македонской элиты играли уже не только македонские установления, а новые идеологические новации. Именно к таким новациям относился династический культ Птолемеев, который «содействовал выработке ощущения единства у всех подданных, принадлежащих к эллинской культуре, и позволял включить в него эллинизированных египтян»[1]. Роль царицы-матери в македонской монархии, в свою очередь, стала предпосылкой для формирования образа царицы Птолемеев как гаранта легитимности и династической преемственности.

Важным средством легитимации династии стал культ цариц Птолемеев, развивавшийся параллельно с династическим культом. В египетской среде царицы могли разделять храмы с местными божествами, отождествляться с египетскими богинями с помощью заимствования атрибутов и эпитетов. В греко-македонской среде царицы почитались в рамках династического культа вместе с супругами, образуя божественные пары. Культ в египетских храмах был отделен от эпонимного культа в Александрии и Птолемаиде, хотя и связан с ним; последний был связан с греческими культами и эллинистическими культами правителей в Средиземноморье[2]. В греко-македонской среде культ цариц проявлялся, прежде

[1] Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Указ. соч. С. 124.

[2] Pfeiffer S. The God Serapis, his Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt. P. 455. Основой династического культа Птолемеев стал культ Александра. Сам Александр еще при жизни получил культовые почести как ктист (основатель) Александрии, а после его смерти Птолемей I обожествил Александра и учредил эпонимное жречество; этот культ был в основном ориентирован на македонян и эллинов. Стремясь упрочить свое положение, Птолемей I добился переноса тела Александра в свою столицу и тем самым связал себя с его сакральным авторитетом. Развитие династического культа шло через последовательное включение в титулатуру жреца Александра правящих Птолемеев. При Птолемее II в 272–271 г. к жрецу Александра были добавлены боги Адельфы, а позже при Птолемее III – боги Эвергеты. О формировании культа Александра и богов Птолемеев см. Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев. С. 265–312; Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. P. 50–81; Hauben H. Aspects du culte des souverains à l'époque des Lagides. P. 441–467; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 92–98; Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit, 332-30 v.Chr. S. 237–249; Ijsewijn J. De sacerdotibus sacerdotiisque

всего, институционально – с учреждением отдельной жреческой должности (или нескольких) для почитания царицы. Также в честь цариц возводились храмы и культовые статуи как в Египте, так и за его пределами. В рамках культа царицы отождествлялись с греческими богинями с помощью заимствования атрибутов. Единственная царица, чей культ получил равнозначно широкое распространение, как в греко-македонской, так и в египетской среде – это Арсиноя II.

В то время, как важным источником для изучения происхождения и организации культа цариц в греко-македонской среде являются папирусы, в датировочных формулах которых перечисляются жрицы для цариц, в египетской среде – это жреческие или синодальные декреты[1]. Мендесский декрет (ок. 270 г. до н.э.) описывает обожествление Арсинои II как богини, разделяющей храм с местным божеством, по указанию Птолемея II[2]. Александрийским декретом 243 г. до н.э. вводится культ богов-Эвергетов[3]. Канопский декрет 238 г. до н.э. фиксирует божественные почести для умершей царевны Береники, дочери Птолемея III и Береники II[4]. Птолемею IV и Арсиное III совместно предоставляются культы в

Alexandri Magni ef Lagidarum eponymis. Vol. I; Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult. P. 429–438.

[1] Кроме декретов информацию можно найти эпизодично, например, в календаре праздников из Ком-Омбо, где упомянут вынос птолемеевских культовых статуй в процессии в 1-й день Ахета: появление Хора, Владыки Омбо, появление Эвергета, Филопатора, Эпифана, Филометора вместе с ним. Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples. P. 52.

[2] Приложение № 8.3. Urk. II. 28–54; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 73–108, no. 6; Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181). P. 64–65.

[3] El-Masry Y., Altenmuller H., Thissen H.-J. Das Synodaldekret von Alexandria aus dem Jahre 243 v. Chr. Hamburg, 2012.

[4] Приложение № 8.7. OGIS 56; Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. P. 96; Quaegebeur J. Reines Ptolemaiques et traditions egyptiennes. P. 254, 257; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. S. 135.

Рафийском декрете 217 г. до н.э.[1], а Птолемей V получает культ в Мемфисском декрете 196 г. до н.э.[2]. Декреты Филенсис I 185 г. до н.э. и Филенсис II 186 г. до н.э. являются переизданиями Мемфисского декрета, в которых культ Птолемея V расширяется, включая его жену Клеопатру I[3].

Каждый из этих декретов определяет, кто должен быть удостоен почестей и как должен функционировать культ. В результате принятия декретов и дарования почестей, цари включались в египетские храмы как боги, что видно на храмовых рельефах, где Птолемеи поклоняются предыдущим царственным парам. Кроме того, есть несколько сцен, где Птолемеи одновременно выступают и как боги, получатели почестей, и как цари, дарующие их. Так, рельеф на Мендесской стеле показывает Арсиною II одновременно совершающей подношение и богиней[4], а в сценах из храма Мут и Хонсу в Танисе Птолемей IV Филопатор указан как возлюбленный Мут, Хонсу, богов Адельфов, богов Эвергетов и богов Филопаторов (то есть своей супруги и самого себя)[5]. Исследователи Э. Винтер и Я. Квегебер привели подробный список рельефов, свидетельствующих о существовании династического культа в египетских храмах[6].

---

[1] Приложение № 8.9. Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166... P. 15–16; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 22001–22208. S. 218–219.

[2] OGIS 90.

[3] Приложение № 8.12–13. Leclère Fr. Les villes de Basse Égypte au Ier millénaire av. J.-C.: analyse archéologique et historique de la topographie urbaine. Vol. I. Le Caire, 2008. P. 132; Daressy G. Un second exemplaire du décret de l'an 23 de Ptolémée Épiphane. P. 175–179; Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 A.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901.

[4] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 73–108.

[5] Более ранние примеры доптолемеевской эпохи, предполагают, что такая форма репрезентации была известна, о чем свидетельствует рельеф из храма в Солебе в Нубии с изображением Аменхотепа III, почитающего самого себя обожествленного, хотя это особый случай за пределами Египта. Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220. Context and Function. P. 26.

[6] Winter E. Der Herrscherkult in den Ägyptichen Ptolemaertempeln // Das Ptolemäische Ägypten: Akten des Internationalen Symposions, 27–29 September 1976 in Berlin / Eds. H.V. Maehler, V.M. Strocka.

Таким образом, жреческие декреты недвусмысленно указывают на существование культов Птолемеев наряду с культами богов в храмах. Например, в декрете Филенсис I описано создание культовой статуи для Птолемея V и его жены и даны четкие указания поместить статую в святая святых вместе со святынями местных богов[1]. Таким образом, цари и царицы могли быть интегрированы в храмовую структуру, ее формы, практики и традиции. Предписания о создании культов отражены в жреческих декретах, в то время как другие тексты и изобразительные источники создают образы обожествленных царей и цариц.

Несмотря на существование различных форм почитания Береники I[2], традиционно происхождение культа цариц связывают с Арсиноей II[3]. Вопрос о причинах возникновения ее культа тесно связан с дискуссией о дате ее смерти, поскольку в историографии долгое время считалось, что ее обожествление произошло сразу после смерти в 270 г. до н.э. Основным источником выступает Мендесская стела, на которой высечено, что «эта богиня вознеслась на небо» в месяце пахон 15-го года правления Птолемея II[4]. Поскольку годы царя

Mainz: Philipp von Zabern, 1979. S. 149. Quaegebeur J. The Egyptian clergy and the cult of the Ptolemies. P. 100.

[1] Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 A.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901.

[2] В Александрии существовал храм, посвященный Беренике I. Athen. V. 202d; Rice E.E. The Grand Procession of Plolemy Philadelphus. Oxford, 1983. P. 22–23; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 94; Weber G. Ungleichheiten, Integration oder Adaptation? Der ptolemäische Herrscher- und Dynastiekult in griechischmakedonischer Perspektive // Alexandreia und das ptolemäische Ägypten - Kulturbegegnungen in hellenistischer Zeit / Ed. Weber G. Berlin, 2010. P. 70; Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. S. 65;

[3] Ей был посвящен храм в царском дворце в Мемфисе, где верховный жрец Птаха принял жреческий титул «пророк Арсинои, Богини, Любящей Брата, Исиды, Матери Аписа». В этом качестве Арсиноя становилась источником вечного обновления царской власти, уподобляясь Исиде и священной корове. Другой храм был возведен в ее честь жрецами Атума в Пифоме в новом городе Арсиноя, а еще один – в Коптосе. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 97.

[4] Приложение № 8.3. Urk. II. 28–54; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 73–108, no. 6; Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181). P. 64–65.

традиционно отсчитывались от его соправительства с отцом (285–284 г. до н.э.), это событие датировали июлем 270 г. до н.э.[1]. Р. Пфайффер обратил внимание на схолию к поэме Каллимаха, где упоминалось, что смерть Арсинои наступила в полнолуние, что соответствовало 9 июля 270 г. до н.э.[2]. Другие сторонники традиционной датировки опираются на папирологические свидетельства. Так, Х. Кадель-Шарпантье указывает, что эпонимное жречество Арсинои засвидетельствовано в 269–268 гг. до н.э., что, по ее мнению, доказывает учреждение культа сразу после кончины царицы[3]. М. Минас-Нерпель также склоняется к дате 270 г. до н.э., утверждая, что после календарной реформы 267–276 г. до н.э. все события пересчитывались ретроактивно[4], а противоречия с Пифомской стелой, где Арсиноя упоминается в 16-м году правления Птолемея II, М. Минас-Нерпель объясняет тем, что события там перечислены не хронологически, а тематически. Л. Крискуоло предполагает, что упоминания царицы после ее смерти могли быть данью уважения к почившей правительнице, своего рода «призрачным присутствием»[5].

Альтернативную точку зрения предложил Э. Гжибек, выдвинув гипотезу, что стелы используют разные системы отсчета: Мендесская ведет счет от начала соправительства Птолемея I и Птолемея II (285–284 г. до н.э.), а Пифомская – от единоличного правления Птолемея II (283–282 г. до н.э.). Соответственно, 15-й год

---

[1] van Oppen de Ruiter B.F. The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2010. Bd. 174. P. 139.

[2] Callim. F228.

[3] Cadell-Charpentier H. À quelle date Arsinoé II Philadelphe est-elle décédée? // Le culte du souverain dans l'Égypte ptolémaïque / Ed. H. Melaerts. Louvain, 1998. P. 1–3. В папирусе P.Sorb. inv. 2440, датированном месяцем аднайосом 18-го года (268–267 гг. до н.э.), упомянута ранее неизвестная канефора (Береника, дочь Андромаха), что позволяет отнести учреждение этой жреческой должности к более раннему сроку – к началу македонского царского года (конец месяца дистра). Таким образом, дата, предложенная Э. Гжибеком, неприемлема, и следует считать, что культ богини Филадельф был учрежден именно после смерти Арсинои II в июле 270 г.

[4] Minas-Nerpel M. Die Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit // Aspekte Spätägyptischer Kultur, Festschrift für Erich Winter zum 65 / Eds. M. Minas-Nerpel, J. Zeidler. Geburtstag. Mainz 1994. S. 207-209.

[5] Criscuolo L. Review of Grzybek 1990 // Aegyptus. 1991. Vol. 71. P. 282–289.

по первому счету равен 16-му году по второму, и присутствие Арсинои II в записях за 16-й год не только не противоречит ее смерти в 15-м, но и подтверждает ее. Таким образом, смерть царицы могла наступить в 268 г. до н.э.

Б. ван Оппен развивает аргументацию Э. Гжибека, но добавляет важные соображения о природе культа. Он обращает внимание, что Пифомская стела уже в записях за 12-й год (ок. 274 г. до н.э.) именует Арсиною богиней, любящей своего брата[1]. Та же стела сообщает об основании храма Арсинои в 16-й год (что по альтернативному счету соответствует 270–269 г. до н.э., а по традиционному – более позднему сроку). Нумизматические данные, по интерпретации И. Свороноса, указывают на выпуск монет с легендой «Арсинои Филадельфы» с 271 г. до н.э.[2]. Все это, по мнению Б. ван Оппена, доказывает, что Арсиноя была обожествлена еще при жизни, независимо от культа богов Адельфов. Следовательно, упоминания о ее культе не могут служить доказательством даты ее смерти. В пользу 268 г. до н.э., считает он, говорит и политический контекст: Хремонидов декрет (август 268 г. до н.э.) упоминает «политику сестры» царя, что выглядит логичнее, если она умерла всего за несколько недель до этого, а не двумя годами ранее[3].

Данную датировку поддерживает М.С. Апенко, считая, что именно в 266–265 гг. до н.э. возникла реальная потребность в создании культа, который мог бы выполнять функции династического в египетской среде, поскольку из фрагмента Саисской надписи, датированного 21-м годом правления Птолемея II, складывается впечатление, что в Египте в это время произошло некое бедствие, связанное, видимо, с нехваткой урожая[4]. Из-за этого по статусу Птолемея II, как неспособного справиться со своими обязанностями, был нанесен ущерб. И чтобы решить данную

[1] Urk. II. 94, 11. 8-11.

[2] Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. Vol. I. P. 83–95.

[3] van Oppen de Ruiter B.F. The Death of Arsinoe II Philadelphus: The Evidence Reconsidered. P. 148–149. Более актуальный разбор монет с изображением Арсинои II см. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 109–116.

[4] Апенко М.С. Культ Арсинои II Филадельфы: причины распространения в египетской среде. С. 38.

проблему, начинается активное введение культа погибшей царицы, который пропагандировал бы царскую легитимность и связывал египетское жречество узами лояльности с правящей династией.

Таким образом, дискуссия сводится к двум основным позициям. Традиционная настаивает на смерти царицы в 270 г. до н.э. и посмертном учреждении культа, объясняя противоречия источников либо ретроактивным счетом, либо тематическим построением текстов. Альтернативная позиция отстаивает дату смерти Арсинои II 268 г. до н.э. и существование культа при жизни царицы. Более обоснованной представляется традиционная версия учреждения посмертного культа после смерти царицы в 270 г. до н.э. с учетом данных об учреждении жречества канефоры и нумизматических свидетельств. Учредителем культа являлся, как кажется, именно Птолемей II, который ранее уже обожествил своих родителей и вряд ли упустил бы аналогичную возможность по отношению к супруге после ее смерти. А последующие в 260-х гг. до н.э. экологические проблемы стали удобным поводом для более активного распространения уже установленного культа.

Кроме этого, в пользу посмертного обожествления Арсинои II говорят прецеденты в истории Египта. Наиболее известный пример – царица-мать Яхмос-Нефертари, почитавшаяся как локальная богиня-покровительница мастеров фиванского некрополя[1]. Вопрос о прижизненном культе цариц как богинь остается более сложным. Главным критерием подлинного обожествления, по мнению В.А. Большакова, следует считать наличие институализированного прижизненного культа[2]. Однако надежные свидетельства его существования до периода Птолемеев крайне редки. Исследователи предполагают, что официальный прижизненный культ могли иметь царица Тия (в Седеинге), Мут-Туи (в Рамессеуме) и Нефертари-Меритенмут (в Рамессеуме и малом храме в Абу-Симбеле), однако эти случаи

[1] Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства. С. 33–44.
[2] Там же. С. 40–43.

остаются предметом дискуссии[1]. Таким образом, учреждение посмертного культа Арсинои опиралось на существовавшую египетскую традицию почитания царственных женщин, но при этом появились новые формы почитания, связанные с эллинистическими практиками.

Следующая царица Береника II была тесно связана с божественной сферой еще в начале правления, когда прядь ее волос, принесенная в храме Арсинои-Афродиты, исчезла и появилась на небе в виде созвездия. Катастеризм, таким образом, предвещал божественность Береники[2]. Также в конце лета 243 г. до н.э. Птолемей III и Береника II были обожествлены как боги Эвергеты, их культ был присоединен к культу Александра и богов Адельфов[3]. Культ был сосредоточен в александрийском Серапеуме, и Птолемей III инициировал строительство нового Серапеума, который должен был вмещать культовую статую Сераписа, Ниломер, гробницы Александра Великого и обожествленных Птолемеев, а возможно, и храмовую библиотеку[4]. Кроме того, в 239 г. до н.э. у богов Эвергетов появился собственный храм в Канопе[5]. Кульминацией развития стал Канопский декрет 238 г. до н.э., в котором, согласно календарной реформе, к 365 дням года добавлялся шестой эпагоменальный день, посвященный богам Эвергетам[6]. Этот день,

---

[1] Там же. С. 41–43.

[2] Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // The American Journal of Philology. 1992. Vol. 113. No. 3. P. 359–385.

[3] Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World / Eds. A. Bulloch et al. Berkeley; Los Angeles; London, 1993. P. 110–113. University of California, Berkeley – организация, деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации; Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den demotischen und griechischen Papyri. S. 102–103. Примечательно, что, Птолемей II ввел культ богов Адельфов на 14-м году правления (272–271 гг. до н.э.), то почитание богов Эвергетов было введено всего на 5 год правления Птолемея III.

[4] Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 144.

[5] Pfeiffer S. Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematik und Einordnung der Kultformen. Munich, 2008. S. 54–55.

[6] Приложение № 8.7. OGIS 56; Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. P. 96; Quaegebeur J. Reines Ptolemaiques et traditions egyptiennes. P. 254, 257; Minas-Nerpel

празднуемый раз в четыре года, связывал царскую чету с Исидой-Сотис, чей гелиакический восход знаменовал начало разлива Нила, однако календарная реформа вскоре была отменена. Индивидуальный культ Береники II устанавливается посмертно в 211–210 гг. до н.э. с введением жречества атлофоры Береники.

Дальнейшее развитие культа связано с обожествлением Арсинои III и Птолемея IV Филопатора, как богов Филопаторов вскоре после их брака[1]. Их почести были увеличены после победы при Рафии в 217 году до н.э. и зафиксированы в Рафийском декрете[2]. В 216 г. до н.э. в ходе реформ Птолемея IV он и его супруга были включены в александрийский культ как боги Филопаторы, в 215–214 г. до н.э. в династический культ наконец были включены Птолемей I и Береника I, боги Сотеры[3]. Индивидуальная жрица для Арсинои III была введена также посмертно. Таким образом, формирование династического культа заканчивается при Птолемее IV, а культ цариц приобретает свое институциональное оформление. Дальнейшие изменения будут связаны с тем, что учреждение жриц для индивидуального культа цариц происходит при жизни, становится более динамичным (встречаются случаи переименования должности жрицы и введение в должность нескольких жриц для культа одной царицы). Формы почитания: культовые статуи, титулатура и иконография цариц также будут

M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. S. 135.

[1] Это зафиксировано в титулатуре жрецов: известен жрец Амона, богов Адельфов, богов Эвергетов и богов Филопаторов, а также верховный жрец Мемфиса, пророк богов Эвергетов и богов Филопаторов. См. Lanciers E. Die Vergöttlichung und die Ehe des Ptolemaios IV. und der Arsinoe III // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1988. Vol. 34. P. 27–28.

[2] Приложение № 8.9. Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166... P. 15–16; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 22001–22208. S. 218–219.

[3] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den demotischen und griechischen Papyri. S. 114–116; Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure. P. 56–57.

претерпевать изменения, несмотря на то, что культ Арсинои II стал отправной точкой для всех последующих культов цариц Птолемеев.

§ 1.2. Организация института жречества

В рамках официального династического культа в двух крупных центрах почитания Птолемеев – Александрии и Птолемаиде назначались жрецы. При этом титулы жрецов, служивших царям, были унифицированными, тогда как для цариц существовали специфические должности: канефора, атлофора, священный жеребенок, фосфора и стефанофора. При этом для Арсинои III, Клеопатры I и Клеопатры II использовался лишь базовый титул (ἱέρεια / *tȝ wʿbt*). Этот факт представляет значительный интерес, поскольку отражает взаимодействие греческих и египетских религиозных традиций в рамках царского культа и указывает на особые условия развития культа цариц, которые обусловили выбор титула для жрицы. Важно выяснить происхождение данных жреческих титулов, цель их заимствования из греческой религиозной традиции и их символическое значение. Это позволит установить, насколько культ цариц Птолемеев был связан с культами отдельных богинь, и каков был характер почитания цариц в эллинистическом Египте.

Основным источником для исследования института жречества служат греческие и демотические папирусы, где в датировочных формулах поименно перечислялись жрецы и жрицы культа Птолемеев. Следует отметить, что к концу II в. до н.э. формулы датировки из-за громоздкости стали значительно сокращаться, в связи с чем прямые сведения о продолжительности существования конкретных жреческих должностей фрагментарны. Поэтому зачастую время учреждения жречества возможно вплоть до года, при этом продолжительность существования отдельных должностей установлено предположительно.

Функции жриц включали участие в торжественных процессиях на праздниках в честь династии. Во время процессий жрицы несли сакральные

предметы, которые имели глубокое религиозное значение. Из-за нехватки источников невозможно определить эти предметы для всех жриц. Однако маловероятно, что они принимали участие в процессиях с пустыми руками, поскольку церемониальные предметы обычно служили важным элементом культовой символики. Помимо участия в процессиях, жрицы также выполняли ритуальные обязанности в храмах: проводили обряды и приносили жертвы.

В целом институт жречества цариц, демонстрировал выраженные греческие черты. Об этом свидетельствуют титулы жриц, не имевших аналогов в египетской культовой практике. Однако со временем этот институт, вероятно, испытал влияние египетских религиозных элементов, адаптированных к эллинистической культуре, о чем свидетельствует, например, учрежденное в честь Клеопатры III жречество священного жеребенка Исиды, великой матери богов, а также одежда жриц – платье с узлом Исиды.

§ 1.2.1. Канефора Арсинои II

Учреждение отдельного жречества для Арсинои II, царицы Птолемеев, впервые зафиксировано около 268–267 г. до н.э. в Александрии. В папирусе из Оксиринха, который содержит фрагмент труда историка Сатира из Каллата «О демах Александрии»[1], упоминается шествие в честь Арсинои II, возглавляемое канефорой. Жречество Арсинои II было также учреждено в Птолемаиде, где канефора впервые упоминается в папирусе 183–182 г. до н.э.[2] Титул «канефора»

[1] P.Oxy 2465, fr. 2, col. 1. Schorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia // Punica, Libyca, Ptolemaica : Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag, dargebracht von Schülern, Freunden und Kollegen / Eds. K. Geus, K. Zimmermann. Leuven, 2001. S. 199–220; Grabowski T. The Cult of the Ptolemies in the Aegean in the 3rd Century BC. P. 121. Г. Хельбль считает, что канефора была учреждена в 269 г. до н.э. Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 103. Также в папирусе P.Sorb. inv. 2440 (268–267 гг. до н.э.), упомянута канефора Береника, дочь Андромаха. См. Cadell-Charpentier H. À quelle date Arsinoé II Philadelphe est-elle décédée? // Le culte du souverain dans l'Égypte ptolémaïque / Ed. H. Melaerts. Louvain, 1998. P. 1–3.

[2] P.dem.Mainz 7. Zauzich K.-Th. Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolomäischer Zeit. S. 37; Quaegebeur J. Documents concerning a Cult

(κανηφόρος / *fy-tnɜ-nb*) имеет греческое происхождение, восходит к архаическим культам VIII–VI вв. до н.э. и обозначает жрицу, несущую корзину с предметами для жертвоприношений. Введение этой должности для культа Арсинои II, вероятно, указывало на стремление придать культу эллинский характер, отражая его связь с традициями греческой религиозной культуры.

Исследователи предполагают, что изображения канефор – молодых незамужних девушек, возглавлявших праздничные процессии с корзинами, содержащими ритуальные предметы, – появились уже в VII в. до н.э. в таких центрах, как Коринф, Фивы и Афины[1]. В праздничных процессиях канефоры играли важную роль: их корзины содержали предметы, необходимые для жертвенных обрядов: жертвенный нож, ячмень, ленты[2]. Форма корзин варьировалась в зависимости от региона и времени: от простых неглубоких до более сложных по конструкции с высокими ручками, напоминающими рога.

Наиболее известным праздником, где канефоры играли значительную роль еще с архаического периода Греции, были Великие Панафинеи[3]. Со временем канефоры стали участвовать в других культовых празднествах по всей Греции[4], в

---

of Arsinoe Philadelphos at Memphis. P. 243. Г. Хельбль считает, что назначение на должность произошло в 184-183 гг. до н.э. Hölbl G. Op. .cit. P. 171.

[1]Изображения канефор появляются на керамике VII-VI вв. до н.э. Так, на амфоре из Коринфа изображены канефора и хор из девушек. Музей археологии и антропологии Пенсильванского университета, инв. MC552: Dohan E.H. Some Unpublished Vases in the University Museum, Philadelphia // American Journal of Archaeology. 1934. Vol. 38. No. 4. P. 523. На чернофигурной лекане сер. VI в. до н.э. из Беотии канефора возглавляет процессию для Афины. Британский музей, инв. 1879,1004.1: Roccos L.J. The Kanephoros and Her Festival Mantle in Greek Art // American Journal of Archaeology. 1995. Vol. 99. P. 651. На афинском лекифе VI в. до н.э. за канефорой следуют двое юношей, держащих двух быков. Музей изящных искусств в Бостоне, инв. 13.195: Caskey L.D., Beazley J.D. Attic Vase Paintings in the Museum of Fine Arts. Part I. London, 1931. P. 10–11. См. также Давыдова О.А. Трансформация почетной должности канефоры от архаической Греции до птолемеевского Египта. Восток (Oriens). 2026. № 1. С. 37–49.

[2]Ar. Pax. 948.

[3] IG II^2. 334. Согласно мифам, канефор для этих празднеств учредил легендарный царь Афин Эрихтоний, сын богини Геи. Apollod. Bibl. III. 14.6; Philoch. FGrHist. 328.8.

[4] Свидетельства об участии канефор в других греческих праздниках: Герайи в Аргосе (Dion. Hai. Rhet. I.21); Басилеи в Лейбадейях (Plut. Mor. 771 A); праздник Артемиды в Сиракузах (Theoc.

честь Зевса, Аполлона, Асклепия, Деметры, Артемиды. Афина и Артемида, в частности, могли служить иконографическими прототипами канефор[1], ведь на эту роль избирались незамужние девушки, что отражало девственную чистоту богинь.

Канефорами становились девушки из знатных семей, находившиеся на пороге замужества[2]. Таким образом, статус канефоры являлся древней и почетной привилегией, предоставляемой исключительно молодым девушкам из аристократических семей. Соответственно, выбор титула канефоры для жрицы Арсинои II представляется обоснованным, поскольку он обозначал известный и престижный культовый статус, глубоко укоренившийся в греческой религиозной традиции и широко распространенный на территории Греции. Вероятно, подобно своим греческим «коллегам», египетская канефора Арсинои II также была молодой незамужней девушкой из знатной семьи, что подчеркивало элитарный характер должности и ее связь с греческими традициями. Исследователь Б. ван Оппен предполагает, что корзина канефоры Арсинои II вместо традиционных предметов для жертвоприношения, могла содержать свежие плоды[3], что символически отсылало к двойному рогу изобилия – известному атрибуту царицы. Этот элемент подчеркнул бы богатство и плодородие, ассоциировавшиеся с образом

II.66); Дионисии в Афинах (schol. Aristoph. Ach. 242; IG II^2, 668, 896, 3489), на Скиросе (IG 12/8, 666); Бравронии (Philoch. FGrHist. 101); Элевсинии в честь Деметры и Персефоны (schol. Aristoph. Av. 1508, IG II^2 3554); Эпидаврии в честь Асклепия (IG II^2 4456, 3554) и другие праздники. См. Давыдова О.А. Указ. соч. С. 37–49.

[1] Roccos L.J. The Kanephoros and Her Festival Mantle in Greek Art // American Journal of Archaeology. 1995. Vol. 99. P. 642. Косвенным подтверждением этому служит ритуал, описанный в схолиях к Феокриту: девушки, готовящиеся к замужеству, совершали шествие в качестве канефор в рощу Артемиды, чтобы принести подношения и искупить перед богиней предстоящую потерю девственности. Схолии к Theoc. Id. II. 66. Lillian B. A Lion among Ladies (Theocritus II, 66–68) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 88–98; Brelich A. Paides e parthenoi. Rome, 1969. P. 311–312.

[2] Герса, дочь афинского царя Кекропса, выступала канефорой на Панафинейских празднествах, где привлекла внимание бога Гермеса. См. Ovid. Мет. II.711–714. В канефору Орифию, дочь другого афинского царя, влюбился бог северного ветра Борей. См. Akous. FGrHist. 2 F30. Также о сестре аристократа Гармодия, чью кандидатуру на роль канефоры отверг тиран Гиппарх см. Thuc. VI.56.1.

[3] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 146.

обожествленной царицы. В то же время корзина канефоры могла включать ритуальные предметы, используемые для жертвоприношений, что акцентировало ее религиозную функцию и связь с греческими традициями. Сама корзина, как считают М. Минас-Нерпель и К. Лорбер, могла быть сделана из золота[1].

С учетом широкого распространения культа Арсинои II за пределами Египта, канефоры были учреждены не только в Александрии и Птолемаиде, но также на Кипре, например, в Идалионе и Китионе[2]. Скорее всего, они выполняли схожие функции, поддерживая традиции, сформированные в Александрии. Это способствовало унификации культового образа Арсинои II на разных территориях.

Титул канефоры Арсинои II, вероятно, не был связан с культом какой-либо конкретной богини, но был выбран по причине широкой известности канефор. Этого факта, по-видимому, было достаточно, чтобы утвердить данный титул для жрицы Арсинои II, особенно учитывая, что сама царица почиталась как самостоятельная богиня, разделяя храмы с другими божествами[3]. Канефора Арсинои II, таким образом, воспринималась как самостоятельная фигура в культе, подобно канефоре Афины или Артемиды, что позволяло ей выполнять значимые культовые функции, например, ежедневные ритуалы, представлявшие собой серию

[1] Minas-Nerpel M. Die Kanephoros. Aspekte des ptolemaischen Dynastiekultes. S. 40-45; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire. P. I. Vol. I. P. 100.

[2] В надписи 255–254 гг. до н.э. из Идалиона упомянута канефора Арсинои. В Китионе Андромах, сын Ирены дочери Птолемея, жрицы Арсинои в 199–171 гг. до н.э., установил статую матери. Connelly J.B. Portrait of a Priestess: Women and Ritual in Ancient Greece. Princeton, 2007. P. 38–39. В надписи из Кипра упоминается Ониситим, сын Аристона, назначенный на роль канефора Арсинои Филадельфы. Он также заведовал делами местного гимнасия. Это уникальный случай, когда данную должность занимал мужчина, к тому же обладающий административными полномочиями, что свидетельствует о тесной связи гражданской общественной жизни и царским культом на Кипре. Mitford T.B. The Character of Ptolemaic Rule in Cyprus // Aegyptus. 1953. Vol. 33. 80–90; Nicolaou I. Inscriptiones Cypriae Alphabeticae XXXII, 1992 // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. 1993. P. 223–232; Anastassiades A. Ἀρσινόης Φιλαδέλφου: Aspects of a specific cult in Cyprus // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. 1998. P. 129–140.

[3] Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult. P. 433; Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 64.

действий, каждое из которых сопровождалось гимнами или молитвами перед культовой статуей царицы в храме[1].

Одно из последних упоминаний канефоры относится к 68 г. до н.э.[2], однако само жречество, по-видимому, просуществовало вплоть до римского присоединения Египта. На некоторых территориях, прежде входивших в состав египетского царства, например, на Кипре, культ Арсинои II и, соответственно, институт канефор мог сохраняться еще продолжительное время.

§ 1.2.2. Атлофора Береники II

В 211–210 г. до н.э., после смерти Береники II, ее сын Птолемей IV учредил в Александрии жречество атлофоры[3]. Этот титул не имел прямых аналогов в греческой религиозной традиции. Сам титул атлофора (ἀθλοφόρος / *fy-šp-ḳny*) переводится как «носительница приза». Соответственно, атлофора во время торжественных праздничных процессий могла нести предметы, связанные с победами Береники II на общеэллинских соревнованиях – трофеи, полученные за победы в гонках на колесницах[4].

Этот титул был функционально близок к титулу канефоры, что, вероятно, подразумевало участие жрицы в процессиях, однако вместо корзины атлофора могла нести венок из оливы или ленту, традиционно вручавшиеся победителям Олимпийских игр[5]. Важно отметить, что в датировочных формулах греческих и демотических папирусов атлофора упоминается перед канефорой[6], что может указывать на более высокий статус этой должности. Однако остается неясным, в

---

[1] Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples. P. 51.

[2] P. Moskau Puschkin Museum 123. Malinine M. Partage testamentaire d'une propriété familiale (Pap. Moscou no 123) // Revue d'Égyptologie. 1967. Vol. 19. P. 67–85.

[3] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 170.

[4] См. §2.2.1.

[5] Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 157.

[6] Например, P.BM EA 10230. Reich N.J. Papyri juristischen Inhalts in hieratischer und demotischer Schrift aus dem British Museum. S. 77–82; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 137.

каком порядке следовали эти жрицы в процессиях – атлофора перед канефорой или наоборот.

Титул атлофоры не имеет прямых аналогов в греческих культах и не связан с почитанием какой-либо богини. Скорее всего, он был создан по образцу канефоры Арсинои II, но специально для Береники II, что подчеркивает индивидуальность этого титула в контексте династического культа Птолемеев. Следовательно, жречество атлофоры было связано не столько с греческими религиозными практиками, сколько с попыткой укрепить статус и культ царицы, подчеркивая ее победы и достижения.

§ 1.2.3. Жрица Арсинои III

В отличие от жриц Арсинои II и Арсинои III, чьи титулы подчеркивали их связь с конкретными культовыми функциями и символикой (канефора, атлофора), жрицы Арсинои III и Клеопатры II носили традиционный титул «жрица» (ἱερεία / *tɜ wʿbt*), не имевший индивидуализирующих черт. Такое решение, на первый взгляд, противоречит тенденции к созданию уникальных титулов, характерной для культа предшествующих цариц. Введение новых уникальных титулов продолжало бы начатую традицию.

На первый взгляд, отсутствие уникальных титулов у жриц Арсинои III и Клеопатры II можно объяснить тем, что их образы существенно не выделялись на фоне предшественниц[1]. Однако следует помнить, что Арсиноя III, стала бы регентом при малолетнем наследнике, если бы не была убита в 204 г. до н.э. в результате заговора Сосибия и Агафокла[2]. Клеопатра II, в свою очередь, пыталась оказать политическое давление на своего супруга Птолемея VIII, а затем и на его

[1] В то же время в отношении Арсинои следует упомянуть о ее присутствии во время битвы при Рафии 217 до н.э., что уже само по себе является значимым для супруги царя не только в эллинистическом Египте, но и среди других царств. Polib. V.83.3, 84.1, 87.6; Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 18–19; 27–28; Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ // Клио. 2025. № 8 (224). С. 205–206.

[2] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 134.

вторую супругу Клеопатру III, и даже на некоторое время стала единоличной правительницей Египта[1]. Создается впечатление, что, при назначении на должность жриц для Арсинои III и Клеопатры II, была предпринята попытка нивелировать воспоминания о царицах, придавая их культу намеренно обобщенные, лишенные индивидуальности черты. Для более глубокого понимания этого вопроса необходимо рассмотреть жречество каждой из данных цариц в отдельности.

На празднике Птолемеи в 199–198 г. до н.э. была представлена жрица Арсинои III Филопаторы – ее должность заняла некая Эйрена, дочь Птолемея (ἱερεία Ἀρσινόης Φιλοπάτορος Εἰρήνης τῆς Πτολεμαίου)[2]. Примечательно, что в отличие от канефоры и атлофоры, сменявшихся ежегодно, Эйрена оставалась на посту жрицы Арсинои III около двадцати восьми лет. Только в 166–165 г. до н.э. ее сменила Клеайнете, дочь Нуминия (Κλεαινέτη τῆς Νουμήνιου)[3]. Однако, вероятно, произошло какое-то неожиданное событие, так как уже на следующий год должность перешла к Демарион, дочери Митрофана (Δημάριον τῆς Μητροφάνους)[4], которая уже оставалась в этом статусе около пятнадцати лет, до 150–149 г. до н.э.[5]. После Демарион в течение примерно четырех лет жрицей Арсинои Филопаторы

[1] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 197–204; См. также Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 30.

[2] P.dem.Berl 13593: Gorre G. P.Berlin 13593: Nouvelle interprétation // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 2010. Vol. 56. No. 1. P. 77–90; P.dem.Cairo 3 50132: Spiegelberg W. Die Demotischen Denkmäler III: Demotische Inschriften und Papyri (Nos. 50023 – 50165). Berlin, 1932. S. 96; P.dem.Louvre 2435: Devéria T. Catalogue des manuscrits égyptiens écrits sur papyrus, toile, tablettes et ostraca en caractères hiéroglyphiques, hiératiques, démotiques, grecs, coptes, arabes et latins qui sont conservés au musée égyptien du Louvre. Paris, 1874. P. 214; Hölbl G. Op. cit. P. 171.

[3] P.Tebt. III 811: Hunt A.S., Smyly J.G. The Tebtunis Papyri. Vol. III. Part I. London: Milford, 1932. P. 260–270; P.dem.Cairo II 31042: Spiegelberg W. Die demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601–31270 & 50001–50022). Leipzig, 1908.

[4] P.dem.Tuna ined. 10, 11, 12. Enchoria III: Zeitschrift Fur Demotistik Und Koptologie: 3 / Eds. E. Luddeckens et al. Leipzig: Harrassowitz, 1973. S. 4; Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt… P. 28–29.

[5] P.dem.BM ined. 10620 A. Glanville S.R.K., Skeat T.C. Eponymous Priesthoods of Alexandria from 211 B.C // The Journal of Egyptian Archaeology. 1954. Vol. 40. P. 53.

служила Аполлония, дочь Исократа (Ἀπολλωνία τῆς Ἰσοκράτους)[1], а затем с 141–142 по 116–115 г. до н.э. пост занимала Артемо, дочь Селевка (Ἀρτεμώ τῆς Σέλευκου), прослужив около двадцати пяти лет[2]. Далее проследить преемственность жриц становится затруднительно, поскольку в более поздних сокращенных формулах датировок часто упоминается лишь титул жрицы Арсинои Филопаторы без имени назначенной на должность девушки. Одно из последних известных упоминаний этого жречества датируется 99 г. до н.э.[3].

Обстоятельства смены жриц остаются неизвестными, однако длительные сроки службы – двадцать восемь, двадцать пять и пятнадцать лет – позволяют предположить, что данная должность могла быть пожизненной, если ее прекращению не способствовали исключительные обстоятельства. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что жречество не занимало видного места в официальном культе Птолемеев. Ротация жреческих должностей обычно обеспечивала передачу привилегий между влиятельными семьями, укрепляя их лояльность династии, однако не в данном случае. Кроме того, жрица Арсинои III занимала последнее место после атлофоры и канефоры и, в отличие от них, данная должность не была также учреждена в Птолемаиде. Тем не менее, устойчивость института жрицы Арсинои III, который упоминался в датировочных формулах более века, свидетельствует о сохраняющемся уважении к ее культу. На этом фоне весьма заметен контраст с культом Клеопатры II, просуществовавшим около сорока лет и прекратившимся вскоре после ее смерти или даже раньше.

---

[1] P.dem.Meermanno-Westr. 3, P.demWien.Kunsth.Mus. 3874: Clarysse W., Van der Veken G. Op. cit. P. 30–31; P.dem.Cairo II 30605: Spiegelberg W. Die demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601–31270 & 50001–50022). Leipzig, 1908.

[2] P.dem.Ashm. 3: Reymond E.A.E. Catalogue of Demotic Papyri in the Ashmolean Museum. Vol. I. Oxford, 1973. P. 10–15; P.dem.Cairo II 30602, P.dem.Cairo II 30603: Spiegelberg W. Die demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601–31270 & 50001–50022). Leipzig, 1908.

[3] P. Strasb. dem. 43: Spiegelberg W. Die demotischen Papyrus der Strassburger Bibliothek. Strassburg, 1902. S. 27–29. Taf. VIII. Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ. С. 205–206.

§ 1.2.4. Жрица Клеопатры I

В 177 гг. до н.э. в датировочных формулах греческих и демотических папирусов происходят значительные изменения: появляется «жрец Птолемея и Клеопатры, его матери, богов Эпифанов» (ἐφ᾽ ἱερέων βασιλέως δὲ Πτολεμαίου καὶ Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς)[1]. Данный титул жреца указывает на включение Клеопатры I в династический культ Птолемеев и имеет несколько примечательных особенностей. Ранее титулы для цариц учреждались исключительно посмертно, как это произошло с предшественницами Клеопатры I. Она же скончалась около 176 гг. до н.э.[2], поэтому жречество, возможно, было учреждено незадолго до ее смерти. Это отклонение от традиции, согласно которой инициатива учреждения культа исходила от мужа или сына уже покойной царицы. Также уникальна сама композиция культовой пары: мать и сын, поскольку, как правило, династические пары формировались из мужа и жены: супруги Птолемей I и Береника I составляли пару богов Сотеров, Птолемей II и Арсиноя II – пару богов Адельфов и т.д.

Другая особенность – неустойчивость данной должности. Как правило, год от года меняются имена жрецов, но их титулы остаются неизменными на протяжении всего времени своего существования. Например, канефора – жрица Арсинои II, впервые упоминаемая примерно с 183 г. до н.э. в Птолемаиде, а в Александрии – с 268–267 г. до н.э., просуществовала неизменно более двухсот лет до 70–50-х гг. до н.э. Титул атлофоры – жрицы Береники II – также был весьма

[1] P. BM EA 10230: Reich N.J. Papyri juristischen Inhalts in hieratischer und demotischer Schrift aus dem British Museum. S. 77–82.

[2] Папирус P. Coll. Youtie 1.12, датированный 177 г. до н.э., где заключенный требует своего освобождения, утверждая, что судебным решением, вынесенным царицей Клеопатрой I и царем Птолемеем VI, с него были сняты предъявленные обвинения, дает основания исследователям полагать, что царица скорее всего умерла в 176–175 гг. до н.э. См. Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (IIe siècle av. J.-C.) // Femmes influentes dans le monde hellénistique et à Rome IIIe siècle avant J.-C. - Ier après J.-C / Eds. A. Bielman Sánchez, I. Cogitore, A. Kolb. Grenoble: Université Stendhal, 2016. P. 165.

постоянен: он появляется в датировочных формулах с ок. 211 г. до н.э. и сохраняется более чем на сто лет.

Эволюция титула жреца для Клеопатры I и ее сына Птолемея VI отражает уникальные изменения в династическом культе и может указывать на постепенное переосмысление роли царицы в религиозной и политической сфере на фоне исторических событий. Первоначально, в 177 гг. до н.э., появляется жрец «Птолемея и Клеопатры, его матери, богов Эпифанов»[1], что символизирует их совместное включение в культ и подчеркивает необычное объединение матери и сына как божественной пары. Однако с 164 г. до н.э. в формулах присутствуют отдельно: «жрец Птолемея Филометора» и «жрица Клеопатры, матери Птолемея, [от] бога Эпифана Эвхариста»[2]. Это изменение, вероятно, отражает усиливающуюся потребность поддержать обособленный статус Птолемея VI после смерти матери. Спустя восемнадцать лет, в 146 г. до н.э., титул трансформируется в «жрицу Клеопатры божественной матери Эпифаны»[3], и этот вариант просуществует около десяти лет, пока не исчезнет из датировочных формул.

Причины трансформации жреческого титула обусловлены политическими событиями. Династический культ играл всегда важную роль для легитимации власти, поэтому его нестабильность могла свидетельствовать о политическом кризисе. Это и произошло в 180 г. до н.э., когда после относительно успешного

---

[1] P.BM EA 10589: Shore A.F., Smith H.S. Two Unpublished Demotic Documents from the Asyūṭ Archive // Journal of Egyptian Archaeology. 1959. Vol. 45. P. 53–59; P.dryton.1.11: Vandorpe K. The Bilingual Family Archive of Dryton, his Wife Apollonia and their Daughter Senmouthis. Brussel, 2002. P. 49–50; P.BM EA 10597: Thompson H. A Family Archive from Siut from Papyri in the British Museum Including an Account of a Trial before the Laocritae in the Year B.C. 170. Oxford, 1934. P. 73–76. ἐφ’ ἱερέων … βασιλέως δὲ Πτολεμαίου καὶ Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς / *wʿb pr-ʿɜ ptwlms ỉrm ḳlwptrɜ tɜ mwt tɜ fy*(*t*)*-tn-nb*.

[2] P.dryton.1.1: Vandorpe K. Op. cit. P. 49–50.

[3] P.Paris BnF 218: Saint-Martin J.A. Notice sur quelques Manuscrits grecs apportés récemment d'Égypte // Journal des Savants. 1822. P. 555–567, P.Amh. II 45: The Amherst papyri: being an account of the Greek papyri in the collection of Lord Amherst of Hackney / Eds. B.P. Grenfell, A.S. Hunt. London, 1901. P. 55–56. Davydova O.A. Reorganization of the Eponymous Priesthood of Cleopatra I in 177–123 B.C. // Vostok (Oriens). 2025. No. 4. P. 39–47.

правления Птолемея V, трон перешел к его малолетнему сыну Птолемею VI. Из-за возраста (около 6 лет) его мать, Клеопатра I, стала его регентом. При этом ее регентство не только формально, но и фактически закрепляло ее первенство в правящей чете: на первых этапах правления Птолемея VI имя Клеопатры I указывалось первым в датировочных формулах[1].

Клеопатра I исполняла функции регента около четырех лет вплоть до своей смерти. После ее кончины в 176 г. до н.э. началась борьба за власть между ее старшим сыном Птолемеем VI, официально признанным правителем под регентством матери, и его младшим братом Птолемеем VIII. Первоначально конфликт происходил не столько между двумя братьями, сколько между двумя группировками элит, стоявшими за ними. По мере взросления оба Птолемея начали проявлять самостоятельность, участвуя в военных столкновениях и дипломатических интригах. На основании этих обстоятельств можно предположить, что жречество «Птолемея и Клеопатры, его матери, богов Эпифанов» было учреждено для легитимации ее власти[2]. Однако Клеопатра I умерла и, судя по всему, скоропостижно, поскольку не успела оставить завещания, где узаконила бы порядок передачи власти, либо же завещание было уничтожено.

Таким образом, титул жреца для Клеопатры I и ее сына оставался неизменным в течение примерно тринадцати лет, что могло быть обусловлено

[1] В серии папирусов P.Freib. III 12; III 15; III 21; III 22; III 23; III 24; III 25; III 26; III 29; III 35 вместо привычного причастия мужского рода единственного числа используется причастие множественного числа, при этом Клеопатра на первом месте: βασιλευόντων Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς καὶ Πτολεμαίου τοῦ Πτολεμαίου θεοῦ Ἐπιφανοῦς (при правящих Клеопатре матери богине Эпифане и Птолемее, сыне Птолемея бога Эпифана). Partsch J., Wilcken U. Juristische Urkunden der Ptolemäerzeit. S. 6–44; Аналогично в папирусах P. Trier 1 12: Kramer B., Sánchez-Moreno Ellart C.M. Neue Quellen zum Prozeßrecht der Ptolemäerzeit. Gerichtsakten aus der Trierer Papyrussammlung (P.Trier I). Berlin, 2017; SB 20 15156: Hatzitsolis G. Two Ptolemaic Papyrus Fragments // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1991. 89. P. 77–80; Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (IIe siècle av. J.-C.). P. 159. Папирусы были написаны в промежуток с 179 по 176 г. до н.э. Также об этом периоде см. Llewellyn-Jones L. The Cleopatras. The Forgotten Queens of Egypt. Ch. 5.

[2] Davydova O.A. Reorganization of the Eponymous Priesthood of Cleopatra I in 177–123 B.C. P. 40–45.

рядом факторов. Во-первых, политическим элитам было выгодно продолжать видимость покровительства Клеопатры I уже в качестве божественной матери, позволяло как бы продолжать ее политику «от ее имени» и «с ее согласия». Во-вторых, Птолемей VI, будучи занятым военными кампаниями и дипломатическими миссиями, включая визиты в Рим, не до конца понимал важность укрепления власти в южных районах Египта. Только после восстания в Фиваиде в конце 160-х гг. до н.э. Птолемей VI, вероятно, осознавал эту необходимость. Наконец, консерватизм жреческих институтов, для которых изменение титулатуры означало пересмотр ритуалов и перераспределение ресурсов, мог сыграть свою роль.

Первое изменение титулатуры жрицы Клеопатры I, зафиксированное в 164 г. до н.э., связано с восстанием в Фиваиде. Птолемей VI лично возглавил кампанию по подавлению мятежа[1]. Несмотря на длительную осаду города Панополиса, царю удалось успешно подавить восстание, а после этого вместе с экономическими реформами[2] была предпринята попытка укрепить царский культ. В том же 164 г. до н.э., когда Птолемей VI подавлял восстание в Фиваиде и осаждал Панополис, жречество в Птолемаиде, расположенной примерно в 24 км от Панополиса (современные Эль-Моншах и Ахмим соответственно), претерпело изменения. Для Птолемея VI была учреждена отдельная должность жреца Птолемея VI Филометора, а для Клеопатры I – жрица Клеопатры, матери Птолемея, бога

[1] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 181–182; Llewellyn-Jones L. The Cleopatras. The Forgotten Queens of Egypt. Chapter 4. A Little Apocalypse.

[2] Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 290. Многие жители покинули свои деревни, не в силах платить обременительные налоги, что привело к распространению явления, известного как «анахореза» (бегство от налоговых обязательств, ἀναχωρέσις). Uebel F. Tarache ton Aigyption. Ein Jenaer Papyrus-Zeugnis der nationalen Unruhen Oberägyptens in der ersten Hälfte des 2. Vorchristlichen Jahrhunderts // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1962. Vol. 17. S. 147–162. Для решения социально-экономических проблем в дополнение к царскому указу 165 г. до н.э. «О сельском хозяйстве», который предписывал земледельцам сдавать в аренду заброшенные земли по льготным ценам, а скотоводам предоставлять своих животных для обработки царских земель, диойкеты в 164 г. до н.э. издали разъяснительные циркуляры. Это помогло усмирить протесты египетских солдат, которые были полностью освобождены от обязательной аренды. Westermann W.L. The Ptolemies and the Welfare of Their Subjects // The American Historical Review. 1938. Vol. 43. No. 2. P. 276–277.

Епифана Эвхариста[1]. Эти шаги свидетельствуют о стремлении Птолемеев усилить свои позиции не только посредством административных и экономических реформ, но и путем укрепления династического культа.

На первый взгляд можно предположить, что эпитет «бога Эпифана Эвхариста» относится к самому Птолемею VI. Однако Птолемей VI нигде не был назван «Эпифан Эвхарист», этот титул принадлежал Птолемею V, отцу Птолемея VI[2]. То есть, перевод титула должен звучать как «жрица Клеопатры, матери Птолемея [от или рожденного от] бога Эпифана Эвхариста». Такое изменение формулировки отражает преемственность Птолемея VI от своего отца, чья воля оставалась в силе даже после его смерти. Упоминание Птолемея V в титуле жрицы Клеопатры I подчеркивает, что Птолемей VI является не просто сыном матери-регента, но и законным наследником своего отца, а культовая роль Клеопатры I сужается: из равноправного участника божественной пары она становится «каналом» передачи священной власти от Птолемея V к его сыну.

Второе изменение титулатуры жрецов Клеопатры I зафиксировано через восемнадцать лет, в 146 г. до н.э.[3] и являлось следствием перестройки власти после смерти Птолемея VI в 146–145 гг. до н.э. и окончательной победы Птолемея VIII в затяжном конфликте. Новый титул – «жрица Клеопатры божественной матери Эпифаны» (ἱερειῶν Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς) – зафиксирован в нескольких папирусах различной степени сохранности. Титул также можно

[1] P.dryton.1.1 из Диосиполиса Парва 164 г. до н.э.: ἐφ’ ἱερέων βασιλέως δὲ Πτολεμαίου Φιλομήτορος, то есть жреца царя Птолемея Филометора; ἐφ’ ἱερειῶν Κλεοπάτρας δὲ τῆς μητρὸς Πτολεμαίου Θεοῦ Ἐπιφανοῦς Εὐχαρίστου, то есть жрицы Клеопатры матери Птолемея [от] бога Эпифана Эвхариста. Vandorpe K. The Bilingual Family Archive of Dryton, his Wife Apollonia and their Daughter Senmouthis. P. 49–50.

[2] OGIS I 90 (розеттский декрет): Πτολεμαίου θεοῦ Ἐπιφανοῦς Εὐχαρίστου, то есть Птолемея, бога Эпифана Эвхариста. Речь идет о Птолемее V.

[3] Сохранившиеся папирусы в промежутке между 164 и 146 гг. до н.э. упоминают только жрецов из Александрии. В одном папирусе P.Grenf. I 12 от 150 г. до н.э. из Латополиса начинается перечисление жрецов из Птолемаиды, но место в папирусе сильно повреждено, и нельзя точно прочесть все титулы. На поврежденной строчке может хватить места для титула жрицы Клеопатры, матери Птолемея бога Эпифана Эвхариста», но это нельзя точно утверждать.

перевести как «жрица Клеопатры, матери, богини Эпифаны»[1], где эпитет «богиня Эпифана» (Θεὰ Ἐπιφανής) теперь относится исключительно к ней, а не к ее сыну или мужу.

Новый царь, известный своей жестокостью[2], стремился минимизировать символику, связанную и со своим предшественником, и с отцом, против решения которого выступал Птолемей VIII. Уже по традиции требовалось обожествить умерших родителей, чтобы поддержать свой статус как их преемника, но сильный акцент на почитании отца мог бросить тень на правление Птолемея VIII, так как преемником Птолемея Эпифана Эвхариста был погибший Птолемей VI, в смерти которого нынешний царь сыграл роль. Поэтому в титуле жреца Клеопатры пропадает упоминание Птолемея VI и его отца. Замена в титуле жреца также может быть данью Клеопатре II, сильной и властной женщине, бывшей сначала женой Птолемея VI, а затем Птолемея VIII: им обоим Клеопатра II приходилась сестрой и не оставалась в стороне от династических конфликтов. Новый титул отражал, что Клеопатра I приходилась матерью не только одному Птолемею, а, соответственно, обоим правящим супругам. Культовая роль Клеопатры I свелась к символической функции прародительницы.

Последние упоминания обновленного титула встречаются в папирусах 134–123 гг. до н.э., таких как P.Adler 1 из Крокодилополиса[3] и P.Lond. 3 879 из Гебелейна[4]. После 123 г. до н.э. ее имя исчезает из формул, что связано с развитием

---

[1] Pap.Paris BnF 218: Zauzich K.-Th. Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolemäischer Zeit. S. 43–146; Pap.Berlin P 3119: Buttmann P. Erklärung der griechischen Beischrift auf einem ägyptischen Papyrus. S. 89–115: *wʿb.t* (*n*) *ḳlwptr tɜ mwt tɜ nṯrt-nṯỉ-pry*, то есть жрицы Клеопатры матери, богини Эпифаны. P.Amh. II 45: The Amherst papyri: being an account of the Greek papyri in the collection of Lord Amherst of Hackney. P. 55–56; P.Adler 1: Adler E.N., Tait J.G., Heichelheim F.M. The Adler Papyri, Greek text. Oxford, 1939. P. 2–13; P.lond.3.879: Kenyon F.G., Bell H.I. Greek papyri in the British museum. Vol. III. London, 1907. P. 5–8: Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς.

[2] Just. XXXVIII.8.4; Strab. XVII.l.11; Plut. Coriol. ll.2.

[3] P.Adler 1: Adler E.N., Tait J.G., Heichelheim F.M. The Adler Papyri, Greek text. P. 2–13. Davydova O.A. Reorganization of the Eponymous Priesthood of Cleopatra I in 177–123 B.C. P. 40–45.

[4] P.lond.3.879: Kenyon F.G., Bell H.I. Greek papyri in the British museum. Vol. III. P. 5–8.

культов Клеопатры II и III. Археологические данные подтверждают, что к 138 г. до н.э. жречество Клеопатры I не упоминалось в документах, где значились уже новые жрецы, учрежденные для Птолемея VIII и его жен[1].

В итоге мы видим интереснейший пример взаимодействия царского культа и политики, в ситуации, где один элемент – культ – зависит от другого – политической власти – и одновременно поддерживает его. Первоначальный жреческий титул 177 гг. до н.э. способствовал включению царицы в династический культ, как матери-регента. Разделение культов в 164 г. до н.э. подчеркнуло связь Птолемея Эпифана с Птолемеем V и позволило ему апеллировать к фигуре отца. Окончательный пересмотр титула в 146 г. до н.э. отражал политику Птолемея VIII, который стремился стереть следы своего брата, сохраняя при этом мотив преемственности через культ матери.

§ 1.2.5. Жрицы Клеопатры II

Первая жрица Клеопатры II упоминается в датировочных формулах начиная с 172 г. до н.э.[2], примерно через три года после того, как был заключен брачный союз между Птолемеем VI и Клеопатрой II, которые стали царем и царицей Египта после смерти Клеопатры I в 176 г. до н.э[3]. Жречество было учреждено в Птолемаиде, и за более чем тридцатилетний период, в течение которого эта должность упоминается в папирусах, ее занимали около восьми девушек.

Титул жрицы остается неизменным с момента учреждения и до 138 г. до н.э., невзирая на политическую нестабильность и соперничество за трон между Птолемеем VI и Клеопатрой II с Птолемеем VIII[4]. Даже после смерти Птолемея VI в 145 г. до н.э. и заключения брака между Клеопатрой II и Птолемеем VIII титул жрицы оставался прежним. Однако после женитьбы Птолемея VIII на своей

[1] I. Thebes 301.
[2] P.dem. BM ined. 10517, P.dem. Louvre ined. 10440. Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt… P. 44–45.
[3] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 171.
[4] Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt… P. 51

племяннице Клеопатре III, положение Клеопатры II значительно ухудшилось, что можно видеть по титулам жриц, отражающих новые роли обеих цариц: в 140–141 г. до н.э. появляется упоминание «жрицы Клеопатры-сестры» (т.е. Клеопатры II) и «жрицы Клеопатры-жены» (т.е. Клеопатры III)[1]. Данное разграничение титулов указывает на понижение статуса Клеопатры II, несмотря на ранее достигнутые договоренности с Птолемеем VIII[2]. В официальных документах обе именовались царицами (βασίλισσα)[3]. Тем не менее, очевидно, что положение Клеопатры II и ее малолетнего сына стало более уязвимым. Новое жречество просуществовало недолго: после 131 г. до н.э. оно перестает упоминаться в папирусах. Это совпадает с междоусобным конфликтом, в результате которого Птолемей VIII и Клеопатра III были вынуждены покинуть Египет, а Клеопатра II стала царствовать под именем Клеопатра Филометора Сотейра[4].

Однако Клеопатра II не учредила отдельного жречества в свою честь. Хотя после провозглашения себя царицей она начала новый отсчет лет с первого года своего правления в 131 г. до н.э.[5], она не предприняла дополнительных мер для укрепления своего статуса в рамках культа Птолемеев. Единственным изменением культовой политики этого периода стало исключение богов Эвергетов – пары Птолемея VIII и Клеопатры II – из официального титула жреца Александра и богов Птолемеев. Данное исключение сохранялось вплоть до 127 г. до н.э.[6]. Отсутствие нового жречества указывает, судя по всему, на ограниченные ресурсы или поддержку, необходимые для создания самостоятельного культа.

---

[1] P.dem. Tor. Botti 8. Botti G. L'archivio demotico da Deir el-Medineh. Testo e tavole. Vol. I. Firenze: Felice Le Monnier, 1967. No. 8.

[2] Hölbl G. Op. cit. P. 195.

[3] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. Miinchen, 1938. S. 31–33.

[4] Новый титул отражал связь с ее первым мужем и братом Птолемеем VI Филометором и основателем династии Птолемеем I Сотером.

[5] Otto W., Bengtson H. Op. cit. S. 47.

[6] Ijsewijn J. De sacerdotibus sacerdotiisgue Alexandri Magni et Lagidarum eponymis. Vol. I. Brussel, 1961. P. 120.

Таким образом, междоусобный конфликт, с одной стороны, способствовал кратковременному единоличному правлению Клеопатры II, но, с другой стороны, не привел к учреждению отдельного жречества[1]. Обстоятельства не позволили Клеопатре II использовать институт жречества для укрепления своей политической позиции. Этим воспользуется Птолемей VIII, сделав особый акцент на почитании Клеопатры III. В результате Клеопатра II осталась в официальном культе династии лишь в качестве одной из богов Эвергетов.

§ 1.2.6. Жрицы Клеопатры III

Институт жречества для Клеопатры III представляет собой исключительный случай, поскольку в честь нее было учреждено семь жреческих должностей при ее жизни. Введение новых должностей было направлено на укрепление власти Клеопатры III в условиях внутренних конфликтов[2]: во время правления Клеопатре III приходилось конкурировать за трон с рядом членов семьи, включая собственную мать, дядю, ставшего ее мужем, и двух сыновей[3].

Ок. 145–146 гг. до н.э. во время правления Птолемея VI, «жрица Клеопатры III, дочери» (ἱέρεια βασιλίσσης δὲ Κλεοπάτρας τῆς θυγατρὸς), впервые появляется в датировочной формуле папирусов в Птолемаиде[4]. Таким образом, второй раз за

---

[1] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 197–204.

[2] Начиная с 116 г. до н.э., когда царица сама учреждала новые должности. Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев // ERGASTERION. Связь понятий: реальная, метафорическая, парадоксальная / Отв. ред.: Л.Г. Елисеева, С.В. Смирнов. Коллективная монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024. С. 182–196.

[3] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210. Minas-Nerpel M. Koregentschaft und Thronfolge: Legitimation ptolemäischer Machtstrukturen in den ägyptischen Tempeln der Ptolemärzeit. P. 143–166; Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 58–76; Sewell-Lasater T.L. Kleopatra III: Not the Evil Queen // Queens in Antiquity and the Present. Speculative Visions and Critical Histories / Eds. P.E. Kim, A. Tchaplyghine. London: Bloowsbury, 2024. P. 80–103.

[4] P. Amh. II 45: The Amherst papyri: being an account of the Greek papyri in the collection of Lord Amherst of Hackney. P. 55–56; P. dem. Schreibertrad. 42: Zauzich K.-Th. Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolemäischer Zeit. S. 157–160; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 192;

время существования института жречества Птолемеев жрица была назначена для царской дочери, наследницы, но еще не царицы[1]. Клеопатре III было всего 15–16 лет на момент учреждения первой жрицы. Очевидно, что такое решение со стороны Птолемея VI было вызвано стремлением обеспечить законную преемственность власти, особенно в условиях политической нестабильности, из-за конфликта с братом Птолемеем VIII. К тому же, в условиях войны с Селевкидами Птолемей VI намеревался укрепить положение своих наследников на случай своей смерти, стремясь предотвратить династические конфликты[2].

Птолемей VI умер в конце 145 г. до н.э.[3], однако трон занял не его сын, а брат Птолемей VIII. После заключения брака между Птолемеем VIII и Клеопатрой III ок. 141–140 гг. до н.э. в датировочных формулах папирусов из Птолемаиды впервые появляется жрица Клеопатры III, жены Птолемея VIII[4]. Уточнение статуса – жена – было вызвано стремлением разграничить двух жриц, служивших культам Клеопатры III, которая была и женой, и племянницей Птолемея VIII, и Клеопатры II, его первой супруги и сестры[5]. Одной из причин заключения брака с племянницей и соответствующего учреждения жрицы исследователи называют попытку Птолемея VIII уменьшить влияние Клеопатры II, матери Клеопатры III[6]. Высказывается предположение, что титул «сестра» подразумевает, что Птолемей

[1] Arnold D. Die Tempel Agyptens. Gotterwohnungen, Kultstatten, Baudenkmaler. Zurich, 1992. S. 177. Подобная практика впервые была зафиксирована в Канопском декрете в отношении дочери Береники II, однако почести были оказаны посмертно. OGIS I 56.

[2] Chauveau M. Un été 145 // Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1990. Vol. 91. P. 157; Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев. С. 182–196.

[3] Euseb. Chron. 1.58.61.

[4] P. dem. Amherst 51: Newberry P.E. The Amherst Papyri. London, 1899. P. 55.

[5] P. dem. BM 10517: Glanville S.R.K., Skeat T.C. Eponymous Priesthoods of Alexandria from 211 B.C. P. 51.

[6] Sewell-Lasater T.L. Kleopatra III: Not the Evil Queen. P. 80–103.

VIII развелся с Клеопатрой II, чтобы заключить новый брак, однако точно это неизвестно[1].

Тем не менее в результате нового союза сын Клеопатры II и Птолемея VIII потенциально мог лишиться прав на трон, что стало поводом к конфликту, в ходе которого Птолемей VIII и Клеопатра III бежали на Кипр, а Клеопатра II провозгласила себя единоличной правительницей и в 131 г. до н.э. расширила свой титул до Клеопатры Филометоры Сотейры[2]. Используя титулы в честь сразу двух представителей династии: Птолемея VI, ее первого мужа и брата, и Птолемея I, Клеопатра II стремилась связать себя непосредственно с основателем династии[3] и погибшим мужем, волей которого пренебрег Птолемей VIII. Кроме того, в титулатуре жреца Александра и богов Птолемеев 131–127 г. до н.э. отсутствует упоминание пары Птолемея VIII и Клеопатры II – богов Эвергетов. Данным шагом царица хотела нивелировать любые связи с Птолемеем VIII и его роль в культе правящей династии. Подобные изменения подтверждают значительную роль культа Птолемеев в политической пропаганде.

Около 131 года до н.э., в разгар противостояния между Птолемеем VIII и Клеопатрой II, было учреждено особое жречество для Клеопатры III – священный жеребенок Исиды, великой матери богов в Птолемаиде (ἱερὸς πῶλος τής Ἴσιδος μητρὸς θεῶν μεγάλης / *ꜣyrw-pwlꜣ* (*n*) *ꜣst-ʿꜣt-ỉn.nw.t mwt-nṯrw*)[4]. Около 120 г. до н.э.

---

[1] Ager Sh. Romance and Rivalry? Three Case Studies of Royal Mothers and Daughters in the Hellenistic Age // Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity: Studies in honor of Elizabeth D. Carney / Eds. M. D'Agostini et al. Oxford: Oxbow Books, 2020. P. 117.

[2] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. S. 47; См. также Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 30.

[3] Hölbl G. Op. cit. P. 197–204.

[4] P.dem. Ehevertrage 8D, 8Z: Grunert S. Der Kodex Hermopolis und Ausgewahlte Private Rechtsurkunden aus dem Ptolemaischen Agypten. 131–134; P.dem. Memphis 6: Martin C. J. Demotic papyri from the Memphite Necropolis: in the collections of the National Museum of Antiquities in Leiden, the British Museum and the Hermitage Museum. Papers on archaeology of the Leiden Museum of Antiquities 5; О принадлежности жреческого института Клеопатре III, а не Клеопатре II см. Caßor-Pfeiffer S. Zur Reflexion Ptolemäischer Geschichte in den Ägyptischen Tempeln unter

такой же жреческий институт учреждается в Александрии[1]. Одним из факторов его создания, могло стать стремление Птолемея VIII укрепить свою позицию среди египетских элит, в противовес греческим элитам Александрии, выражавшим поддержку Клеопатре II[2].

Священный жеребенок Исиды упоминался сразу после жреца Александра и богов Птолемеев, а затем следовали жрицы других цариц[3]. Это расположение титулов подчеркивало статус нового жречества, выделяя Клеопатру III как самую важную женскую религиозную фигуру[4]. Отождествление Клеопатры III с Исидой продолжало долгую традицию, согласно которой царицы Птолемеев ассоциировались с этой богиней[5]. В отличие от предыдущих цариц, Клеопатра III была объявлена живым воплощением богини, поскольку в отличие от предшественниц, которые включались в культ под своими собственными именами,

---

Ptolemaios IX. Philometor II./Soter II. und Ptolemaios X. Alexander I. (116–80 V. Chr.). Teil 2: Kleopatra III. Und Kleopatra Berenike III. Im Spiegel Der Tempelreliefs. S. 240–241.

[1] Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt… P. 34.

[2] Об этом также свидетельствует тот факт, что в преддверии гражданской войны, в 139 году до н.э., Птолемей VIII предоставлял жрецам Фиваиды особые привилегии, а также назначал на должности стратегов и эпистратегов именно египтян, хотя эти посты традиционно занимали представители греко-македонской элиты. См. Vandorpe K. Der Früheste Beleg eines Strategen der Thebais als Epistrategen // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphi. 1988. Bd. 73. S. 48.

Птолемей VIII стремился дистанцироваться от Клеопатры II, демонстрируя свое несогласие с ее политикой, и, возможно, именно поэтому самостоятельно назначал второго жреца культа Александра и Птолемеев, не обращая внимания на ситуацию в Александрии. См. Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 199.

P. Tebt. I. 6: Bagnall R.S. Derow P. 2008. The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation. P. 273. Хотя некоторые исследователи считают, что учреждение жречества вызвало противоположную реакцию. Otto W. Ptolemaica // Digitale Literatur/Digital Literature Zeitschrift/Journal: Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften München. 1939. S. 10–11.

[3] P. Gr. Grenf. I. 25: Grenfell B.P. An Alexandrian erotic fragment and other Greek papyri chiefly Ptolemaic. Oxford, 1896. P. 51–52; P. Grenf. II. 20: Grenfell B.P., Hunt A.S. New classical fragments and other Greek and Latin papyri. Oxford, 1987. P. 37–38.

[4] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210.

[5] Tondriau J. Princesses ptolémaïques comparées ou identifiées à des déesses, IIIe-Ier siècles avant J.-C // Bulletin de la Société. Archéologique d' Alexandrie. 1948. Vol. 23. P. 16–20.

для Клеопатры III было выбрано имя богини Исиды[1]. Такое отождествление позволило трактовать любую статую Исиды как изображение Клеопатры III, и наоборот, статую Клеопатры III можно было воспринимать как Исиду[2]. Примечательно также, другое сходство между двумя культами: должность священного жеребенка занимал мужчина-жрец, также как и для богини Исиды[3], в то время как жрицы других цариц династии были женщинами[4].

Следует отметить, что название должности «священный жеребенок» отсылало к культу Деметры в Мессении и Лаконии, где служил одноименный жрец[5]. Сама Деметра иногда изображается с головой лошади, в память о том времени, когда она, приняв облик лошади, пыталась избежать домогательств бога Посейдона. Посейдон был отцом Пегаса, и, преследуя Деметру, сам принял облик лошади и стал отцом коня Ариона, рожденного от нее. Послушники, которые ухаживали за храмом богини в ее лошадином облике в Аркадии, были известны как «жеребята Деметры»[6]. Учрежденное жречество, таким образом, связало культы птолемеевской царицы, Исиды и Деметры[7].

---

[1] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. S. 73; Otto W. Ptolemaica. S. 9; Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев. С. 182–196.

[2] Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. S. 219.

[3] P. Köln Gr. II. 81: Деметрий сына Теодора занимал должность священного жеребенка минимум два раза – в 107–106 и 105–104 гг. до н.э.; Koenen L. Kleopatra III. Als Priesterin des Alexanderkultes (P. Colon. inv. nr. 5063) // Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik. 1970. Vol. 5. S. 68.

[4] Стоит также заметить, что в рамках греческого культа служителями Матери богов являлись знаменитые братья Диоскуры, также мужчины. La Genière J. Le culte de la Mère des dieux dans le Péloponnèse // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1986. N. 1. P. 41–42; Также Во Фригии жрецы Матери богов назывались корибантами. Apollod. Bibl. I 3, 4.

[5] Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. S. 88–89.

[6] Walker E. Horse. London, 2008. P. 52.

[7] Культ Деметры был зафиксирован в Египте в эпоху эллинизма. Уже в III в. до н.э. в районе оазиса Файюм служили жрецы Деметры, пользовавшиеся налоговыми привилегиями. См. P.Mich.inv. 4244.4a, P. Oxf.Griffith I 6: в письме 132 г. до н.э. упомянут *Nmpn*, жрец *ṯ3mtr*. Clarysse W., Thompson D.B. Counting the People in Hellenistic Egypt. Vol. II. Cambridge, 2006. P. 182–183.

В датировочных формулах папирусов эпитет, сопровождающий имя Исиды, представлен в нескольких вариантах. В документах зафиксированы формы: Исида, владычица, мать богов (*ʿIst tɜ ḥnwt tɜ mwt nɜ nṯrw*)[1], Исида, великая мать бога (*ʿIst ʿɜt mw.t nṯr*)[2] и Исида великая, мать богов (*ʿIst tɜ ʿɜt tɜ mwt n nɜ nṯrw*)[3]. На греческий язык эпитет Клеопатры III переводили как Ἴσις μεγάλη μήτηρ θεῶν[4] или Ἴσις μήτηρ θεῶν μεγάλη[5].

Следующий этап в развитии культа Клеопатры III наступил примерно через пятнадцать лет после завершения междоусобного конфликта, когда на троне

Элевсинским, в честь Деметры, назывался один из кварталов в Александрии. Во времена Птолемея II в Александрии был построен Фесмофорион – храм Деметры (Polyb. XV.29.8-9; P.Oxy. XXVII 2465: Schorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia), также в городе проводились праздники: Деметрия и Фесмофория, упомянутые в архиве Зенона (P.Col. III 19; P.Cair.Zen. III 59350. Кроме этого, в налоговых документах (BGU VII 1552) зафиксированы поставки зерна для выпечки хлеба на праздник Исиды и Фесмофории. Это особенно важно по двум причинам: с одной стороны, подтверждается связь между праздниками Деметры и Исиды, а с другой это свидетельствует об участии египетских женщин в культе Деметры, поскольку имена получательниц зерна указывают на египетское происхождение последних. Также поэт Каллимах (III в. до н.э.) в «Гимне к Деметре» указывает, что процессии в Александрии копировали афинские традиции).

[1] P. dem. Cairo 30608: Grunert S. Op. cit. S. 131–132; P. dem. Ehevertrage 8Z: Grunert S. Op. cit. S. 133–134; P. dem. Ehevertrage 8Z: Grunert S. Der Kodex Hermopolis und Ausgewahlte Private Rechtsurkunden aus dem Ptolemaischen Agypten. S. 133–134; Pierce R. Three Demotic Papyri in the Brooklyn Museum. A Contribution to the Study of Contracts and Their Instruments in Ptolemaic Egypt. Osloae, 1972. P. 33–34.

[2] P. dem. Cairo 30628: Preisigke F. Sammelbuch Griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg, 1915. S. 361.

[3] P. dem. Cairo 50128, 50126, 31254, 31079: Pasek S. Demotische und griechische Urkunden aus Hawara in Übersetzung. Aachen, 2012. S. 161, 166; Preisigke F. Op. cit. S. 362–363.

[4] P. Gr. Strasb. II. 81: Preisigke F. Griechische Papyrus der Kaiserlichen Universitäts- und Landesbibliothek zu Strassburg. Leipzig, 1912. S. 6–7; P. Gr. Grenf. I. 25: Grenfell B.P. An Alexandrian erotic fragment and other Greek papyri chiefly Ptolemaic. P. 51–52.

[5] P. Gr. Reinach 10. 14. 15. 16. 20 – Ricci S., Spiegelberg W., Reinach T. Papyrus grecs et démotiques recueillis en Égypte et pub. par Théodore Reinach. Paris, 1905. P. 71–73, 81–91, 102–104; P. Gr. Brussels E 7155: Pasek S. Op. cit. S. 169–172. О возможном происхождении эпитета «великая мать богов» в данном жречестве см. Давыдова О.А. Возникновение эпитета богини Исиды μήτηρ θεῶν и его употребление в контексте культов цариц династии Птолемеев // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред.: И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М., 2025. С. 9–10.

утвердилось необычное для египетской царской традиции троецарствие Птолемея VIII, Клеопатры II и Клеопатры III. В 116 г. до н.э. Птолемей VIII скончался, а буквально через месяц умерла Клеопатра II. В результате Клеопатра III оказалась в положении, напоминающем ситуацию ее матери, став участницей правящей триады[1]. Она выбрала в соправители своего сына Птолемея IX, который вступил в брак с сестрой Клеопатрой IV. Клеопатра III всячески стремилась удержать власть, поэтому в 116 г. до н.э. к ее династическому культу были добавлены еще три жрицы: стефанофора (στεφανοφόρος / *tз fy-in.nw*), фосфора (φωσφόρος / *tз fy-ḳlm*) и жрица (ἱέρεια / *tз wʿbt*) царицы Клеопатры Филометоры Сотейры Дикайосюны Никефоры[2]. Все новые жрицы упоминались в датировочных формулах сразу после священного жеребенка Исиды, великой матери богов. Подобный шаг являлся демонстрацией могущества и особого статуса, на него никак не могла посягнуть Клеопатра IV, с которой по принуждению властной матери Птолемей IX расторг брак в следующем 115 г. до н.э., женившись вновь на Клеопатре Селене, другой сестре, очевидно, более послушной воле матери[3]. Новые жречества укрепили культ Клеопатры III, еще более прочно связав ее образ с богиней Деметрой.

Титул жрицы фосфоры отсылает к культу Деметры[4]. По сообщению Павсания, статуя Деметры Фосфоры находилась в Мессении[5] – в той же области Греции, где зафиксирован жрец Деметры с титулом «священный жеребенок». Подобный эпитет также относился к богине Артемиде, о чем свидетельствуют археологические находки из храмов Аполлона и Великой богини на Кипре. В

[1] Разница заключалась в том, что Клеопатра II являлась женой царю и матерью царице, а Клеопатра III приходилась матерью и царю, и новой царице, таким образом если Клеопатра II выступала в «двойной» роли жены-матери, то позиция Клеопатры III была менее выигрышной. Sewell-Lasater T.L. Kleopatra III: Not the Evil Queen. P. 80–103.

[2] P. dem. Cairo II 30603: Revillout Ch.E. Études sur divers points de droit et d'histoire ptolémaïque. Paris, 1880. P. 401–418; P. dem. Ashm. 3: Romero L.A.G. Sur les papyrus d'Achmîm 3 et 5 // Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik. 2005. Vol. 154. P. 191–193.

[3] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 205; Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев. С. 182–196.

[4] Call. Hymn. 3; Eur. IT. 21.

[5] Paus. IV.31.

частности, несколько статуэток изображают богиню, несущую факел (т.е. фосфору)[1]. Исследователи идентифицируют ее как Артемиду, отмечая при этом связь с Афродитой и Великой богиней Кипра, культ которой испытал влияние Кибелы[2]. Учитывая, что во время междоусобного конфликта Клеопатра III и Птолемей VIII бежали именно на Кипр, можно предположить, что царская чета могла видеть подобные ритуалы с участием женщин, несущих зажженный факел. В Египте обнаружена надпись с упоминанием Артемиды фосфоры[3], однако, судя по всему, культ не получил широкого распространения. Соответственно, жрица фосфора, скорее всего, во время торжественных шествий несла один или два зажженных факела[4] либо иной источник огня, отдавая дань, вероятно, культу Деметры, нежели Артемиды. Как отмечалось ранее, Деметра ассоциировалась Исидой в аспектах плодородия и материнства, поэтому учреждение этого жречества выглядит закономерным продолжением развития культа Клеопатры III[5].

Жрица стефанофора несла во время торжественных шествий головной особый головной убор – стефану, являвшуюся традиционным атрибутом греческих

---

[1] Статуэтка богини с одним факелом из собрания Британского музея (инв. № 1883,0106.140: Ohnefalsch-Richter M.H. Kypros, the Bible and Homer Oriental civilization, art and religion in ancient times. London, 1893. Pl. CCX, 13), а также статуэтка богини, несущей два факела из собрания музея Метрополитен инв. (№ 74.51.2743: Myres J.L. Handbook of the Cesnola Collection of Antiquities from Cyprus. New York, 1914. No. 1244). Versnel H.S. Inconsistencies in Greek and Roman Religion, Volume 1: Ter Unus. Isis, Dionysos, Hermes. Three Studies in Henotheism. Leiden, 1990. P. 106; Давыдова О.А. К вопросу об отождествлении Береники II с Артемидой // Проблемы истории. филологии, культуры. 2025. № 2. С. 50–52.

[2] Давыдова О.А. Указ. соч. С. 50–54.

[3] OGIS I 63. Roussel P. Les cultes égyptiens à Délos du IIIe au Ier siècle av. J.-C. Paris, 1916. P. 105.

[4] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 395. Также Ф. Дюнан выделила три иконографических типа Исиды-Деметры, сформировавшихся в птолемеевском Египте. Первый тип изображает стоящую богиню в стефане, в диадеме с солнечным диском или полумесяцем на голове; второй тип изображает богиню в движении. Общим для обоих является то, что богини держат длинный факел. Третий тип изображает богиню, держащую корзину с пшеницей или сидящую рядом с корзиной Dunand F. Le culte d' Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Vol. I. P. 85–88, Pl. XXIII, XXIV.

[5] Кроме культа Деметры элемент огня также встречается и в истории об Александре: где огонь горит на алтаре перед его троном (Diod. Sic. XVIII.61), однако этот эпизод вряд ли мог послужить основанием для появления титула «фосфора» у жрицы.

богинь, таких как Гера и Афродита[1]. Сама же должность встречается, помимо Египта, в Галикарнасе, где в храме Аполлона служил жрец стефанофор[2]. Это в меньшей степени может влиять на выбор должности жреца для Клеопатры, однако Аполлон играл не последнюю роль в династическом пантеоне, с этим богом отождествлялись цари Птолемеи[3]. Кроме того, должность стефанофора встречается в надписях из городов, где так назывались магистраты, совмещавшие религиозные и гражданские функции[4]. Таким образом, стефанофор – это титул, присваиваемый магистратам в некоторых греческих городах, и магистратам была предоставлена честь носить стефану на публичных мероприятиях.

В 116 г. до н.э. был учрежден еще один жреческий институт. Жрица носила классический титул «жрица Клеопатры», однако титулатура самой царицы была расширена, таким образом в датировочных формулах зафиксирована жрица царицы Клеопатры Филометоры Сотейры Дикайосюны Никефоры (*wʿb*(*t*) *tȝ pr-ʿȝt ḳlwptrȝ tȝ mrỉ mwt ntỉ lk ḥb tȝ mrỉ hp tȝ nb*(*t*) *ḳn*)[5], где эпитеты Филометоры Сотейры

[1] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 72. Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев. С. 182–196.

Стефана – (от греч. στέφω – я окружаю) декоративный головной венец, часто встречающийся на изображениях греческих и римских богинь. Стефана представляла собой дугу, которая расширялась к центру. Ее часто надевали с вуалью.

[2] Carbon J.-M., Ager Sh., Pedersen P. Priestess Athenodote: A New Piece of Evidence for the History and the Cults of Late Hellenistic Halikarnassos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2017. Vol. 201. P. 165–186.

[3] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 30, 79.

[4] Например, известно, что в 185 г. до н.э. в Магнезии близ реки Меандра прошел праздник в честь Зевса, где процессию возглавлял стефанофор, который, судя по всему, имел как жреческие, так и административные функции, так как помимо участия в процессии, должен был организовать музыкантов на празднике.

[5] P.Cairo 2 30602: Revillout Ch.E. Études sur divers points de droit et d'histoire ptolémaïque. P. 401–418. На выбор формы обожествления в 115 г. до н.э., которая, несмотря на внушительную формулировку, была сдержаннее, чем жречество священного жеребенка Исиды 131 г. до н.э., могла повлиять политическая ситуация. У. Отто считает, что Клеопатра, III за несколько месяцев до этого столкнулась с недовольством в Александрии, когда местная элита высказалась против нее в пользу Клеопатры II, и осознавала нестабильность своего положения. Поэтому она хотя и

могут отсылать к Клеопатре II, которая носила аналогичные титулы, возможно, с целью «поглощения» образа матери. Также Сотейра («Спасительница») являлась греческой богиней-защитницей[1]. Этот эпитет мог обозначать как самостоятельное божество, к которому обращались с мольбами о защите, так и эпитет богинь Деметры, Артемиды, Афины и Тюхе[2]. Дакайосюна (δικαιοσύνη – «справедливость»)[3] – это традиционный эпитет Деметры. Кроме того, в нескольких греческих посвящениях эпитет принадлежит Исиде[4].

Эпитет никефора («победоносная», νικηφόρος) представляет Клеопатру как ту, что восстанавливает порядок после хаоса предшествующих лет, празднуя победу, подобно Исиде над Сетом, под которым мог подразумеваться Птолемей VIII или Клеопатра II[5]. Кроме того, в эллинистический период этот эпитет также употреблялся по отношению к Исиде[6].

Новый этап развития жречества Клеопатры III приходится на 107 г. до н.э., когда в результате заговора Клеопатры III Птолемей IX покинул Александрию, а его место занял младший сын Клеопатры III, Птолемей X Александр[7], видимо,

---

пыталась привлечь восхищение путем умножения культовых почестей, одновременно остерегалась вызвать новое недовольство. Otto W. Ptolemaica. S. 10–11.

[1] См. рельеф алтаря из Эфеса. Atalay E. Un nouveau monument votif hellénistique à Éphèse // Revue Archéologique. 1985. Vol. 2. P. 196–202.

[2] IEphesos 1578b, 2928, 1265 (Артемида сотейра); IEphesos 1660 (жрица Афины сотейры); IEphesos 1238 («сотейра» на основании статуи Тюхе). Die Inschriften von Ephesos. Bd. I / Eds. Wankel H. et all. Bonn, 1979.

[3] P.dem. Cairo 31079, 31254: Preisigke F. Sammelbuch Griechischer Urkunden aus Ägypten. P. 362–363.

[4] Надпись IG. III. 203 из Афин. Также надпись 115–114 г. до н.э. на Делосе см. Roussel P. Les cultes égyptiens à Délos du IIIe au Ier siècle av. J.-C. P. 147, 191; P. 171: посвящения с о. Делос ок. 94–93 г. до н.э. для Исиды Афродиты Дикайи.

[5] Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period Kleopatra Thea and Kleopatra III. P. 196; Sewell-Lasater T.L. Kleopatra III: Not the Evil Queen. P. 80–103.

[6] См. два посвящения кон. III в. до н.э. в храме Сераписа на о. Делос на мраморных табличках для Исиды никефоры и для Сераписа и Исиды, богов никефоров. Roussel P. Les cultes égyptiens à Délos du IIIe au Ier siècle av. J.-C. P. 85–86. 149, 276. А также посвящение богам Серапису и Исиде никефорам SEG 60 1812ter. Bowman A., Crowther C. The Epigraphy of Ptolemaic Egypt. Oxford, 2020. P. 278.

[7] Koenen L. Kleopatra III. Als Priesterin des Alexanderkultes (P. Colon. inv. nr. 5063). S. 68.

более лояльный к матери[1]. В папирусах этого времени имя Клеопатры III неизменно стоит на первом месте, что указывает на ее ведущую роль в царской паре. Птолемей X, в свою очередь, занимал ключевую религиозную позицию, являясь верховным жрецом Александра и богов Птолемеев. Именно в этот период ок. 107–106 гг. до н.э. в датировочных формулах появляется новый жрец с титулом «жрец при жизни царицы Клеопатры, богини Афродиты и Филометоры» (ἱερέως βασιλίσσης Κλεοπάτρας Θεᾶς Ἀφροδίτης καὶ Φιλομήτορος)[2]. Данная должность, как и священный жеребенок Исиды, великой матери богов, была отдана мужчине, и первым жрецом стал Хелен, стратег Кипра[3] и даже ставилась сразу за священным жеребенком Исиды, великой матери богов, в новых датировочных формулах. Высокое положение Хелена демонстрирует стремление царицы заручиться поддержкой влиятельных чиновников, предоставляя им различные привилегии[4]. Как отмечает У. Отто, на этот раз в должности личное имя Клеопатры сочетается с именем богини, при этом, с одной стороны, слово «θεά» буквально создает дистанцию между царицей и богиней, а с другой стороны, эпитет «ἡ καὶ

[1] Macurdy G.H. Hellenistic Queens... P. 167–168.

[2] P.Bruxelles 7155 (SB 8035). Koenen L. Op. cit. S. 61. В демотическом тексте вместо богини Афродиты упоминается Хатхор (*t3 Ḥwt-ḥrt*), что связано с египетской интерпретацией образа греческой богини. Otto W. Ptolemaica. S. 7.

[3] P.Gr. Brussels E 7155: Pasek S. Demotische und griechische Urkunden aus Hawara in Übersetzung. P. 169–172; P. Ashm. Gr. 49: Gavin J.T. Greek Ostraca in the Bodleian Library at Oxford and Various Other Collections. Vol. I. London, 1930. P. 71. Ἱερέως βασιλίσσης Κλεοπάτρας Θεᾶς Ἀφροδίτης ἧς(*) καὶ Φιλομήτορος Ἑλένου τοῦ Ἀπολλωνίου τοῦ τῆι φιλοστοργίαι τοῦ πατρὸς τοῦ βασιλέως καὶ στρατηγοῦ καὶ ἀρχιερέως τῆς νήσου καὶ ναυάρχου καὶ γραμματέως τοῦ ναυτικοῦ τῶν κατὰ τὴν βασιλήαν.

[4] Таким образом, реорганизация культа 107–106 гг. до н.э. знаменует собой сознательный компромисс между двумя предшествующими учреждениями жречества. Урок, извлеченный из негативной реакции на включение Клеопатры III в культ в 131 г. до н.э. в качестве Исиды, подразумевавшее полное отказ от индивидуального имени (см. стр. 96. прим. 3), побудил царицу не использовать столь радикальных форм. При этом, опираясь на упрочение своего положения после изгнания Птолемея IX и последовавшей смены общественных настроений в свою пользу, она сочла возможным пойти дальше, чем в 115 г. до н.э. Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. S. 170, 178.

Φιλομήτωρ», чуждый олимпийской традиции, связывает Афродиту с царицей, уже около десятилетия почитавшейся в культе как «θεά Εὐεργέτις ἡ καὶ Φιλομήτωρ»[1]. Таким образом, вся формула представляет собой намеренную параллель культовому титулу самой Клеопатры III и тесно связывает ее образ с образом богини Афродиты. Данное жречество, как и все другие, учрежденные Клеопатрой III, просуществует еще около двадцати лет после смерти царицы, до 80-х гг. до н.э.[2]

Однако деятельность Клеопатры III не ограничивалась созданием новых жреческих должностей. Стремясь подчеркнуть свое превосходство и первостепенную роль в религиозной сфере, в 105–104 гг. до н.э. она провозгласила себя верховным жрецом Александра и богов Птолемеев в Александрии[3], хотя эту должность, важнейшую во всем династическом культе, традиционно занимал мужчина[4]. Подтверждение данного факта сохранилось в фрагменте папируса P.Colon. inv. 5063[5]. Кроме этого, произошли изменения в тиулатуре жреца при жизни царицы Клеопатры, богини Афродиты и Филометоры, и его должность теперь значилась как жрец при жизни царицы Клеопатры, богини Эвергеты, Филометоры, Дикайосюны, Никефоры (ἱερέως διά βίου βασιλίσσης Κλεοπάτρας Θεᾶς Εὐεργέτιδος τῆς καὶ Φιλομήτορος Δικαιοσύνης Νικηφόρου)[6]. В результате из названия должности было убрано упоминание Афродиты (θεᾶς Ἀφροδίτης), были добавлены эпитеты Справедливая (Δικαιοσύνη) и Победоносная (Νικηφόρος)[7]. Вместе с

[1] Otto W. Ptolemaica. S. 12–13.

[2] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 288.

[3] P.Colon. inv. 5063: Koenen L. Op. cit. S. 68; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 139.

[4] Glanville S.R.K., Skeat T.C. Eponymous Priesthoods of Alexandria from 211 B.C. P. 45–58. Более того, должность занимали также цари династии: ок. 116–107 гг. до н.э. эту должность занимал Птолемей IX Сотер II. Ок. 106 по 105–104 гг. до н.э. – Птолемей X Александр.

[5] Приложение № 4; Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев. С. 182–196.

[6] P.Colon. inv. 5063. Koenen L. Kleopatra III. Als Priesterin des Alexanderkultes (P. Colon. inv. nr. 5063). S. 68–73.

[7] Л. Кёнен считает, что отказ от упоминания Афродиты был вызван недовольством со стороны александрийцев. В этом смысле изменение имени выглядит как уступка. Кроме того, добавление титулов «справедливая» и «победоносная» придало жречеству более прочные ассоциации с

изменением должности, предыдущий жрец Хелен был смещен с поста, а вместо него назначен Феодор, сын Селевка. Причиной этого, скорее всего, послужило то, что Хелен, воспитатель Птолемея X, получивший должность жреца сразу после изгнания Птолемея IX в 107 г., когда Птолемей X стал соправителем, был больше лоялен последнему, а Феодор был доверенным лицом Клеопатры III. Соответственно, Л. Кёнен считает, что когда Клеопатра III выбрала Птолемея X соправителем и жрецом культа Александра и богов Птолемеев, Хелен был приемлем для нее как жрец; но когда она вытеснила Птолемея X Александра с его жреческой должности, Хелен также должен был уйти и уступить место Феодору[1]. Все это показывает, что что замена Хелена на Феодора была целенаправленным политическим шагом Клеопатры III ради усиления ее власти и ослабления влияния сына Птолемея X.

К концу II в. до н.э. датировочные формулы с упоминанием многочисленных жрецов и жриц стали чрезвычайно громоздкими, поэтому во многих папирусах начали использовать сокращенные формы, что затрудняет определение длительности существования каждого из жречеств Клеопатры III. Жреческая система, связанная с именем царицы, включала в общей сложности семь должностей, распределенных между мужчинами и женщинами в Александрии и Птолемаиде. Учреждение каждого нового жречества отвечало политической ситуации и служило укреплению власти[2]. Тесные ассоциации культа Клеопатры III с богинями Деметрой, Тюхе и Афродитой способствовали формированию ее образа как защитницы греко-македонского населения, хранительницы порядка и

египетскими богинями Исидой и Маат, и, соответственно, теснее связало его со жречеством священного жеребенка Исиды, великой матери богов. Koenen L. Op. cit. S. 74. Также У. Отто считает, что именно недовольство введением жречества с упоминанием богини Исиды, послужило тому, что во всех последующих учрежденных институтах упоминалась лично Клеопатра III. Otto W. Ptolemaica. S. 9–10.

[1] Koenen L. Op. cit. S. 83. Также он указывает, что были совершены и иные смещения со жреческих должностей, и назначение на должности лиц, лояльных царице.

[2] Л. Кёнен подчеркивает, что перечисление имен жрецов в документах II в. до н.э. периода служило не столько для датировки, сколько для демонстрации расстановки сил и легитимации правящей группировки. Koenen L. Op. cit. S. 84.

покровительницы эллинов в Египте. Отождествление Клеопатры с Исидой было продолжением политики Птолемея VIII по укреплению связей с местными египетскими элитами. Клеопатра III как гибкий политик пыталась приспосабливаться к различным обстоятельствам и настроениям, и обеспечило ей длительное и устойчивое правление, несмотря на династические конфликты и претензии на трон со стороны собственных детей.

Делая вывод, можно сказать, что особые титулы жриц связывают культ цариц с богинями только в случае Клеопатры III, и несомненно это культы Исиды и Деметры. В других случаях титул может быть заимствован из греческих культовых практик, но без прямой отсылки к культам богинь, а именно чтобы подчеркнуть божественный статус царской персоны. Для культа Арсинои II было учреждено отдельное жречество канефоры, что могло дать начало традиции особого обозначения жриц и придало индивидуальные черты для культа некоторых цариц.

§ 1.3. Роль праздников в культе цариц

Известные по многочисленным папирологическим, эпиграфическим и литературным свидетельствам церемонии, учрежденные Птолемеями, имели целью возвеличить царскую династию как среди греко-македонского, так и среди египетского населения. Л. Кёнен[1] подробно исследовал праздники первых Птолемеев и показал, что в этих торжествах греко-македонское представление о царской власти сочеталось с египетскими традициями, значение которых со временем возрастало. Праздники укрепляли легитимность правящей семьи и поддерживали идею ее божественного происхождения и преемственности.

Основными источниками для изучения праздников в культе цариц Птолемеев выступают три группы материалов: папирологические свидетельства (особенно архив Зенона[2]), царские декреты, различные эпиграфические памятники. Однако

[1] Koenen L. Eine agonistische Inschrift aus Ägypten und frühptolemäische Königsfeste. Hain, 1977.

[2] Папирусы из архива Зенона содержат обильную административную переписку, учетные записи и упоминания о поставках для празднеств, что позволяет реконструировать особенности организации и финансирования данных мероприятий.

все эти источники отличаются высокой степенью фрагментарности: папирусы часто повреждены или содержат разрозненные данные, многие детали проведения праздников остаются не освещенными. Декреты содержат общую информацию об учреждении того или иного праздника, давая мало представления о том, какие церемонии были проведены. Эпиграфические находки носят случайный характер и неравномерно распределены географически, что затрудняет реконструкцию региональных особенностей культа. Эти обстоятельства необходимо учитывать при анализе праздников и их роли в установлении и развитии культа цариц.

Праздники выполняли важные пропагандистские функции: они помогали легитимировать династию, формировали образ правителей как источника благ и покровителя, а также служили средством интеграции различных слоев населения. Формы этих торжеств были разнообразны – агональные состязания (атлетические, конные, музыкальные), жертвоприношения, пиры и процессии[1] – и были адресованы как греко-македонской, так и египетской аудиториям.

Существует по крайней мере три группы празднеств: культ Александра как основателя, царские праздники греческого образца и годовщины, в которых отчетливо проявляется влияние египетских представлений о природе царской власти. Примером праздника в честь Александра являются Басилеи (Βασιλεία) – празднество Зевса Басилея, известное на Лебадии, в Македонии и на Эвбее[2]. В Египте он засвидетельствован с конца IV в. до н.э., в эпоху Птолемея II[3]. Восходя, возможно, к почитанию Александра, Басилеи прославляли его воцарение в Египте и установление новой династии в стране[4]. Царскими праздниками греческого образца можно считать Птолемеи, Филадельфии и Арсинои, о которых речь пойдет ниже. Годовщины, то есть генефлии (Γενέθλια – праздник дня рождения) засвидетельствованы для Птолемея II, Птолемея III и Птолемея V[5]. Дата

[1] Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 438.
[2] Koenen L. Eine agonistische Inschrift aus Ägypten und frühptolemäische Königsfeste. S. 29.
[3] Ibid. S. 55.
[4] Koenen L. Op. cit. S. 29–32.
[5] Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 438.

годовщины Птолемея II – 12-го дня месяца Дистроса – носила символический характер: это не обязательно настоящий день рождения царя, но, по-видимому, дата, сознательно выбранная как политически значимая; в этот день царь отмечал также свое восшествие на престол как соправитель[1]. Генефлии Эвергета праздновались 5-го дня месяца Диоса согласно Канопскому декрету[2] и, в отдельных источниках, записаны даже как «генефлии царя и царицы»[3]. Генефлии Эпифана отмечались 30-го дня месяца Месоре по Розеттскому декрету[4]; Л. Кёнен рассматривает эту дату как символическую и связанную с египетским календарем: 30-го дня месяца Месоре – канун эпагоменальных дней, дней рождения богов (Исиды, Осириса, Сета и Нефтиды), и годовщина Эпифана открывала этот сакральный цикл[5]. Отдельно праздновались торжества в честь царской четы, например, богов Филадельфов, Эвергетов, Филопаторов.

В рамках данного исследования особое внимание уделяется праздникам, учрежденным в честь правящих царских пар династии Птолемеев, а также уникальному празднику Арсинои. Их анализ представляется наиболее репрезентативным для понимания организации и эволюции культа цариц. Рассмотрение будет проводиться в хронологическом порядке их учреждения: начиная с Птолемей в честь основателей династии, затем праздника Филадельфий, посвященного первой обожествленной при жизни царской чете, Арсинои как единственного персонального праздника царицы, и далее – праздников в честь последующих царских пар.

---

[1] Koenen L. Op. cit. S. 53–55.

[2] OGIS I 56, 26–27.

[3] P.Cair.Zen. III 59358, 1–2, 242 г. до н.э. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III. Le Caire, 1928. P. 96–97.

[4] OGIS I 90, 46; SEG XVIII 634; SB V 8299

[5] Onasch Ch. Zur Königsideologie der Ptolemäer in den Dekreten von Kanopus und Memphis (Rosettana) // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1976. Vol. 24–25. S. 152; Koenen L. Op. cit. S. 72.

Птолемеи (Πτολεμαῖα) отмечались раз в четыре года в Александрии и в других центрах Египта[1] представляли собой одну из ключевых форм династического празднования эпохи Лагидов. Эти торжества упоминаются в ряде папирусов из архива Зенона[2], Кроме того, свидетельства о празднике, в частности, о проводимом шествии в Александрии, известно по описанию Афинея Навкратийского[3], основанному на рассказе Калликсена Родосского. Учрежденные в 279–278 гг. до н.э.[4]. Птолемеем II в честь обожествленных отца и матери, эти торжества были рассчитаны на утверждение престижа династии среди эллинистического мира: по их случаю посылались феоры, которые извещали о празднестве союзникам[5]. В египетских источниках праздник известен по крайней мере до 211–210 гг. до н.э. При этом точная календарная дата его проведения остается неустановленной[6].

Птолемеи включали торжественную процессию с выносом статуй богов и царских особ, жертвоприношения, состязания и пиры. Комплексный анализ программы праздника предложен Х. Фолькманом[7]. По замыслу организаторов праздник претендовал на соперничество с Олимпийскими играми и с каждой новой организацией становился все более крупным и сложным[8].

---

[1] Папирус PSI IV 364 фиксирует проведение праздника в Каранисе. Gentilli G. Papiri greci e latini. Vol. IV. Firenze, 1917. P. 95. Папирус P.Ryl. IV 562 – в Мемфисе. Catalogue of the Greek papyri in the John Rylands library, Manchester / Eds. C.H. Roberts, E.G. Turner. Manchester, 1952. P. 9–10.

[2] Некий Инарой писал Артемидору о поставке телят для праздника PSI IV 409: Gentilli G. Op. cit. P. 136–137. Также Зенон в письмах Зенодору упоминал как сам праздник, так и проводимые там агоны: P.Mich.Zen. I 46, 8; PSI IV 364, 2. Gentilli G. Op. cit. P. 95. Еще Зенону сообщали о прибытии всадников, которые явились специально на праздник: P.Ryl. IV 562, 10. Catalogue of the Greek papyri in the John Rylands library, Manchester. P. 9–10.

[3] Deipnosoph. V.97–203.

[4] SEG XXVIII 60.

[5] Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 a.C.). Volume I. De la mort d'Alexandre aux avènements d'Antiochos III et de Philippe V. Nancy, 1966. P. 202–203.

[6] Perpillou-Thomas F. Fêtes d'Egypte ptolémaïque et romaine d'après la documentation papyrologique grecque. Paris, 1993. P. 154.

[7] Volkmann H. Ptolemaion // Pauly-Wissowa. Bd. 23. T. 2 / Eds. G. Wissowa et al. München, 1959. Col. 1591.

[8] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 38, 40.

Центральным событием первых Птолемей 279–278 гг. до н.э. стало шествие, включавшее совместное вынесение статуй богов и изображений Птолемея I и Береники I. Именно богато украшенное изображение почитаемого божества и многих других богов составляло центральный элемент процессии. На шествии (πομπή) статуя Диониса, совершающего возлияние, следовала сразу за жрецом Диониса и технитами. Подобным образом во главе процессии в честь Зевса Сосиполиса в Магнесии-на-Меандре шла стефанофора, а за ней несли богато одетые статуи (ἄγαλμα) двенадцати богов[1]. Изображения Птолемея I и Береники I следовали за статуями богов. Береника I была удостоена чести иметь три своих изображения, установленных на золотых колесницах в то время, как Птолемей II Филадельф удостоился только двух золотых изображений[2]. Кроме статуй царей и богов также несли много тронов, изготовленных из слоновой кости и золота, на которых лежали золотые диадемы и рог изобилия. Царские статуи, как и диадемы, фигуры орлов и троны, символизировали власть правящей династии. Эта пропаганда была обращена к греко-македонянам и гостям из эллинистического мира, поскольку элементы этой процессии принадлежали эллинской культуре[3]. Таким образом, этот праздник, даже если он отмечался в хоре, оставался по своему значению греко-македонским.

Птолемеи учреждались и вне Египта – в различных пунктах греческого мира в III в. до н.э., включая Афины и Делос, где Союз Островов уже в начале 270-х гг. до н.э. праздновал Птолемеи[4], начиная с 224 г. до н.э., каждые четыре года праздник проходил в Афинах[5]. Масштаб и характер аудитории делали Птолемеи эффективным средством дипломатии и пропаганды.

---

[1] Shorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia). S. 203.

[2] Thiers C. Fêtes et propagande sous les Lagides: les sorties processionnelles des statues du Pharaon-Basileus // Égypte, Afrique & Orient. 2003. Vol. 32. P. 23–30.

[3] Thiers C. Op. cit. P. 23–30; Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000. P. 67.

[4] Volkmann H. Ptolemaion. Col. 1590–1591.

[5] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 52.

Особое значение Птолемеи имели для развития династического культа, поскольку именно во время этих праздников происходило публичное представление жриц. Кроме того, в 215–214 гг. до н.э. на Птолемеях была представлена новая гробница для правителей династии, она имела пирамидальную надстройку и была расположена на дворцовой территории в Александрии[1]. Тогда же боги Сотеры были официально присоединены к культу Александра и богов Птолемеев, тем самым династический культ в Александрии получил окончательное оформление. Предположительно, в том же году Птолемей IV учредил в Птолемаиде культ, посвященный как основателю города – Птолемею I, так и самому себе и своей супруге, то есть правящей чете. Таким образом, при жизни Птолемея IV культ был обращен к богу Птолемею и богам Филопаторам как богам, разделяющим храмы[2].

На Птолемеях 211–210 г. до н.э. жрица атлофора – (ἀθλοφόρος Βερενίκης Εὐεργέτιδος), носительница призов в честь Береники II – была публично представлена и включена в число эпонимных жрецов Александрии наряду с канефорой Арсинои Филадельфы[3]. Во время правления Птолемея V именно на Птолемеях 199–198 гг. н.э. были предприняты существенные нововведения в династическом культе: Птолемей V был включен в александрийский династический культ как бог Эпифан Эвхарист (Θεὸς Ἐπιφανής Εὐχάριστος), а одновременно учреждена эпонимная жрица в честь его убитой матери Арсинои III (ἱέρεια Ἀρσινόης Φιλοπάτορος). Эти изменения отражают уровень развития династического культа, который отразился в преамбуле Розеттского декрета[4].

Примеры атлофоры Береники II и жрицы Арсинои III наглядно демонстрируют традицию представления жриц именно в рамках Птолемей. В то же время сведений о том, что жрицы Клеопатры I, Клеопатры II или Клеопатры III

[1] Heinen H. Aspects et problèmes de la monarchie ptolémaïque. P. 177–199.
[2] Leschhorn, W. 'Grunder der Stadt'. Studien zu einem politisch-religiosen Phanomen der griechischen Geschichte. Stuttgart, 1984. S. 204–212.
[3] Hölbl G. Op. cit. P. 170.
[4] Pestman W. Chronologie égyptienne d’après les textes démotiques. P. 137–139.

были представлены именно на данном празднике, в источниках отсутствуют. Соответствующие гипотезы остаются предположениями, не подкрепленными прямыми доказательствами. Однако подобная реконструкция представляется оправданной, учитывая устоявшуюся традицию использования Птолемей в качестве сцены для институциональных нововведений.

Почему выбор пал именно на Птолемеи, а не на другие праздники? Во-первых, Птолемеи обладали выраженно общегреческим и представительным характером, что делало их идеальной ареной для демонстрации царской идеологии перед эллинистическими городами и союзами. Во-вторых, сложность и пышность программы обеспечивали видимую церемониальную рамку, в которой представление жрицы приобретало значимость.

Праздник Филадельфии в честь богов Адельфов (Θεοὶ Ἀδελφοί) Птолемея II и Арсинои II зафиксирован впервые в 253 г. до н.э. Он упомянут в письме Птолемея III Эвергета Ксанфу[1], в фрагментарном декрете времен Птолемея III[2] и в папирусах. В одном из них говорится о жертвовании трех свиней для праздника[3], в другом, из архива Зенона, P.Cair. Zen. 5 59820[4], подтверждается получение дичи и других животных для организации празднования. Следовательно, праздник мог включать пир, жертвоприношения, а также, судя по надписи из Олимпии[5] – состязания (агоны). Отмечался он в Александрии, прямые указания на другие места проведения в источниках отсутствуют. Праздник напрямую связан с культом царицы Арсинои II, которая почиталась как богиня в паре с царем в рамках культа богов Адельфов, и, возможно, возник еще до смерти Арсинои II[6]. В Александрии культ Адельфов тесно ассоциировался с почитанием Александра как основателя

[1] SEG XXXVI 1218.
[2] SB VIII 10036: Schwartz J. Decrets des pretres sous Ptolemee III Evergete // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 91. S. 83–84.
[3] PSI IV 431: Gentilli G. Papiri greci e latini. Vol. IV. Firenze, 1917. P. 157.
[4] Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire N° 59801-59853 Zenon Papyri. Vol. V. P. 17–18.
[5] IvO 188.
[6] P.Hibeh 199, 11–17

города; таким образом Филадельфии представляют собой праздник для греко-македонской аудитории[1].

Сведения о праздничных мероприятиях – Арсинои (Ἀρσινόεια) – хорошо документированы: источники включают многочисленные записи из архива Зенона и отдельные документы III в. до н.э.[2] Кроме этих источников, в 1962 г. Э. Тернер опубликовал некоторые сохранившиеся на папирусе фрагменты сочинения Сатира «О демах Александрии»[3], в котором содержатся фрагменты указа, регламентирующего проведение процессии в честь Арсинои II и сопровождающие ее жертвоприношения в рамках первого празднования Арсиной в 269–267 гг. до н.э.[4].

Арсинои отмечались не только в Александрии[5], но и в других городах Египта, так источники явно фиксируют празднование в Филадельфии[6]. Праздники служили повышению популярности культа богини[7]. Также стоит отметить региональное почитание: несиарх Гермий учредил официальный праздник на Делосе – Филадельфии, где Арсиноя почиталась наряду с Аполлоном, Артемидой и Лето, что указывает на широкое распространение культа[8].

---

[1] Cerfaux L., Tondriau J. Le culte du souverain dans la civilisation gréco-romaine. P. 205.

[2] P.Cair.Zen. I 59096: C.C. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59001-59139. Zenon Papyri. T.I. P. 116–117; P.Cair.Zen. II 59217: Edgar C.C. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59140-59297. Zenon Papyri. T.II. P. 75; P.Cair.Zen. III 59298, 59305, 59312, 59326, 59379, 59398, 59452, 59501: Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III. P. 1–2, 9–10, 16–17, 30–39, 122–124, 136–137, 176, 219; PSI IV 364: Gentilli G. Papiri greci e latini. Vol. IV. Firenze, 1917. P. 95.

[3] P. Oxy. XXVII 2465. Schorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia.

[4] Turner E.G. P. Oxy. 25 2436 // Gammacurta, Papyrologica scaenica. 1962. Vol. 18. P. 187–193.

[5] P.Cair.Zen. III 59326: Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III. P. 30–39.

[6] P.Cair.Zen. III 59512: Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III. P. 227–228.

[7] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 232.

[8] Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. Paris, 1970. P. 528–531.

Проблема календарной даты Арсиной остается нерешенной: папирологические указания допускают как египетскую, так и македонскую привязку. Упоминания «после 28 Лоя»[1] и «после 8 Лоя»[2], а также запись «27 Месоре»[3], которая примерно соответствует 6 Лою, дают основания полагать египетскую календарную формулу. Одновременно выдвигается гипотеза о двойной памятной дате – греко-македонской и египетской, связанной с церемониями, последовавшими за смертью царицы[4]. Эта двойственность хронологических систем делает точную реконструкцию календаря праздника затруднительной.

В рамках праздника происходила процессия, возглавляемая в Александрии канефорой, следом за которой несли статую самой Арсинои Филадельфы[5]. Согласно сохранившимся источникам[6], вдоль улиц, где проходило шествие с изображением Арсинои, жители устанавливали собственные алтари и совершали возлияния[7]. При этом участие имело обязательный характер: публичное присутствие и приношения становились демонстрацией лояльности[8]. Процессия, вероятно, начиналась у храма Арсинои или же проходила мимо него. Это святилище располагалось неподалеку от эмпория, то есть недалеко от Большой гавани. Процессия двигалась к востоку и проходила мимо храма Деметры –

[1] P.Cair.Zen. II 59185: Edgar C.C. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59140-59297. Zenon Papyri. T.II. P. 49–50.

[2] PSI IV 364: Gentilli G. Papiri greci e latini. Vol. IV. Firenze, 1917. P. 95.

[3] P.Cair.Zen. III 59512: Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III. P. 227–228.

[4] Perpillou-Thomas F. Fêtes d'Egypte ptolémaïque et romaine d'après la documentation papyrologique grecque.

[5] Shorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia). P. 202–203; Quaegebeur J. Documents concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. P. 243.

[6] Shorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia). P. 200–205.

[7] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 229; Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. S. 142; Thiers C. Fêtes et propagande sous les Lagides: les sorties processionnelles des statues du Pharaon-Basileus. P. 25.

[8] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 170.

Фесмофориона, а также мимо Птолемейона, точное расположение которого остается неизвестным. Вероятно, именно там процессия завершалась[1].

Праздник в честь богов Эвергетов – Птолемея III и Береники II – учрежден в ходе синода жрецов в Канопе в 238 г. до н.э. Он был введен в результате реформирования календаря путем добавления високосного дня раз в четыре года[2]. Соответственно этот добавочный день был посвящен празднику. Торжества начинались в первый день второго месяца сезона Шему, длились пять дней и включали церемониальную процессию. Участники с венками на головах должны были возлагать дары на алтари, совершать жертвоприношения[3]. Праздник проводился как в Александрии, так и в других городах Египта, прежде всего, в Птолемаиде. Данное торжество связано с культом царицы Береники II, которая почиталась как божество в паре с царем в рамках культа богов Благодетелей (Θεοὶ Εὐεργέται). Пока синод еще заседал, юная царевна Береника, дочь царственной четы, скончалась. Тогда было учреждено ежегодное четырехдневное празднество в годовщину ее смерти. Текст декрета подробно излагает все детали, относящиеся к установлению этого праздника[4].

Праздник, посвященный богам Филопаторам (θεοὶ Φιλοπάτορες) – Птолемею IV и Арсиное III, учрежден в 217 г. до н.э. Поводом стала победа Птолемея IV Филопатора при Рафии[5]. В Мемфисском декрете 217 г. до н.э. зафиксировано, что ежегодное празднование начиналось с 10-го дня месяца Пахона и продолжалось

[1] P. Oxy. XXVII 2465 fr. 2, col. I. Shorn S. Op. cit.

[2] Dunand F. Fête, tradition, propagande. Les cérémonies en l'honneur de Bérénice, fille de Ptolémée III, en 238 A.C // Livre du centenaire: 1880-1980 / Eds. J. Vercoutter, N. Grimal. Le Caire, 1980. P. 287–301; Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples. P. 52.

[3] Urk. II. 141, 7.

[4] Ibid.

[5] Приложение № 8.12. Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 a.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901. P. 298; Wins V. The state ideology of the Ptolemies: Origins and influences // Chronique d'Égypte. 2017. Vol. XCII fasc. 183. P. 150; Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples. P. 52.

пять дней. В этот период проводились торжественная процессия, в ходе которой выносились статуи царской четы, а также жертвоприношения и возлияния, статуям царя и царицы в храмах подносили букет цветов. Праздник проводился в храмах по всему Египту[1]. Во время синода, собравшегося в Мемфисе в 196 г. до н.э., египетские жрецы приняли ряд постановлений в пользу Птолемея V Эпифана, в том числе, чтобы в ходе вышеупомянутого праздника статуя царя появлялась на торжественном шествии наряду со статуями родителей – богов Филопаторов[2].

Несмотря на бесспорное существование праздников в правление Клеопатры I, II и III, прямые свидетельства о них в источниках практически отсутствуют. Отдельно стоит отметить, что жрицы Клеопатры I и Клеопатры II, судя по имеющимся данным, учреждались в Птолемаиде – важном административном и культурном центре. Логично предположить, что их назначение могло быть приурочено к местным празднествам Птолемей, которые служили традиционной «сценой» для представления новых жриц.

Наличие формализованных праздников позволило перенести культ в публичную сферу, где он стал регулярным и повторяемым явлением. С точки зрения организации культа цариц, праздники служили для официального представления жриц, что демонстрируют примеры канефоры Арсинои II, атлофоры Береники II и эпонимной жрицы Арсинои III. Кроме того, учреждение праздников в эллинистических полисах обеспечивало распространение культа за пределы Египта. Это выполняло также дипломатическую функцию: праздники становились проявлением мягкой силы, повышая престиж династии и делая культ доступным для союзников.

Выводы к главе

Культ цариц представлял собой сложную систему, которая была реализована на двух взаимодополняющих уровнях: институциональном, воплощенном в

[1] Urk. II. 191.

[2] Urk. II. 191, 7–8; Nespoulous-Phalippou A. Op. cit. P. 298. Brophy E. Op. cit. P. 52–53.

жречестве, и публично-зрелищном. При этом сама возможность обожествления цариц и их высокого положения восходит к македонской царской традиции.

Учреждение специфических жреческих титулов для цариц началось с канефоры Арсинои Филадельфы, чье название должности и уходит корнями в греческую религиозную практику, однако наполняется новым содержанием. При этом выбор конкретного титула зависел от статуса царицы и не связывал жреческую должность с культом какой-либо богини вплоть до жриц Клеопатры III. Так, уникальные титулы Арсинои II и Береники II подчеркивали их особое положение и личные заслуги, в то время как использование общего титула «жрица» для Арсинои III и Клеопатры I, по всей видимости, стали ответом на возрастающую роль цариц как регентов.

Отметим отдельно, что первой из цариц, для кого жрица была назначена при жизни, скорее всего, являлась Клеопатра I. Это предположение полностью согласуется с характером почестей, которые оказывались ее супругу Птолемею V. В отличие от предшественников, этот царь не имел возможности опереться на личные военные или административные достижения для обоснования своей власти – юг страны был охвачен восстанием, а сам он взошел на престол в юном возрасте. Следовательно, единственным действенным средством легитимации для него стало утверждение о присутствии в нем божества. Мотив божественного воплощения, столь важный для Птолемея V, вполне логично мог быть перенесен и на его супругу Клеопатру I, тем более что после смерти Птолемея V она выступила в роли регента при малолетнем сыне, и сама правящая пара (мать – сын) вызывала прямые ассоциации с парой Исиды и Хора. Хотя корпус вещественных источников времени Клеопатры I крайне ограничен, имеющиеся данные скорее фиксируют тенденцию к сближению ее образа с Исидой[1]. При этом положение регента, как ни показательно, не получило сколько-нибудь последовательного отражения в иконографии. Тем не менее именно Клеопатра I, по всей видимости, стала первой

[1] Например, свидетельства нумизматики. Подробнее см. Pincock R. A Possibly Unique Isis Head Bronze Coin of Cleopatra I (180-176 BC) // The Numismatic Chronicle. 2010. Vol. 170. P. 53–62.

из цариц династии, удостоенной божественных почестей при жизни – и эти почести имели выраженную прагматическую цель: легитимировать ее власть как регента малолетнего царя.

Итак, максимального развития институт жречества достиг при Клеопатре III, при которой прямое отождествление царицы с богинями Исидой и Деметрой превратилось в средство удержания власти в условиях внутридинастической борьбы.

Династические праздники – Птолемеи, Филадельфии, Арсинои и другие – служили главной «сценой» для презентации новых жриц. В результате образ царицы становился известным как греко-македонской, так и египетской аудитории. Кроме того, масштабная организация праздников, требовавшая сложной логистики и мобилизации ресурсов, способствовала укреплению связи между центром и периферией и вовлекала местные элиты.

Глава 2. Культ цариц в греко-македонской среде

Комплексное исследование культа цариц в греко-македонской среде требует привлечения широкого круга письменных источников и памятников материальной культуры. Настоящая глава посвящена тому, как именно образы греческих богинь повлияли на образы птолемеевских цариц.

Кроме того, особое внимание уделено династической пропаганде, которая прославляла участие цариц в спортивных играх и различных ритуалах. Победы в гонках на колесницах на престижных общегреческих играх, стали не просто демонстрацией богатства, но и символом божественного благоволения. Не менее значимым является рассмотрение поэтического творчества. Александрийские поэты разработали сложную систему мифологических аллюзий, где каждое действие царицы демонстрировало ее тесную связь с греческими богинями.

§ 2.1. Царицы в греческой изобразительной традиции

Настоящий раздел посвящен исследованию визуальной репрезентации цариц. В основе анализа лежит три ключевых категории источников: монеты, ойнохои, и статуи.

Анализ изображений на монетах позволяет проследить устойчивые стандарты изображения цариц, эволюцию атрибутов, способы визуального уподобления цариц богиням.

Ойнохои связывали образ цариц с концепциями доброй удачи, плодородия и изобилия и представляли цариц как центральных фигур ритуала, как совершающих приношение, так и являющихся его объектом.

Анализ скульптурных изображений позволяет выявить использование поз и атрибутов, через которые царицы ассоциируются с греческими богинями.

§ 2.1.1. Изображения цариц на монетах

С III в. до н.э. появление на монетах портретов правителей в сочетании с сакральными символами отражало процесс персонализации царской власти[1]. Визуальный образ дополнялся монетной легендой, содержащей титулатуру, связывающую монарха с божественной сферой. В Египте право чеканки находилось под строгим контролем[2]. Соответственно исследователи интерпретировали монетные изображения как средство пропаганды[3]. Со II в. до н.э. параллельно с деятельностью царских дворов в полисах активно развивался выпуск монет, преимущественно бронзовых[4], при этом изображение на реверсе отличалось от александрийских образцов.

Береника I в официальной репрезентации представала, прежде всего, в образе матери не только Птолемея II, но и его потомков. Эта концепция нашла отражение как в централизованных царских выпусках, так и в полисных. В частности, по распоряжению Магаса в Кирене была отчеканена серебряная дидрахма с изображением Береники I[5]. Ряд исследователей предполагает, что политические успехи Магаса, сына Береники I и Филиппа, могли быть обусловлены активным

[1] Fowler R., Hekster O. Imagining Kings: From Persia to Rome. P. 25.

[2] Meadows A. Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World // Money and its Uses in the Ancient Greek World / Eds. A. Meadows, K. Shipton. Oxford, 2004. P. 56.

[3] Вместе с тем в современной историографии пересмотрена столь однозначная трактовка по отношению, к примеру, к царству Селевкидов, хотя в контексте египетского монетного дела она все еще актуальна. Elkins N. Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century. P. 25–46; Elkins N. Money, Art and Representation: A Look at the Roman World. //A Cultural History of Money in Antiquity / Ed. S. Krmnicek. New York, 2021. P. 105–121; Krmnicek S., Elkins N. Dinosaurs, Cocks, and Coins: An Introduction to ‘Art in the Round’ // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / Eds. N. Elkins, S. Krmnicek. Rahden, 2014. P. 7–17.

[4] Coinage and Identity in the Roman Provinces / Eds. Ch. Howgego, V. Heuhert, A. Burnett. Oxford, 2005.

[5] Приложение № 5.1. Монета из Кирены. Национальная библиотека Франции (кабинет медалей), инв. № Z 2884.67. Kahrstedt U. Fraue auf antiken Münzen. P. 261–314; Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев // Клио. 2024. № 10 (213). С. 44–50.

покровительством матери[1], что и обосновывает решение об изображении Береники I на монетах Кирены.

Более ранние свидетельства включают монеты, отчеканенные на Родосе ок. 305 г. до н.э.[2]. На них Береника I изображена в стефане[3]; черты ее лица менее идеализированы по сравнению с портретами на александрийских выпусках, но остаются узнаваемыми[4]. Данные монеты, вероятно, служили для родосцев средством демонстрации лояльности Птолемею I и Беренике I. Созданные при жизни царицы, монеты рассматриваются исследователями как самые ранние дошедшие до нас ее изображения[5].

Существует также гипотеза, поддержанная И.Н. Свороносом и Ж. Тондрио, что на упомянутых монетах Родоса, а также с острова Кос[6] Береника I отождествлялась с богиней Тюхе[7]. Тем не менее, несмотря на достоверно установленные случаи ассоциации с Тюхе других цариц династии: Арсинои II и Береники II[8], – отождествление Береники I с данной богиней остается предметом дискуссии. Ключевой контраргумент заключается в отсутствии на ее монетах главного атрибута Тюхе – рога изобилия. Стефана же может трактоваться как

---

[1] Kahrstedt U. Op. cit.

[2] Приложение № 5.2. Монета с изображением Береники I на аверсе, отчеканенная на о. Родос. Британский музей, инв. № 1852,0902.76; Приложение № 5.3. Монета с изображением Береники I на аверсе, отчеканенная на о. Родос. Британский музей, инв. № 1848,0617.24. Head B.V. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes &c. P. 251; Давыдова О.А. Указ. Соч. С. 44–46.

[3] См. определение стефаны в прим. на стр. 95.

[4] Heinen H. Aspects et problèmes de la monarchie ptolémaïque // Ktèma: civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. 1978. Vol. 3. P. 177–199; Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. P. 16.

[5] Kahrstedt U. Op.cit. P. 261–314.

[6] Приложение № 5.4. Монета с изображением Береники I на реверсе, отчеканенная на о. Кос. Британский музей, инв. № 1898,0601.36. Stephanake V.E., Κώς. P. 14; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 122.

[7] Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. P. 15; Tondriau J. Princesses ptolémaïques comparées ou identifiées à des déesses. P. 14.

[8] Smith A.C. Queens and empresses as goddesses: The public role of the personal tyche in the Graeco-Roman world // Yale University Art Gallery Bulletin. 1994. P. 90; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 112.

универсальный маркер божественного статуса, не указывающий на конкретное божество.

Посмертный культ Береники I получил отражение в александрийском выпуске периода правления Птолемея II, где она изображена совместно с Птолемеем I на реверсе монет[1]. Серия золотых и серебряных монет 272–180 гг. до н.э., отличается изображением на реверсе супружеской пары основателей династии с легендой «богов» (ΘΕΩΝ), указывающей на их божественный статус; аверс этих монет занимают портреты Птолемея II и Арсинои II с надписью «Братьев» (ΑΔΕΛΦΩΝ)[2].

Итак, к основным особенностям изображений Береники I на монетах относятся: сходство ее портретов с обликом Птолемея I и присутствие стефаны[3]. Она представала в образе супруги основателя династии и матери его наследников. В эллинистический период роль божества, покровительствующего браку, преимущественно отводилась Афродите, и, хотя на монетных изображениях Береника I не заимствует атрибутов у Афродиты, в придворной поэзии их связь прослеживается достаточно отчетливо[4].

---

[1] Приложение № 5.5. Монета с изображением Птолемея I и Береники I на реверсе, отчеканенная в Александрии. Британский музей, инв. № BNK,G.906. Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 40; Приложение № 5.6. Монета с изображением Птолемея I и Береники I на реверсе, отчеканенная в Александрии. Британский музей, инв. № 1964,1303.3. Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 68. Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. С. 44–46.

[2] Burstein S.M. Arsinoe II Philadelphus: A Revisionist View. P. 11–12; Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. P. 3.

[3] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 79; Gow A.S.F. Theocritus II: Commentary, Appendix, Indexes, and Plates. P. 72; Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. С. 46–49. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 126–129.

[4] См. далее §2.2.2.

Изображение Арсинои II на монетных выпусках стало образцом для других представительниц династии[1]. На золотых и серебряных номиналах[2] запечатлен обожествленный портрет Арсинои II с характерной особенностью – широко открытым глазом. Данная черта, восходящая к портретам Александра Македонского, как утверждают С.-Э. Эштон и Э.Д. Карни, стала отличительным элементом птолемеевской изобразительной традиции[3]. Царица, обращенная влево, нередко изображена в вуали, что Х. Салес интерпретирует как указание на ее посмертное почитание к моменту чеканки[4]. Неотъемлемой деталью ее убора является стефана, символизирующая сакральный статус[5]. Стефана единодушно идентифицируется исследователями как божественный атрибут, поскольку в греческой изобразительной традиции она повсеместно встречается у богинь, к примеру, у Геры и Афродиты[6].

Знаковым иконографическим элементом выступает посох. Его верхняя часть, видимая над головой царицы похожа на цветок лотоса, что отсылает к идеям плодородия и изобилия, и обнаруживает аналогии в изображениях египетских богинь на храмовых рельефах[7]. В греческой изобразительной традиции посох как

---

[1] Приложение № 5.7–9. Британский музей, инв. № 1841,0726.516, RPK,p208.1.ArsAlt, RPK,p208.1.ArsLys: Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. No. 460, 475, 476; Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 43. Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica) // Hapi. Revista da Associação Cultural de Amizade Portugal-Egipto. 2020. Vol. 7. P. 132.

[2] Приложение № 5.10–16.

[3] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 128; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 123.

[4] Sales J. das C. Op. cit. P. 132.

[5] Fulińska A. Iconography of the Ptolemaic queens on coins: Greek style, Egyptian ideas? // Studies in Ancient Art and Civilization. 2010. Vol. 14. P. 79.

[6] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 72; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 126–129.

[7] Gkikaki M. Op. cit. P. 72. Важно отметить другой символ, который явно относится к египетской иконографии и присутствует на монетах. На части монет заметен небольшой бараний рог, символ бога Амона. Grabowski T. The Cult of the Ptolemies in the Aegean in the 3rd Century BC. P. 122. Лорбер предполагает, что происхождение рога у Арсинои может восходить к изображениям Александра Македонского с рогом Амона на монетах Лисимаха Фракийского. Lorber C.C. Theos

атрибут женских персонажей встречается крайне редко; возможная параллель прослеживается лишь с посохом Зевса[1]. Совокупность данных символов подтверждает божественный статус Арсинои II[2]. Эмиссии с ее портретами производились не только в Александрии, но и в Саламине, Китионе, Тире, Пафосе и других центрах[3].

Характерной особенностью реверса является изображение двойного рога изобилия (δίκερας) с бахромой, наполненного плодами, виноградными гроздьями и зерном – традиционными символами плодородия. Двойной рог стал уникальным птолемеевским символом и персональным атрибутом Арсинои II[4]. Над ним обычно помещалась надпись: «Арсинои Филадельфы» (ΑΡΣΙΝΟΗΣ ΘΙΛΑΔΕΛΦΟΥ)[5]. Символика рога изобилия имеет глубокие корни и прослеживается в изображениях богинь Тюхе и Геры с V–IV вв. до н.э.[6].

Aigiochos: the Aegis in Ptolemaic Portraits of Divine Rulers // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven, 2011. P. 293–356. Таким образом, интерес к Амону в греческой среде Александрии активизировался при Птолемее II и был умело использован в политике царской четы для укрепления власти, являясь также референсом к традициям XVIII и XIX египетских династий. Gkikaki M. Op. cit. P. 72. Однако известно, что Птолемей II распорядился установить статую супруги в храме Мендеса, что позволяет Д.Б. Томпсон предположить, что рог на монетах – это рог бараноголового бога Мендеса. Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 202. Существует также гипотеза, отождествляющая Арсиною с супругой Зевса-Амона (ассимилированного с Мендесом), как дочь Кроноса и Реи или Геба и Мут, что подразумевает ее идентификацию одновременно с Герой и Исидой-Хатхор. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 80–81.

[1] Smith R.R.R. Hellenistic royal portraits. P. 34.

[2] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 132.

[3] Британский музей, инв. № 1879,0610.10, 1868,0320.12, RPK,p212.1.ArsII, 1987,0649.141. См. Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 42; Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 69.

[4] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven, 2011. P. 392–394; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 114–115.

[5] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 131.

[6] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 72.

На некоторых монетных сериях, как уже было отмечено, на аверсе присутствует изображение Птолемея II и Арсинои II в диадемах с надписью «Адельфов» (ΑΔΕΛΦΩΝ)[1], а на реверсе – Птолемей I и Береника I с надписью «боги» (ΘΕΩΝ). Портреты обеих цариц при этом довольно сходны друг с другом, и лишь сопроводительная легенда позволяет точно атрибутировать изображенную пару. Распределение легенд по сторонам монеты создает визуальную ассоциацию между действующими правителями и их обожествленными предшественниками[2].

В данных парных композициях мужские фигуры неизменно занимают передний план, а женские располагаются на втором. В связи с этим С.-Э. Эштон трактует положение цариц как второстепенное по отношению к царям[3]. Согласно другой интерпретации, супруги, расположенные позади царей, олицетворяют божественную силу, которая обеспечивает защиту династии. Эта точка зрения представляется особенно обоснованной для Арсинои II, которая к моменту выпуска монет, вероятно, уже была обожествлена[4].

Разработанные для Арсинои II изобразительные приемы, особенно система сакральных атрибутов, отсылающая к греческим богиням, во многом определили подход к репрезентации последующих правительниц[5]. Монеты с изображением Береники II, следующей царицы, наглядно демонстрируют эту преемственность.

Монетные портреты Береники II, относящиеся к правлению Птолемея III, характеризуются более мягкими и плавными чертами лица по сравнению с изображениями Арсинои II, что соответствует известным скульптурным портретам царицы. Иконография золотых, серебряных и бронзовых номиналов достаточно однородна: на аверсе изображена царица в вуали и диадеме[6], на реверсе изображен

---

[1] Приложение № 5.5–6.

[2] Brady T.A. The Reception of the Egyptian Cults by the Greeks (330–30 B.C.). P. 16.

[3] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. Harlow, 2003. P. 70.

[4] Fulińska A. Iconography of the Ptolemaic queens on coins: Greek style, Egyptian ideas? P. 77.

[5] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 43.

[6] Монета из Британского музея, инв. № 1987,0649.281: Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 80–81. Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 129. Приложение № 5.17. Также см. Приложение № 5.18–20.

одинарный рог изобилия, обрамленный царской диадемой, но на некоторых типах концы диадемы свисают прямо, в то время как на других они изогнуты[1]. Легенда на реверсе гласит «Береники царицы» (ΒΕΡΕΝΙΚΗΣ ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ)[2].

Титул «царица» (βασιλίσσα) представляет особый интерес, поскольку его использование не свойственно греко-македонской традиции[3]. Это вызывает вопрос о мотивах применения данного термина, нехарактерного для греко-македонской среды, на монетах, которые имели обращение среди греко-македонского населения Египта. В письменных источниках зафиксировано отрицательное отношение к женскому правлению: Плутарх приводит слова Александра о честолюбивых планах его сестры, отмечая, что «македонцы не допустят правления женщины»[4], а Диодор приписывает схожее суждение Антипатру[5]. Несмотря на личное влияние женщин царского рода, они редко получали формальное признание статуса, тем более – посредством официального титула. М. Дж. Прайс и Э.Д. Карни предполагают, что использование парных титулов «царь» и «царица» (βασιλεύς и βασίλισσα) македонскими правителями, вероятно, было связано с необходимостью передачи персидских официальных обращений на греческий язык с помощью семантически близких терминов[6]. В таком случае титул «βασίλισσα» у птолемеевских цариц восходит, по мнению А. Фулиньска, к восточной традиции и

[1] Sewell-Lasater T.L. A Die Study of the Gold and Silver Coinage of Berenike II, with Numismatic and Historical Commentary // Revue numismatique. 2020. T. 177. P. 62.

[2] Приложение № 5.17. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 70. Монета из Британского музея, инв. 1987,0649.281; Приложение № 5.18. Инв. № TC,p235.1; Приложение № 5.19. Инв. № 1900,1204.9. Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 80–81; Svoronos J.N. Op. cit. No. 981, 990; Poole R.S. Op. cit. P. 59. Даты и место изготовления монет анализирует Т.Л. Сьюэлл-Ласатер. Sewell-Lasater T.L. Op. cit. P. 84–85.

[3] Macurdy G.H. Hellenistic queens... P. 8. Наиболее раннее свидетельство относится к 306 г. до н.э. и связано с женой Деметрия Полиоркета. См. Syll[3] 333, 6-7.

[4] Plut. Alex. 68.

[5] Diod. Sic. XIX.11.9.

[6] Price M.J. The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue 1. Zurich, London, 1991. P. 32–33; Carney E.D. What's in a Name? The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period. P. 157–158.

приобретает особую значимость в Египте, где роль супруги царя изначально была более весомой, чем в Персии или иных ближневосточных царствах[1].

Переходя от анализа надписей к символике, важно отметить изменение содержания рога изобилия: вместо хлебцев конической формы, характерных для монет Арсинои II[2], здесь представлен один хлебец и колос, признаваемый исследователями, как атрибут Деметры, но в птолемеевской иконографии также связанный с Исидой[3]. По обе стороны от рога располагаются символы Диоскуров – звезды или островерхие головные уборы (пилосы). Согласно Гомеру, Диоскуры – сыновья Леды и спартанского царя Тиндарея, братья Елены, отправившейся с Парисом в Трою или, согласно альтернативным версиям – в Египет[4]. Еще Дж.Б. Донзелли подчеркивала связь Елены с культом Афродиты, атрибуты и эпитеты которой были заимствованы для птолемеевских цариц[5]. Диоскуры обладали двойственной природой – смертной и бессмертной, героической и божественной, а их звезды служили символом спартанской диархии[6]. Хотя правление Птолемеев отличалась от спартанского, Спарта сохраняла значение образца греческой монархии с древними корнями, основанной на военном авторитете и династической легитимности. Модель диархии Спарты была созвучна практике Птолемеев, чьи цари и царицы разделяли культовые почести. Показательно, что в изложении Каллимаха об апофеозе Арсинои именно Диоскуры возносят ее на

[1] Fulińska A. Iconography of the Ptolemaic queens on coins: Greek style, Egyptian ideas? P. 85.
[2] Приложение № 5.17–20. Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 32.
[3] Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. No. 1384; Sewell-Lasater T.L. A Die Study of the Gold and Silver Coinage of Berenike II, with Numismatic and Historical Commentary. P. 62; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. 1. P. 178–180.
[4] Hom. Il. III.236–244.
[5] Donzelli G.B. Arsinoe simile ad Elena (Theocritus Id. 15,110) // Hermes 1984. Vol. 112. No. 3. P. 308; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 122.
[6] Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 131.

Олимп[1]. Для Береники II, родившейся в Кирене, колонизированной дорийцами – предками спартанцев[2], связь с Диоскурами также имела символический смысл[3]. К. Лорбер предположила, что пилосы Диоскуров, которые считались божествами-спасителями солдат и моряков во время войны, демонстрируют, что Береника считалась спасительницей своего мужа, посвятив прядь волос для его благополучного возвращения с Третьей сирийской войны[4]. Этот аргумент убедителен, поскольку наиболее известный эпизод из жизни Береники II – это посвящение локона, описанное Каллимахом.

Изображения Береники II, включали божественные атрибуты: рог изобилия с колосом пшеницы, колпаки или звезды Диоскуров, а ее царский статус передавался посредством диадемы и титула «царица». Эта визуальная репрезентация повлияла на монетные изображения Арсинои III.

Арсиноя III появляется на монетах, выпущенных от имени ее брата и супруга Птолемея IV или ее сына Птолемея V (точнее, его регентов), а также на нескольких полисных выпусках[5]. Ее изображения фиксируются преимущественно на золотых октодрахмах[6] и бронзовых номиналах, за единственным исключением – серебряной серии из ликийского города Фаселида[7]. Золотые октодрахмы,

---

[1] Callim. fr. 228 Pf. Может быть изображение звезд или колпаков Диоскуров на монетах с Береникой II также отсылает к этому поэтическому эпизоду и намекает на апофеоз царицы, но уже при жизни.

[2] Hdt. IV.147–150.

[3] Vagi D. The Ptolemaic Pentekaidekadrachm // Journal for the Society for Ancient Numismatics. 1997. Vol. 20. P. 5–10. Кроме этой интерпретации стоит отметить гипотезу Г. Кириелейса о том, что символы Диоскуров связаны с образом птолемеевского Египта, как военно-морской державы. Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 95.

[4] Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Vol. I. P. 181, 395.

[5] Kahrstedt U. Fraue auf antiken Münzen. P. 269–272; Forrer L. Portraits of Royal Ladies on Greek Coins. London, 1938. P. 12–14; Gorrini M.E. Un ritratto di Arsinoe III a Palazzo Te a Mantova: alcune considerazioni // Numismatica e antichità classiche. 2006. Vol. 35. P. 228.

[6] Приложение № 5.21–22. Британский музей, инв. № 1858,1124.87, BNK,G.913: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159. Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 62, 67.

[7] Приложение № 5.23. Svoronos J.N. Op. cit. No. 1196.

разделяются на два основных типа, различающихся по атрибутике, легенде и, соответственно, смысловой нагрузке[1].

Первый тип представлен монетами, изображающими царицу с покрытой головой. Ключевыми атрибутами выступают вуаль, диадема и посох[2]. Реверс содержит двойной рог изобилия с развевающимися лентами и виноградными гроздьями по бокам, и легенду «Арсинои Филадельфы» (ΑΡΣΙΝΟΗΣ ΦΙΛΑΔΕΛΦΟΥ). Рог изобилия трактуется как символ богини Тюхе[3]. Эпитет Арсинои II «Филадельфа» демонстрирует связь с обожествленной предшественницей[4].

Второй тип отличается набором атрибутов. На аверсе Арсиноя представлена без вуали, в диадеме и стефане, нередко с ожерельем и посохом[5]. Посох и рог изобилия, ассоциируемый с Тюхе, известны по монетам Арсинои II[6]. Однако на реверсе монет с Арсиноей III рог изобилия одинарный, с развевающимися лентами и одной виноградной гроздью, над рогом находится звезда. Легенда меняется на «Филопаторы Арсинои» (ΦΙΛΟΠΑΤΟΡΟΣ ΑΡΣΙΝΟΗΣ или ΦΙΛΟΠΑΤΟΡ ΑΡΣΙΝΟΗΣ). В этом случае рог изобилия символизирует Арсиною III как гарант изобилия и благоденствия, а звезда над ним и стефана говорят о сакральном статусе царицы[7]. Эпитет «Филопатора» представляет собой эпитет, фиксирующий

[1] Kyrieleis H. Die Porträtmünzen Ptolemaios' V und seiner Eltern // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1973. Vol. 88. P. 213–246; Mørkholm O. The portrait coinage of Ptolemy V. The main series // Essays in honour of Margaret Thompson / Eds. O. Morkholm, N. Waggoner. Wetteren, 1979. P. 203–214.

[2] Приложение № 5.30–31. Svoronos J.N. Op. cit. No. 1163, 1164.

[3] Müller S. Arsinoë III. als Artemis? Zur Ikonographie ptolemäischer Königinnen // Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse 2007. Vol. 142. P. 145; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 429.

[4] Gorrini M.E. Op. cit. P. 228–229.

[5] Приложение № 5.24–28. Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159a, b, c, 1269, 1272.

[6] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 79.

[7] Müller S. Arsinoë III. als Artemis? Zur Ikonographie ptolemäischer Königinnen. P. 143.

включение царицы в династический культ. Отсутствие титула «βασίλισσα» подчеркивает ее более низкое положение по сравнению, например, с Береникой II[1].

Бронзовые монеты с Арсиноей III демонстрируют большее разнообразие изображений на реверсе (двойной или одиночный рог изобилия, орел)[2], но обычно на аверсе Арсиноя III как и на золотых монетах, выпущенных после смерти царицы, изображена без вуали, в стефане. При этом на монетах, выпущенных в полисах, например в Марафе Финикийском (207 и 205 гг. до н.э.)[3], использовано изображение царицы с вуалью.

Исследователи датируют первый тип монет периодом при жизни Арсинои III (221–204 гг. до н.э.)[4]. Его появление, вероятно, связано с битвой при Рафии в 217 г. до н.э., где Арсиноя, согласно источникам, воодушевила войска, обещая по две мины золота каждому воину в случае победы[5]. Выпуск золотых октодрахм мог быть предназначен для обеспечения этих выплат[6].

Напротив, второй тип монет почти единогласно трактуется как посмертный[7]. Его появление связывают с событиями, последовавшими за смертью Птолемея IV в 205–204 г. до н.э., когда было официально объявлено о смерти Арсинои III, убитой ранее в результате заговора. Регенты при малолетнем Птолемее V, Агафокл и Сосибий, столкнулись с массовым общественным возмущением, вызванным убийством царицы. Согласно Полибию, чтобы успокоить солдат, Агафокл выплатил войскам двухмесячное жалованье[8]. Массовая чеканка золотых октодрахм с Арсиноей III и аналогичных эмиссий с юным Птолемеем V, вероятно,

[1] Gorrini M.E. Un ritratto di Arsinoe III a Palazzo Te a Mantova: alcune considerazioni. P. 228.
[2] Приложение № 5.29–30. Svoronos J.N. Op. cit. No. 1160, 1161.
[3] Приложение № 5.31–32. Ibid. No. 1201a, 1203b.
[4] Kyrieleis H. Die Porträtmünzen Ptolemaios' V und seiner Eltern. P. 238–240; Mørkholm O. The portrait coinage of Ptolemy V. The main series. P. 203–214.
[5] Mac. 3.I.4. Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 27–28.
[6] Gorrini M.E. Op. cit. P. 229.
[7] Mørkholm O. The portrait coinage of Ptolemy V. The main series. P. 203–214.
[8] Polyb. XV.25.11.

предназначалась именно для этих выплат[1]. Буквы «NI» на реверсе отдельных монет второго типа интерпретируются как указание на Никона, командира флота из окружения Агафокла, убитого в 202 г. до н.э., что позволяет ограничить датировку этих выпусков 204–202 гг. до н.э.[2]. Отсутствие монограмм самого Агафокла на данных монетах позволяет предположить их чеканку уже после его гибели в конце 203 г. до н.э.[3].

В целом, иконография Арсинои III на монетах свидетельствует о развитии ее образа – от царицы к обожествленной фигуре династического культа.

Клеопатра I была последней царицей династии Птолемеев[4], чей портрет на монете был четко идентифицирован. В первую очередь, это касается золотых октодрахм, изображающих Клеопатру I в качестве регента на аверсе и сына Птолемея VI Филометора на реверсе[5]. Царица изображена в вуали и стефане[6]. За царицей виднеется посох, который Дж. Уайтхорн рассматривал как символ ее регентства[7], однако его следует трактовать как устойчивый изобразительный элемент, проанализированный ранее. Портрет Клеопатры I практически идентичен другим царицам, что показательно, поскольку Клеопатра I не являлась дочерью Птолемея IV и Арсинои III. Надпись на монете «царицы Клеопатры» (ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ) свидетельствует о высоком статусе царицы. Кроме этого выпуска, известно несколько других монет, которые могут изображать Клеопатру I.

---

[1] Kyrieleis H. Die Porträtmünzen Ptolemaios' V und seiner Eltern. P. 238; Gorrini M.E. Un ritratto di Arsinoe III a Palazzo Te a Mantova… P. 230.

[2] Kyrieleis H. Op. cit. P. 240.

[3] Gorrini M.E. Op. cit. P. 233.

[4] Имеется в виду среди цариц от Береники I до Клеопатры III.

[5] Приложение № 5.33. Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. P. 126; Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda. P. 379–380; Лорбер также считает, что имели место выпуски таких монет, где Клеопатра I уподобляется обожествленной Арсиное Филадельфе Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 136–137.

[6] Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 77.

[7] Whitehorne J. Cleopatras. P. 83.

Монетный двор Пафоса выпускал мелкие медные монеты с изображением Клеопатры I[1]. Экземпляры обнаружены в некрополе животных в Саккаре в составе четырех кладов. Их непотревоженный археологический контекст обеспечил надежную датировку периодом правления Птолемея VI[2]. Клеопатра I изображена в диадеме с вплетенными колосьями[3]. Мотив колосьев, характерный для иконографии Деметры, среди птолемеевских цариц впервые фиксируется у Береники II[4]. Тема аграрного изобилия прослеживается и на реверсе: орел держит рог изобилия, обвитый царской диадемой[5]. На монетах присутствует типичная легенда «царицы Клеопатры» (ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ).

Дж. Уайтхорн также обратил внимание на бронзовую монету с Кипра с аналогичной легендой и предположил, что она принадлежит Клеопатре II или Клеопатре III[6]. Портрет царицы уникален, поскольку она изображена в головном уборе из слоновьей головы, похожем на изображения на ранних монетах Птолемея I и посмертных портретах Александра Македонского[7]. Это может быть намеком на военную роль Клеопатры III в кампании против Птолемея IX, но учитывая

[1] Приложение № 5.34. Cheshire W. Op. cit. P. 362.

[2] Geoffrey T. M. The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. The Southern Dependencies of the Main Temple Complex. London, 1981. P. 156.

[3] Forrer L. Portraits of Royal Ladies on Greek Coins. P. 26; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 60–61; Р. Пинкок утверждает, что на этой монете Клеопатра I изображена в ипостаси богини Исиды. См. Pincock R. A Possibly Unique Isis Head Bronze Coin of Cleopatra I (180-176 BC). P. 53–62.

[4] Minas M. Die Kanephoros. Aspekte des ptolemaischen Dynastiekultes // Le culte du souverain dans l'Egypte ptolémaïque au lIIe siècle avant notre ère / Ed. H. Melaerts. Louvain, 1998. P. 46–48.

[5] Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda. P. 361.

[6] Приложение № 5.35. Whitehorne J. Cleopatras. Pl. 19; Maritz J. The face of Alexandria - the face of Africa? / Alexandria, Real and Imagined // Eds. A. Hirst, M. Silk. London, 2004. P. 48–49.

[7] Meadows A.R. Weighing up the coinage reform of Ptolemy Philadelphus // Money Rules! The Monetary Economy of Egypt, from Persians until the Beginning of Islam / Ed. T. Faucher. Cairo, 2020. P. 89. К. Лорбер предполагает, что это могут быть монеты с изображением молодого Александра Македонского. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 64–65.

воинственный характер эпохи, любая из Клеопатр могла быть изображена таким образом, что делает надежную идентификацию невозможной.

К. Лорбер в недавнем исследовании обращает внимание на некоторые октодрахмы с изображением Арсинои Филадельфы, отчеканенные на Кипре и в Александрии. С учетом обновленных датировок монеты относятся к началу правления Птолемея VI, а изображенная на них царица выглядит иначе, чем Арсиноя: у нее более вытянутые черты лица и другая форма носа. К. Лорбер предполагает, что на данных монетах изображена Клеопатра II в начале своего правления в образе обожествленной Арсинои Филадельфы[1]. Отдельных монет с изображением Клеопатры II исследовательница не идентифицирует.

Монеты с Клеопатрой III немногочисленны и часто находятся в плохом состоянии. Р.С. Пул фиксирует лишь пять медных монет, атрибутируемых периоду ее правления[2]. Среди них описана недатированная монета египетского происхождения, на аверсе которой царица изображена в шлеме, аналогично иконографии Александра Македонского[3]. Данная неопределенность оставляет дискуссионным вопрос: принадлежит ли инициатива использования шлема как атрибута Клеопатре II (с последующим заимствованием дочерью) или данный элемент является особенностью Клеопатры III[4].

В период совместного правления с Птолемеем IX Клеопатра III непосредственно не изображается, однако на медных монетах этого периода присутствует легенда «царицы Клеопатры» (ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΚΛΕΟΠΑΤΡΑΣ), отсылающая к другой Клеопатре-регенту, а кроме этого, на монетах бронзовых

[1] Приложение № 5.36. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 139–141.

[2] Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 70–71.

[3] Приложение № 5.37. Р.С. Пул считает, что в данном шлеме изображена царица Клеопатра: Poole R.S. Op. cit. P. 96, 96; в то же время К. Лорбер предполагает, что на монете изображен молодой Александр, но не отрицает, что идентификация остается дискуссионной. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II. Vols 1. P. 64–65.

[4] Rowell S.M. Cleopatra III: a Revisionist View. P. 212.

монетах присутствуют изображения двух орлов[1], двойного рога изобилия[2] и головы Исиды-Деметры[3]. В серебряных чеканах (117–111 гг. до н.э.) царица также обозначена опосредованно – через двойные даты, фиксирующие годы правления Клеопатры III и Птолемея IX[4]. Дата правления царицы находится выше даты царя. Это первый случай двойной датировки на египетских монетах, и его можно рассматривать как выражение более высокого статуса Клеопатры по отношению к Птолемею X[5]. Примечательно, что после смерти Клеопатры III ни один из ее сыновей, Птолемей IX или X, не санкционировал выпуск монет, как это сделали Птолемей VI и VIII в память о Клеопатре I[6].

Для изображения цариц Птолемеев на монетах были заимствованы атрибуты греческих богинь для визуального подтверждения сакрального статуса цариц. Можно выделить следующие основные атрибуты: стефана, рог изобилия и посох. Отдельно стоит отметить звезды Диоскуров как маркер апофеоза Береники II, а также колосья, вплетенные в диадему у Клеопатры I, для ассоциации с Деметрой. Эти символы создавали прямые ассоциации цариц с божественными покровительницами плодородия, изобилия и судьбы.

Таким образом, монеты выступают источником, визуализирующим различные статусы птолемеевских цариц: супруги, матери-регента и

---

[1] P.C. Пул (pl. LXXIX–LXXX) считает, что два орла символизируют соправление Клеопатры III с сыном, а К. Лорбер считает, что это символическое выражение модели правящей диады. Lorber C.C. Op. cit. P. 60.

[2] Приложение № 5.38. Poole R.S. Op. cit. P. 79–80. Двойной рог изобилия отсылает к образу Арсинои II, чей культ среди цариц Птолемеев оказался наиболее влиятельным. Несколько раз Клеопатра III даже изображалась в особой составной короне Арсинои II на храмовых рельефах, что еще больше обозначает их связь.

[3] Приложение № 5.39. С конца III в. до н.э. 140-х гг. до н.э. на египетских бронзовых монетах регулярно изображалась голова Исиды-Деметры. Исчезновение этого изображения во время правления Птолемея VIII означает исключение любых отсылок к царице на монетах, учитывая, что царицы династии в рамках культа заимствовали атрибуты Исиды, а Клеопатра III предстала как живое воплощение богини.

[4] Приложение № 5.40. Poole R.S. Op. cit. P. 108, 110.

[5] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210.

[6] Rowell S.M. Cleopatra III: a Revisionist View. P. 212.

обожествленной фигуры. Важнейшую роль сыграла иконография Арсинои II Филадельфы, ставшая образцом для последующих цариц. Исчезновение женских портретов на монетах, которое прослеживается постепенно, начиная с Клеопатры I может быть объяснено несколькими обстоятельствами. Период после смерти Птолемея V ознаменовался династическими конфликтами, совместными правлениями царей и цариц, поэтому в целях укрепления власти и поднятия престижа, цари могли подчеркивать свою единоличную фигуру. К тому же экономические трудности, вызванные восстаниями и борьбой за власть, могли привести к упрощению и унификации монетной чеканки.

§ 2.1.2. Ойнохои

Фаянсовые ойнохои формируют особую группу памятников, тесно связанную с династической пропагандой и культом цариц. Ойнохои привлекают внимание ученых по меньшей мере с середины XIX века[1]. На сегодняшний день наиболее полным и фундаментальным их исследованием остается монография Д.Б. Томпсон, вышедшая в 1973 году[2]. Несмотря на заключительное замечание Томпсон о том, что функции фаянсовых ритуальных сосудов остаются предметом дискуссий, ее скрупулезная работа по каталогизации, а также анализ иконографии и надписей на сосудах убедительно связывают их с контекстом птолемеевского культа правителей. Исследовательница считает, что сосуды предназначались для церемониальных целей, а их эклектичный дизайн, сочетающий египетские, греческие и персидские элементы, был искусно разработан для царской пропаганды[3]. После публикации труда Д.Б. Томпсон в научных изданиях, музейных и выставочных каталогах был представлен ряд ранее неизвестных фаянсовых ойнохой и их фрагментов; отдельные находки продолжают

[1] Beulé E. Le vase de la reine Bérénice // Journal des Savants. 1862. P. 163–172.
[2] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 15.
[3] Ibid. P. 119.

фиксироваться в археологических отчетах[1]. Х.Г. Нимейер, акцентирующий внимание на портативности и многофункциональности ойнохой, указывает, что с одной стороны, владельцы сосудов могли приносить их в дар храмам, где стояли культовые статуи Птолемеев, а с другой – сохранять в частном обиходе, чтобы сделать частью погребального инвентаря[2]. Таким образом, ойнохои соответствуют определению «предметов, насыщенных символикой и смыслами, разработанными и понятными элите»[3].

Итак, египетский бирюзовый фаянс[4] использовался для создания нового типа сосуда: кувшина греческой формы, украшенного греческими надписями, относящимися к царскому культу. Комбинация египетского материала с греческими изобразительными элементами говорит о дуалистической природе самого памятника. Выбор формы ойнохои представляет собой отсылку к сцене на самих сосудах: непосредственно перед моментом, где царица протягивает фиалу к алтарю, чаша в ее руке должна была быть наполнена из ойнохои. Таким образом, сцена на сосуде, демонстрировала надлежащее использование ойнохои[5].

---

[1] Besques S. Un nouveau fragment d'oenochoé ptolémaïque en faïence // Alessandria e il Mondo Ellenistico-Romano: Studi in Onore di Achille Adriani / Eds. A. Adriani, N. Bonacasa. Rome, 1984. P. 273–276; Kriseleit I. Fragmente von Ptolemäerkannen in der Antikensammlung // Forschungen und Berichte. 1990. Vol. 28. P. 61–64; Niemeyer H.G. Eine Ptolemäerkanne aus Karthago // Hommages à Jean Leclant. 1994. Vol. 3. P. 391–395.

[2] Niemeyer H.G. Eine Ptolemäerkanne aus Karthago. P. 394–395.

[3] Bianchi. R.S. Symbols and Meanings // Gifts of the Nile: Ancient Egyptian Faience / Ed. F. D. Friedman. New York, 1998. P. 28.

[4] Friedman F.D. Faience: The Brilliance of Eternity // Gifts of the Nile: Ancient Egyptian Faience / Ed. F.D. Friedman. London, 1998. P. 16. Также М.Д. Ненна предполагает, что изготовление птолемеевских ойнохой требовало участия двух категорий мастеров: специалистов по фаянсу, в совершенстве владевших технологией формовки пасты для создания этих относительно крупных сосудов, и коропластов, ответственных за изготовление форм для разнообразных рельефных элементов. Вероятно, к работе привлекались и дополнительные ремесленники для выполнения тонкой декоративной отделки. Nenna M.D., Seif El-Din M. La vaisselle en faïence du musée gréco-romain d'Alexandrie. P. 323.

[5] Caneva S.G. Ruler cults in practice… P. 108; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique: continuités et changements / Ed. G. Lenzo, C. Nihan, M. Pellet. Tübingen, 2022. P. 117.

Основная рельефная сцена включает три элемента и остается неизменной. Первый элемент: царица в стефане и диадеме изображена фронтально с разворотом вправо и держит обычно в правой руке неглубокую чашу с широким дном (φῐ́άλη)[1], а в левой руке – рог изобилия (для Арсинои II характерен двойной рог изобилия)[2]. Второй: расположенный справа от царицы алтарь (ἀκρωτήριον), украшенный гирляндами и иногда содержащий надпись. Третий элемент: высокая заостренная колонна слева от царицы – культовый столб[3]. Греческие надписи содержат имя царицы в родительном падеже вместе с одним или несколькими титулами и именами богинь. На нескольких кувшинах с именем Арсинои II надписи на алтарях повторяют текст над сценой: «Агате Тюхе Арсинои Филадельфы» (Ἀγαθῆς Τύχης Ἀρσινόης Φιλαδέλφου), иногда добавляется имя Исиды. На сосудах с именем Береники II (Βασίλισσας Βερενίκης Ἀγαθῆς Τύχης или Βερενίκης Βασίλισσας Ἀγαθῆς Τύχης) на алтарях присутствуют надписи с эпитетом обожествленной царской четы Береники II и Птолемея III, богов Эвергетов (Θεοὶ Εὐεργέται)[4]. Их можно понимать как подписи, идентифицирующие изображенную царицу, а также обожествленного представителя царской семьи, которому посвящено возлияние на сцене – и, возможно, содержимое сосуда или сам сосуд[5].

Э.К. Смит высказывает предположение, что женские фигуры, вероятно, олицетворяют личное тюхе цариц, то есть персонификацию их царского счастья и

[1] Caneva S.G. Ruler cults in practice… P. 104.

[2] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 135.

[3] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 62–67; Smith A.C. Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. P. 89.

[4] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 390. Первое упоминание эпитета Эвергеты засвидетельствовано в папирусе PSI IV 389 от 243 г. до н.э. Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 131.

[5] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 89.

удачи[1], поскольку черты их лиц отличаются выраженной индивидуализацией и схожи с портретами этих же правительниц на монетах и статуях[2]. Большинство цариц изображены с диадемой, подчеркивающей их статус правящих особ, либо в стефане, что может указывать на их обожествление. Все фигуры представлены босыми, что традиционно для иконографии богинь и подчеркивает божественную природу тюхе цариц[3]. Дополнительным свидетельством этого служат надписи на кувшинах, выполненные в родительном падеже. В частности, надпись: «Агате Тюхе Арсинои Филадельфы» стала предметом длительных научных дискуссий. Одни исследователи, включая Д.Б. Томпсон, рассматривают фразу как отсылку к «доброй удаче» или личному духу-покровителю конкретных цариц, не отождествляя его с полноценным божеством, и переводят как «Доброй удачи [царицы]»[4]. Э.К. Смит интерпретирует фразу как указание на богиню Тюхе, либо на отождествление царицы с Тюхе, что представляется более вероятным[5].

Таким образом, термин «Добрая удача» (Ἀγαθὴ Τύχη) может обозначать как личную тюхе Арсинои Филадельфы, так и божество, с которым Арсиноя отождествлялась. Вторая интерпретация получает значительную поддержку по ряду соображений. Прежде всего, олицетворение абстракций, подобных Тюхе, уже

[1] Персонификация царской удачи – типичное явление для царей и цариц эллинистического периода. См., например, Воробьев И.Ю. Τυχη Селевка II в клятве магнесийских катойков (OGIS 229. II) // Проблемы истории, философии, культуры. 2022. № 2. С. 152–163.

[2] Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. P. 16.

[3] Smith A.C. Queens and Empresses as Goddesses: The Public Role of the Personal Tyche in the Graeco-Roman World. P. 90.

[4] Thompson D.B. Op. cit. P. 49–62. Goldberg P. Op. cit. P. 27. Caneva S. Ruler cults in practice... P. 107.

[5] Smith A.C. Op. cit. P. 89. Тюхе изначально являлась лишь персонификацией удачи, однако к IV веку до н.э. трансформировалась в полноценную богиню с храмами и культами, которой приносили посвящения и возносили молитвы. В эллинистическую эпоху она часто выступала покровительницей отдельных городов и изображалась с короной в виде городских стен. В этом качестве она почиталась как богиня-покровительница и несла рог изобилия, символизируя заботу о благосостоянии своих почитателей. См. Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 169.

было широко распространено в Александрии в III в до н.э. Достаточно вспомнить статую Арете (Ἀρετή), установленную рядом со статуей Птолемея Сотера во время знаменитого праздника Птолемея Филадельфа[1], посвящение, сделанное Птолемеем Филопатором накануне Четвертой Сирийской войны Еводии (Εὐοδία)[2], а также одновременное упоминание в частной дарственной надписи периода его царствования, богинь Деметры, Коры и Дикайосюны (Δικαιοσύνη)[3]. Во-вторых, культы трех богинь – Арсинои Филадельфы, Агате Тюхе и Исиды – находились в тесной взаимосвязи на Делосе. Хотя нельзя напрямую переносить делосские практики на Александрию, посвящения на острове очень часто идут параллельно с александрийскими, отражая общие религиозные веяния эпохи. Также храм в честь Арсинои, Филадельфейон (Φιλαδέλφειον), на Делосе был впоследствии переименован в храм Агате Тюхе[4]. Следовательно, Агате Тюхе воспринималась как персонифицированное божество, и существование ее культа в Александрии вероятно также, как и отождествление ее с птолемеевскими царицами.

В египетской религии богиня Тюхе отождествлялась со змеиным божеством Рененутет, которая, в свою очередь в эллинистический период, ассимилировались с Исидой и Сараписом[5]. Благодаря этим параллелям царица, отождествляемая с Тюхе, воспринималась как покровительница изобилия, плодородия и процветания.

Среди наиболее значимых находок подобного типа выделяется сосуд из Британского музея с изображением Арсинои II[6]. Идентификация не составляет сложностей благодаря ряду признаков – надписи: «Агате Тюхе Арсинои Филадельфы» (Ἀγαθῆς Τύχης Ἀρσινόης Φιλαδέλφου), двойному рогу изобилия, а

[1] Athen. Deipnosoph. V.201 D.
[2] OGIS I 77; SB V 8865.
[3] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 199.
[4] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 241.
[5] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens…P. 112; Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses: Thesis. P. 35.
[6] Приложение № 6.1. Инв. № 1873,0820.389: Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 48; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 117–119; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 119–120.

также алтарной надписи, дополненной именем «Исида». Приведенная формулировка допускает несколько вариантов перевода: «Доброй Удачи Арсинои Филадельфы и Исиды», «Доброй Удачи, Арсинои Филадельфы и Исиды» или «Доброй Удачи Арсинои Филадельфы/Исиды»[1]. Томпсон отметила, что фиала, которую держит царица, не направлена на алтарь и не находится прямо над ним. Исходя из этого, исследовательница предположила, что возлияние совершалось не на алтарь, а на землю рядом с ним, что могло говорить о хтонической природе культа Арсинои II[2]. Однако современные исследователи интерпретируют данную иконографию как завершающую стадию ритуала возлияния, что и объясняет положение фиалы. Таким образом, убедительных доказательств связи культа Арсинои II с хтоническими культами не выявлено[3].

Цельный экземпляр ойнохои, хранящийся в музее Гетти (Калифорния), представляет изображение Береники II[4]. Сюжетная композиция на сосуде аналогична рассмотренной ранее. Береника II носит то же платье, что и Арсиноя II: льняное, покрытое мантией[5]. В руке царица удерживает одиночный рог изобилия, из которого виднеются колосья[6], тот же атрибут присутствует на монетах с Береникой II. На верхней части кувшина размещено имя «Царице Беренике», тогда как на алтаре данного экземпляра присутствует надпись «богов Эвергетов» (Θεῶν Εὐεργετῶν)[7].

---

[1] Marquaille C. The Foreign Policy of Ptolemy II // Ptolemy II Philadelphus and his World / Eds. P. Mckechnie, Ph. Guillaum. Leiden, 2008. P. 58–60; Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage // Ptolemy II Philadelphus and his World / Eds. P. Mckechnie, Ph. Guillaum. Leiden, 2008. P. 298.

[2] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 217.

[3] Caneva S. Ruler cults in practice… P. 107.

[4] Приложение № 6.2. Инв. № 96.AI.58. Kozloff A. P. Is There an Alexandrian Style-What is Egyptian about It? / Alexandria and Alexandrianism / Ed. K. Hamma. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1996. P. 252.

[5] Thompson D.B. Op. cit. P. 30–31. Подробнее об узле Исиды см. §3.1.3.

[6] Women in the classical world: image and text. P. 149.

[7] Thompson D.B. Op cit. P. 29, 75, 139.

В отличие от иконографической устойчивости, характерной для предыдущих изображений, фрагмент ойнохои из Художественного музея Уолтерса[1] демонстрирует нетипичную позу: фигура представлена не в момент возлияния, а в динамичном развороте влево, с вытянутой правой рукой, удерживающей наклонный стержень, интерпретируемый как факел или копье[2]. Эта композиция находит убедительное соответствие в образе Арсинои III, проявившей себя в битве при Рафии. Копье намекает на ее роль воинственной защитницы – редкий мотив для женских изображений эллинистической эпохи.

На другой ойнохое, найденной на Крите, изображение царицы и надписи сходны с вышеописанными примерами. Грушевидный овал лица, характерные глаза с подчеркнутыми веками и юный облик позволяют атрибутировать фигуру на кувшине как Арсиною III[3]. Подобное «юное» изображение, как считает Д.Б. Томпсон, связывает царицу с Афродитой, культ которой активно поддерживался Птолемеями, о чем свидетельствует, например, храм Афродиты Урании в Кусэ[4]. Ойнохоя найдена на Крите, где Птолемей IV оказал поддержку Гортине (220 г. до н.э.), что совпало с переименованием порта Ритимны в Арсиною в 223–200 гг. до н.э. В этот же период на острове, судя по всему, был учрежден культ Птолемеев как одно из средств дипломатической стратегии[5]. Таким образом, ойнохои с изображением Арсинои III отражают многогранность ее образа – от воинственной защитницы до обожествленной царицы.

Вопрос о функциях ойнохой, остается дискуссионным. Д.Б. Томпсон полагает, что они использовались во время праздника в честь Арсинои, когда

---

[1] Приложение № 6.3. Инв. № 48.309: Hill D.K. Some Late Egyptian Ceramics in the Walters Art Gallery // Gazette des Beaux-Arts. 1946. No. 30. P. 195, Fig. 2; Hill D.K. Four Fragments from Ptolemaic High-Relief Faience // Revue archeologique. 1954. No. 43. P. 44–50, Figs. 1, 2, 4.

[2] Thompson D.B. Op. cit. P. 26.

[3] Thompson D.B. Op. cit. P. 87. Cat. No 112, Pl. 39; Barr-Sharrar B. The Anticythera Fulcrum Bust: A Portrait of Arsinoë III // American Journal of Archaeology. 1985. Vol. 89. No. 4. P. 689–692.

[4] Thompson D.B. Op. cit. P. 62.

[5] Thompson D.B. Op. cit. P. 87; Barr-Sharrar B. Op. cit. P. 689–692. При этом нет никаких свидетельств о том, что Арсиноя III лично посещала Крит.

граждане почитали правителей, совершая возлияния[1]. Д.Л. Клейман отмечает, что письменные источники не подтверждают существование подобного ритуала[2].

Некоторые ойнохои были найдены в погребениях[3], и существует мнение, что возлияния обожествленным Птолемеям были включены в погребальные ритуалы, с целью заручиться их защитой и в загробной жизни[4]. Однако более вероятно, что помещение ойнохой в захоронения являлось личной инициативой, поскольку убедительных свидетельств связи между птолемеевскими культами и погребальными обрядами не выявлено[5]. Сам факт присутствия ойнохой в гробницах скорее свидетельствует об успешном укоренении династических культов и о том, что почитание цариц осуществлялось не только в рамках официальной религиозной политики, но и индивидуально.

Д.Б. Томпсон рассматривает ряд других применений сосудов как призов на агонах, даров царей придворным, вотивных приношений, кувшинов для возлияний в некрополях[6]. Однако ни в ее исследовании, ни в последующих работах не предложено единой концепции, способной объединить все эти варианты. Поэтому ойнохои преимущественно определяются как категория предметов, связанных в широком смысле с ритуалами культа правителей[7].

Птолемеевские фаянсовые ойнохои представляют собой выдающийся пример синтеза египетских традиций (материал и технологии) и греческих форм (тип сосуда, иконография, надписи). Стандартизированное изображение царицы, и надписи, связывающие ее с богинями Тюхе и Исидой, превращали эти сосуды в

---

[1] Thompson D.B. Op. cit. P. 71–75. Macurdy G.H. Hellenistic queens... P. 125.

[2] Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 169. Также Д.Б. Томпсон предполагает, что ойнохои использовались обычными гражданами как замена золотым или серебряным ритуальным сосудам. См. Thompson D.B. Op. cit. P. 75. Однако они едва ли были дешевыми и доступными широким слоям населения. См. Pfeiffer S. The God Serapis. P. 398–408.

[3] Thompson D.B. Op. cit. P. 24.

[4] Ibid. P. 119.

[5] Caneva S. Ruler cults in practice… P. 108.

[6] Thompson D.B. Op. cit. P. 118–119.

[7] Weber G. Ungleichheiten, Integration oder Adaptation? Der ptolemäische Herrscher- und Dynastiekult in griechischmakedonischer Perspektive. P. 390–391.

средства визуальной коммуникации. Они демонстрировали божественный статус и роль цариц как подательниц удачи и процветания, одновременно инструктируя владельца в должном ритуальном действии – возлиянии. Это единообразие иконографии способствовало формированию единого ритуального стандарта и укреплению культа правителей[1].

Однако этот способ пропаганды имел естественные пределы. Отсутствие ойнохой времен Клеопатры II и Клеопатры III объясняется тем, что период их правления характеризуется ростом политической и экономической нестабильности, династическими конфликтами[2]. Эти обстоятельства могли привести к сокращению или изменению деятельности царских мастерских в Александрии, утрате мастеров, владевших технологией изготовления сложных сосудов с позолотой и рельефами[3], и перенаправлению ресурсов на другие нужды. Примечательно, что пропагандистская деятельность этих цариц была направлена не столько на поддержание старых династических традиций, сколько на легитимацию собственных притязаний в текущих политических конфликтах.

Хотя активность Клеопатры III в развитии царского культа несомненна, возобновление традиции изготовления ойнохой в ее случае не являлось приоритетным. Клеопатра III правила в эпоху династической борьбы. Единичные изображения царицы на рельефах храмов в составной короне Арсинои II, конечно, говорят в пользу идеи преемственности двух культов, однако для Клеопатры III, как воплощения живой богини Исиды, были актуальнее монументальные формы репрезентации и институционализация жречеств. К тому же пик производства ойнохой пришелся на период становления культа посмертно обожествленных цариц, тогда как культ Клеопатры III развивался при жизни царицы. Таким образом, традиция изготовления фаянсовых ойнохой как важного элемента культа

[1] Caneva S. Ruler cults in practice... P. 108.

[2] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210.

[3] Nenna M.-D., Seif el-Din M. La Vaiselle en Faience d'Epoque Greco-Roman: Catalogue du Musée Gréco-Romain d'Alexandrie. P. 323.

цариц, сложившаяся в относительно стабильном III в. до н.э., не пережила политических потрясений рубежа веков и не была возрождена во II в. до н.э., в период, когда требовались иные способы пропаганды.

§ 2.1.3. Статуи цариц

Исследованию царской скульптуры птолемеевского периода, относящейся к греческой изобразительной традиции, посвящено значительное количество научных трудов. На раннем этапе изучение данного корпуса развивалось в рамках формально-описательного подхода, ориентированного на идентификацию памятников; при этом греческие и египетские материалы рассматривались, как правило, раздельно. В дальнейшем в рамках этой исследовательской парадигмы сформировалась проблема взаимодействия греческой и египетской изобразительных традиций в царской скульптуре, ставшая центральной для последующей дискуссии. Ключевым этапом в изучении царской скульптуры птолемеевского периода стало формирование систематизированных корпусов памятников, наиболее значительным из которых является каталог Г. Кириелейса[1], где данный материал был впервые последовательно описан и типологизирован, что позволило ввести в научный оборот представление о «смешанном» портретном типе, сочетающем элементы греческой и египетской изобразительных традиций[2]. Данная модель, однако, была пересмотрена Р.С. Бианки, который предложил альтернативное объяснение так называемых «греческих влияний», интерпретировав их как продолжение традиции египетской «реалистической» скульптуры династического периода, то есть материала из более ранних времен Египта[3]. Тем самым Р.С. Бианки сместил акцент с межкультурного синтеза на развитие египетской изобразительной традиции. В том же году Р.Р. Смит, опираясь на более широкий корпус эллинистической скульптуры, выделил греческую и

[1] Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. Berlin, 1975.
[2] Kyrieleis H. Op. cit. P. 40–41, 92 129.
[3] Bianchi R.S. Cleopatra's Egypt: Age of the Ptolemies.

египетскую изобразительные традиции как относительно автономные системы и подверг критике саму концепцию «смешанного» типа, так как, по его мнению, существуют свидетельства только одностороннего заимствования: греческих атрибутов и причесок на египетских статуях[1].

Заимствованиям и адаптации греческих черт в египетской скульптурной практике посвящена монография С.-Э. Эштон[2]. На основе анализа более семидесяти скульптурных портретов птолемеевских правителей исследовательница выстроила хронологию развития царского портрета с III в. до н. э. до конца династии, демонстрируя динамику включения греческих портретных черт и причесок, а также атрибутов греческих богинь в скульптуру египетской традиции. П.Э. Стэнвик в работе, посвященной портретам Птолемеев, основанной на неопубликованном архиве Б.В. Ботмера «Корпус позднеегипетской скульптуры»[3], представил современный и исчерпывающий каталог птолемеевских царских статуй египетской традиции[4].

Новейшей монографией по данной теме является работа Э. Брофи[5], целью которой был контекстуальный анализ птолемеевских царских статуй в Египте. Основное внимание уделялось идентифицируемому материалу с археологическим контекстом или установленным происхождением. Такой подход позволил выявить различные контексты размещения статуй в зависимости от места нахождения и

---

[1] Smith R.R.R. Hellenistic Royal Portraits. Похожего подхода придерживается С.А. Зинченко и, согласно с А.А. Трофимовой, отмечает, что эллинские принципы удерживались в разных частях Средиземноморья (Италия, Галлия, Испания, Африка, Анатолия, Сирия, Египет), однако мера их присутствия всюду была различной, и памятники гораздо чаще демонстрируют несовместимость античной и восточной систем, нежели их гармонический синтез. Так эллинистическая пластика, формировавшаяся на пересечении греческих и местных художественных традиций, запечатлела внутреннюю неоднородность культурной среды. Зинченко С.А. Введение в основы искусства эллинизма: учебное пособие. М., 2015. С. 128–132.

[2] Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt…

[3] Corpus of Late Egyptian Sculpture (CLES). См. также Bothmer B.V. Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100. New York, 1960.

[4] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. Austin, 2002.

[5] Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220: Context and Function.

расположения, а также спектр функций, которые эти статуи выполняли (культовые статуи в храмах, вотивные статуи для посвящений, статуи для частного почитания).

Несмотря на фундаментальный вклад этих исследований, ряд ключевых вопросов, связанных с царской скульптурой птолемеевского периода, остается предметом активной научной дискуссии. К их числу относятся: вопросы атрибуции портретов; значение греческих портретных черт и атрибутов на статуях, относящихся к египетской традиции; причины, побудившие египетских мастеров создавать более эллинизированные версии традиционной скульптуры; и, наконец, вопрос о целевой аудитории этих изображений – были ли они ориентированы исключительно на греческое или египетское население, либо на сложную межкультурную среду птолемеевского Египта.

Сложность анализа статуй цариц усугубляется спецификой источниковой базы. Фрагментарность дошедших до нас статуй объясняется особенностями их изготовления: скульпторы часто выполняли голову из мрамора, тогда как тело и атрибуты создавались из иных материалов – дерева, драгоценных металлов, слоновой кости или бронзы[1]. Это было обусловлено не только практическими соображениями[2], но и изобразительной традицией: сочетание мраморного портрета с телом из драгоценных материалов, таких как кварцит, считалось более соответствующим сакральному статусу правителя[3]. Также активно использовались песчаник, известняк, красный и черный граниты и базальт[4]. Однако это приводило как к более быстрой деградации органических материалов (например, дерева), так и к постепенному разрушению соединений в составных конструкциях. Следствием

[1] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 125. Зинченко С.А. Введение в основы искусства эллинизма: учебное пособие. С. 137.

[2] Например, ограниченной доступностью качественного мрамора: единственное известное месторождение белого мрамора расположено в Гебель-Рохаме, но достоверных свидетельств его эксплуатации в птолемеевский период не выявлено. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 74; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 82–83.

[3] Rice E.E. The Grand Procession of Plolemy Philadelphus.

[4] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 125.

использования драгоценных металлов стали последующий демонтаж статуй, утрата или переплавка отдельных элементов, а также их разделение и последующее обращение на вторичном рынке, включая продажу в частные коллекции. Это дополнительно усилило фрагментарность археологического материала и затруднило идентификацию находок.

Греческие культовые статуи варьировались от колоссальных изваяний до статуй в натуральную величину из базальта и более мелких статуэток. Документов, подобных жреческим декретам для египетских культов, о создании и предназначении статуй, относящихся к греческой традиции, не существовало. Культовые греческие статуи выглядели так же, как и некультовые статуи, например, вотивные или статуи гражданского характера[1]. Также, как и на монетах и ойнохоях, на статуях присутствуют царские и божественные атрибуты[2]. Сохранившиеся скульптурные изображения цариц представляют ценный источник для исследования сближения их образов с образами греческих богинь[3].

Изображения первой царицы династии – Береники I – сохранились преимущественно в составе парных композиций с Птолемеем I Сотером, к примеру, на фрагменте парной статуи или рельефной композиции из Греко-римского музея[4]. Береника I представлена с округлым лицом, типологически близким лицу Сотера; ее черты схожи с чертами супруга, как и на монетах. Редкость образов Береники I соотносится с немногочисленностью изображений Птолемея I, а также с тем, что Береника I не имела отдельного культа.

---

[1] Приложение № 9. 7,10,14,28. Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220. Context and Function. P. 30–31. Культовыми можно считать несколько рассмотренных в исследовании статуй, относящихся к одной группе, обнаруженной в Телль эль-Тимаи. Подробнее о данной группе см. Brophy E. Op. cit. P. 31–33.

[2] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 390.

[3] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 36–37.

[4] Приложение № 9.1. Греко-римский музей Александрии инв. № 24345. Hussein Y. L'Iconographie des Reines Lagides Bérénice I // Bibliotheca Alexandrina. 2010. Vol. 21. P. 14–16.

Арсиноя II занимала исключительное положение среди птолемеевских цариц, что подтверждается обилием ее посмертных изображений на протяжении всего периода правления династии. Именно ее обожествленный образ стал образцом для царской женской скульптуры. Наиболее близким к монетным изображениям царицы портретом является так называемая «Боннская Арсиноя»[1]. Черты лица отличаются выраженной угловатостью: резко очерченный нос и тщательно смоделированные линии подбородка. Эти изобразительные особенности, наряду со следами полировки, позволили Г. Кириелейсу, а позднее Р.С. Бианки, говорить о влиянии египетской традиции на данный памятник[2].

Более распространенный иконографический тип Арсинои II представляет портрет из Александрийского музея[3]. Примечательно положение головы: она слегка откинута назад, подбородок приподнят, создавая впечатление взгляда, устремленного мимо зрителя. Подобная поза традиционно ассоциируется с репрезентацией героев или божеств. Если это посмертное изображение, то возвышенная поза и взгляд вполне уместны для портрета обожествленной царицы.

Особый интерес представляет парная бронзовая статуэтка из Британского музея, найденная в Александрии[4]. Она изображает Арсиною II и Птолемея II в идентичной, нетипичной для египетской традиции позе. Царь держит палицу – атрибут Геракла[5], царица – двойной рог изобилия. Одеяния у обоих греческие, головы увенчаны диадемами. Статуэтка представляет правящую пару как дарителей и гарантов процветания и плодородия. Несмотря на активную поддержку культа Арсинои II царским домом и длительное его существование,

[1] Приложение № 9.2. Бонн, Академический художественный музей университета инв. № B284. Gabelmann H. et al. Antiken aus dem Akademischen Kunstmuseum Bonn. Paris, 1970. P. 18.
[2] Bianchi R.S. Cleopatra’s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 168.
[3] Приложение № 9.3. Греко-римский музей Александрии инв. № 3262. Breccia E. Alexandrea ad Aegyptum. Bergamo, 1922. P. 179.
[4] Приложение № 9.4. Британский музей, инв № EA38443. Caneva S. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. P. 153.
[5] Ibid.

количество сохранившихся ее скульптурных изображений оказывается меньшим, чем можно было бы ожидать[1].

Одной из наиболее известных, но спорных с точки зрения атрибуции статуй Береники II является статуя в полный рост из Александрии, изображающая ее с малолетним ребенком[2]. Женщина покрыта вуалью, возможно, траурной, а поза ребенка, смотрящего вверх, может символизировать апофеоз умершей царевны, зафиксированный в Канопском декрете.[3] Статуя, выполненная из местного известняка, сохранилась фрагментарно[4]. Однако многими исследователями оспаривается атрибуция статуи как Береники II и ее дочери, высказывается предположение, что это памятная статуя знатной дамы. При этом определенное сходство с двумя другими статуями царицы все же можно отметить[5].

Дополнительные свидетельства культа Береники II происходят из Телль эль-Тимаи, где в 1908 г. были найдены фрагменты десяти изображений и сорока трех целых алтарей[6]. Там же были обнаружены мраморные портреты Береники II. Портреты не имеют божественных атрибутов и представляют ее как царицу с

---

[1] Longega G. Arsinoe II. P. 60–64.

[2] Приложение № 9.5. Греко-римский музей Александрии, инв. № 14942. Adriani A. Annuario del Museo Greco-Romano: I, 1932–3. Alexandrie, 1934. No. 100.

[3] Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult. P. 433; Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 208–209.

[4] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 83.

[5] Приложение № 9.6. Египетский музей в Каире, инв. № JE 39525: Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai. P. 127; Приложение № 9.11. Греко-римский музей Александрии, инв. № 22199: Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 99; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 88.

[6] Телль эль-Тимаи процветал в период правления Птолемеев. Всего в найденном там комплексе было десять мраморных статуэток, включающих двух мужчин (Птолемей III и Птолемей IV) и трех женщин-членов династии (Арсиноя II, Береника II и Арсиноя III), а также божеств (Дионис, Исида и две Афродиты) и изображение Александра. Фрагменты были найдены вместе с алтарями, что явно указывает на культовое почитание. Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 138. Ш. Пфайффер считает, что группа статуэток может относиться уже ко времени Птолемея IV. Pfeiffer S. Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematik und Einordnung der Kultformen. S. 68–69. Однако К. Лембке датирует памятники временем после Мемфисского указа (196 г. до н.э.). Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 2014. Vol. 115. P. 114.

диадемой на голове[1]. Черты лица на портретах в целом соответствуют изображениям царицы на монетах.

Несколько сохранившихся статуй Арсинои III демонстрируют, как ее образ сближался с образом греческих богинь. Мраморная голова из Никольсонского музея[2], долгое время считавшаяся римской копией, в настоящее время идентифицируется как портрет Арсинои III. Длинные пряди вдоль шеи, редкие для смертных в эллинистической пластике, указывают на божественный статус, сближая образ с Деметрой или Тюхе[3]. Бронзовая статуэтка из Лувра[4], хотя и уступает в изяществе, демонстрирует схожие черты с портретом из Никольсонского музея[5]. Эта статуэтка первоначально считалась изображением Деметры[6], но сходство с портретами Арсинои III привело к пересмотру атрибуции[7]. Связь Арсинои III с Деметрой дополняется традиционным атрибутом богини – колосьями[8].

В то время, как статуи Клеопатры I и Клеопатры II в основном относятся к египетской изобразительной традиции, если не считать прически с локонами,

---

[1] Речь идет о нескольких статуях: Приложение № 9.6. Египетский музей в Каире, инв. № JE 39525: Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai. P. 127; Приложение № 9.7. Греко-римский музей Александрии, инв. № 23052: Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. London, 1999. P. 308; Приложение № 9.8. Греко-римский музей Александрии, инв. № 3279: Ashton S.-A. Op. cit. P. 300; Приложение № 9.9. Египетский музей в Каире, инв. № JE 37188: Ashton S.-A. Op. cit. P. 309; Приложение № 9.10. Музей при Александрийской библиотеке, инв. № SCA204: Goddio F. Underwater Archaeology in the Canopic Region in Egypt: The Topography and Excavation of Heracleion-Thonis and East Canopus (1996 - 2006). Oxford, 2007. P. 33–50; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 87; Приложение № 9.11. Греко-римский музей Александрии, инв. № 22199: Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 99; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 88.

[2] Приложение № 9.12. Инв. № 66.64. Reeve E. Catalogue of the Museum of Antiquities of the Sydney University. Sydney, 1870. P. 70.

[3] Palagia O. Arsinoe III Philopator in Sydney // Mediterranean Archaeology. 1999. Vol. 12. P. 109.

[4] Приложение № 9.13. Инв. № Br 373. Longpérier A. Notice des bronzes antiques exposés dans les galeries du Musée National du Louvre (ancien fonds et Musée Napoléon III). Vol. I. Paris, 1868. P. 57.

[5] Приложение № 9.12. Инв. № 66.64. Reeve E. Op.cit. P. 70.

[6] De Ridder A. Les bronzes antiques du Louvre. Vol. I. Paris, 1913. P. 59.

[7] Besques S. Deux portraits d'Arsonoé III Philopator? // Revue archéologique. 1981. Vol. 3. P. 230.

[8] Graindor P. Terres cuites de l'Egypte gréco-romaine. Antwerpen, 1939. P. 7.

Клеопатра III представлена в скульптуре довольно разнообразно: в одних портретах она изображена с юношескими чертами, в других – с морщинами и властным выражением лица, отражающим ее твердый характер и политические амбиции. Два изображения из Александрии и Вены с почти идентичными прическами (ряды плотных локонов на лбу и спиральные пряди вокруг головы) иллюстрируют эту концепцию[1]. Эти портреты отличаются от изображений Клеопатры II не только прической, но и акцентом на возрастных чертах[2]. Характерная прическа Клеопатры III состоит из одного или нескольких рядов спиральных локонов, обрамляющих голову и шею от темени до плеч, с волнистыми прядями или завитками на лбу и восходит, как отмечает П.Э. Стэнвик, к изображениям богинь[3].

Несколько скульптур соотносятся с властным и зрелым портретным типом Клеопатры III из Вены. Близкая к натуральной величине мраморная голова из Парижа[4] визуально сходна с портретом из Вены. Царица изображена в царской диадеме.

Ряд скульптурных изображений цариц не сохранился, и свидетельства о них известны исключительно из письменных источников. Павсаний упоминает статую Арсинои Филадельфы в Долине Муз на Геликоне, описывая ее как фигуру,

---

[1] Приложение № 9.33. Греко-римский музей Александрии инв. № 3267. Stanwick P.E. Op. cit. P. 75; Приложение № 9.17. Вена, Музей истории искусств инв. № I 406. Seipel W. Gott. Mensch. Pharao. Vienna, 1992. P. 440–441; Smith R.R.R. Ptolemaic Portraits: Alexandrian Types, Egyptian Versions // Alexandria and Alexandrianism, Symposium, J. Paul Getty Museum, April 22–25, 1993 // Eds. M. True, K. Hamma. Malibu, 1996. P. 208.

[2] Stanwick P.E. Op. cit. P. 74.

[3] Ibid. P. 76.

[4] Приложение № 9.18. Лувр, инв. № MA 3546. Г.М. Рихтер относила этот портрет к обеим царицам: Клеопатре II или III. См. Richter G.M.A. Portraits of the Greeks. Vol. II. London: 1965. P. 267; Ж. Шарбонно считал, что на портрете Клеопатра II. См. Classical Greek Art 480–330 BC / Eds. Charbonneaux J. et al. London, 1973. P. 311; Г. Кириелейс и Г. Брунелль однозначно идентифицировали изображение как Клеопатру III. См. Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 120–121; Р.Р. Смит и М. Амио относили портрет к одной из первых Клеопатр (I, II, III). См. Smith R.R.R. Hellenistic Royal Portraits. Oxford, 1998. P. 94, 166–167; Hamiaux M. Les sculptures grecques, II, La période hellénistique (IIIe-Ier siècles avant J.-C.). Paris, 1998. P. 87.

держащую бронзового страуса (τὴν δὲ Ἀρσινόην στρουθὸς φέρει χαλκῆ τῶν ἀπτήνων)[1]. Вероятно, Павсаний также наблюдал статую Арсинои, возносимой на небеса на спине феникса[2]. На острове Делос была установлена статуя царицы с рогом изобилия, поскольку Арсиноя II отождествлялась с Агате-Тюхе[3]. Греческие эпиграфические источники свидетельствуют, что Калликрат Самосский посвятил статую Арсинои II Зевсу Олимпийскому в его храме в Олимпии[4]. Другая надпись из Киренаики (251–168 гг. до н.э.) подтверждает наличие там статуи Арсинои (θεὰ[ν Φιλάδελφον] τὴν Πτολεμαίου καὶ Βερενίκης, [θεῶν Σωτήρων])[5]. Аналогично эпиграфические и исторические источники сообщают о несохранившихся изображениях Береники II, среди которых – монументальная статуя в Афинах, установленная у гимнасия, основанного Птолемеем III[6].

Анализ корпуса скульптурных изображений цариц птолемеевского Египта позволяет сделать ряд вывод о том, что статуи цариц служили важным средством демонстрации их божественного статуса. На это указывает наличие специфических атрибутов: рога изобилия, колоса, стефаны, вуали. Эти элементы позволяют проследить устойчивые ассоциации цариц с богинями – прежде всего с Тюхе, Герой и Деметрой. Статуи цариц функционировали в различных контекстах: в качестве культовых изображений в храмах, памятников в общественных пространствах и царских резиденциях[7], а также в качестве вотивных приношений[8].

---

[1] Paus. IX.31.1

[2] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 201.

[3] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 240–242.

[4] Приложение № 9.4. OGIS I 27; Macurdy G.H. Hellenistic queens... P. 125; Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 64; Позолоченные или бронзовые статуи четы стояли перед стоей Эхо и были обращены к храмам Зевса и Геры, что предполагает их близость к этим богам. Возможно, они были похожи на пару бронзовых статуэток, изображающих династическую чету Птолемеев. Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 120.

[5] OGIS I 33.

[6] Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 141.

[7] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 36.

[8] OGIS I 27.

§ 2.2. Развитие культа цариц: политико-культурные аспекты

Рассмотрение участия цариц в общегреческих спортивных агонах, и практики близкородственного брака, описанных в поэзии, раскрывает взаимосвязанные способы создания и поддержания образа цариц.

Участие цариц в престижных колесничих состязаниях было важным средством пропаганды и демонстрировало благоволение богов, изобилие и могущество правящей династии. Эллинистическая поэзия стала одним из ведущих средств формирования и распространения культа цариц среди греко-македонского населения. Через сложную систему мифологических аналогий и интерпретацию ритуальных жестов поэты подчеркивали благочестие добродетель и сакральный статус цариц. Практика близкородственных браков превратилась в краеугольный элемент династической идеологии Птолемеев. Получив сакральное обоснование через параллели с божественными парами (Зевсом и Герой, Осирисом и Исидой), этот институт выполнял сразу несколько функций: он демонстрировал божественную природу и исключительность правящей пары, дистанцируя ее от подданных, и обеспечивал царице высокий статус сестры и жены царя (ἀδελφὴ καὶ γυνὴ τοῦ βασιλέως). Этот статус становился основой для политической власти, регентства и самостоятельных претензий на трон, что ярко проявилось при Клеопатре II и III. Таким образом, анализ этих трех ключевых аспектов позволяет раскрыть комплексный характер культа цариц Птолемеев.

§ 2.2.1. Победы цариц на спортивных играх

Успех в общегреческих играх, прежде всего в состязаниях колесниц, гарантировал атлету долговечную славу. Эту традицию в III в. до н.э. активно использовали эллинистические цари. Их участие в Олимпийских, Панафинейских и иных играх служило для формирования репутации могущественных и непобедимых правителей[1]. Примечательно, что гонки на колесницах считались

[1] Приложение № 3. Dillon M. Did Parthenoi Attend the Olympic Games? Girls and Women Competing, Spectating, and Carrying out Cult Roles at Greek Religious Festivals // Hermes. 2000. Vol. 128. No. 4.

наиболее элитарной дисциплиной: победа в них демонстрировала не только богатство владельца колесницы, но и превосходство его коней над всеми прочими[1]. В то же время эти спортивные успехи становились важным элементом династической пропаганды, наглядно утверждая удачливость правителей и особое расположение к ним богов. Таким образом, победы цариц и царей Птолемеев раскрывают важные аспекты династической пропаганды.

Изначально участие в Олимпийских играх было исключительным правом мужчин. Павсаний свидетельствует, что замужним женщинам категорически запрещалось даже наблюдать за состязаниями[2]. Важное изменение произошло только в конце IV в. до н.э., когда спартанка Киниска, дочь царя Архидама, одержала победу в олимпийской гонке колесниц-квадриг[3]. Позднее, на 103-й Олимпиаде, аналогичную победу одержала спартанка Эврилеонида[4]. Однако эти два примера оставались исключениями, и лишь в эллинистическую эпоху отмечается возобновление участия женщин, причем систематические выступления в гонках на колесницах характерны исключительно для представительниц династии Птолемеев[5].

P. 458; Fantuzzi M. The Structure of the Hippika in P. Mil. Vogl. VIII 309 // Labored in Papyrus Leaves. Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P.Migl.Vogl. VIII 309) / Eds. B. Acosta-Hughes, E. Kosmetatou, M. Baumbach. Cambridge, 2003. P. 249.

[1] Remijsen S. Challenged by Egyptians: Greek Sports in the Third Century BC // The International Journal of the History of Sport. 2009. Vol. 26. No. 2. P. 246; Hölbl G. A history of the Ptolemaic empire. P. 142.

[2] При этом для незамужних девушек проводились отдельные соревнования на Истмийских или Немейских играх. Dillon M. Did Parthenoi Attend the Olympic Games? P. 462–463.

[3] Paus. V.8.11.

[4] Pomeroy S. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 20.

[5] van Nijf O.M., Williamson C.G. Netwerken, panhelleense festivals en de globalisering van de Hellenistische wereld // Groniek. Historisch Tijdschrift. 2013. Vol. 200. P. 253–265. Женщины соревновались с мужчинами на равных в конных дисциплинах, поскольку личное участие владельца колесницы не являлось обязательным. Как в античности, так и в современных скачках, победителем считался владелец лошадей, а не возничий, непосредственно участвовавший в гонке. Более того, владельцы нередко отсутствовали на состязаниях, что делало возможным участие состоятельных женщин даже в Олимпийских играх, где их физическое присутствие было

Основными источниками о победах цариц на общегреческих играх являются произведения александрийских поэтов Каллимаха и Посидиппа. Первые найденные отрывки сохранили три фрагмента стихотворений Каллимаха, одно из которых прославляет победу царицы Береники II в гонке колесниц на Немейских играх; эти тексты были опубликованы в 1970 г.[1]. В 2001 г. Г. Бастианини, К. Галлацци и К. Остин опубликовали новый папирус конца III в. до н.э. (P.Mil. Vogl. VIII 309)[2]. Этот документ содержит около шестисот строк из ста двенадцати элегий, написанных элегическим дистихом, авторство которых приписывается Посидиппу[3]. Особый интерес представляет раздел сборника, состоящий из восемнадцати «конных» эпиграмм (гиппик), посвященных триумфам Птолемеев в гонках колесниц[4]. Эти произведения фиксируют победы не только царей и знати александрийского двора, но и цариц: Береники I, Арсинои II и Береники II, упоминая также ее предыдущие триумфы в Немее и на Истме[5]. В поэтическом цикле Посидиппа, как и в произведениях Каллимаха особо подчеркивается македонское происхождение победительниц[6], что отражает ориентацию самой практики участия в играх и сопутствующей ей поэзии на греко-македонскую элиту двора Птолемеев. Таким образом, произведения поэтов способствовали прославлению цариц и, через них, всей династии.

официально запрещено. Давыдова О.А. Победы эллинистических правителей на спортивных состязаниях Древней Греции // Проблемы истории. филологии, культуры. 2025. № 4. С. 184–194.

[1] Parsons P.J. Callimachus: Victoria Berenices // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. Vol. 25. P. 1–50.

[2] Posidippo di Pella. Epigrammi (P. Mil.Vogl. 309) // Eds. Bastianini G., Gallazzi C., Austin C. Milan, 2001.

[3] Nisetich F. The poems of Posidippus // The New Posidippus: A Hellenic poetry book / Ed. K. Gutzviller. Oxford, 2005. P. 17–64; Gutzwiller K. Posidippus and Ancient Epigram Books // A Companion to Ancient Epigram / Ed. Ch. Henriksén. Hoboken, 2019. P. 357.

[4] О размещении эпиграмм на каменных носителях и папирусах см. Miller P.J. Horse and Herald: Posidippus' Equestrian Angelia // Mouseion. 2016. Vol. 16. P. 433–452.

[5] Fantuzzi M. The Structure of the Hippika in P. Mil. Vogl. VIII 309. P. 212–224. Список победителей династии Птолемеев на спортивных состязаниях см. приложение № 3.

[6] Golden M. Greek Sport and Social Status. Austin, 2008. P. 21.

Идентификация упомянутых Посидиппом цариц (AB 78, 79 и 82) остается предметом научной дискуссии. Д.Дж. Томпсон и К. Беннет считают, что Посидипп среди победительниц упоминает Беренику, дочь Птолемея II и Арсинои I, сестру Птолемея III[1], – Беренику Сирийскую, выданную замуж за Антиоха II в 252 г. до н.э. и убитую вместе с сыном вскоре после смерти супруга по приказу Лаодики[2]. Однако Г. Бастианини и К. Галлацци отождествили данную фигуру с Береникой II, супругой Птолемея III, чье торжество на Немейских играх воспел Каллимах[3]. Их аргументация представляется более убедительной.

Согласно тексту Посидиппа Береника I одержала победу в гонке на четырех лошадях на Пифийских и Олимпийских играх[4]. Это произошло после побед ее мужа и до побед ее сына, Птолемея II, что позволяет датировать это событие примерно 292–288 гг. до н.э.[5]. При этом Посидипп сравнивает Беренику I с Киниской, возвышая птолемеевскую царицу[6], и тем самым превращает ее успех в символ удачи и благоволения богов[7].

Далее издатели папируса считают, что Арсиною из элегии AB 74 следует идентифицировать как Арсиною II. Однако Д.Дж. Томпсон выдвигает другую гипотезу, согласно которой Посидипп имел в виду Арсиною I – мать Птолемея III

---

[1] Bennet C. Arsinoe and Berenice at the Olympics // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2005. Vol. 154. P. 92–93; Thompson D.J. Posidippus, Poet of the Ptolemies // The New Posidippus. A Hellenistic Poetry Book / Ed. K. Gutzwiller. Oxford, 2005. P. 274–275.

[2] Bennett C. The Children of Ptolemy III and the Date of the Exedra of Thermos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2002. Vol. 138. P. 145; Thompson D.J. Posidippus, Poet of the Ptolemies. P. 274–277.

[3] Posidippo di Pella. Epigrammi (P. Mil.Vogl. 309). P. 254–269.

[4] Lloyd-Jones H., Parsons P. Supplementum Hellenisticum T. II. P. 592–601.

[5] Dillon M. Did Parthenoi Attend the Olympic Games? 465–466.

[6] Golden M. Greek Sport and Social Status. P. 22; Bettarini L. Posidippo e l'epigramma epinicio. Aspetti linguistici // Posidippo e gli altri. Il poeta, il genere, il contesto culturale e letterario. Atti dell'Incontro di studio (Roma, 14-15 maggio 2004) / Eds. M. Di Marco et al. Roma, 2004. P. 14–15.

[7] Fantuzzi M. Posidippus at Court: The Contribution of the Immiká of P. Mil. Vogl. VIII 309 to the Ideology of Ptolemaic Kingship // The New Posidippus: A Hellenistic Poetry Book / Ed. K. Gutzwiller. Oxford, 2005. P. 251; Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. С. 48.

и Береники Сирийской. Данное предположение кажется менее вероятным, поскольку Арсиноя I впала в немилость, после чего Птолемей II женился на Арсиное II. Маловероятно, чтобы Посидипп упомянул Арсиною I в столь позднем контексте – в 250-х годах до н.э., когда ее положение при дворе было утрачено[1]. В 272 г. до н.э. Арсиноя II одержала три победы в гонках колесниц на Олимпийских играх[2]. Олимпийский триумф стал для Арсинои II способом утверждения собственного престижа и закрепления ее влияния среди александрийской элиты[3].

Первые спортивные триумфы Береники II на Немейских и Истмийских играх относятся к ее детским годам[4]. Примерно в возрасте восьми лет она одержала победу в гонках колесниц, став одной из самых юных победительниц в истории общегреческих игр – наряду с Птолемеем VI Филометором, победившим позднее

[1] Kosmetatou E. Constructing Legitimacy: The. Ptolemaic Familiengruppe as a Means of Self-Definition in Posidippus' Hippika // Labored in Papyrus Leaves: Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P. Mil. Vogl. VIII 309) / Eds. B. Acosta-Hughes et al. Washington, 2004. P. 232.

[2] Bennet C. Arsinoe and Berenice at the Olympicsю P. 93–94.

[3] Mann C., Scharff S. Horse Races and Chariot Races in Ancient Greece: Struggling for Eternal Glory // The International Journal of the History of Sport. 2020. Vol. 37. P. 163–182. Интересно, что подобным триумфом также отметилась Билистиха, одна из фавориток Птолемея II. Афиней упоминал, что она была потомком аргосского дома Атрея (Athen. Deipnosoph. XIII.596E), что, по словам Плутарха, не было комплиментом (Plut. Mor. 753E). Билистиха победила на Олимпийских играх дважды: в 264 г. до н.э. в гонке колесниц, запряженных двумя лошадьми, и в гонках колесниц, запряженных четырьмя лошадьми, в 268 г. до н.э. Ее успех упомянут в эпиграмме Асклепиада. См. Asclep. HE. V.202; Marquaille C. The Foreign Policy of Ptolemy II. P. 34. Ее победы, скорее всего, явились подражанием триумфам Арсинои II, в попытке сравниться с покойной женой Птолемея или даже превзойти ее. Ключевым мотивом для Билистихи, являлись скорее личные причины, чем стремление встать в один ряд с законными царицами династии.

[4] Давыдова О.А. Победы эллинистических правителей на спортивных состязаниях Древней Греции. С. 188–190. Исследователи предлагают разные даты побед Береники II. Л. Крискуоло придерживается гипотезы, согласно которой Береника выиграла гонки на Немейских играх в 249 г. до н.э., затем на Истмийских и Олимпийских играх в 248 г. до н.э. Истм, после чего в 247 г. до н.э. снова одержала победу на Немейских играх. См. Criscuolo L. Agoni e politica alla corte di Alessandria. Riflessioni su alcuni epigrammi di Posidippo // Chiron. 2003. Vol. 33. P. 312. К. Беннет считает, что в 263–261 гг. до н.э. Береника победила на Немейских и Истмийских играх, а 256 г. до н.э. – на Олимпийских См. Bennet C. Arsinoe and Berenice at the Olympics. P. 96.

примерно в пять лет[1]. Эти ранние успехи имели важный политический контекст: они совпали с заключением мирного договора между ее отцом, киренским правителем Магасом, и египетским царем Птолемеем II Филадельфом. Договор, закрепленный брачным соглашением о будущем союзе Береники с наследником египетского престола Птолемеем III, создал благоприятные условия для ее выступлений[2]. Вероятно, победы Береники на Немейских и Истмийских играх были инициированы Магасом в целях укрепления репутации дочери перед предстоящим династическим браком[3].

Став царицей Египта, Береника II продолжила традицию участия цариц в гонках на колесницах. В 244 г. до н.э., спустя два года после заключения брака с Птолемеем III и в возрасте примерно двадцати лет, она одержала победу в гонке колесниц на Олимпийских играх[4]. Таким образом, спортивные достижения Береники II, начатые как средство пропаганды в политике ее отца, стали частью ее образа царицы-победительницы.

Последней царицей династии, принимавшей участие в спортивных соревнованиях, считается Клеопатра II[5]. Этот триумф произошел вскоре после их возвращения к власти в Египте после временного смещения Птолемеем VIII[6]. Вероятно, успех на престижных общегреческих состязаниях был призван продемонстрировать восстановление их легитимности как правителей и укрепить позиции в династическом противостоянии с братом.

---

[1] Clayman D.L. Did Any Berenike Attend the Nemean Games? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigrafik. 2012. Vol. 182. P. 122; Müller S. Berenike II // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. Carney E.D., Müller S. London, 2020. P. 89.

[2] Müller S. Op. cit. P. 85.

[3] Pomeroy S. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 23.

[4] Bennett C. Op. cit. P. 91–92; Clayman D.L. Op. cit. P. 121–130; Müller S. Op. cit. P. 89; Давыдова О.А. Указ. соч. С. 188–190.

[5] Об этом свидетельствует надпись на блоке, встроенном в позднеримскую крепостную стену к югу от улицы Адриана в Афинах. Датируемый 162 г. до н.э., источник упоминает победы Клеопатры II и Птолемея VI на Панафинейских играх. Tracy S.V, Habicht Ch. New and Old Panathenaic Victor Lists. P. 187–236.

[6] Polyb. XXXI.20.

Подтверждения участия в конных состязаниях Арсинои III, Клеопатры I и Клеопатры III отсутствуют. В случае Арсинои III значимым представляется ее присутствие в битве при Рафии. Возможно, именно этот акт поддержки войск стал альтернативой спортивному триумфу[1]. Хотя Арсиноя III теоретически могла участвовать в играх, свидетельств этого не обнаружено.

Клеопатра I, вступив в брак с Птолемеем V, могла бы продолжить традицию цариц-победительниц, однако данные об ее участии в агонах отсутствуют. Что касается Клеопатры III, длительное время вовлеченной в династические конфликты, ее стратегия, по-видимому, сместилась в сторону культовой сферы. Учреждение институтов жречества и активное отождествление с Исидой, вероятно, служили основными средствами консолидации александрийской элиты, снижая значимость спортивных достижений.

Спортивные триумфы цариц династии Птолемеев обеспечивали правительницам престиж, сопоставимый с военными успехами, и укрепляли их позиции при дворе[2]. Как демонстрируют поэтические посвящения Каллимаха и Посидиппа, триумфы на общегреческих играх становились одним из элементов формирования культа цариц и династической пропаганды. Например, в 211–210 г. до н.э. Птолемей IV учредил в Александрии жречество атлофоры (ἀθλοφόρα) в честь побед своей матери, Береники II[3]. Очевидно, неоднократные успехи Береники II на играх оказались наиболее впечатляющим достижением, которое было особо отмечено.

Участие Птолемеев в конных состязаниях, будучи элитарной практикой, подчеркивало их могущество и богатство[4]. Традиция, прослеживаемая от Птолемея

[1] Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 27–28.
[2] Thompson D.J. Posidippus, Poet of the Ptolemies. P. 283; Давыдова О.А. Победы эллинистических правителей на спортивных состязаниях Древней Греции. С. 188–190.
[3] Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 158; Fantuzzi M. Posidippus at Court: The Contribution of the Immiká of P. Mil. Vogl. VIII 309 to the Ideology of Ptolemaic Kingship. P. 262.
[4] Fantuzzi M. Op. cit. P. 250.

I до Клеопатры II, изменилась после внутридинастических конфликтов II в. до н.э. Последующее участие Птолемея XII на гонках в Лейбадеях[1], вопреки прежней ориентации на Олимпию и Дельфы, знаменует отход от традиции.

Таким образом, победы цариц представляли собой осознанную стратегию укрепления авторитета среди греко-македонской элиты Египта и эллинистического мира в целом[2]. Демонстрируя приверженность общеэллинским ценностям и традициям, Птолемеи утверждали свою роль как защитников и продолжателей эллинской культуры в инокультурной среде.

§ 2.2.2. Сакрализация образа цариц в поэзии

Поэтическое творчество эпохи эллинизма выступало значимым средством пропаганды культа цариц[3]. Основная часть дошедших до нас текстов III в. до н.э. была создана во времена первых трех Птолемеев. Поэты этого периода возвеличивали царей и цариц династии как законных наследников Александра Македонского, одновременно представляя Александрию новым культурным и торговым центром мира, преемником Афин[4].

Исследованиями птолемеевской идеологии в поэзии занимается С. Барбантани, описывая поэзию Птолемеев как форму самовыражения двора, который все еще искал свою собственную идентичность[5]. Рассматривая поэзию как средство пропаганды культа цариц, следует подробнее остановиться на поэтических приемах. В произведениях широко применялись прямые и скрытые

[1] Müller C. A Koinon after 146? Reflections on the Political and Institutional Situation of Boeotia in the Late Hellenistic Period // The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects / Ed. N. Papazarkadas. Leiden, 2014. P. 119–146.

[2] Fantuzzi M. Op. cit. P. 252.

[3] Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000. P. 69, 122.

[4] Hunter R. Theocritus, Encomium of Ptolemy Philadephos… P. 483; Koutoupas A. Ruler Cult and Alexandrian Poetry. The Cases of Callimachus, Theocritus and Apollonius // Classical Papers. 2015. Vol. XII. P. 46; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 103–104.

[5] Barbantani S. Idéologie royale et littérature de cour dans l'égypte lagide // Des Rois Au Prince: Pratiques du Pouvoir Monarchique dans L'orient Hellénistique et Romain / Eds. I. Savallilestrade I. Cogitore I. Grenoble: Université Stendhal, 2010. P. 229.

отсылки, уподоблявшие цариц греческим богиням[1]. Так, особое значение для исследования апофеоза Береники I имеют сочинения Феокрита и Посидиппа (III в. до н.э.), работавших при дворах Птолемея I и Птолемея II[2]. В творчестве Феокрита прослеживается связь Береники I с Афродитой, покровительствующей царице и возвышающей ее над смертными. Один из фрагментов описывает сцену, в которой Афродита наделяет Беренику бессмертием[3] окропляя ее грудь амброзией, что символизирует приобщение к божественной сфере[4].

Другой отрывок представляет сцену, в которой Киприда похищает царицу непосредственно перед ее переправой через реку Ахерон, ведущую в Аид, где Беренике предстояло разделить участь обычных смертных. Однако Афродита лично сопровождает Беренику от берегов Ахерона в свое святилище, где царице отводится роль покровительницы и защитницы людей, разделяемая с богиней[5].

Мотив похищения божеством души смертного для ее спасения или вознесения на Олимп имеет глубокие корни в греческой мифологической традиции и служит символом обретения божественного статуса. Известными примерами являются: похищение Дионисом своей матери Семелы из Аида[6]; перенесение Гермесом Алкмены, матери Геракла, в Элизиум[7]; вознесение Диоскурами Арсинои II на Олимп[8]. Схожим образом, похищение Афродитой пряди волос, которую пожертвовала ей Береника II, и превращение пряди в созвездие демонстрировало связь царицы с божественной сферой[9]. Следовательно, сюжет о похищении

[1] Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? P. 40.
[2] Wins V. The state ideology of the Ptolemies: Origins and influences. P. 150–151.
[3] Gow A.S.F. Theocritus II: Commentary, Appendix, Indexes, and Plates. P. 293–294, 333; Hunter R. Theocritus, Encomium of Ptolemy Philadephos… P. 126–128.
[4] Theoc. Id. XV.106–108. Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. С 47.
[5] Ibid. XVII.45–52; Давыдова О.А. Там же.
[6] Pind. Ol. II.25–28; Paus. II.37.5.
[7] Ant. Lib. Met. XXXIII.3.
[8] Pfeiffer R. Callimachus I: Fragmenta. P. 218–220; Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. P. 125.
[9] Callim. Aet. F110; Catull. LXVI.57–58.

Береники I Афродитой символизирует апофеоз царицы. Несмотря на отсутствие у Береники I божественного происхождения, именно ее исключительное благочестие, почитание богов и преданность семье стали основанием для возвышения над смертными[1], подобно тому, как Птолемей I заслужил божественные почести своими деяниями, в частности защитой независимости греческих полисов от Деметрия Полиоркета[2]. Хотя Феокрит упоминает о родственной связи Птолемея I с Зевсом[3], центральным элементом пропаганды оставались прижизненные заслуги правителя[4].

Не менее важный аспект формирования культа проявляется в образе царицы Арсинои II в пятнадцатой идиллии Феокрита. В произведении сиракузянки Горго и Праксиноя приходят на праздник Адонии, организованный царицей Арсиноей[5]. Там они присутствуют при исполнении гимна профессиональной певицей. Диалог Горго и Праксинои содержит прямые панегирические высказывания в адрес Арсинои II[6]. Героини восхищаются роскошным праздничным убранством, приготовленным царицей для Адониса и Афродиты[7], подчеркивая ее религиозное усердие и щедрость. Гимн певицы усиливает как прямую, так и опосредованную похвалу, прозвучавшую от персонажей. В песне прославляются щедрость Арсинои

[1] Cameron A. Two Mistresses of Ptolemy Philadelphus // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990. Vol. 31. P. 294–295; Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda. P. 365; Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев. С. 47.

[2] Hölbl G. A history of the Ptolemaic empire. P. 93.

[3] Theoc. Id. XVII.16

[4] Roubekas N.P. Belief in belief and divine kingship in early Ptolemaic Egypt: the case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II. P. 12.

[5] Царицы Птолемеев в III в. до н.э. выступали покровительницами искусств и поэзии. Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ. С. 202–203. В этой связи Р. Струтман отмечает – то обстоятельство, что селевкидские и птолемеевские царицы выступали как благодетельницы городов и покровительницы искусств, показывает, что они, так или иначе, имели в своем распоряжении значительные финансовые ресурсы. Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts. P. 338.

[6] Theoc. Id. XV.22–4, 46–50.

[7] Ibid. XV.78–86.

по отношению к подданным, ее преданность обожествленным родителям и набожность. Певица сравнивает Арсиною с Еленой[1] и упоминает обожествление ее матери, Береники, совершенное Афродитой[2]. Замещая традиционный мифологический нарратив о доблести и превосходстве (ἀριστεία) богини восхвалением деяний царицы как организатора торжества, поэт фактически превращает гимн Афродите в энкомий Арсинои.

При дальнейшем анализе идиллии, следует отметить ее связи с эпической традицией, в частности со сценами гостеприимства в «Одиссее». Сюжет и композиция структурную параллельны сценам гомеровского эпоса. Подобно прибытию Одиссея со спутниками в пещеру Цирцеи[3] или во дворец Алкиноя и Ареты[4], Феокрит изображает Горго и Праксиною, направляющихся ко дворцу Птолемея. Там героини, подобно эпическому гостю, ошеломлены роскошью убранства и вниманием со стороны хозяев. Их визит напоминает прибытие Одиссея на Схерию[5].

Помимо структурных сходств, поэт актуализирует тему гостеприимства через слова певицы[6]. Употребленное ею выражение «жидкое масло» (ὑγρὸν ἔλαιον) отсылает к идентичной формуле, встречающейся четыре раза в «Илиаде» и «Одиссее»[7]. Из этих случаев два связаны с царицей Аретой[8], а третий – с пребыванием Одиссея в ее дворце[9]. Образ Ареты – советчицы, сострадательной

[1] Theoc. Id. XV.110.
[2] Ibid. XV.106–108.
[3] Hom. Od. X.310–320, 345–370. Давыдова О. А. Метаморфозы Арсинои II: от царицы до культовой фигуры // Метаморфозы истории. 2026. Выпуск 40. URL: https://history-metamorph.ru/s241436770038222-4-1/. DOI: 10.37490/S241436770038222-4. (дата обращения: 29.06.2026).
[4] Ibid. VII.80–110.
[5] Foster J. A. Structured Polyphony: Narrative Framing and Reception in Theocritus, Idylls 6, 15, and 24. Ph.D. diss. Chicago, 2002. P. 102–107.
[6] Theoc. Id. XV.115–117.
[7] Hom. Il. XXIII.281; Od. VI.79; VI.215; VII.107.
[8] Hom. Od. VI.79, 215.
[9] Ibid. VII.107.

хозяйки и почтительной супруги – служил поэту превосходной моделью для создания портрета Арсинои. Однако Феокрит создал сложный синтез образов, объединив черты Ареты, Цирцеи и Елены.

Во дворце Горго и Праксиноя восхищаются красотой тканей, украшающих покои Афродиты и Адониса. А.С. Гоу указывает, что характеристика тканей Горго как «тонкие и прелестные» (λεπτὰ καὶ ὡς χαρίεντα)[1] является аллюзией на гомеровское описание тканей, созданных Цирцеей, при встрече со спутниками Одиссея[2]. Эта формула связывает образы Цирцеи и Арсинои. При этом незадолго до отсылки Праксиноя жалуется на поведение толпы, сравнивая ее со свиньями[3], что предвосхищает аллюзию на эпизод, где Цирцея превращает спутников Одиссея в свиней[4]. Цирцея, дочь Гелиоса, связана с Колхидой. Согласно Геродоту[5], колхи имеют египетское происхождение, что подтверждается сходством в колхидском и египетском языках[6]. Ассоциация Арсинои с колхидской колдуньей искусно подчеркивает ее двойственную природу – греческой царицы и египетской царственной супруги, существующей на грани человеческого и божественного[7].

---

[1] Theoc. Id. XV.78–79. Gow A.S.F. Theocritus II: Commentary, Appendix, Indexes, and Plates. P. 287.
[2] Hom. Od. X.221–223. Gow A. S. F. Op. cit. P.287.
[3] Theoc. Id. XV.72–73.
[4] Hom. Od. X.239–240. Давыдова О. А. Метаморфозы Арсинои II: от царицы до культовой фигуры. URL: https://history-metamorph.ru/s241436770038222-4-1/ (дата обращения: 29.06.2026).
[5] Hdt. II.104.
[6] Ibid.105. Аполлоний Родосский подчеркивает двойственную культурную идентичность Цирцеи и Медеи: иноземных персонажей, включенных в греческий эпос. Он изображает сцену, где Цирцея, проявив сострадание и совершив очистительный ритуал, разговаривает с ней на колхидском языке. A.R. IV.725; IV.730–732.
[7] Hunter R. Op. cit. P. 128–129. Ассоциация Арсинои с Цирцеей могла бы представлять определенный риск. В «Одиссее» Цирцея предстает коварной волшебницей, превращающей спутников Одиссея в животных, и лишь прямая угроза со стороны героя заставляет ее подчиниться. Подобные коннотации могли нежелательно резонировать с репутацией Арсинои, которой приписывали искусное владение ядами и манипулирование окружающими. Однако важно отметить, что даже у Гомера образ Цирцеи эволюционирует: вернув людям Одиссея человеческий облик, она становится его союзницей. В «Аргонавтике» Аполлония (IV.659–752) Цирцея предстает в ином свете – как могущественная, но благожелательная фигура, связанная с далекими землями и обладающая царственным статусом. Прямое влияние «Аргонавтики» на Феокрита маловероятно, однако оба поэта вращались в одной литературной среде, при одном

Гимн певицы также уподобляет Арсиною Елене, ссылаясь на пребывание последней в Египте[1]. Непосредственное сравнение «дочь Береники, на Елену похожая» (ἡ Βερενίκαια θυγάτηρ Ἑλένι ἐοικυῖα)[2] подчеркивает их физическое сходство. Согласно Геродоту, Елена была задержана в Египте царем Протеем, предотвратившим ее похищение Парисом. Ее присутствие отразилось в культе Афродиты Чужестранки (ξείνης Ἀφροδίτης)[3]. Еврипид развивает этот сюжет и связывает героиню с Диоскурами, братьями Елены. Подобно Елене, вознесенной богами в «Оресте», Арсиноя обретает небесный статус у Каллимаха[4].

Феокрит конкретизирует образ Арсинои-Елены через аллюзии на спартанский дворец Менелая[5]. Сопоставление Арсинои с Еленой завершает формирование ее образа как эпической, благочестивой и щедрой правительницы, чья связь с богами неоспорима. При этом посетительницы дворца не удостаиваются личной встречи с царицей. Организация празднества поручена профессионалам[6], что говорит о дистанцированности Арсинои от физического труда – признак высокого статуса и отражение египетской традиции: элита не занималась ремеслом. Это создает контраст с гомеровскими героинями (Пенелопой, Еленой и Цирцеей), которые самостоятельно занимались рукоделием. Масштаб торжества[7],

---

дворе, и решали сходные задачи: как представить греческой аудитории фигуры, связанные с «варварским» (египетским, колхидским) миром, сохранив за ними эпическое величие. Давыдова О. А. Указ. соч. (дата обращения: 29.06.2026).

[1] Hdt. II.112–119; Eur. Hel. 112-114.

[2] Theoc. Id. XV.110.

[3] Hdt. II.112.

[4] Callim. fr. 228; Hunter R. Theocritus: Encomium of Ptolemy Philadelphus. P. 50–53; Donzelli G.B. Arsinoe simile ad Elena. P. 306–316, 310, 314.

[5] Упоминание утвари и особенно «серебряного ларца» (τάλαρόν ἀργύρεον) напрямую отсылает к описанию даров Елене. Hom. Od. IV.124–127; Pantelia M. Theocritus at Sparta: Homeric Allusions in Idyll 18 // Hermes 1995. Vol. 123. P. 78.

[6] Glotz G. Les fêtes d'Adonis sous Ptolémée II // Revue des Études Grecques. 1920. Vol. 33. P. 196–198.

[7] Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 134; Давыдова О. А. Метаморфозы Арсинои II: от царицы до культовой фигуры. URL: https://history-metamorph.ru/s241436770038222-4-1/ (дата обращения: 29.06.2026).

акцент на изобилии и благочестии Арсинои возвышают ее над эпическими прообразами.

Подобно образу Арсинои II, образ Береники II у Каллимаха также формируется через систему божественных аналогий и личных добродетелей. Исторический контекст приношения локона Береники II связан с началом Третьей Сирийской войны[1]. Стремясь обеспечить благополучное возвращение супруга, Береника II обратилась с молитвой к Арсиное-Афродите и совершила знаменитое подношение пряди волос. Церемония носила публичный характер: Береника II возглавила процессию из Александрии в храм Арсинои на мысе Зефирион[2], где Арсиноя отождествлялась с Афродитой. Там Береника II принесла в жертву локон своих волос. Согласно традиционной версии, на следующий день священники обнаружили, что прядь исчезла, и предположили, что ее унес ветер[3]. Впоследствии математик и астроном Конон объявил об открытии локона Береники II как нового созвездия – между Львом, Девой, Волопасом и Большой Медведицей. Вопрос о том, было ли исчезновение локона частью ритуала, остается дискуссионным.

В произведении Каллимаха («Локон Береники») созвездие-локон выражает скорбь о разлуке с головой царицы: «из которой я, будучи девственной, много пила ароматов, а, находясь в супружестве, не отведаю мирра».[4] Как доказала Л. Холмс, контраст между «ароматами» в девичестве и «миррой» замужних женщин отражает

---

[1] Согласно Юстину, поводом к войне послужило убийство по приказу Селевка II его мачехи Береники Сиры (сестры Птолемея III) и ее малолетнего сына. Justin XXVII.1–3.

[2] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 120-121.

[3] Women in the classical world: image and text. P. 148. Clayman D.L. Royal catasterisms: Arsinoe II and Berenice II translated to the stars // Hellenistic Alexandria Celebrating 24 Centuries Papers presented at the conference held on December 13–15 2017 at Acropolis Museum, Athens / Eds. Ch.S. Zerefos, M.V. Vardinoyannis. Oxford, 2018. P. 204–206; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 131; Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt // Creating a Hellenistic World / A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea, 2010. P 249–250.

[4] Catul. 66: quicum ego, dum virgo quondam fuit, omnibus expers
unguentis, una milia multa bibi.
nunc vos optato quom iunxit lumine taeda,
non prius unanimis corpora coniugibus

принципиальное различие между девственным целомудрием и супружеской чувственностью. Данная символика находит параллели в иных произведениях Каллимаха: целомудренная Афина Паллада предпочитает «мужское оливковое масло» (ἄρσεν ἔλαιον), «простые мази» (λιτὰ χρῖματα) и «гребень» (κτείς). Афродита же выбирает «благовония» (μύρτος), «смешанные мази» (χρῖματα μικτά), «алебастровые сосуды» (ἀλάβαστροι) и «зеркала» (κάτοπτρον)[1]. Развивая эту интерпретацию, Л. Кёнен отмечает, что Каллимах изображает Беренику II как воплощение божественных идеалов на протяжении ее жизни. До брака она воплощает доблесть, целомудрие и верность, подобно Афине, а после замужества – милосердие и красоту, уподобляясь Афродите[2]. Идеологический подтекст заключается в раскрытии через эти образы божественной природы Береники II[3].

Ряд исследователей усматривает в жертвоприношении локона Береники II ассоциацию с мифом об Исиде. Согласно Плутарху[4], Исида, узнав о гибели Осириса, отрезала прядь волос и облачилась в траур. При этом важно отметить, что параллель между локоном Исиды и локоном Береники была настолько очевидной, что вошла и в сферу двора: как замечает И.А. Ладынин, «образ супруги царя Береники обрастал египетскими коннотациями даже в тех идеологических топосах, которые предназначались для греческой аудитории»[5]. Волосы Исиды действительно обладали сакральным значением в египетской культуре, о чем свидетельствуют еще «Тексты саркофагов» эпохи Среднего царства. В них

[1] Holms L. Myrrh and Unguents in the Coma Berenices // Classical Philology. 1992. Vol. 87. No. 1. P. 47–50. Примечательно, что оливковое масло, помимо гигиенического и атлетического применения, использовалось в греческих погребальных обрядах. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens…P. 343.

[2] Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure. P. 25–115.

[3] Hauben H. Ptolémée III et Bérénice II, divinités cosmiques // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship / Eds. P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber. Leuven, 2011. P. 365; Clayman D.L. Royal catasterisms: Arsinoe II and Berenice II translated to the stars. P. 204–206.

[4] Plut. De Is. et Os. 14.

[5] Ладынин И.А. Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х-нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2025. № 4. С. 231–232.

говорится, о символическом связывании волос Исиды и Нефтиды, чтобы соединить два берега потустороннего мира[1]. Когда же в ритуальном тексте приводятся ответы, которые должен дать умерший перевозчику на небесной лодке, одному из элементов лодки адресуется: «О ты, коса Исиды, которую Анубис прикрепил своим делом бальзамировщика»[2]. Мистическое и религиозное значение прически Исиды сохраняется и в более поздние времена. В текстах Исида наделена эпитетами, такими как «с прекрасными волосами» (εὐέσκια)[3], «с красивыми завитками» (εὔζωνος)[4], «с распущенными волосами» (λυσιμέλη)[5]. В гимне с Андроса эпохи Августа Исида склоняется под тяжестью гордых цветов ее кос, окруживших ее голову, словно лозы виноградной грозди[6].

Однако обычай обрезания волос в Египте имел иное значение. Источники фиксируют его преимущественно как знак траура об умершей собаке или быке Аписе, как элемент искупительного обряда (например, в знак благодарности за выздоровление ребенка), либо как символ инициации, когда мальчик срезал прядь в честь взросления[7]. Ни один из этих контекстов – траурный, искупительный или посвятительный – не соответствует добровольному подношению Береники в храме Арсинои-Афродиты с целью испрошения милости. Культ в храме на мысе

---

[1] Faulkner R.O. The Ancient Egyptian Coffin Texts vol. III. Warminster, 1978, P. 168.

[2] de Buck A. OIP 73. The Egyptian Coffin Texts 5: Texts of Spells 355–471. Chicago, 1954. P. 188.

[3] Bernand E. Inscriptions métriques de l'Egypte gréco-romaine. Recherches sur la poésie épigrammatique des Grecs en Egypte. Paris, 1969. P. 576–583; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 139.

[4] Bernand E. Op. cit. P. 408–413.

[5] Hopfner T. Forties Historiae Religionis Aegyþtiacae Vol. III. Bonn, 1923. P. 447.

[6] Peek W. Der ìsishymnus von Andros und verwandte Texte. Berlin, 1930. P. 15. Кроме Исиды, акцент на волосах также встречается у богини Хатхор, которой присвоены эпитеты «та, у которой прекрасные волосы» и «владычица локона», ее волосы «тонче льна» и «чернее ночи, изюма и инжира». Л. Ллевеллин-Джонс и С. Винтер даже считают, что локон из поэмы Береники неслучайно описывается как βόστρυχος (строка 8), то есть тугой локон или спираль волос – так выглядит египетский локон. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 262. Локоны встречаются также на портретных изображениях Береники II и последующих цариц (Приложение № 9. 27,28,33).

[7] Hdt. II.65; Diod. I.83.2, 84.2–3; Plin. HN VIII.46; Luc. Syr. D. 7.

Зефирион носил отчетливо греческий характер, что исключает прямую связь с ритуалами Исиды. Что касается катастеризма локона, то, несмотря на существование в египетской традиции представлений о превращении душ в звезды[1], этот мотив был универсален для античной культуры[2]. В поэме Каллимаха превращение локона совершается исключительно по воле Афродиты и через акт похищения божеством – условие апофеоза в греческой традиции. Таким образом, подношение Береники II и его последствия убедительно объясняются в рамках греческих религиозных и литературных традиций[3].

В греческой религиозной практике подношение волос божествам являлось широко распространенным обрядом. Оно осуществлялось юношами перед достижением зрелости, девушками накануне брака, в знак траура, а также в качестве дара – при обращении к божеству с мольбой о милости или в благодарность за исполнение обета. Классическим примером служит обет Пелея принести в жертву волосы Ахилла речному богу Сперхею в обмен на его благополучное возвращение домой[4]. Жертвоприношение локона Береникой II

---

[1] Об упоминании волос в текстах пирамид см. Morenz S. La religion égyptienne. Essai d'interprétation. Paris, 1977. P. 264. Также Plut. De Is. et Os. 21.

[2] Ar. Pax. 832–823.

[3] Barbantani S. Φάτις νικηφόρος. Frammenti di elegia encomiastica nell'età delle guerre galatiche: Supplementum Hellenisticum 958, 969. Milan, 2001. P. 116–118; Hunter R. Theocritus, Encomium of Ptolemy Philadephos… P. 170–172; Давыдова О.А. Эллинистическая поэзия и культ цариц: традиция подношения локона от Береники II к Арсиное III // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2025. № 6(116). DOI 10.18698/2306-8477-2025-6. Тем не менее, как отмечает И.А. Ладынин, сама династическая идеология Птолемеев эпохи Эвергетов не могла полностью игнорировать египетскую традицию. Применительно к Беренике II появляется официальный эпитет «жена и сестра» (ἡ γυνὴ καὶ ἀδελφή), хотя Береника не была родной сестрой Птолемея III. Этот необычный для греческого контекста титул имеет прямые параллели в ареталогии Исиды из Ким, где богиня именуется «женой и сестрой Осириса». См. Ладынин И.А. Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х-нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации. С. 231–232. Таким образом, в публичном образе Береники II сознательно задействуются черты Исиды, супруги и сестры Осириса.

[4] Hom. Il. XXIII.141–153. Затем в «Илиаде» Ахилл срезает волосы над погребальным костром Патрокла: Hom. Il. XXIII, 140–149. Xen. Éphes. V.11.6. Обет Пелея также соотносится с обычаем первого острижения волос юношей при переходе к зрелости, с последующим посвящением их Сперхею. Многочисленные примеры подтверждают распространенность обряда: Тесей, вступая

аналогично обету Пелея и представляет собой плату за исполнение мольбы о возвращении супруга. Береника строго следует греческим ритуальным нормам, сопровождая подношение локона жертвой быка[1], подобно гекатомбе Пелея. Вещественные источники подтверждают реальность жертвоприношения волос Береникой: некоторые ее изображения с короткой прической на печатях могут интерпретироваться как отсылка к этому обету[2].

Касательно катастеризма локона Береники, Каллимах, а вслед за ним Катулл проводят параллель с мифом об Ариадне[3]. Примечательно, что, хотя Каллимах был знаком с египетской религией, он не проявлял к ней особого интереса. Его поэзия отражает мировоззрение александрийского общества первой половины III в. до н.э., ориентированного на сохранение греческих религиозных традиций.

Поэма Каллимаха представляет собой сложную риторическую конструкцию, служащую целям династической пропаганды. Катастеризм локона Береники II, «открытый» астрономом Кононом и поэтически осмысленный Каллимахом, отражал царскую идеологию, направленную на утверждение божественного статуса[4]. Превращение волоса царицы в созвездие становится прямым символом ее

во взрослую жизнь, посвятил остриженные волосы Аполлону в Дельфах (Plut. Thes. 5.1); на Делосе юноши и девушки (последние – перед браком) подносили пряди в храме Артемиды (Hdt. IV.34; Paus. I.43.4); в Мегарах невесты посвящали волосы Ифиное, дочери Алкафоя (Paus. I.43.4); в Трезене невесты остригали волосы в честь Ипполита. Эти примеры свидетельствуют, что подношение волос являлось стандартной практикой для девушек перед замужеством и для юношей при взрослении.

[1] Catull. 66.34

[2] Pantos P.A. Bérénice II Démèter // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1987. Vol. 111. P. 343–352.

[3] Ibid.59–60. Дионис подарил ей венец, который после смерти возлюбленной был перенесен на небо, образовав созвездие Северной Короны – сюжет, известный уже Гомеру (Il. XVIII.592) и Гесиоду (Theog. 947–948).

[4] Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure. P. 90; Clayman D.L. Royal catasterisms: Arsinoe II and Berenice II translated to the stars. P. 204–206; Давыдова О.А. Эллинистическая поэзия и культ цариц: традиция подношения локона от Береники II к Арсиное III. DOI 10.18698/2306-8477-2025-6.

приобщенности к божественной сфере[1], но помимо этого также утверждением ее символического родства с царицей Арсиноей II[2].

Подобно своей матери Беренике II, Арсиноя III также совершила ритуальное подношение локона, о чем свидетельствует эпиграмма Дамагета. Судя по содержанию текста, этот акт, вероятно, произошел до или в начальный период Четвертой Сирийской войны: фрагментарность источника затрудняет восстановление деталей. Бесспорным сходством является то, что обе царицы приносили волосы в жертву в греческих храмах. Однако эпизоды существенно различаются. Жертвоприношение Береники II состоялось вскоре после ее замужества и представляло собой благодарность за исполнение конкретной просьбы – благополучное возвращение супруга с войны[3]. В эпиграмме Дамагета Арсиноя III прямо названа «девой» (παρθένος), что побудило комментаторов трактовать описанное событие как предсвадебный ритуал, вероятно относящийся к периоду до 220 г. до н.э.[4]. Кроме того, подношение совершается богине-девственнице Артемиде. Однако интересно, что Дамагет употребляет эпитет «могучие», «храбрые» (ἀλκήεντας) по отношению к стрелам Артемиды. Этот эпитет, нетипичный для неодушевленных предметов, обычно употребляется по отношению к воинственным фигурам – Афине[5], Данаю или Гераклу[6]. Его можно понимать, как характеристику не только стрел, но и их владелицы. Таким образом, Артемида у Дамагета не только покровительница девушек и целомудрия, но и

[1] Gutzwiller K. A Guide to Hellenistic Literature. Hoboken, 2007. P. 191.

[2] Арсиноя II названа в поэме матерью (μητρός, строка 45), хотя биологически, конечно, ею не являлась. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 250.

[3] Callim. Aet. Fr. 110. Хотя в поэтическом описании Каллимаха слезы невесты, покидающей отчий дом, и ложе новобрачных следуют друг за другом, очевидно, что основная цель Береники заключалась в жертвенном подношении в обмен на исполнение мольбы о возвращении Птолемея III, а не в совершении древнего предсвадебного обряда.

[4] Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda. P. 372; Barbantani S. Φάτις νικηφόρος. Frammenti di elegia encomiastica nell'età delle guerre galatiche... P. 162.

[5] Hom. Hymn. 28.

[6] Pind. Pyth. IV.85, Isthm. VI.53.

воинственная защитница. Это позволило выдвинуть гипотезу, что эпиграмма описывает подношение, совершенное Арсиноей в начале Четвертой Сирийской войны или непосредственно перед битвой при Рафии[1]. В этом случае жертва могла иметь тот же смысл, что и у Береники – просьбу о защите супруга и даровании победы. Однако эта интерпретация противоречит обозначению Арсинои как «девы», поскольку к моменту войны она уже состояла в браке с Птолемеем IV[2].

Создается впечатление, что Дамагет создавал эпиграмму постфактум, поэтически объединив два события: предсвадебный обряд Арсинои и ее последующее участие в войне. Он придал классическому ритуалу дополнительный, воинственный оттенок, используя специфический эпитет богини, чтобы представить Арсиною III преемницей своей матери Береники II, принесшей жертву ради возвращения супруга.

Ключевое различие заключается в контексте: жест Береники II имеет однозначную трактовку, тогда как ситуация с Арсиноей III кажется двойственной. С одной стороны, статус девы указывает на предсвадебный ритуал, с другой – воинственный эпитет Артемиды связывает эпизод с событиями после заключения брака, в период войны[3]. Таким образом, посвящение Арсиноей III локона Артемиде было репликой знаменитого жеста Береники. Даже если первоначальный ритуал Арсинои соответствовал классическому предсвадебному обряду, поэтическая обработка Дамагета, с акцентом на воинственный аспект богини, намеренно связывает его с контекстом Четвертой Сирийской войны, уподобляя Арсиною III Беренике II.

---

[1] Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 27–28.

[2] Barbantani S. Op. cit. P. 162; Давыдова О.А. Эллинистическая поэзия и культ цариц: традиция подношения локона от Береники II к Арсиное III. DOI 10.18698/2306-8477-2025-6.

[3] Связь между двумя царицами становится еще более явной, если вспомнить о том, что Береника II могла отправиться навстречу мужу, не дожидаясь его возвращения в Египет из Сирии. Таким образом, хоть Береника II и не присутствовала при сражениях, но готова была, как и Арсиноя III следовать за мужем (или в данном случае, навстречу ему). Подробнее об этом эпизоде см. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike’s Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 253–254.

В целом, оба эпизода описывают реальные ритуальные практики, но их основная функция лежит в плоскости династической пропаганды. Они были призваны усилить образ правящей пары, акцентировать династическую преемственность через подражание Арсинои III примеру матери, а также связать фигуры царственных женщин с благополучием правителя и царства, особенно в периоды военных угроз[1].

Эллинистическая поэзия сформировала последовательную и многослойную систему представления цариц, умело сочетавшую греческие мифологические образы с задачами династической пропаганды[2]. Береника I предстает в поэзии прежде всего, как фигура, уподобленная Афродите. Мотив ее вознесения символизирует переход в божественную сферу и подчеркивает благочестие и супружескую преданность как основу культа. Образ Арсинои II представляет собой наиболее сложный синтез: она ассоциируется с Афродитой как покровительницей брака и мореплавания, но при этом – с эпическими царицами «Одиссеи»: мудрой Аретой, Цирцеей и Еленой, чья красота и связь с Египтом дополнялись мотивом вознесения на небо Диоскурами. Береника II воплощает идеал царственной жены. Катастеризм ее локона стал подтверждением ее божественной сущности. Арсиноя III сознательно воспроизводит жест матери в эпиграмме Дамагета, но подношение локона Артемиде, названной эпитетом «могучая», «храбрая», объединяет традиционный предсвадебный обряд с контекстом Четвертой Сирийской войны и личным присутствием Арсинои в битве при Рафии.

Ключевая особенность этой поэтической репрезентации заключается в последовательном уподоблении цариц греческим богиням – Афродите, Артемиде, Елене, – что создавало понятный для греко-македонской аудитории образ. Эти произведения утверждали божественный статус и сакральность царской власти

[1] Strootman R. Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East After the Achaemenids, 330–30 BCE. Edinburgh, 2014. P. 95–97.

[2] Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 120; Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto, 2000. P. 89, 122.

через женские образы, подчеркивали династическую преемственность, создавали символы единства и благополучия царственной четы, связывали фигуры цариц с военной удачей и, наконец, интегрировали Птолемеев в эллинистический культурный контекст через опору на эпическое наследие и греческие религиозные традиции. Таким образом, эллинистическая поэзия стала незаменимой для создания образа цариц.

В заключение следует подчеркнуть, что для последующих цариц – Клеопатры I, Клеопатры II и Клеопатры III – подобные поэтические репрезентации не зафиксированы. Это отсутствие объясняется совокупностью факторов: обострением внутридинастических конфликтов и гражданских войн, оттеснивших тонкую литературную пропаганду на второй план, и смещением акцента официальной идеологии поздних Птолемеев в сторону ритуальных практик, теснее связанных с египетским жречеством.

§ 2.2.3. Близкородственный брак

В классических Афинах Древней Греции браки между детьми одних родителей считались неприемлемыми[1]. Данный запрет действовал не только в Греции и Македонии, но и в других регионах Средиземноморья. На этом фоне особый интерес представляет практика заключения близкородственных браков в династии Птолемеев как один из самых заметных элементов их идеологии[2].

[1] Pl. Leg. VIII.838B. В то же время союзы между дядей и племянницей, двоюродными родственниками или сводными братом и сестрой (например, по отцовской линии) не только не запрещались, но и практиковались. Это свидетельствует о том, что браки между лицами, не состоявшими в самой тесной степени родства, не воспринимались как нечто предосудительное. Напротив, союз родных брата и сестры повсеместно рассматривался как строжайшее табу.

[2] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 114. Хотя близкородственные браки стали отличительной чертой именно династии Птолемеев, в других эллинистических царствах также отмечено несколько примеров. Селевкидский царь Антиох IV Эпифан взял в жены сестру Лаодику IV. Женой понтийского царя Митридата IV была его сестра Лаодика, пара даже приняла титул «Филадельфы». На монетах Митридат и Лаодика изображены на лицевой стороне, а на оборотной – Зевс и Гера в качестве прямой ассоциации царского союза. См. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 86–92. В Коммагене, в начале I века н.э., Антиох III женился на

Царицы, будучи одновременно сестрами и женами царей, с одной стороны, ассоциировались с Исидой – сестрой и супругой Осириса, олицетворяющей возрождение и преемственность царской власти; с другой – с Герой, хранительницей брака и легитимности власти Зевса[1]. Связь между таким браком и культом самой царицы делала ее фигуру неотъемлемой частью династической мифологии.

Первый в династии союз между родными братом и сестрой заключили Птолемей II и Арсиноя II. Вопрос о том, кто стал инициатором этого брака, остается предметом дискуссий среди исследователей. Ряд исследователей, таких как Г.Х. Макурди и Г. Лонгега, полагают, что в период своего пребывания в Египте Арсиноя II занимала ведущие позиции при дворе[2]. Сходной точки зрения придерживается Н.П. Рубекас, отмечая выдающиеся умственные способности и политические амбиции царицы, что, по его мнению, указывает на ее решающую роль в принятии решения о браке[3]. Арсиноя, будучи старше брата на восемь лет, уже имела социальный и политический опыт, приобретенный в первом браке с Лисимахом и во втором – с Птолемеем Керавном[4]. Однако эта точка зрения оспаривается С.М. Бурштейном[5], который считал, что брак инициировал Птолемей II, стремясь

сестре Иотапе. Их дети, Антиох IV и Иотапа, впоследствии также вступили в брак между собой. Однако практика близкородственных браков не закрепилась в упомянутых династиях.

[1] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 24; Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power // Women in ancient Egypt: revisiting power, agency, and autonomy / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York, 2022. P. 147–164.

[2] Macurdy G.H. Hellenistic queens... P. 124; Longega G. Arsinoe II. P. 64.

[3] Roubekas N.P. Belief in belief and divine kingship in early Ptolemaic Egypt: the case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II. P. 9.

[4] Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. P. 60; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 17; Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power // Women in ancient Egypt: revisiting power, agency, and autonomy / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York, 2022. P. 147–164; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 118.

[5] Burstein S. Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist view. P. 197–212. Также Р. Струтман отмечает, что причиной для заключения данного брака являлось стремление обеспечить престолонаследие и династическую непрерывность. Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts. P. 336. Обсуждение данного тезиса см. Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death The Hellenistic

укрепить власть, поскольку ощущал угрозу со стороны старшего брата, Птолемея Керавна, претендовавшего на престол.

Независимо от первоначальных мотивов, брак Птолемея II и Арсинои II создал прецедент, положивший начало династической традиции[1]. Этот институт стал одним из ключевых элементов царского культа, послужив образцом для последующих правящих пар. Птолемей IV Филопатор женился на своей родной сестре Арсиное III. Птолемей VI Филометор женился на Клеопатре II, своей родной сестре. Птолемей IX Сотер II был женат сначала на Клеопатре IV, а затем на Клеопатре V Селене, – обе его родные сестры. Клеопатра VII вступала в браки со своими родными братьями Птолемеем XIII и Птолемеем XIV[2]. Значение союза брата и сестры для оформления царской власти было велико, и царицы неизменно получали официальный титул «сестра и жена царя» (ἀδελφὴ καὶ γυνὴ τοῦ βασιλέως / *snt ḥmt nswt*), вне зависимости от реальной степени родства[3]. Таким образом, шесть цариц династии состояли в браке с родными братьями: Арсиноя II Филадельфа, Арсиноя III Филопатора, Клеопатра II Филометора, Клеопатра IV Филадельфа, Клеопатра V Селена и Клеопатра VII Филопатора[4]. К близкородственным можно отнести браки между дядей и племянницей (Птолемей VIII и Клеопатра III; Птолемей X Александр I и Береника III) и союз двоюродных родственников – Клеопатры VI Трифены и Птолемея XII Авлета (он приходился сводным братом ее матери по отцу и одновременно племянником ее отца). Поскольку от этих браков рождались наследники, реальность практики

Dynasties. P. 74–75; Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Новая концепция династической истории эллинизма? Размышления по поводу монографии Д. Огдена... С. 126–127.

[1] Roubekas N.P. Belief in belief and divine kingship in early Ptolemaic Egypt: the case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II. P. 9.

[2] Приложение № 1. Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 115; Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 16.

[3] Береника II, приходившаяся Птолемею III лишь двоюродной сестрой по материнской линии, и Клеопатра I, двоюродная сестра Птолемея V по отцовской линии, носили этот титул. Roubekas N.P. Op. cit. P. 9.

[4] Pomeroy S.B. Op. cit. P. 16.

кровосмесительных союзов в династии не вызывает сомнений, а титул «сестра-жена» мог и не быть формальным[1].

В греческой мифологической традиции браки между родными братом и сестрой отражены в сказаниях о титанах, которые неизбежно уступают место гармоничному упорядоченному космосу под властью олимпийских богов. Примечательно, что кровнородственные союзы между титанами-братьями и сестрами не получают негативной оценки. Гесиод характеризует брак Гипериона и Тейи, родных брата и сестры «в любви/по взаимному согласию» (ἐν φιλότητι)[2]. Ту же самую формулу он применяет к союзу титана Крия с Еврибией, дочерью Понта[3]. Аналогично описан брак Коя и Фебы: они также соединяются «в любви» (ἐν φιλότητι), «деля многожеланное ложе» (πολυήρατον εὐνήν)[4]. Лишь в случае Реи, родившей от Кроноса, используется эпитет «укрощенная», «покоренная» (δμηθεῖσα), восходящий к глаголу, который в контексте брака может означать и «выдана замуж» (δαμάζω) без обязательной коннотации насилия[5]. Поздние авторы, такие как Псевдо-Аполлодор (I–II вв. н.э.), также воздерживаются от негативных характеристик браков титанов, равно как и союза Зевса и Геры[6]. Таким образом, мифологическая традиция создавала прецедент, лишенный морального осуждения.

Зевс, верховный олимпийский бог, выступает покровителем и защитником людей[7]. Ему приписывается установление законов, регулирующих человеческое общество[8]. При этом собственный союз Зевса с его родной сестрой Герой не подвергается в мифологической традиции ни осуждению, ни специальному оправданию. Будучи божеством, Зевс находится вне сферы действия человеческих

[1] Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. P. 118; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 119.
[2] Hes. Theog. 374.
[3] Ibid. 375.
[4] Ibid. 375.
[5] Hes. Theog. 453.
[6] Apollod. Bibl. I.2–3.
[7] Hom. Il. V.877.
[8] Dem. Or. XV.16.

обычаев и установлений – его невозможно оценивать по меркам людей. Зевс в роли «хранителя дома» (ἑρκείος) и Гера как покровительница домашнего очага и брачных уз (ἱερὰ γαμηλία) образуют центральное ядро олимпийского пантеона. Их союз символизирует фундаментальные для греческой культуры концепции «дом, домохозяйство» (οἶκος) и «брак» (γάμος). Кровосмесительная связь божественной пары лишь подчеркивает нерасторжимость их брака и неразделимость супругов. До эллинистической эпохи этот аспект их отношений редко акцентировался, однако придворные поэты в Александрии целенаправленно проводили параллель между царской четой и божественной парой Зевса и Геры, используя этот мифологический пример для легитимации династической практики[1].

С другой стороны, греческие мифы последовательно изображают кровосмесительные связи между смертными как тяжкое преступление, неизбежно влекущее божественное возмездие, страдания и гибель. Ярким примером служит трагедия Макара, сына Эола, бога ветров. Макар вступил в связь со своей родной сестрой Канакой, от их союза родился ребенок. Когда Эол узнал о случившемся, он приказал уничтожить младенца, бросив его диким зверям, а Канаку принудил к самоубийству. Не выдержав утраты, Макар также лишил себя жизни[2].

Не менее показателен миф о Библиде и Кавне, детях Милета и Кианеи. Библида, охваченная страстью к родному брату, отвергала всех женихов. Осознавая преступность своих чувств, она все же призналась Кавну в письме, пытаясь оправдать их ссылкой на кровосмесительные союзы богов. Кавн отверг сестру и бежал. Охваченная отчаянием Библида долго скиталась, пока не покончила жизнь самоубийством, повесившись на собственном поясе[3]. На месте ее гибели возник источник – символ бесконечных слез, пролитых из-за порочной любви[4]. Независимо от деталей финала, миф неизменно осуждает любовь между

[1] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 114.

[2] Apollod. Bibl. I.7.3; Hyg. Fab. 238, 243; Ov. Her. XI.1–128.

[3] Parth. 11; Conon. Narr. 2.

[4] Ov. Met. IX.450–665; Hyg. Fab. 243. Альтернативные версии мифа смягчают финал: гамадриады спасают Библиду, превращая ее в нимфу. Ant. Lib. Met. XXX.

братом и сестрой: преодолеть пагубную страсть возможно лишь ценой смерти или сверхъестественного вмешательства. По свидетельству Никандра Колофонского, опиравшегося на более ранние предания, Афина обучила Фаланга воинскому искусству, а его сестру Арахну – ткачеству и пению. Однако, узнав о кровосмесительной связи между братом и сестрой, богиня пришла в ярость и превратила обоих в пауков[1]. Эти сюжеты о табу на инцест для смертных контрастируют с нейтральным восприятием подобных союзов среди богов[2].

Позицию греческого общества лаконично выразил Платон, характеризуя связи между родителями и детьми или братьями и сестрами: «подобные деяния не священны, не благочестивы, но ненавистны богам и позорны»[3]. Раннее свидетельство о культурном релятивизме в этом вопросе встречается у Диодора Сицилийского. Описывая египетские обычаи, он отмечает закон, вопреки общепринятой практике разрешавший браки между братьями и сестрами, объясняющий это мифом об Исиде и Осирисе[4]. Ироничное подтверждение этой практики содержится в «Апоколоцинтозе» Сенеки, где в сатире на обожествление Клавдия обыгрываются законы против инцеста: «Ты, болван, должен больше учиться: в Афинах это разрешено наполовину, в Александрии – полностью!»[5].

Поздние греко-римские авторы по-разному осмысляли брачную практику Птолемеев. Павсаний считал союз Птолемея II и Арсинои II нарушением греко-

[1] Schol. ad Nic. Ther. 12a.

[2] Sotad. F 1, 16. Следует отметить, что современный термин «инцест» не имеет точного лингвистического эквивалента в древнегреческом языке. Античные авторы, описывая близкородственные браки, использовали оценочные выражения вроде «нечестивый» или «преступный союз»: γάμος ἀνόσιος (Ar. Ran. 850; Soph. OC 945–946), γάμος ἀσεβής (Aesch. Supp. 10). Однако семантика этих выражений была шире: они могли обозначать и прелюбодеяние (Eur. El. 600, 926–927) и осквернение святилищ (Paus. VII.18–21; Hyg. Fab. 185), обозначая любое нарушение божественного закона, природного порядка и моральных норм.

[3] Pl. Leg. VIII.838B.

[4] Diod. Sic. I.27.

[5] Sen. Apocol. 8.

македонских норм[1] и приводил характерное для греческих авторов этнографическое объяснение: инцест представлялся как культурная особенность покоренного народа. Секст Эмпирик использовал эту практику как доказательство относительности этических норм, рассуждая, что индивид может считать брак с матерью или сестрой преступным, однако персидские волхвы сочетаются браком с матерями, египтяне – с сестрами, подобно Зевсу[2]. В диалоге Минуция Феликса «Октавий» язычник обвинял христиан в кровосмесительных оргиях, на что Октавий возражал, что этим занимаются язычники, а не христиане и приводил в пример египтян и афинян[3]. Здесь инцест Птолемеев использовался для дискредитации языческой религии.

Однако в самой Александрии, напротив, формировался принципиально иной нарратив, где греческие интеллектуалы *сознательно* мифологизировали династическую практику. Придворные авторы не просто одобряли, но активно сакрализировали союз Птолемея II и Арсинои II. Эта поддержка выходила за рамки придворной поэзии, к примеру, адмирал Калликрат Самосский увековечил царственную чету, установив их статуи напротив святилища Зевса и Геры в Олимпии. Тем самым земные правители приравнивались к божественным супругам[4]. Феокрит в семнадцатой идиллии прямо отождествил брак царей со «священным союзом» (ἱερὸς γάμος) олимпийских богов[5], анонимный эпиталамий, приписываемый Посидиппу, развивал в этом же контексте аналогию между Арсиноей и Герой[6].

Однако создание сакрального образа неизбежно сталкивалось с эллинским менталитетом, где такой брак считался нарушением. Показателен пример поэта

---

[1] Птолемей, воспылав страстью к Арсиное, родной сестре своей по обоим родителям, взял ее в супруги, совершив деяние, недопустимое среди македонян, но обычное для подвластных ему египтян. Paus. I.7.1.

[2] Sext. Emp. Pyr. III.205; ср. I.152.

[3] Min. Fel. Oct. 31.

[4] OGIS I 26–27.

[5] Theoc. Id. XVII.131–134.

[6] Posidipp. P.Mil.Vogl. VIII 309, coll. XII.10–15 = Suppl. Hell. 961.

Сотада из Маронеи[1], чьи сатирические стихи (κίναιδοι), цитируемые Плутархом[2] и Афинеем[3], высмеивали царский инцест. Фигура Сотада символизирует сопротивление некоторой части греческой интеллигенции. Это говорит о разрыве между придворной пропагандой и традиционными эллинскими ценностями[4], по крайней мере, эпизодично и при первых Птолемеях.

Если греческая мифология помещала инцест в эпоху доолимпийского периода, то в египетской мифологической традиции брак между богами – братом и сестрой – воспринимался как священный[5]. Эта практика являлась важным элементом теогонического процесса: согласно гелиопольской космогонии, пара Шу и Тефнут породила Геба и Нут, чей супружеский союз привел к появлению Осириса и Исиды, Сетха и Нефтиды, в свою очередь вступивших в браки между собой.

Исторические примеры близкородственных браков в египетской царской традиции создавали значимый прецедент для Птолемеев. Ментухотеп II (XI династия) сочетался браком со своей родной сестрой Нефру III[6]. Приблизительно два столетия спустя Аменемхет IV (XII династия) вступил в брак с сестрой

---

[1] Хотя многие говорили о том, что Сотад был убит за оскорбление царя, его гибель, вероятнее всего, случилась в период Хремонидовой войны (267–261 гг. до н.э.). См. Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. P. 119.

[2] Plut. Mor. 11a.

[3] Ath. XIV.620f.

[4] В это же время Э.Д. Карни не считает эти немногочисленные свидетельства достаточными для того, чтобы признать, что всех при дворе Александрии возмущал брак Птолемея II и Арсинои II. Это не означает, что брак не вызвал противоречивых мнений, а скорее, что он не был серьезной проблемой. Carney E. Being royal and female in the early Hellenistic period // Creating a Hellenistic World / A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea, 2010. P. 207. См. также Llewellyn-Jones L. The Cleopatras. The Forgotten Queens of Egypt. P. 143–153.

[5] К. Грейвс-Браун справедливо отмечает, что степень распространения инцеста среди царей неясна, в основном из-за трудностей в понимании древнеегипетских терминов родства. Graves-Brown C. Dancing For Hathor. Women in Ancient Egypt. London, 2010. P. 133.

[6] Hayes W.C. Egypt: internal affairs from Tuthmosis I to the death of Amenophis III // The Cambridge Ancient History Vol. I. Part 2 / Eds. I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge, 1971. P. 410; Middleton R. Brother-Sister and Father-Daughter Marriage in Ancient Egypt // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 5. P. 604.

Нефрусебек, впоследствии унаследовавшей трон[1]. Еще через двести лет Секененра Таа II (XVII династия) взял в супруги сестру Яххотеп I[2], их дети – Яхмос и Яхмос-Нефертари – также вступили в брак[3]. Практика продолжалась при Аменхотепе I, предположительно женившемся на своей сестре Яхмос-Меритамон[4], а также при Хатшепсут, сочетавшейся браком со сводным братом Тутмосом II[5], Тутанхамоне, женатом на своей сестре Анхесенамон, и Псусеннесе I (XXI династия), чьей супругой стала сестра Мутнеджмет[6]. Эти исторические примеры, сохранившиеся в труде Манефона, с которым, вероятно, мог ознакомиться Птолемей II, формировали прецедент, несмотря на их относительную редкость в брачной практике фараонов.

В египетской царской доктрине близкородственный брак выполнял две сакральные функции: во-первых, он воспроизводил космогонический миф о союзах богов, а во-вторых, подчеркивал божественную природу монарха[7]. Эта стратегия сакрального отдаления помещала правителя в сферу божественного и создавала теократическое обоснование царской власти.

Таким образом, существует достаточно свидетельств, что египетские цари, особенно XVIII и XIX династий, иногда женились на своих сестрах или сводных сестрах. При этом для подавляющего большинства населения близкородственные

---

[1] Heidelberg E.F. Amenemhet // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 192; Middleton R. Op. cit. P. 604.

[2] Seipel W. Ahhotep I // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 98; Middleton R. Op. cit. P. 604.

[3] Gitton M. Ahmose Nofretere // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 102–109; Middleton R. Op. cit. P. 604.

[4] Munster J.v.B. M. Meretamun // Lexikon der Ägyptologie. Vol. IV / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 89; Middleton R. Op. cit. P. 604.

[5] Grimal N. A History of Ancient Egypt. Hoboken, 1994. P. 250. В качестве близкородственных браков также стоит отметить союзы царей периода Нового царства и их дочерей – Аменхотеп III женился на своих дочерях Сетамон и Хенуттанеб, Рамсес II – на Меритатон, Бент-Анат.

[6] Kitchen A. Psusennes I // Lexikon der Ägyptologie. Vol. IV / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1982. P. 1176.

[7] Ziegler C. The Queens of the New Kingdom // The Pharaohs / Ed. C. Ziegler. London, 2002. P. 254.

союзы оставались под строгим запретом[1]. Даже в эллинистическую эпоху они были редким явлением среди простого населения, хотя сохранившиеся источники носят фрагментарный характер и требуют осторожной интерпретации[2].

Подводя итог, следует признать, что практика близкородственных браков в династии Птолемеев представляла собой сложный социокультурный феномен. Посредством эндогамных союзов цари дистанцировались от подданных[3]. Это сознательное нарушение социокультурных запретов одновременно служило доказательством преодоления человеческой природы и манифестацией божественной сущности правящей четы. Близкородственный брак был одним из способов сакрализации: подобно тому, как кровосмесительные союзы в космогонических мифах порождали упорядоченный космос, близкородственный брак у Птолемеев подразумевал их созидательную силу и апофеоз[4]. То, что для

[1] Я. Черны утверждал, что в правление Тутмоса III зародился обычай называть жену «сестрой» и, следовательно, не сложился в период XVIII династии. Таким образом, следует осторожно относиться к буквальному толкованию египетских терминов родства, поскольку, начиная с Нового царства, в любовных песнях и других надписях возлюбленного или супруга часто называют «мой брат» или «моя сестра» без фактического родства. Černý J. Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1954. Vol. 40. P. 24.

[2] В римский период, напротив, источники фиксируют значительную частоту браков между родными братьями и сестрами в среде египетских обывателей. Объяснение практики близкородственных браков в римский период в Египте объясняется в работах Middleton R. Brother-Sister and Father-Daughter Marriage in Ancient Egypt // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 5. P. 606–611; Bagnall R. S., Frier B. W. The demography of Roman Egypt. Cambridge, 2006. P. 126–127; Remijsen S., Clarysse W. Incest or adoption? Brother–sister marriage in Roman Egypt revisited // Journal of Roman Studies. 2008. Vol. 98. P. 60; Rowlandson J., Takahashi R. Brothersister marriage and inheritance strategies in Greco-Roman Egypt // Journal of Roman Studies. 2009. Vol. 99. P. 105; Hopkins K. Brother–sister marriage in Roman Egypt // Comparative Studies in Society and History. 1980. Vol. 22. P. 321; Scheidel W. Brother–sister and parent–child marriage outside royal families in ancient Egypt and Iran: a challenge to the sociobiological view of incest avoidance // Ethnology and Sociobiology. 1996. Vol. 17. P. 333; Huebner S. R. Brother–sister marriages in Roman Egypt: a curiosity of humankind or a widespread family strategy? // Journal of Roman Studies. 2007. Vol. 97. P. 21–49.

[3] Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 1–34; Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 114.

[4] Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 165–186; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 218.

обычных людей являлось пороком, для царей и цариц становилось исключительным правом. С точки зрения мифологии образы царя и царицы Птолемеев сближались с образами Зевса и Геры и пары Осириса и Исиды, чья любовь, по свидетельству Плутарха, зародилась еще во чреве Нут[1].

Важнейшим следствием династического инцеста стало возвышение статуса царицы до уровня соправителя. Совместное божественное происхождение и кровное родство с царем наделяли ее равной сакральной значимостью, а позднее, в отдельных случаях, – и политической властью. Как отмечал Б. Бейер-Роттофф, статус «сестры царя» позволил Арсиное II стать не просто его «женой», но полноправным членом царского дома[2]. Р. Струтман считал, что именно союз брата и сестры Арсинои II и Птолемея II лежал в основе дальнейшего повышения влияния цариц, «кульминацией чего стали единоличные правления Береники IV и Клеопатры VII в середине I века до н.э.»[3]. Однако если свидетельства о реальной власти Арсинои II при дворе по большей части косвенные[4], то Арсиноя III, явно обладала полномочиями, поскольку после смерти своего брата и мужа Птолемея IV именно она стала претендентом на регентство над малолетним Птолемеем V[5]. Царица была бы опекуном и регентом юного наследника, и тем самым ассоциировалась бы с Исидой, а Птолемей V – с Хором[6]. Положение жены и сестры фараона в сочетании с уважением со стороны подданных создавало высокую

[1] Plut. De Is. et Os. 356a.

[2] Beyer-Rotthoff B. Untersuchungen zur Aussenpolitik Ptolemaios' III. Bonn, 1993. P. 286–287.

[3] Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts P. 336.

[4] Справедливо говорить скорее о влиянии Арсинои II, чем о ее действительной политической власти. Давыдова О.А. Власть или влияние: к дискуссии о политической роли царицы Арсинои II // Власть истории – История власти. 2026. № 3(68). С. 271–280.

[5] Just. Epit. XXX.1.7. Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ. С. 201–206. Стоит отметить, что в истории Египта известно несколько прецедентов, когда регентами царей становились их матери, например, Яххотеп (а возможно, недолго и ее мать Тетишери) при царе Яхмосе I, Яхмес-Нефертари – при Аменхотеле I. Хатшепсут - при пасынке Тутмосе II, Мутемуйа – при Аменхотепе III, Таусерт – при царе Саптахе. Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов… С. 323.

[6] Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 165–186; Давыдова О.А. Указ. Соч. С. 205–206.

вероятность того, что Арсиноя III могла стать первой царицей-регентом династии Птолемеев, если бы ее не убили в результате заговора[1].

Практика близкородственных браков в сочетании с династическим культом создала основу для возвышения птолемеевских цариц, что проявилось в правление Клеопатры I[2]. Став регентом при малолетнем Птолемее VI после смерти супруга Птолемея V, который не был ее братом, она унаследовала комплекс титулов, включая ключевой эпитет «сестра царя» (ἀδελφὴ τοῦ βασιλέως)[3]. Развитие ее культа, отразившееся в титулатуре жрецов[4], демонстрирует изменение статуса: от регента до обожественной матери, богини Филометоры (θεὰ Φιλομήτωρ).

Возрастающая роль царицы привела к соперничеству за трон матери и дочери: Клеопатры II и Клеопатры III, ставшими женами одного царя – Птолемея VIII. Они составляли заговоры, манипулировали титулатурой и утверждали свои легитимные права на престол. Показательно, какую власть приобрела Клеопатра II,

---

[1] Polyb. XV.25.

[2] Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 10–14. Дж. Тилдеслей отмечает, что в Египте и до Птолемеев супругу могли призвать править, пока ее муж был занят в иноземном походе, или от овдовевшая царица могла выступить в качестве регента при своем малолетнем сыне, фактически управляя Египтом в промежутке между смертью мужа и совершеннолетием сына. Эти женские правления бывает трудно выявить, так как они полностью скрыты внутри официального царствования юного царя, но есть свидетельства, позволяющие предположить, что они были обычным явлением с самого зарождения династической эпохи. Первая царица Египта, Нейтхотеп, возможно, правила Египтом от имени своего юного сына Аха, хотя доказательства этому косвенные. Более очевидным является правление Меритнейт в I династии, супруги Джета, а затем матери и регентши Дена. Меритнейт была удостоена царской гробницы (гробница Y) на Абидосском кладбище, где хоронили царей. Это ввело в заблуждение ранних египтологов, заставив предположить, что она была царем-мужчиной. Tyldesley J. The role of Egypt’s dynastic queens. P. 275; Graves-Brown C. Dancing For Hathor. Women in Ancient Egypt. P. 144.

[3] Также стоит отметить мнение А. Бьельман-Санчес и Д. Ленцо, согласно которому Клеопатра I не просто стала регентом, но и полноценным правителем, наделенным властью и титулами. Это следует из новых формул датировки в папирусах, где царица упомянута на первом месте, а также формулировки в папирусе P. Ryl. IV 589, согласно которой «царица Клеопатра и царь Птолемей, Боги Эпифаны, осуществляют [царскую власть], которую они также получили в наследство» (ὡς βασίλισσα Κλεοπάτ[ρ]α καὶ βασιλε . . ὺ[ς Π]τολεμαῖος ὁ υ[ἱ] ὸς θεοὶ Επιφ[αν]εῖς ἄγουσιν ἐν [ᾧι] καὶ τὴν βασιλείαν [π]αρ[ελ]άβοσαν). Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (IIe siècle av. J.-C.). P. 160;

[4] Подбронее см. §1.2.5.

сестра и супруга царя: Птолемей VIII, стремясь ослабить ее влияние, женился на ее дочери, своей племяннице Клеопатре III. Последовавший конфликт вынудил царя бежать из Александрии вместе с Клеопатрой III, но после этого имя сестры-жены царя не пропало из официальных документов, и уникальное «троецарствие» (Птолемей VIII, Клеопатра II, Клеопатра III), зафиксировано в датировочных формулах папирусов после урегулирования конфликта.

Таким образом, кровосмесительные браки трансформировали модель царской власти: они укрепили положение царицы, способствовали развитию культа правящей четы и отдельно культа царицы[1].

Выводы к главе

Проведенный анализ позволяет реконструировать сложное развитие культа цариц Птолемеев, в рамках которого их образы сближались с образами греческих богинь.

Образ Береники I фокусировался на роли супруги основателя династии и матери наследников. Основные атрибуты: диадема, сходство с мужем на монетах и рельефах, – подчеркивали династическую преемственность и семейную добродетель. Прямая ассоциация с богиней Афродитой как покровительницей брака, формировалась преимущественно в поэзии, тогда как в иконографии посмертный сакральный статус выражался в ношении стефаны, атрибута греческих богинь.

Образ Арсинои II Филадельфы стал примером для последующих цариц. Ее основной отличительный атрибут – двойной рог изобилия – стал символом благополучия. Кроме того, царица ассоциировалась с Афродитой и Тюхе. В поэзии образ Арсинои II был связан с эпическими женскими персонажами. Береника II унаследовала иконографию Арсинои II, но двойной рог изобилия был изменен на одинарный, появилась связь с богами-Диоскурами как символ апофеоза. Образ

[1] Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. P. 149–154.

Береники II в поэзии был наполнен аллюзиями на Афродиту, хранительницу брака, а катастеризм локона царицы продемонстрировал причастность Береники II к божественной сфере еще при жизни. В иконографии Арсинои III присутствовали унаследованные от предшественниц божественные атрибуты (стефана, рог изобилия), однако в поэзии проявляются новые военные коннотации и связь с Артемидой.

Таким образом, в репрезентации птолемеевских цариц последовательно использовались отсылки к греческим богиням: Гере, Афродите, Деметре, Артемиде, Тюхе. Однако для Клеопатры I, II, III визуальная репрезентация становится более универсальной, и поэтические произведения, где они бы уподоблялись конкретным богиням, не зафиксированы.

Спортивные триумфы и близкородственные браки также способствовали сакрализации образа царицы. Если победы в конных состязаниях на общегреческих играх обеспечивали царицам публичный успех и наглядно демонстрировали божественное благоволение, то с помощью близкородственного брака образ правящей четы, сознательно нарушавшей устоявшиеся нормы, сближался с образами Осириса и Исиды, Зевса и Геры.

Глава 3. Отождествление цариц с египетскими богинями и распространение культа Исиды

Образ цариц с течением времени все больше насыщался сакральной символикой, заимствованной у богинь египетского пантеона, прежде всего Исиды и Хатхор[1]. Настоящая глава посвящена изучению того, как через отождествление с египетскими богинями-матерями, и в особенности с Исидой, раскрывался божественный статус птолемеевских цариц.

Особое внимание уделено развитию иконографии цариц – от пассивных спутниц царя до самостоятельных действующих лиц, взаимодействующих с богами. Анализ титулатуры, в которой закреплялись ассоциации с Исидой, Хатхор и другими богинями, позволяет также выявить политический статус цариц. Последующее изложение будет последовательно раскрывать эти аспекты, демонстрируя, как отождествление с египетскими богинями, достигшее своей кульминации в образе Исиды, стало основой для сакрального образа и легитимации власти цариц в птолемеевском Египте.

§ 3.1. Царицы в египетской изобразительной традиции

Настоящий раздел посвящен исследованию формирования образов птолемеевских цариц в контексте египетской изобразительной традиции. В основе анализа лежат три категории памятников: храмовые рельефы, стелы и скульптура:

1. Храмовые рельефы представляют основной источник для изучения ритуального позиционирования царицы по отношению к царю и богам. Исследование рельефов выявляет, как египетская традиция адаптировалась для отражения уникальных династических особенностей, таких как совместное правление царя и двух цариц.

2. Стелы служат важным средством официальной пропаганды, фиксируя божественный статус цариц.

[1] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 114–115.

3. Скульптурные изображения цариц, относящиеся к египетской изобразительной традиции, позволяют выявить специфику сакарализации их образа. Анализ статуй показал формирование изобразительного стандарта для цариц, начиная с Арсинои II, и его дальнейшее развитие в образах Клеопатр II и III.

Следует отметить, что многие изображения птолемеевских цариц отсылают к традициям Нового царства. По наблюдению В.А. Большакова, к середине XVIII династии исключительное положение матерей фараона и его великих жен закрепляется посредством новых элементов, связавших их с Хатхор, Исидой, Маат, Мут, Нехбет, Уаджит и, предположительно, Тефнут в большей степени, чем в предыдущие периоды[1]. Одновременно с этим меняется и официальная репрезентация царственных женщин: их изображения эпизодически включаются в сцены династического культа и дворцовых церемоний[2]. С точки зрения Л. Трой, царская власть мыслилась андрогинной целостностью, где женщины царского дома олицетворяли необходимую женскую половину. Как формулирует Х. Маккарти, их функциями являлись защита и поддержка мужского аспекта власти, участие в ритуалах[3]. На теологическом уровне функции царственной женщины уподоблялись функциям богинь-спутниц верховного солнечного божества[4]. Соответственно, божественная семья выступала прообразом царской семьи. Как фараон почитался земным воплощением мужского божественного начала, так его супруга – женского и воспринималась как сакральный женский архетип, необходимый для совершения ритуала. Совместно появляясь в культовых сценах, царь и царица выступали гарантами мирового равновесия[5].

[1] Bolshakov V.A. Some Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. P. 45–46.
[2] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history.
[3] McCarthy H. Rules of Decorum and Expressions of Gender Fluidity in Tawosret's Tomb // Sex and Gender in Ancient Egypt: 'Don Your Wig for a Joyful Hour / Ed. C. Graves-Brown. Swansea, 2008. P. 85–86.
[4] Troy L. Op. cit. P. 68–72, 102–103.
[5] Ziegler C. The Queens of the New Kingdom. P. 237–267.

Согласно классификации изображений, составленной В.А. Большаковым на основе анализа более 350 сцен с изображениями царственных женщин, различаются следующие сюжеты: подношение богам различных объектов; изображение царицы, стоящей перед божеством; совершение различных обрядов и церемоний, куда относятся отдельные эпизоды хеб-седа, сцены поражения врагов, обряд «встряхивания папируса»[1]. Данная классификация вполне справедлива и для цариц птолемеевской династии. Соответственно, в данном разделе будет выявлено, атрибуты каких именно египетских богинь были заимствованы для иконографии птолемеевских цариц, а также будет определено, создавались ли новые сакральные роли в египетской иконографии для цариц Птолемеев или же их репрезентация оставалась в рамках египетской традиции, сложившейся в период Нового царства.

§ 3.1.1. Храмовые рельефы

Египетские храмовые рельефы изображают Птолемеев в тех же сценах, что и их предшественников-фараонов, демонстрируя их взаимодействие с египетскими богами[2]. Как предшественников, так и птолемеевского царя в некоторых сценах сопровождает царица[3], которая, как правило, не совершает специфических действий, а остается пассивной, держа в руках систр, цветы или знак-анх[4]. Лишь в единичных случаях царицы изображены совершающими жертвоприношение в одиночку, без присутствующего рядом царя. Обычно это Клеопатра I или

[1] Bolshakov V.A. Op. cit. P. 47–50. Дополнительно про цариц, участвующих в сценах поражения богов см. Troy L. Op. cit. P. 64.

[2] Кроме этого, М. Минас-Нерпель справедливо уточняет, что оценка строительной и декоративной деятельности Птолемеев в древнеегипетских храмах является важным компонентом в изучении того, как относились цари к традиционной религии египтян и египетскому жречеству. Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 51.

[3] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 254.

[4] Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 810; Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao // Faraoni come dei, Tolemei come faraoni. Atti del V Congresso Internazionale Italo-Egiziano, Torino, Archivo di Stato, 8-12 dicembre 2001 / Ed. N. Bonacasa et al. Torino; Palermo, 2003. P. 89.

Клеопатра III. Атрибуты цариц, заимствованные из божественного контекста, включая двойную корону с перьями, рогами и солнечным диском[1], демонстрировали, что наряду с царским положением и они обладали сакральным статусом.

Фундаментальными исследованиями храмовых рельефов стали работы, опубликованные Я. Квегебером в 1978 году[2]. Он сосредоточился на ранних царицах династии Птолемеев вплоть до Арсинои III[3]. Однако именно поздние царицы Птолемеев приобретали все большую политическую значимость и становились более заметными, особенно Клеопатра II и Клеопатра III. Стоит отметить работы о взаимосвязи между архитектурными элементами и декором храмов, а также анализ корреляций между сценами и регистрами. Такое исследование декора пронаоса храма Хора в Эдфу, было представлено Э. Вассиликой[4]. Храмовая символика, также рассматривается С. Ковиль применительно к храмам в Эдфу и Дендере[5]. Однако С. Ковиль фокусируется главным образом на тематике сцен и изображенных божествах, а не на фигурах

[1] Robins G. Women in Ancient Egypt. Cambridge, 1993. P. 156.

[2] Quaegebeur J. Op. cit. P. 245–262.

[3] Quaegebeur J. Ptolemee II en adoration devant Arsinoe II divinisee. P. 191–217; Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis. P. 239–270; Quaegebeur J. Arsinoe Philadelphe, reine, “roi” et deesse, ä Hildesheim. P. 73–78; Quaegebeur J. Documents egyptiens anciens et nouveaux relatifs ä Arsinoe Philadelphe. P. 73–108.

[4] Vassilika E. The pronaos decoration of the temple of Horus at Edfu // Egyptian religion the last thousand years. Studies dedicated to the memory of Jan Quaegebeur / Ed. W. Clarysse. Leuven, 1998. P. 937–960. См. также Le temple d’Édfou, vols. I-VIII / Ed. E. Chassinat. Cairo, 1892-1933; Kurth, D. Die Säulendekoration im Tempel von Edfu // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1996. Bd. 23. S. 255–280.

[5] Cauville S. Essai sur la théologie du temple d‟Horus à Edfou. 2 vols. Le Caire, 1987; Cauville S. Le temple de Dendera: guide archéologique. Le Caire, 1990.

цариц. Отдельные сцены рельефов храмов также изучали Э. Винтер[1], С. Альберсмайер[2], М. Минас-Нерпель[3], Л. Марцзолф[4].

От времени Птолемея I Сотера сохранилось крайне мало храмовых рельефов. Его супруга Береника I представлена в ряду предков, начиная с правления Птолемея III Эвергета, то есть как уже умершая царица. Показателен пример рельефа на южной стороне ворот Эвергета в Карнаке[5], где представлен длинный ряд из сорока шести фигур, разделенный посередине солнечным диском. В правом конце этого ряда находится Береника I. Она изображена позади супруга Птолемея I, в трехчастном парике с уреем[6] и короне в виде высоких перьев (*šwty*)[7], солнечного диска и коровьих рогов. Обе руки царицы подняты в восхваляющем жесте. В левом

[1] Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln // Das ptolemäische Ägypten. Akten des internationalen Symposions 27–29 September 1976 in Berlin / Ed. H. Maehler, V. Strocka. Mainz am Rhein 1978. S. 147–160.

[2] Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten.

[3] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige…

[4] Martzolff L. Nouvelles scènes figurant des souveraines ptolémaïques officiant seules // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 2009. Vol. 136. P. 38–56.

[5] Приложение № 7.1. PM. II. 225, 1; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213, No. 29; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 242, 252; Winter E. Op. cit. P. 152; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 92, No. 27.

[6] Урей, или кобра, – это обозначение царицы как грозной защитницы царя. Урей – это извергающее огонь Око Ра. Урей также является Уаджит, богиней Нижнего Египта. Кобра и головной убор в виде грифа, таким образом, царицы часто носили вместе. Graves-Brown C. Dancing For Hathor. Women in Ancient Egypt. P. 131. Впервые в иконографии цариц урей появляется на рельефах V династии, став знаковым символом царского сана и привилегией матери царя. Постоянно появляется в иконографии цариц с XII династии. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии // Прекрасное и утилитарное на Востоке. От докерамического неолита до искусства ислама / отв. ред. Д. В. Дубровская, С. А. Зинченко. М.: ИВ РАН, 2024. С. 168–169.

[7] Царицы стали изображаться с перьями с XIII династии (на рельефах царицы-матери Иухетибу и царицы-супруги Сенебхенас при Себекхотепе III). Перья были заимствованы из иконографии царя (IV династия), а в царскую иконографию они попали из образов богов (прежде всего Хора). В текстах упоминается «венчание Хора перьями», что указывает на тесную связь этого атрибута с царской властью как воплощением Хора. Перья *šwty* изначально являлись атрибутом солярных и небесных богов (Монту, Амон, Хор) и, следовательно, служили символом царской власти. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии. С. 174–176.

конце ряда находится Арсиноя II, изображенная в трехчастном парике, головном уборе в виде грифа (*nrt*)[1], составной короне. Ее руки также подняты в восхваляющем жесте. Таким образом Береника I представлена в ряду обожествленных представителей династии.

Арсиною II часто изображали на храмовых рельефах, что было исследовано Я. Квегебером, а позже М. Нильсон[2]. Вопреки предположению Я. Квегебера, именно она, а не ее преемница Береника II, стала первой птолемеевской царицей, изображенной при жизни вместе с правящим царем в ритуальных сценах[3], что подтверждается сценой на архитраве наоса из Телль Атриба[4]. М. Нильсон анализирует около двадцати сцен, где представлена Арсиноя II в характерной составной короне, которую, кроме нее, будут использовать только Клеопатра III и Клеопатра VII[5].

---

[1] Самое раннее изображение царицы в головном уборе в виде грифа относится к IV династии: скульптурный портрет матери царя Хафра и рельеф с изображением царской супруги Хамерернебти II. Большаков В.А. Головной убор египетских богинь и царственных женщин в виде грифа: история происхождения и символика. С. 44. Дж. Тилдесли считает, что традиционно головной убор в виде грифа был атрибутом богини Нехбет, которая вместе с Уаджит считалась защитницей царя, возможно, даже матерью царя, поэтому, возможно, головной убор в виде грифа изначально предназначался для матери царя. Tyldesley J. The role of Egypt's dynastic queens // Women in Antiquity. Real women across the Ancient World / Eds. S.L. Budin, J.M. Turfa. London, 2016. P. 274.

[2] Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée; Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis; Quaegebeur J. Arsinoé Philadelphe, reine, 'roi' et déesse, à Hildesheim; Nilsson M. The crown of Arsinoë II…

[3] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 245–262, 254.

[4] Приложение № 7.2. Археологический музей в Стокгольме инв. № 10026. Albersmeier S., Minas-Nerpel M. Ein Weihrelief für die vergöttlichte Arsinoe II // Egyptian Religion. The Last Thousand Years. Part I. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur / Ed. W. Clarysse. Leuven, 1998. P. 7, 15.

[5] Nilsson M. Op. cit. P. 58–111. Р. Прейс и А. Дегремон в своем исследовании предприняли попытку показать, что на одном из рельефов (врата второго пилона, южный вход, 2-й регистр в храме Хонсу в Карнаке) в короне Арсинои II была изображена Клеопатра I, однако их теория нуждается в дополнительных подтверждениях. Preys R., Dégremont A. Cléopâtre I et la couronne d'Arsinoé: À propos des scènes de culte royal sur la porte ptolémaïque du 2ème pylône de Karnak // Documents de Théologies Thébaines Tardives (D3T 2). Cahiers Egypte nilotique et méditerranéenne (CENIM), vol. 8, Egypte Nilotique et Méditerranéenne (ENIM) / Ed. Ch. Thiers. Montpellier, 2013. P. 95–110.

На рельефах храма Исиды на о. Филе Арсиноя II, как правило, изображена позади богини Исиды, а перед ними Птолемей II совершает подношения. Арсиноя II изображается в трехчастном парике, головном уборе в виде грифа, составной короне, в руках она держит папирусовидный посох[1] и знак-анх[2]. В Карнаке стоит отметить четыре рельефа, где Арсиноя II также выступает одной из божественных фигур, принимающих дары, а также в роли царицы, стоящей за Птолемеем II во время приношения[3]. Аналогично изображениям из храма в Филе Арсиноя

[1] Данный посох (*wȝḏ*) встречается в иконографии богинь со времен II династии и чаще всего с ним изображалась Уаджит, чье имя (*Wʿḏyt*) также напоминает название посоха, а она ассоциировалась с процветанием и возрождением. В период XIX династии с ним изображаются львиноголовые богини Менхет, Тефнут, Ипет, Сехмет, и др. В иконографии цариц посох встречается в период IV династии (у царицы Хамерернебти II), затем единично в период Среднего царства (у царицы Ях). В Новое царство и до Птолемеев посох встречался только в иконографии богинь. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии. С. 184–182.

[2] Всего в храме Исиды семь рельефов с участием Арсинои II, принимающей дары наравне с богиней. Рельефы расположены в следующих локациях храма: (1) Приложение № 7.3. Ворота Птолемея II, северная перегородка, обращенная на восток, первый регистр и (2) Приложение № 9.4. Южная перегородка, обращенная на восток, нижний регистр, (3) Приложение № 7.5 Камера I, северная перегородка, восточная сторона, нижний регистр (4) Приложение № 7.6. Камера V, южная перегородка, западная сторона дверного косяка, (5) Приложение № 7.7. Камера VII, северная перегородка, восточная сторона двери, нижний главный регистр (6) Приложение № 7.8. Камера X, восточная перегородка, нижний регистр (7) Приложение № 9.9. Западная перегородка, нижний регистр. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45. Впервые такой ряд иконографических элементов (головной убор в виде грифа, папирусовидный посох и знак-анх) появляются у Хамерернебти II, царицы Древнего царства. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии. С. 167.

[3] Приложение № 7.10. Внутренняя сторона восточной перегородки, второй регистр снизу. PM. II. 226; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 257; Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 149. При этом стоит учитывать условность передачи пространства в монументальных изображениях: реальное положение царицы следует понимать не как стоящей позади, а рядом с царем. Такое композиционное расположение персонажей соответствовало правилам древнеегипетского искусства: владелец памятника (или более важное лицо) всегда показан первым, в то время как второстепенное лицо занимает второе место. См. Bolshakov V.A. Some Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. P. 48–51.

представлена в трехчастном парике, головном уборе в виде грифа, составной короне, с папирусовидным посохом-уадж и знаком-анх. На рельефе Врат Птолемея III близ храма Хонсу царица вместе с супругом принимает подношение от царя (Птолемея III)[1]. Таким же образом царица изображена на двух других рельефах: она стоит позади богов Амона и Хонсу, в то время как Птолемей II совершает всем им подношение в виде фигурки Маат[2]; также царица стоит позади бога Амона, пока Птолемей II совершает подношение[3]. В храме Хора в Эдфу иконография Арсинои II изменена: на рельефах отсутствует головной убор в виде грифа. На шести рельефах царица изображена позади своего супруга, в то время как Птолемей IV на трех из рельефов[4] и Птолемей VIII – на двух[5] подносят дары паре богов

[1] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 48, 50; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91, No. 26

[2] Приложение № 7.11. Восточные ворота рядом с храмом Рамсеса II (так называемые ворота Нектанеба или Баб-эль-Мелаха), восточная перегородка, сцена на перемычке. См. PM. II. 208; LdR. IV. 240; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213; Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 179; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91.

[3] Приложение № 7.12. Храм Хонсу, пилон, северная перегородка (перистильный двор), сцена на перемычке. PM. II. 229; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91 no. 25.

[4] (1) Приложение № 7.13. Внутренний гипостильный зал, западная перегородка, верхний регистр. PM. IV. 136; Le temple d'Édfou. Vol. II. P. 55, Vol. I Pl. XL; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter E. Op. cit. P. 149; Cauville S. Essai sur la théologie du temple d‟Horus à Edfou. Vol. I. P. 115; (2) Приложение № 7.14. Внутреннее святилище (A), восточная перегородка, средний регистр. PM. VI. 146; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 46; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 36; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; (3) Приложение № 7.15. Зал для жертвоприношений (внешний вестибюль, справа), северная перегородка, средний регистр (3-й снизу). PM. VI. 141; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 479; Quaegebeur 1970, 214, no. 34; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 90, No.19.

[5] (1) Приложение № 7.16. Коридор храма, западная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 156; Le temple d'Édfou. Vol. IV. P. 148; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 38; Winter E. Op. cit. P. 150; (2) Приложение № 7.17. Внешний гипостильный зал (C), восточная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 132; Le temple d'Édfou. Vol. III. P. 190–192, Pl. 63; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 32; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter 1978, 150; Cauville S. Op. cit. P. 134–

Филадельфов. На одном рельефе Арсиноя II, Птолемей II, Хатхор и Хор сидят перед Птолемеем IV, принимающем от божеств знак праздника Сед, а также картуши[1]. При этом Арсиноя в данной сцене изображена в короне из двух высоких перьев (*šwty*), солнечного диска и коровьих рогов, а в остальных вышеперечисленных рельефах – в типичной составной короне. Также царица вместо папирусовидного посоха, вторую руку поднимает в защитном жесте. Сохранился рельеф из храма Тота в Каср эль-Агуз, где боги Филадельфы получают дары от Птолемея VIII. Арсиноя II в трехчастном парике, головном уборе в виде грифа, составной короне, с папирусовидным посохом и знаком-анх в руках стоит за супругом[2].

Береника II, подобно Арсиное II, при жизни изображается вместе с царем в ритуальных сценах, а посмертно почитается с соответствующими царями вместе с Птолемеем III как пара божественных предков[3]. Так, в сцене в помещении у западной лестницы в храме Эдфу[4] Птолемей IV Филопатор приносит пищу в жертву Хору, Хатхор, Харсомтусу, а также своим царственным предкам – Птолемею III и Беренике II, Птолемею II и Арсиное II, Птолемею I и Беренике I. Береника I и Береника II стоят за супругами в трехчастных париках, коронах из высоких перьев, солнечных дисков и коровьих рогов. Арсиноя II изображена в

137, fig. 42; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91, No. 23.

[1] Приложение № 7.18. Коридор храма, восточная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 148; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 112; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 37; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Cauville S. Op. cit. P. 17.

[2] Приложение № 7.19. Внутреннее святилище, восточная стена, верхний регистр. PM. II. 529; LÄ. V. 40; Winter E. Op. cit. P. 151; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 30; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 214, No. 38; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 70–73.

[3] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 245–262, 254; Winter E. Op. cit. P. 147–160; Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 91.

[4] Северная перегородка, нижний регистр. Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 526.

трехчастном парике с уреем и составной короне. Все царицы держат в руках папирусовидные посохи и знаки анх[1]. В этой сцене следует отметить интересную путаницу с именами цариц: у первой птолемеевской пары ошибочно вписано имя Арсинои вместо Береники I в картуше царицы[2].

Хотя Береника II и не была первой царицей, изображенной при жизни вместе с царем, именно она впервые сопровождает птолемеевского царя в сценах получения лет правления[3]. Изображение на западной стороне врат Птолемея III в Карнаке, где Птолемей III и Береника II получают свои титулы и миллионы лет правления от бога Хонсу, является одним из наиболее известных примеров[4]. Береника II стоит позади супруга, держа в правой руке папирусовидный посох, а в правой – знак-анх. На ней корона с двумя перьями, рогами и солнечным диском. Изображение идентично рельефам с Арсинои II из храма в Эдфу за исключением составной короны. Аналогично, на другой стороне Врат Береника II изображена позади Птолемея III, однако здесь она уже не является пассивной спутницей, а преподносит лотосовые гирлянды сидящему богу Хонсу и богине Хут-Херет[5].

Интересный пример представлен на северной стороне пронаоса храма Исиды в Филе, на котором изображены царь, а за ним Береника будто бы с подчеркнуто

[1] Приложение № 7.20. PM. VI. 142; Winter E. Op. cit. P. 152; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 33; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252, No. 42; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 90, No. 20.

[2] Le Temple d'Edfou. Vol. IX. PI. 36a; Vol. XV. PI. 32; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 248. Winter E. Op. cit. P. 147–160, 152; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 137.

[3] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 72.

[4] Приложение № 7.20. Clère P. La porte d'Évergète à Karnak II. Le Caire, 1961. Pl. 43. Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 245–262, 254; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 162; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 128–129.

[5] Приложение № 7.22. Clère P. Op. cit. Pl. 16; Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 259–260.

выпирающим животом, подносящая богине дар в виде двух полей[1]. Береника поверх платья носит мантию, раздвинутую спереди, что подчеркивает ее живот[2]. В египетском искусстве с немного выпуклым животом изображали как мужчин, так и женщин, однако у Береники он выделяется за счет одежды и положения ноги, а, поскольку за семь лет у нее родилось шестеро детей, вряд ли в начале ее брака был период, когда она не была беременна[3]. Это изображение может отражать материнский аспект культа Береники II[4]. Рождение детей является религиозным долгом царицы, поскольку божественный ка, или жизненная сила, одного царя должна была передаваться следующему. Царя, который был воплощением Хора на земле и сыном Ра, также звали Камутеф (*kꜣ-mwt.f*, «бык своей матери»)[5]. Камутеф, обозначающий циклическое божественное возрождение, подчеркивает единство божественных отца и сына и, следовательно, династии. В соединении со своей царственной супругой царь производил на свет обновленную форму самого себя, став, таким образом, отцом и сыном, объединенными в одном лице. Царица играла

[1] Приложение № 7.23. Vassilika E. Ptolemaic Philae. Leuven, 1989. Pl. XXII D. Приношение полей – Сехет (*sḫt*) – это дар храму в виде дохода с определенных участков земли.

[2] Э. Вассилика обращает внимание, что выпуклость живота у Береники II изображена иначе, чем обычно у цариц, в том числе у Арсинои II, а именно это обусловлено положением переднего контура ближней ноги, который значительно смещен внутрь относительно переднего контура дальней ноги. Передний контур ближней ноги очерчивает тонкое, прямое бедро и продолжается за выпуклость живота, соединяясь с задней частью торса на талии. Vassilika E. Op. cit. P. 133. Также Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 130–131.

[3] Д.Л. Клейман утверждает, что Береника II была беременна во время царского визита на Филе. Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 164. Надпись на храме (OGIS I 61) отмечает посещение Эвергетами в сопровождении некоторых из их детей храма Исиды, где они совершили посвящение богине и ее сыну Харпократу. См. Bingen J. I. Philae I 4. Un moment d'un règne, d'un temple et d'un culte // Akten des 21. Internationalen Papyrologenkongresses: Berlin 1995 / Ed. B. Kramer, W. Luppe, H. Maehler. Stuttgart, 1997. P. 93–94; Clarysse W. The Ptolemies Visiting the Egyptian Chora // Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman Worlds: Proceedings of the International Colloquium, Bertinoro 19–24 July 1997 / Ed. L. Mooren. Leuven: Peeters, 2000. P. 37–38. Надпись была высечена в верхней части ворот, где ее могла видеть царская чета, входя в наос, и окрашена в красный цвет. См. Bingen J. Op. cit. P. 89–91.

[4] Cheshire W. Aphrodite Cleopatra // Journal of the American Research Center in Egypt. 2007. Vol. 43. P. 165.

[5] Leitz Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Vol. VII. 258c–260b.

жизненно важную роль в возрождении правителя как воплощения бога солнца на земле, что, вероятно, было признано при царском дворе в Александрии[1]. Демонстрация династического единства имела важное значение для новой правящей семьи, все цари которой носили имя первого царя этой династии Птолемея, тогда как, например, в период Рамессидов не все фараоны носили личное имя Рамсес.

Тема материнства и семьи еще более значима в маммиси, «доме рождения», рядом с храмом Исиды, построенном и украшенном при Птолемее III[2]. Это отдельное сооружение, посвященное рождению сына Исиды, Харпократа. Его история показана в рельефах, которые завершались на северной стене, измененной во время реставрации Птолемеем VIII. Однако наличие оставшихся картушей с царскими именами может свидетельствовать о том, что Птолемей III и Береника II возглавляли здесь шествие богов плодородия, следы этого ряда можно увидеть на западной и восточной стенах[3].

Следующая царица, Арсиноя III, представлена на сценах храма Аренснуфиса в Филе. Сцены примечательны тем, что изображают только Арсиною III, приносящую дары богине Хатхор[4]. Первая сцена расположена на восточной стене южной стороны помещения III, а вторая – на отдельном каменном блоке, который в настоящее время находится перед тем же святилищем[5]. Царь изображен на соседних сценах или в симметричных рельефах, расположенных рядом с этими сценами. Кроме того, в надписи, относящейся к царице, упоминается личное имя

[1] Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 121.
[2] Daumas F. Les mammisis des temples égyptiens. Paris, 1958.
[3] Приложение № 7.24. Vassilika E. Op. cit. P. 38–43.
[4] Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight // Power Couples in Antiquity: Transversal Perspectives / Ed. A. Bielman Sánchez. London, 2019. P. 80. Со времен Древнего царства Хатхор выступает как мать и супруга царя. На изображениях в Дейр эль-Бахри она защищает царя или просто стоит позади него, что напоминает рельефы, где эти же роли исполняют птолемеевские царицы.
[5] Приложение № 7.25–26. См. базу данных SERaT, № 340053 и 340055. Beinlich H., Hallof J. Einführung in das Würzburger Datenbanksystem SERaT. Würzburger, 2007.

царя. Это позволяет точнее определить роль Арсинои III в религиозном контексте: она выступает не как самостоятельная фигура, а как партнер царя. Согласно Г. Хельблю и М. Минас, возросшее влияние царственных женщин в политической жизни способствовало появлению их одиночных изображений перед божествами[1]. И, хотя Арсиноя III не обладала реальной политической властью, она, по-видимому, играла заметную роль при дворе. На это указывают ее присутствие на поле битвы при Рафии[2], а также вмешательство в дела греческих городов, например в Феспии[3]. Эти необычные для эллинистической царицы действия действительно можно рассматривать как признаки ее особого статуса, что могло повлиять на ее изображение перед богами[4].

Наибольшее количество изображений Арсинои III происходит из храма Хора в Эдфу[5]. Строительство этого памятника началось при Птолемее III Эвергете, а украшение интерьера наоса было выполнено в правление Птолемея IV Филопатора[6]. При анализе этих рельефов важно учитывать статус Арсинои III:

---

[1] Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 93–94. Если Арсиноя III изображена в одиночку перед богами два раза, то Клеопатра III – семь раз. Клеопатра VII появляется на рельефах перед богами более двадцати раз. Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 143–144.

[2] 3Macc.1.4; Polyb. V.83.1.3. См. также Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 18–19; 27–28.

[3] Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ // Клио. 2025. № 8(224). С. 202–203; Barbantani S. Ptolemaic women's patronage of the arts // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London, 2020. P. 114.

[4] Идентичная сцена, изображающая царицу, приносящую жертву божеству, была обнаружена в храме в Каср эль-Гуэйт. Датировка других рельефов на этом объекте позволяет предположить, что он относится к периоду правления Птолемея IV; таким образом, мы вновь встречаем Арсиною III наедине с богами. К сожалению, плохая сохранность барельефа не позволяет уверенно подтвердить эту идентификацию. См. Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital Crises or Institutional Crises? Two Ptolemaic Couples Under the Spotlight. P. 81.

[5] Joliton V. Arsinoé III dans les temples ptolémaïques, la légitimation d'une dynastie hellénistique: continuités et changements // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique / Eds. G. Lenzo, Ch. Nihan, M. Pellet. Tübingen: Mohr Siebeck, 2022. P. 151.

[6] Cauville S., Devauchelle D. Les mesures réelles du Temple d'Edfou // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1984. Vol. 84. P. 23–34.

появляется ли она в виде обожествленной предшественницы династии или как действующая супруга царя. Только четыре рельефа представляют ее посмертное изображение, всегда в контексте сцен поклонения предкам, датируемых правлением Птолемея VIII. На остальных рельефах, созданных при Филопаторе[1], Арсиноя III представлена как жена правящего царя, стоящая позади него во время принесения даров богам. Таким образом, Арсиноя III сопровождает Птолемея IV в ритуале, не принимая непосредственного участия, и именно царь остается главным действующим лицом. В этом отношении ее образ контрастирует с образом Арсинои II, которая изображена преимущественно в роли обожествленной царицы, в том числе на рельефах, созданных при Птолемее Филадельфе. Из более чем девяноста изображений Арсинои III, большинство расположено на стенах храма, однако значительная часть встречается и на внешних дверных проемах различных помещений святилища[2]. Здесь на колоннах находится сразу девять изображений Арсинои III[3]. Рельефы на колоннах повествуют о принятии Хором Бехдетским царской власти как законным наследником своего отца. В. Жолитон считает, что, изображения правящей пары на тех же колоннах могли символизировать преемственность власти и непрерывную связь между богами и царями[4]. В храме

[1] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan: Il tempio tolemaico di Isi. Pise, 1978.

[2] Реже всего рельефы с Арсиноей встречаются на цокольных панелях, карнизах или архитравах. Joliton V. Arsinoé III dans les temples ptolémaïques, la légitimation d'une dynastie hellénistique: continuités et changements. P. 151. Таким образом, основное святилище и зал Эннеады (центральный вестибюль), являются основными местами для изображения царицы. Далее следуют помещение-уабет, зал явлений (внутренний гипостиль). Cauville S. Essai sur la théologie du temple d‘Horus à Edfou. Vol. I. P. 84–86. Присутствие царской жены на рельефах в уабет объясняется функцией этого помещения, посвященного празднованию нового года, имевшему ключевое значение для царского культа. Приложение № 7.27–28. Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XXXIII a, b. Alliot M. Le Culte d’Horus à Edfou au temps des Ptolémées. Le Caire, 1954. P. 303–433; Daumas F. Sur trois représentations de Nout à Dendera. Le Caire, 1951. P. 382–400; Fairman H.W. Worship and Festivals in an Egyptian Temple // The Bulletin of the John Rylands Library. 1954. Vol. 37. P. 183–189. Внутренний гипостиль также связан с новогодней процессией и различными культовыми центрами Египта. Cauville S. Op. cit. 116–128.

[3] Приложение № 7.29–37. Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL j–k.

[4] Joliton V. Op. cit. P. 156.

Хора в Эдфу Арсиноя III, таким образом, изображена в помещениях, где основной смысл рельефов – утверждение царской власти правящей четы.

Само изображение Арсинои III имеет типичные черты египетской иконографии цариц: она носит облегающее платье, ожерелье-усех, диадему с уреем и головной убор в виде грифа. Корона может состоять либо из двух прямых перьев, либо из комбинации солнечного диска, коровьих рогов и двух перьев, что, в свою очередь, отсылает к богиням Хатхор и Исиде[1]. Царица обычно держит знак-анх в одной руке, а другой совершает защитный жест[2]. В сценах принятия власти Арсиноя III иногда держит папирусовидный посох-уадж[3]. Однако в целом ее иконография не указывает на особый религиозный статус, в отличие от Арсинои II Филадельфы, в изображениях которой появляется особая составная корона.

Начиная с Клеопатры I, женщины в птолемеевской династии постепенно приобретали все больший политический вес[4]. Так, Клеопатра I после смерти Птолемея V в 180 г. до н.э. исполняла обязанности регента при своем малолетнем сыне Птолемее VI до 176 г. до н.э. Впервые в истории Птолемеев царица официально занимает более высокое положение, чем царь, однако в египетских храмовых рельефах этот факт не получил прямого отражения. Кроме того, правление Птолемея V сопровождалось восстаниями в Фиваиде, поэтому в крупных храмах Верхнего Египта в этот период было создано немного рельефов[5].

---

[1] Grenier J.C. Deux documents au nom de Césarion // Hommages à Jean Leclant: Etudes isiaques, vol. 3 / Éds. C. Berger, G. Clerc, N. Grimal. Le Caire, 1994. P. 250, 254.

[2] Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 141.

[3] Preys R. Roi vivant et roi ancêtre: iconographie et idéologie royale sous les Ptolémées // Édités par Christiane Zivie-Coche, Offrandes, rites et rituels dans les temples d'époques ptolémaïque et romaine. Actes de la journée d'études de l'équipe EPHE (EA 4519) «Égypte ancienne: Archéologie, Langue, Religion» Paris, 27 juin 2013 / Ed. C. Zivie-Coche. Montpellier, 2015. P. 170–171.

[4] Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches. Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Großen bis zur römischen Eroberung. S. 185; Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit, 332-30 v.Chr., München, 2001. S. 538, 540. Whitehorne J. Cleopatras. P. 86.

[5] Lanciers E. Die ägyptischen Tempelbauten zur Zeit des Ptolemaios V. Epiphanes (204-180 v.Chr.), Teil 1. S. 81–98; Lanciers E. Die ägyptischen Tempelbauten zur Zeit des Ptolemaios V. Epiphanes (204-180 v.Chr.), Teil 2. S. 173–182. Сохранилось несколько надписей с упоминанием Клеопатры I. В

Как и Береника I, Клеопатра I известна – по крайней мере в контексте египетских храмовых изображений – исключительно по сценам поклонения своим предкам[1].

Клеопатра II, сестра-супруга сначала Птолемея VI, а затем Птолемея VIII, в отличие от своей матери Клеопатры I, многократно изображалась при жизни с царем. Тройственное правление Птолемея VI, Птолемея VIII и Клеопатры II, равноправных братьев и сестры, отражено в сцене в пронаосе храма Хатхор в Дейр эль-Медине, где они предстают перед богами Амоном-Ра, Амоном и Амаунет[2]. Птолемей VI носит белую корону Верхнего Египта, Птолемей VIII – красную корону Нижнего Египта. Это изображение символизирует кратковременное совместное правление двух братьев. Клеопатра II стоит позади братьев, хотя она была замужем за Птолемеем VI и правила с ним до того, как к ним присоединился младший брат, и упомянута последней в надписи над ними[3]. Клеопатра изображена в короне из высоких перьев, солнечного диска и коровьих рогов. Эта иконография демонстрирует совместное правление двух царей, тогда как Клеопатра II дополняет мужской элемент, что соответствует египетской религиозной традиции, но не

храме Хора в Эдфу есть две современные правлению царицы надписи, указывающие на возросший статус Клеопатры I: в южной части пояса подвала комнаты V, украшенного после окончания восстания в 186 г. до н.э., упоминается Эпифан с его полной пятичленной титулатурой, в северной части – его жена Клеопатра I, также с ее полной титулатурой. Такое же разделение царя и царицы встречается на двух дверных косяках вестибюля уабет: на южном – полная титулатура Птолемея V, на северном – Клеопатры I. М. Минас-Нерпель считает, что это разделение царских имен, до этого момента не встречавшееся для периода Птолемеев, подчеркивает возросший престиж царицы, поскольку она выделена как соправительница в соответствующей части храма. Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 139. Все проекты, начатые при Птолемее V, были закончены только при последующих царях. Dieter A. Temples of the Last Pharaohs. Oxford, 1999. P. 179–180.

[1] Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. S. 8–10, 14, 18, 22.

[2] Приложение № 7.38. PM. II. 403; du Bourguet P. Le temple de Deir al-Medina. Le Caire, 2002. P. 97, No. 103; Huß W. Op. cit. S. 545; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 67; Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 268–269, Fig. 9.7.

[3] du Bourguet P. Op. cit. P. 91, No. 100.

отражает политическую реальность[1]. В 170–164 гг. до н.э. из-за политической нестабильности[2] украшение храмов практически не осуществлялось. Однако при оформлении храма в Дейр эль-Медине египетские жрецы изобразили необычную царскую комбинацию несмотря на то, что представление двух равных царей и одной царицы противоречило традициям египетской иконографии.

Династические отношения стали еще более сложными, когда Птолемей VIII в 142 г. до н.э. женился на своей племяннице Клеопатре III, дочери своих брата и сестры – Птолемея VI и Клеопатры II[3]. В отличие от первого случая – совместного правления трех потомков Птолемея V в 170–164 гг. до н.э. – эта тройственная комбинация правителей направлена на укрепление Египта во внешней политике (т.е. против Селевкидов), а возникла из личных амбиций Птолемея VIII. Изображения тройственного правления Птолемея VIII и двух жен засвидетельствованы в храме Ком-Омбо[4], в храме Опет в Карнаке[5], в маммиси в

[1] Minas-Nerpel M. Ptolemaic Queens in Egyptian Temple Reliefs… P. 812.

[2] Как считает М. Минас-Нерпель, Птолемей VI, Птолемей VIII и их сестра правили совместно не для решения вопроса о законном престолонаследии, а, чтобы объединить царскую семью и их сторонников и подготовиться к войне с Сирией. Царская идеология о том, что только один царь и его жена должны или могут править Египтом, была отменена не ради легитимного и контролируемого престолонаследия, а по практическим и политическим причинам. Оно служило пропагандистским целям для укрепления царской семьи и возвращения птолемеевских владений. Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil 1. P. 51–78; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. P. 87–121.

[3] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige… P. 145–147.

[4] Приложение № 7.39. Внутренний гипостильный зал, на цоколе северной стены, см. Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I / Eds. J. De Morgan et al. Vienna, 1894. P. 453, и южной стены см. Ibid. P. 427. Приложение № 7.40. Внутренний гипостильный зал, на северной стене в первом регистре см. Ibid. P. 462.

[5] Восточная стена, третий регистр, центральная часть, см. запись в PM. II. 250.

Эдфу[1] и в храме Исиды в Филе[2]. Все эти рельефы входят в единый декоративный цикл, где три правителя изображены вместе, преимущественно в сценах получения от богов лет правления[3] (основные регистры в Ком-Омбо, Эдфу), или в сценах почитания предков (Филе)[4].

Однако Клеопатра II никогда не удостаивалась посмертного культа, о чем позаботилась ее собственная дочь Клеопатра III, ее прямая соперница в борьбе за власть. Клеопатра III пережила мать примерно на 15 лет и, по-видимому, предала ее проклятию памяти (damnatio memoriae)[5]. Обе – мать и дочь – оказали значительное влияние на политику страны.

Птолемеи VI и VIII активно осуществляли строительную деятельность, благодаря чему этот период ознаменовался расцветом храмового зодчества. Клеопатра II и Клеопатра III, соответственно, часто изображаются вместе с ними. Клеопатра II в некоторых ритуальных сценах стоит позади брата-супруга. Примером может служить рельеф в гипостильном зале храма Себека и Хароэриса (Хор-ура) в Ком-Омбо, где бог Хор передает царской чете оружие, держа при этом в другой руке знак *ḥb-sd*[6]. Клеопатра II во всех ритуальных сценах, где показаны обе царицы вместе, всегда изображена перед своей дочерью Клеопатрой III.

---

[1] Приложение № 7.42. Южная стена, первый регистр, третья сцена. Chassinat E. Le Mammisi d'Edfou. Le Caire, 1910. Pl. XIII; PM. VI. 173 (83–86); Minas-Nerpel M. Koregentschaft und Thronfolge: Legitimation ptolemäischer Machtstrukturen in den ägyptischen Tempeln der Ptolemärzeit // Orient und Okzident in hellenistischer Zeit. Beiträge zur Tagung „Orient und Okzident – Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit" / Eds. F. Hoffmann, K.S. Schmidt. Vaterstetten, 2014. P. 155–157.

[2] Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil 1. P. 51–78; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. P. 87–121.

[3] Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 147–160.

[4] Lenzo G. A Xoite Stela of Ptolemy VIII Euergetes II with Cleopatra II and Cleopatra III (British Museum EA 612) // The Journal of Egyptian Archaeology. 2015. Vol. 101. P. 232–233.

[5] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige… P. 640.

[6] Приложение № 7.41. Gutbub A., Inconnu-Bocquillon D. Kom Ombo I. Les inscriptions du naos (sanctuaires, salle de l'ennéade, salle des offrandes, couloir mystérieux). Le Caire, 1995. P. 13–15, No. 14; PM. VI. 189; Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I. No. 462; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. S. 96–100.

Иконографически обе – как и большинство птолемеевских цариц – неотличимы друг от друга, хотя их детали их нарядов и украшений могут незначительно различаться[1]. Только на основе сопроводительных надписей возможно понять, где изображена мать, а где – дочь[2]. В этом контексте примечателен рельеф из храма в Филе[3], где царицы различаются не только формой париков и наручных украшений, но и – что существенно – жертвенной позой: Клеопатра II совершает возлияние вином, тогда как Клеопатра III поднимает правую руку в молитвенном жесте, держа левую опущенной. Клеопатра II, первая из цариц, лично приносит жертву богам, а не просто сопровождает царя в этом ритуале. Благодаря этому жесту и характеру дара Клеопатра II получает преимущество перед своей дочерью, что говорит о ее приоритетном положении.

Если обе царицы не могли быть изображены в одной сцене из-за ограниченности пространства, их помещали в зеркально соответствующие композиции, как это видно на западной и восточной наружных стенах наоса в Эдфу[4]. На восточной стене бог Тот дарует Птолемею VIII, Клеопатре II и наследнику годы правления, юбилеи; на соответствующем месте западной стены в почти идентичной композиции – Птолемею VIII, Клеопатре III и наследнику[5]. В отличие от сцены в храме в Дейр эль-Медине, здесь центральное внимание уделено

[1] Приложение № 7.41. Например, в сцене в Ком-Омбо во внутреннем гипостиле. PM. VI. 189: Птолемей VIII стоит с Клеопатрой II и III перед Хароэрисом, причем одежды двух жен немного различаются.

[2] Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 1. P. 51–78; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. P. 87–121.

[3] Приложение № 7.43. Храм Исиды, гипостиль, северная стена, правая сторона, нижний регистр. PM. VI. 234; Hölbl G. Altägypten im römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel II. Die Tempel des römischen Nubien. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2004. S. 14; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. S. 105–107.

[4] Le temple d'Édfou. Vol. X. P. 93; Vol. XIII. P. 446 (восточная); Le temple d'Édfou. Vol. X. P. 87; Vol. XIII. P. 439 (западная); Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI... Teil. 2. P. 87–89.

[5] Приложение № 7.44–45. Minas-Nerpel M. Op. cit. P. 87–121; Le temple d'Édfou. Vol. XIII. Pl. 346, 349. О наследнике см. Minas-Nerpel. M. Ptolemaic queens in egyptian temple reliefs: intercultural reflections of political authority, or religious imperatives? P. 815–820.

теме династической преемственности, а также демонстрации единства птолемеевской семьи. Примечательно, что включение наследника в подобную ритуальную сцену было весьма необычным не только для Птолемеевского периода, но и для египетской династической традиции[1].

Особого внимания заслуживают два рельефа из Карнака, где Клеопатра III изображена в составной короне Арсинои II. Первый рельеф находится на четвертом пилоне, справа от входа[2]: Птолемей VII, Клеопатра совершают подношения богу Хапи. Второй – на правой стороне двери гипостильного зала, ведущей в зал барки[3]: царская чета приносит дары Хонсу. Клеопатра III изображена в трехчастном парике с уреем и в составной короне Арсинои II, в руках же она держит знак-анх и плохо различимый предмет. Можно предположить, что изображение демонстрирует отождествление Клеопатры III с богиней Арсиноей II, а не просто предлагает отсылку к могущественной и влиятельной предшественнице.

Также возрастающая значимость Клеопатры III в сакральном пространстве проявляется на сцене из маммиси в храме Дейр эль-Медины[4]. Клеопатра III преподносит цветы и вопреки традиции изображена перед Птолемеем IX, то есть ближе к божествам – Амону-Ра, Мут и Хонсу. Даже в расположенной выше фризовой надписи Клеопатра III названа перед пятичастной царской титулатурой своего сына. Однако собственно жертвенное действие – приношение фигурки Маат – совершает стоящий позади Клеопатры сын, последовательно речи Мут и Хонсу обращены к нему. Г. Хёльбль считает, что это могла быть попытка осмысления того, что мать царя была фактической правительницей, однако довлеющие

[1] Редкий пример – знаменитая сцена подношений в храме Абидоса, где Сети I возжигает благовония семидесяти шести своим предкам, начиная с Менеса. PM. VI. 25, 229–230.

[2] Приложение № 7.46. PM. II. 79 (202 j).

[3] Приложение № 7.47. Ibid. Pl. XX. Приложение № 7.47.

[4] Приложение № 7.48. PM. II. 407; du Bourguet P. Le temple de Deir al-Medina. Le Caire, 2002. No. 182, 183; Caßor-Pfeiffer S. Zur Reflexion Ptolemäischer Geschichte in den Ägyptischen Tempeln unter Ptolemaios IX. Philometor II./Soter II. und Ptolemaios X. Alexander I. (116–80 V. Chr.). Teil 2: Kleopatra III. Und Kleopatra Berenike III. Im Spiegel Der Tempelreliefs // Journal of Egyptian History. 2008. Vol. 1. S. 242.

традиции египетского изобразительного искусства не позволили передать ритуальные действия от мужчины-царя к царице[1].

Дополнительные свидетельства храмового культа также фиксируют высокий политико-религиозный статус Клеопатры III[2]. Так, на фасаде святилища храма Нехбет в Эль-Кабе она изображена в трехчастном парике с уреем и короне с двумя высокими перьями (*šwty*)[3], солнечным диском и коровьими рогами. По обеим сторонам входной двери Клеопатра встряхивает систрами перед богиней Нехбет[4] с целью умиротворения божества и снискания благоволения. Над ее изображением находятся тронное и личное имена Птолемея IX, что подчеркивает формальную связь с фараоном. Сам царь изображен на входных воротах храма[5], но его картуши оставлены пустыми. То есть типичная сцена, состоящая из приносящего жертву

[1] Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 93.

[2] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210.

[3] Трудно судить о высоте перьев, так как часто они подгонялись под доступное пространство для изображения. Точное значение этого головного убора неясно, но, как считает Дж. Тилдесли, оно предполагает связь как с солярными культами (благодаря чему эта корона сохранилась и в Амарнский период), так и с богами Амоном, Монту и Мином, каждый из которых носит высокие перья. Tyldesley J. The role of Egypt's dynastic queens. P. 274. Интересно, что первоначально данный элемент служил отличительным атрибутом именно царицы-матери, подчеркивая ее первенство перед царицей-супругой, что для Клеопатры III было особенно актуально. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии. С. 174–176.

[4] Приложение № 7.49. Derchain Ph. El Kab: Les monuments religieux a l'entree de l'ouady Hellal. Bruxelles, 1971. P. 6–7. Pl. 14; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 77–78; Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 93. Похожий сюжет из Малого храма в Абу Симбеле изображает царицу Нефертари, которая также держит систры перед богинями Хатхор и Мут. PM. VII. 114. (20). Данный систр (*sššt*), голова которого выполнена в форме наоса (или храмового портала) известен еще с Древнего царства. Постоянным атрибутом царской супруги систр становится с периода Рамессидов. Подробнее о сценах с систром см. Большаков В.А. Царственные женщины-«систрофоры»… С. 27.

[5] Derchain Ph. Op. cit. P. l–5. Pl. 11. Возникают ассоциации с царицей Анхнесмерира II, матерью Пиопи II. На скалах Синайского полуострова царица запечатлена в одиночку, Пиопи II только упоминается по имени. Пиопи II вступил на трон ребенком, и Анхнесмерира была его регентшей. Как справедливо замечает О.В. Томашевич, сушествует много примеров подобной иконографии для времени Нового царства: Тетишери с внуком Яхмосом, Яххотеп с сыном Яхмосом, Яхмос-Нефертари с сыном Аменхотепом I. Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов… С. 318.

царя и стоящей позади него, потрясающей систром царицы пространственно разделена. С помощью этого создается впечатление, что царица тем самым становится самостоятельной фигурой в таком месте, которое кажется более важным, чем ворота перед ним[1]. Таким образом, именно Клеопатра помещена ближе к божеству – на фасаде святилища, тогда как фараон остается на периферии[2]. Этот и другие примеры показывают, что царица постепенно выходит на первый план в храмовой декоративной программе, занимая более значимое положение в сакральном пространстве. В Эль-Кабе она, изображена ближе к богам, чем сам царь, в Ком-Омбо – уже как самостоятельная жертвующая фигура[3]. В соответствующей второй сцене представлен Птолемей IX. Пространственное разделение фигур подчеркивает ее автономию, однако, несмотря на эту символическую независимость, Клеопатра III оставалась лишь соправительницей царя: как в Александрии среди греко-македонской элиты царица Клеопатра III не обходилась без царя, так и в египетской культовой традиции в ритуальных сценах с богами нельзя было совсем отказаться от фигуры мужчины-царя.

К этому добавляется чрезвычайно интересный фрагмент колонны в Ком-Омбо, на котором изображены два рельефа: на одном Клеопатра III совершает возлияние из сосуда перед Хонсу, на другом Птолемей IX — из двух сосудов перед Панебтауи[4]. Ритуальное действо, таким образом, распределено между обеими представителями правящей четы.

В заключение стоит рассмотреть сцену из храма Монту в Эль-Тоде, где представлен целый ряд цариц и царей династии Птолемеев, стоящих перед Птолемеем VIII, который совершает возлияние и воскурение благовоний, а

[1] Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 93.

[2] Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 144.

[3] Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. II. Nr. 915, 1063; Caßor-Pfeiffer S. Op. cit. S. 242.

[4] Приложение № 7.50. Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. II. Nr. 10634 Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 94.

Клеопатра II стоит позади него. Ряд обожествленных правителей перед ними включает несколько женских фигур, которые идентифицированы как Клеопатра I, Арсиноя III, Береника II и Арсиноя II[1]. Хотя рельеф плохо сохранился – особенно повреждены лицо и руки Клеопатры II из-за трещин и следов поздней резьбы, – основные черты ее образа можно различить: она носит трехчастный парик, убор в виде грифа, урей и царскую диадему-сешед. Она одета в традиционное облегающее платье и держит два удлиненных букета из папируса и лотоса. Перед ней стоит Птолемей VIII, а далее на двух регистрах расположены изображения божественных предков. В верхнем регистре за двумя восседающими на тронах мужчинами помещены две женские фигуры с идентичными атрибутами – трехчастными париками, царскими диадемами-сешед и уреями. Обе держат знаки-анх, причем вторая фигура подняла руку в защитном жесте. Хотя картуши не сохранились, можно с высокой вероятностью предположить, что здесь изображены Клеопатра I и Арсиноя III.

Из двух женских фигур в нижнем регистре по составной короне, а также по сохранившейся подписи идентифицирована Арсиноя II. Она стоит, подняв руку в защитном жесте, в другой руке держит знак-анх. Вторая женская фигура нижнего регистра в трехчастном парике, с уреем и царской диадемой-сешед держит руку в защитном жесте, а сохранившийся текст позволяет идентифицировать ее как Беренику II.

[1] Приложение № 7.51. PM. V. 167; Tôd (1934 à 1936) / Ed. F. Bisson de la Roque. Le Caire, 1937. P. 22–24; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 191–217, No. 31; Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 41–54, No. 39; Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 147–160, 151; Grenier J.-C. Ptolémée Évergète II et Cléopâtre II d'après les textes du temple de Tôd // Alessandria e il mondo ellenistico - romano / Eds. N. Bonacasa, A. Di Vita. Roma, 1992. P. 33; Thiers C. Tôd: Les Inscriptions du temple ptolémaique et romain. Vol. II. Le Caire, 2003. No. 318; Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 74–76.Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 65; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 267–268.

Как показывают эти и другие сцены, птолемеевские царицы играли важную роль в ритуальной иконографии. В большинстве случаев, когда они сопровождали царя, они изображались на втором месте без участия в жертвоприношении, держа в руках символические предметы – систр, цветы и т. п. Это соответствовало древнеегипетской традиции, восходящей к изображениям цариц Нового царства и Позднего периода, в частности к иконографии Нефертити и Нефертари. Однако в соответствии с новыми историческими обстоятельствами – например, при изображении наследника престола или при браке царя с двумя женами в привычные сцены были внесены модификации. Когда роль цариц (в особенности Клеопатры II и III) в политике заметно возросла, их начали изображать не только как спутниц, но и как самостоятельных фигур, совершающих ритуальные действия[1]. Тем не менее, даже в таких сценах царь всегда присутствовал – либо непосредственно, либо имплицитно – через надпись или картуш.

Начиная с Береники II, птолемеевские царицы иногда появляются на храмовых рельефах как активные участницы. При Клеопатре III этот мотив достигает кульминации: ее положение матери двух последовательных царей – Птолемея IX и Птолемея X – получает исключительное отражение на храмовых рельефах. Уже со времени Древнего царства царские матери изображались вместе с правителем[2], хотя для птолемеевской иконографии образцом можно считать, прежде всего, изображения цариц Нового царства[3]. Клеопатра III, как весьма влиятельная фигура при дворе сначала своего дяди-мужа, а затем двух сыновей,

[1] Само по себе изображение царицы, совершающей жертвоприношение не является новшеством для египетской иконографии и зафиксировано во времена Нового царства. Bolshakov V.A. Some Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. P. 45–57.

[2] На стеле из Коптоса царь VI династии Пепи I предстает со своей матерью Ипут перед богом Мином. Radwan A. Die Darstellungen des regierenden Königs und seiner Familienangehörigen in den Privatgräbern der 18. Dynastie, Berlin, 1968. S. 92.

[3] При XIX династии Рамсес II на рельефе, вероятно, происходящем из Мемфиса и ныне находящемся в Вене, сопровождается своей матерью Туи, которая не просто пассивно держит систр, но и стройный сосуд, вероятно, для совершения возлияния. Музей истории искусств Вены инв. № 5091. Radwan A. Ramses II und seine Mutter vor Osiris // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1978. Bd. 6. S. 157–161.

уже играла в сакральном пространстве храмов более весомую роль, чем предшествующие ей царицы Птолемеев, так что активное участие в ритуалах и подчеркнутая самостоятельность более напоминают цариц Хатшепсут и Нефертити.

Таким образом, изображения птолемеевских цариц в храмовых сценах опиралось на старые египетские традиции, хотя при этом иконографию постоянно адаптировали к новым реалиям. В связи с этим при Птолемеях появляются храмовые рельефы, где царская чета стоит не перед богами, а перед своими же обожествленными предками, иногда они составляют целый ряд вплоть до богов Сотеров. Это объясняется прежде всего стремлением к династической преемственности. При этом необходимо было выразить актуальные политические отношения внутри династии, например, в случае троецарствия. Это повлияло на композиционное расположение храмовых рельефов – например, когда одну супругу изображали на одной стене, а другую – на зеркально противоположной. В целом птолемеевские царицы унаследовали все атрибуты цариц Нового царства и Позднего периода, которые, в свою очередь, заимствовали их у богинь (Хатхор, Исиды, Нехбет, Уаджит). Храмовые рельефы, будучи довольно консервативным видом искусства, с многовековыми устоявшимися образами, ориентированными в первую очередь на египетское население, не демонстрируют существенных инноваций в облике цариц. В частности, отсутствуют такие атрибуты как двойной или одинарный рог изобилия, греческие стефана, одежда и прически, отсутствуют также следы отождествления Клеопатры III с Исидой как ее живого воплощения. Однако, именно следование традиционным способам изображения египетских царственных женщин обеспечивало органичное существование культа птолемеевских цариц в египетской среде.

§ 3.1.2. Стелы

Важным источником для изучения иконографии птолемеевских цариц являются стелы, создававшиеся на протяжении всего правления династии – как для

обнародования царских постановлений, так и для частных целей, связанных с религиозной практикой[1]. Часть стел сопровождается надписями, позволяющими установить их назначение и датировку; другие же, нередко незавершенные, вообще лишены текста. В подобных случаях необходимо опираться на анализ изображений и контекст находки, хотя последнее нередко невозможно определить. Стелы с изображениями птолемеевских цариц представляют собой важное доказательство культового статуса последних. Характерные атрибуты на этих памятниках – аналогичные тем, что встречаются на храмовых рельефах и в изобразительном искусстве малых форм (например, на ойнохоях) – позволяют установить, с какими богинями ассоциировалась царица.

Наиболее ранняя известная стела с изображением царицы Птолемеев датируется 270 г. до н.э. и хранится в ГМИИ им. Пушкина[2]. На ней представлена сцена подношений: Птолемей II изображен справа от алтаря, а Арсиноя II – слева. Царица показана в трехчастном парике и головном уборе в виде грифа, поверх которого помещена т.н. корона Арсинои – составная корона с солнечным диском, обрамленным коровьими рогами, высокими перьями и двумя уреями по бокам. Над головным убором изображена красная корона Нижнего Египта[3]. Корона завершается горизонтальными бараньими рогами, что отсылает к иконографии Амона[4]. Благодаря массивной короне фигура Арсинои II оказывается выше фигуры Птолемея II. Царица облачена в традиционное египетское облегающее платье; в левой руке она держит длинный папирусовидный посох-уадж, в правой – знак-анх[5]. Иконография царицы полностью соответствует египетской традиции изображения женских божеств: знак-анх и посох – являются традиционным атрибутом богинь[6].

[1] Rowell S.M. Cleopatra III: a Revisionist View. P. 21–23.
[2] Приложение № 8.1. Стела инв. № 5375. Hodjash S., Berlev O. The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin museum of fine arts. P. 184–186.
[3] Nilsson M. The crown of Arsinoë II... P. 80
[4] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 251
[5] Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoé II divinisée. P. 191–193.
[6] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the cult of the Ptolemaic queens. P. 53.

Картуши с именами правящей четы не оставляют сомнений в идентификации изображенных фигур.

Особое значение имеет Пифомская стела[1], датируемая 264 г. до н.э.[2], на которой представлена обожествленная Арсиноя II в составной короне. Ее изображение полностью согласуется с изображениями на других стелах, а также с храмовыми рельефами. Памятник уникален тем, что содержит первое, хотя и фрагментарно сохранившееся, изображение Арсинои II в одеянии с узлом Исиды[3]. В верхнем регистре стелы представлена сцена подношений: Птолемей II воздает почести египетским богам и своей обожествленной супруге, дважды изображенной в центре композиции спиной к спине[4]. В правой части сцены царь подносит Маат, Атуму, Осирису, Хору, Исиде и Арсиное II; в левой части – совершает возлияние Атуму, Исиде и Арсиное II[5]. Два идентичных изображения царицы расположены в центре сцены, неизменно позади Исиды. Арсиноя II представлена в трехчастном парике, головном уборе с грифом, составной короне и традиционном египетском облегающем платье. В руках она держит знак-анх и папирусовидный посох-уадж[6]. Совокупность этих элементов – атрибутов, наряда, – по мнению Д. Плантзоса, указывает на ассоциацию Арсинои II с богиней Исидой[7].

Пифомская стела фиксирует царский визит к восточным границам Египта, в ходе которого Птолемей II и Арсиноя II посетили Герополис (Пифом) с целью

---

[1] Приложение № 8.2. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22183 / JE 37547. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville. P. 223–236; Naville E. La stèle de Pithom // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1902. Vol. 40. P. 66–75; Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. P. 157–167.

[2] О датировке стелы см. Minas-Nerpel M. Die Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit. S. 203–212.

[3] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 129; Об одеянии с узлом Исиды см. §3.1.3.

[4] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 122.

[5] Minas-Nerpel M. Op. cit. P. 204.

[6] Nilsson M. The crown of Arsinoë II… P. 73; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 123–124.

[7] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 392–394.

осмотра пограничных укреплений, организации восстановительных работ на ирригационных сооружениях, возвращения статуй, вывезенных в период персидского владычества, и возведения храма Арсинои[1]. Царь также выделил часть налога с виноградников и садов (ἀπομοίρα) для обеспечения культа Арсинои Филадельфы[2]. Присутствие Арсинои в данной поездке демонстрировало согласие, гармонию и единство волеизъявления царской четы, таким образом публичный образ птолемеевской монархии приобретал дуалистичный характер, и становился сосредоточенным на царственной чете, а не только на фигуре царя[3].

Так называемая Большая стела Мендеса (265–264 гг. до н.э.)[4], также изображает царственную чету, Арсиноя II представлена на ней дважды. Слева она, держа в руках знак-анх и систр, сопровождает Птолемея II. Царь совершает подношение мирры божеству города Мендес в облике барана, которого греки отождествляли с Паном[5]. Одновременно царица изображена справа в составной короне, с папирусовидным посохом-уадж и знаком-анх[6]. Содержащийся на стеле указ фиксирует божественный статус Арсинои II и учреждение ее культа в египетской среде. Таким образом, Арсиноя предстает как супруга, участвующая в царском религиозном ритуале, и одновременно как богиня[7].

---

[1] Nilsson M. Op. cit. P. 383.

[2] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 103; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire. Vol. I. P. 89, 108–109. Koenen L. The Ptolemaic king as a religious figure. P. 66–69.

[3] Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 90; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 124.

[4] Приложение № 8.3. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22181. Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. No. 1310; Cheshire W. Zur Deutung eines Szepters der Arsinoe II Philadelphos. P. 109. No. 39; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 6.

[5] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 201.

[6] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 121. Традиционные горизонтальные бараньи рога, являющиеся частью составной короны Арсинои II на данной стеле четко не видны, однако остались их очертания. Thompson D.B. Op. cit. P. 203.

[7] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 109. На монетах, отчеканенных примерно в это время, изображена Арсиноя II с бараньим рогом чуть ниже ее правого уха, и, хотя его часто интерпретируют как рог бога Амона (см. Gkikaki M. The Royal sibling marriage of Ptolemy II and Arsinoe II: incestuous and yet holy. P. 118), возможно, что он также связывал ее с богом Мендеса,

Меднесская стела свидетельствует, что вскоре после смерти Арсинои II в 270 г. до н.э.[1], Птолемей II (на пятнадцатом году правления) издал указ о возведении культовых статуй Арсинои II во всех египетских храмах[2]. Также Арсиноя II была провозглашена «богиней, разделяющей храмы» с другими египетскими божествами (σύνναος θέα), поэтому в каждом египетском храме следовало установить ее статую[3].

На Малой стеле Мендеса[4] божественные атрибуты Арсинои хорошо сохранились. На рельефе представлен Птолемей II в церемониальном одеянии с бычьим хвостом, совершающий подношение священному барану на высоком пьедестале и божествам: Хнуму, Исиде и Арсиное II, находящейся среди богов[5]. Арсиноя II изображена позади Исиды, завершая ряд фигур в сцене. Царица представлена в трехчастном парике, головном уборе с грифом и составной короне. Она облачена в традиционное облегающее платье, держа в руках знак-анх и папирусовидный посох[6].

подчеркивая тем самым ее близкие отношения с этим конкретным богом, жрицей которого она была при жизни. См. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 129.

[1] Macurdy G.H. Hellenistic queens... P. 128; О дискуссии относительно даты смерти Арсинои II см. Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. P. 136–141; van Oppen de Ruiter B. The death of Arsinoë II Philadelphus: the evidence reconsidered. P. 139–150.

[2] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 134.

[3] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 43, 45; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 84; Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 437. Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra… P. 121; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 115–116.

[4] Приложение № 8.4. Национальный музей Шаркея в Херритат-Разнах, инв. № H 854. Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 13; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. No. 112; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 15.

[5] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 122.

[6] Nilsson M. Op. cit. P. 78.

Стела из Королевского музея Онтарио[1] содержит изображения Птолемея II и Арсинои II. Царь совершает подношение женской фигуре слева – царице. Она обращена вправо, одета в традиционное египетское платье и трехчастный парик. В правой руке, отведенной назад, Арсиноя II держит посох, увенчанный знаком-анх. Данная поза отличается от положения посоха у египетских божеств, держащих его перед собой, и может отражать эллинистическое влияние, напоминая изображения Афины, которая держит копье аналогичным образом[2]. Левой рукой Арсиноя II совершает возлияние над рогатым алтарем, расположенным в центре сцены. Рогатые алтари появляются в египетских памятниках с персидского периода и получили широкое распространение на Ближнем Востоке в эллинистическую и римскую эпохи; их изображения характерны для ритуальных ойнохой, где царица также представлена совершающей возлияние[3]. Стела не содержит надписей, присутствует пустой картуш, вероятно, предназначался имени царицы, но при этом составная корона с горизонтальными бараньими рогами позволяет идентифицировать фигуру как Арсиною II[4]. Вероятно, стела была установлена в смешанной греко-египетской общине, возможно, в Файюме, для отправления культа Птолемеев[5].

Стела из музея в Брюсселе по композиции сходна с Малой стелой Мендеса, однако степень ее сохранности хуже[6]. Птолемей II у левого края стелы в красной короне Нижнего Египта поднимает руки в жесте жертвоприношения, но предметы в руках неразличимы из-за сильных повреждений камня. Текст стелы практически утрачен. Сильная степень повреждения фигур царя и двух божеств затрудняет

[1] Приложение № 8.5. Инв. № 979.63. Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 44, 46; Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. P. 112; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 73.

[2] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 25.

[3] Ibid. P. 20; § 2.1.2.

[4] Nilsson M. Op. cit. P. 82–83.

[5] Caneva S. Ruler cults in practice... P. 86

[6] Приложение № 8.6. Инв. № E. 8387; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Cheshire W. Zur Deutung eines Szepters der Arsinoe II Philadelphos. P. 109.

идентификацию адресатов подношений Птолемея II. Тем не менее, вторая фигура обладает признаками женского божества: традиционное платье и корона с коровьими рогами и солнечным диском – атрибуты, характерные для Хатхор или Исиды. В опущенной руке она держит знак-анх, другая рука поднята в защитном жесте. Позади богини расположена Арсиноя II в одеянии с драпированным покрывалом, составной короне и трехчастном парике с головным убором в виде грифа. В руках царица держит знак-анх и папирусовидный посох-уадж[1].

Идея династической преемственности продемонстрирована в сцене, где царственная чета изображена перед обожествленными предшественниками, как на стеле из Ком эль-Хисн[2]. В левой части закругленной вершины стелы, которая представляет собой версию Канопского декрета, изображено воздание божественных почестей Птолемею III, его супруге Беренике II и их рано умершей дочери Беренике[3]. Птолемей III в двойной короне и церемониальных одеждах и Береника II находятся в центре, затем следует божественная пара Тот и Сешат и обожествленные предки династии: Птолемей I и Береника I (боги Сотеры); непосредственно перед ними помещены Птолемей II и Арсиноя II (боги Адельфы)[4].

---

[1] Nilson M. Op. cit. P. 79, 613.

[2] Приложение № 8.7. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22186 / JE 37548. Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. P. 96; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 254, 257; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 110. Ср. также с воротами Эвергета в Карнаке. Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 135; О возможной связи между декорированием стелы Ком эль-Хисн и храма Хонсу в Карнаке см. Preys R. Le culte des Ptolémées dans les temples égyptiens: les décrets royaux et la décoration des temples // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique: continuités et changements / Ed. G. Lenzo, C. Nihan, M. Pellet. Tübingen: Mohr Siebeck, 2022. P. 175–177.

[3] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 48; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 162, fig. 10; van Oppen de Ruiter B. Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship. P. 38; Wins V. The state ideology of the Ptolemies: Origins and influences. P. 150–151; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 132.

[4] Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 247; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. P. 133; Hölbl G. Op. cit. P. 110.

Царицы изображены с посохами-уадж и знаками-анх, маркирующими их божественный статус[1]. Арсиноя II идентифицируется в ряду по характерной составной короне[2]. На правой стороне рельефа Птолемей III и Береника II стоят перед египетскими божествами; сопроводительная надпись содержит обещание покровительства от обожествленных предков царской четы[3]. Таким образом, Птолемей III и Береника II получают санкцию на правление как от своих предшественников, так и от богов[4].

Стела, датируемая 222–204 гг. до н.э.[5] была обнаружена в нише святилища из сырцового кирпича в Танисе. Изображенная на ней царская чета не совершает подношений, но пребывает в обществе божественной триады: Мина, Харсиеса (Хора, сына Исиды) и богини-кобры Уаджит[6]. Частично сохранившиеся знаки в

[1] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 118.

[2] Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 169.

[3] Lorber, Coinage of the Ptolemaic Empire, 150. Интересно композиционное расположение пар в этой сцене. В то время, как Птолемей III стоит напротив персонификации третьего египетского нома, главным божеством которого была Хатхор, Береника II как бы уравновешивает композицию и стоит позади своего мужа точно на том же месте, которое занимает Хатхор в противоположном ряду. Это может намекать на символическую связь между Береникой II и Хатхор. Кроме того, на рельефе из храма Хонсу в Карнаке (Приложение № 7.22) Береника преподносит лотосовые гирлянды, в то время как Птолемей дарит сосуды, сидящему Хонсу в сопровождении богини Хут Херет, формой Хатхор, конкретно указывающей на ее роль небесной богини, связанной с плодородием и изобилием. Л. Ллевеллин-Джонс отмечает, что Хатхор в целом удостаивается особых почестей на вратах Эвергета, появляясь чаще, чем любая другая богиня. См. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 258–260.

[4] Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra… P.171. Центральными культовыми предписаниями декрета были: введение культа «богов-Благодетелей» и праздника в честь царя Птолемея и царицы Береники в день восхода звезды Исиды (Сотис), обожествление умершей дочери Птолемея III и Береники II и ее почитание вместе с богом Осирисом в храме Канопа. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 132; Ладынин И.А. Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х-нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации. С. 226–239.

[5] Приложение № 8.8. Британский музей, инв. № EA1054. Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 106 –107; PM. IV. 24; Coutts H. Gold of the Pharaohs… P. 91; Myśliwiec K. Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX. P. 85.

[6] Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 76. Первоначально царь и царица идентифицировались как Птолемей II и Арсиноя II. См. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P.

картушах и иконографические особенности указывают, что изображенный царь и царица – это Птолемей IV и Арсиноя III[1]. Примечательно отсутствие у Арсинои III египетского трехчастного парика, вместо этого волосы царицы изображены вьющимися локонами, а это греческий вариант прически. Соответственно, стелу можно считать одним из ранних примеров интеграции греческой прически в памятник, выполненный в египетской традиции[2]. Отсутствие датирующих надписей и небольшие размеры стелы (высота 0,76 м) свидетельствуют о ее вероятном использовании в локальном или частном культе[3].

Наиболее известное изображение Арсинои III сохранилось на стеле из Мемфиса, содержащей текст Рафийского декрета 217 г. до н.э.[4]. Рельеф изображает Птолемея IV Филопатора, скачущего верхом и поражающего длинным копьем склонившегося противника, отождествляемого с Антиохом III. Царя сопровождает Арсиноя III в образе Исиды: в облегающем платье, головном уборе в виде грифа, высокой короне из двух перьев, солнечного диска и коровьих рогов; в ее руках – знак-анх и посох-уадж[5]. Данная иконография подчеркивает не только божественный статус царицы, но и ее роль защитницы. Сцена, где царская чета изображена в одиночестве перед врагами, является новаторской для синодальных декретов, где, как правило, царь и царица стоят перед богами и предыдущими

45; Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 9–31; Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 391.

[1] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 22, 37; Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. S. 72, 98, 198.

[2] Brissaud P., Zivie-Coche C. Tanis: travaux récents sur le tell Sân el-Hagar: Mission française des fouilles de Tanis, 1987-1997. Nice, 1998. P.110; Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 76

[3] Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight. P. 74.

[4] Приложение № 8.9. Египетский музей в Каире, инв. № CG 31088/JE 35635. Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166… P. 15–16; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. P. 218–219 No. 31088.

[5] Thissen H.-J. Studien zum Raphiadekret. Meisenheim am Glan, 1966. Pls. 1–2; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 163; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 482.

представителями династии[1]. Образ царя-воина, динамичный и исполненный воинственной энергии, восходит к храмовым сценам царей Нового царства, где правитель поражает врагов, однако без присутствия супруги[2].

Декрет также предписывает, что в храмах будут установлены статуи царской четы, перед которыми будет помещена статуя, изображающая местного бога, вручающего царю меч. Стоит отметить сцену на стеле из Пифома, где Атум действительно протягивает руку к царю, держа меч[3]. Копия Мемфисской стелы[4], обнаруженная в Пифоме, также содержит текст Рафийского декрета, однако отличительной чертой является македонское одеяние Птолемея IV[5]. На вершине обеих стел Птолемей IV поражает врагов Египта; Арсиноя III представлена позади него как царица-покровительница[6].

Следует заметить, что античные источники не содержат негативных оценок действий Арсинои III. Напротив, рельефы на стелах Пифома и Мемфиса, изображающие царицу позади атакующего царя, визуализируют ее роль в битве при Рафии и выражают официальное одобрение ее поступка[7]. Данный иконографический тип является исключительным для Арсинои III: эти стелы

---

[1] Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight. P. 73.

[2] Примеры, где царица сопровождает царя в военных – рельефы с участием царицы Нефертити и Нефертари-Меритенмут. Подробнее см. Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства. С. 35–36; Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 64.

[3] Preys R. Le culte des Ptolémées dans les temples égyptiens: les décrets royaux et la décoration des temples. P. 178–179.

[4] Существует также третья копья декрета – это фрагмент, найденный в Тоде. Однако он исчез вскоре после его обнаружения (1934–1936), но был опубликован на основе фотографий. Malinine M. Pierres d'Egypte // Revue d'Égyptologie. 1960. T. I. P. 77–90.

[5] Приложение № 8.10. Египетский музей в Каире, инв. № CG 50048. Gauthier H. Un nouveau décret trilingue ptolémaïque. P. 376–383; Gauthier H., Sottas H. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV.

[6] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 163; Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra… P. 205.

[7] Hölbl G. Op. cit. P. 163–164; Sewell-Lasater T.L. Op. cit. P. 214.

представляют собой редкие случаи изображения птолемеевской царицы в военном контексте, а не в ритуальной сцене[1].

В продолжение анализа сцен военного характера с изображением цариц, следует рассмотреть две копии Мемфисского декрета 182 г. до н.э. Первая из них хранится в Египетском музее Каира[2]. Сюжет изображения аналогичен предыдущей стеле: царь замахивается, однако уже не копьем, а булавой над коленопреклоненным пленником со связанными за спиной руками. Позади супруга изображена царица, Клеопатра I, в короне с солнечным диском, обрамленным коровьими рогами и двумя высокими перьями. Она представлена с поднятой в защитном жесте правой рукой, в левой руке держит знак-анх[3]. Напротив, Птолемея V Эпифана изображена фиванская триада – Амон, Мут и Хонсу, за которой следует божественная пара Филопаторов – Птолемей IV и Арсиноя III в головном уборе с двумя высокими перьями, держащая папирусовидный посох в левой руке и знак-анх в правой. Стела происходит предположительно из Навкратиса и, согласно исследованию Ж. Йойотта, может быть недостающим зеркальным аналогом так называемой стелы из Нубарии[4].

---

[1] Приложение № 8.11. Bielman-Sánchez A. Op. cit. P. 54. В этой статье Бьельман-Санчес утверждает, что это единственное изображение птолемеевской царицы в военном контексте, однако Клеопатра I была изображена схожим образом на Мемфисском декрете (CG 22188), что А. Бьельман-Санчес обсуждает в более поздней статье: Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Réflexions à propos de la régence féminine hellénistique: l'exemple de Cléopâtre I // Studi ellenistici. 2015. Vol. XXIX. P. 165.

[2] Приложение № 8.13. Инв. № RT 2/3/25/7; Daressy G. Un décret de l’an 23 de Ptolémée Épiphane. P. 1–8; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. P. 183–187. Pl. 62–63; Sethe K. Zur Geschichte und Erklärung der Rosettana. S. 284–297; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 101.

[3] Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 A.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901. Montpellier, 2015. P. 8.

[4] Yoyotte J. L'Égypte ancienne et les origines de l'antijudaïsme // Annuaire du Collège de France. 1993–1994. Vol. 94. P. 690–692.

Вторая копия Мемфисского декрета также хранится в Египетском музее Каира, где она размещена в нише напротив первой[1]. Данный экземпляр обнаружен в Асфун-эль-Матане (Верхний Египет). Состояние сохранности аналогично стеле из Египетского музея в Каире (RT 2/3/25/7): поверхность сильно повреждена, нижняя часть текста утрачена. Рельеф изображает Птолемея V, заносящего булаву над коленопреклоненным пленником. Позади царя – Клеопатра I, поднимающая правую руку в защитном жесте[2]. Однако, в отличие от первой копии, здесь изображен единственный бог – Хармахис с головой сокола, увенчанный солнечным диском с уреем. Он обращен к царю и вручает ему меч-хепеш[3]. В обоих случаях Клеопатра I, подобно Арсиное III, изображена позади супруга, поддерживая его[4].

Таким образом, подобно тому, как победа при Рафии стала важнейшим достижением Филопаторов, подавление Фиваидского восстания стало ключевым триумфом для Эпифанов. Следовательно, на памятниках, увековечивающих эти победы, обе царицы представлены в роли спутницы и защитницы.

Стела из Нубарии, также известная как «Надпись из Даманхура»[5] сохранилась удовлетворительно. Полностью уцелевшее арочное завершение

---

[1] Приложение № 8.12. Инв. № JE 44901; Daressy G. Un second exemplaire du décret de l'an 23 de Ptolémée // Recueil detravaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1916–1917. Vol. 38. P. 175–179.

[2] Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte Le Décret de Memphis (182 A.C.)... P. 10

[3] Crawford D.J. Ptolemy, Ptah and Apis in Hellenistic Memphis // Studies in Ptolemaic Memphis / Eds. D. J. Crawford et al. Leuven, 1980. P. 34.

[4] Данные сюжеты имеют параллели в египетском искусстве Нового царства. Стоит вспомнить, например, иконографию царицы Нефертари, главной жены Рамсеса II. На рельефе в Малом храме Абу-Симбела Нефертари стоит позади царя, когда он поражает врагов Севера и Юга. См. PM. VII. 113 (15) и (21). Примечателен также пример с царицей Нефертити, которая на рельефе изображена поражающей врага параллельно с аналогичной сценой с участием Эхнатона. Dooney J.D. Amarna reliefs from Hermopolis in American collections. New York, 1965. P. 82, 84.

[5] Приложение № 8.11,13. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22188. Стела из Эль-Нибейры и стела Мемфисского декрета (Египетский музей, инв. № RT 2/3/25/7) предположительно, происходят из великого храма Амона-Ра, расположенного в египетском южном квартале. См. Leclère Fr. Les villes de Basse Égypte au Ier millénaire av. J.-C… P. 132. Согласно гипотезе Ж. Йойотта, на стеле был изначально декрет 196 г. до н.э., однако после восстания в Саисском номе,

справа содержит изображение Птолемея V Эпифана и Клеопатры I. Напротив правителя изображен бог Шу, вручающий ему победный меч-хепеш, за ним следует процессия божеств, включая Тефнут и три пары предков династии[1]. Картуши рядом с фигурами остаются пустыми, однако иконографические признаки позволяют предположить, что фигуры изображают божественные пары Филопаторов, Адельфов и Сотеров.

Стела из Британского музея[2] изображает подношение Птолемеем VIII богини Маат, олицетворяющей космический порядок. Богиня представлена в виде миниатюрной сидящей фигурки, которую Птолемей VIII протягивает Амону-Ра, Мут и Хонсу, так называемой фиванской триаде. Царя сопровождают Клеопатра II и Клеопатра III, увенчанные коронами с коровьими рогами, солнечным диском и двумя высокими перьями[3]. Датировка стелы охватывает периоды совместного правления трех представителей династии: либо 141–132 гг. до н.э., либо 124–116 гг. до н.э.[4].

Стела была воздвигнута для демонстрации связи фараона с жречеством, возможно, по случаю дарения храму в городе Ксоис. Таким образом, стела представляет собой ценный источник, фиксирующий отношения между местным жречеством и царской властью: кто бы ни был ее заказчиком, исключительная историческая ситуация с тремя правителями – царем и двумя царицами – была учтена на стеле[5].

на стелу нанесли текст нового Мемфисского декрета 182 г. до н.э. Зеркальное расположение двух стел по обе стороны храма, следовательно, объясняло бы необычную ориентацию знаков на стеле из Эль-Нибейры. См. Yoyotte J. L'Égypte ancienne et les origines de l'antijudaïsme. P. 690–692.

[1] Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cults of the Ptolemaic Queens. P. 49; Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Réflexions à propos de la régence féminine hellénistique: l'exemple de Cléopâtre I. P. 165.

[2] Приложение № 8.14. Инв. № EA612; Budge W. A Guide to the Egyptian Galleries (Sculpture). P. 260.

[3] Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 79.

[4] Lenzo G. A Xoite Stela of Ptolemy VIII Euergetes II with Cleopatra II and Cleopatra III (British Museum EA 612). P. 225–231.

[5] Ibid. P. 236–237.

Значительным памятником данного периода является стела из Гераклейона, обнаруженная в 2001 г. при подводных раскопках в Абукирской бухте и опубликованная К. Тьером в 2009 г.[1]. Монументальная стела (высота 6,17 м; ширина 3,14 м) содержит иероглифические и греческие надписи, из которых греческая часть сохранилась фрагментарно[2] Поверхность стелы, разбитой на многочисленные фрагменты и сильно пострадавшей от морской воды, сохранила около четверти текста; тем не менее, уцелевшие участки позволяют реконструировать ключевые элементы содержания. Памятник выполнен в египетской изобразительной традиции, содержит царский протокол, восхваления царской чете и информацию о делах жречества Гераклейона[3]. Дата на стеле утрачена, но К. Тьер относит ее к периоду между 118 и 116 гг. до н.э., главным образом из-за присутствия в верхней части стелы бога Неоса Филопатора и упоминаний его имени в тексте[4]. В левой половине изображены Птолемей VIII, Клеопатра II и Клеопатра III, обращенные к Амону-Ра, Мут, Арсиное II, Неосу Филопатору и кобре с головой крокодила[5]. Согласно реконструкции К. Тьера, в утраченной правой половине предположительно находились Птолемей VIII, Клеопатра II и Клеопатра III, обращенные к Амону-Ра, Хонсу и обожествленным предкам: Птолемею VI Филометору, Птолемею Эвпатору, Птолемею V, Клеопатре I, Арсиное II и быку (вероятно, Апису)[6].

Стела из Гераклейона представляет собой один из двух известных памятников (наряду со стелой Британского музея EA612) с изображением Птолемея VIII, Клеопатры II и Клеопатры III. Сильная степень повреждения верхней части ограничивает возможности детального сравнения. Однако в левой

[1] Приложение № 8.15. Морской музей Кайтбей в Александрии, инв. № SCA 529. Thiers C. La stèle de Ptolémée VIII Evergète II à Héracléion. Oxford, 2009.
[2] Thiers C. Op. cit. P. 4–9; Lenzo G. Op. cit. P. 233.
[3] Egypt’s sunken treasures / Eds. F. Goddio, M. Clauss. Berlin, 2006. P. 112.
[4] Thiers C. Op. cit. P. 2–5. Верхняя часть стелы разделена на две симметричные половины.
[5] Egypt’s sunken treasures. P. 113.
[6] Thiers C. Op. cit. P. 4–5.

части обе царицы изображены с поднятой в защитном жесте рукой и знаком-анх в другой руке, что соответствует их представлению на стеле из Британского музея (EA612). Симметричность композиции указывает на вероятное присутствие двух цариц и в утраченной правой части стелы из Гераклейона[1].

На стеле 115 г. до н.э. из Асуана[2] фрагментарно сохранилась верхняя секция, где фигуры изображены, согласно египетской традиции, при этом на стеле высечена надпись на греческом языке. Надпись увековечивает царский визит на втором году совместного правления Птолемея IX и Клеопатры III и упоминает привилегии, дарованные жрецам храма Хнума. На стеле видно, что Клеопатра III одета в традиционное египетское одеяние и держит в руках папирусовидный посох и знак-анх, те же атрибуты держит Птолемей IX.

Стелы, как и храмовые рельефы, преимущественно выполнялись в египетской изобразительной традиции. Однако появлялись новые элементы, такие как одеяние с узлом Исиды или прическа по греческому образцу, как и на некоторых статуях. Центральной особенностью иконографии оставалось сближение образов цариц с богинями Исидой, Хатхор и Маат, которая выражалась через сакральные атрибуты: корону с солнечным диском и коровьими рогами, двумя высокими перьями, папирусовидный посох, знак-анх, – и включение цариц в ряд обожествленных предков династии[3].

Единство царственной пары выражалось через композиционную симметрию: царицы изображались идентично размеру, а иногда и позе царя, сопровождая его в военных сценах или совместно участвуя в жертвоприношениях[4]. Военные контексты, уникальные для птолемеевских декретов, представляли цариц

[1] Lenzo G. Op. cit. P. 233.

[2] Приложение № 8.16. Британский музей инв. № EA1020. Parkinson R.B. Cracking Codes: The Rosetta Stone and Decipherment. University of California Press. 1999. Fig. 9.

[3] Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra… P. 46.

[4] Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Réflexions à propos de la régence féminine hellénistique: l'exemple de Cléopâtre I. P. 165.

активными защитницами царя, что восходит к сюжетам Нового царства[1]. Парные изображения Птолемеев с божественными атрибутами способствовали их ассоциации с парами Осириса и Исиды[2]. Поздние стелы визуально адаптировали эту модель для сложных политических реалий (правление трех представителей династии), сохраняя иконографическое равноправие женских фигур[3].

Таким образом, иконография стел служила способом публичной репрезентации божественной природы монархии, в которой царица являлась неотъемлемой частью повествования о военной мощи и династической преемственности[4].

§ 3.1.3. Статуи цариц

В жреческих декретах содержатся четкие указания о создании культовых статуй царей и цариц для культового почитания. Так, в Мендесском декрете описывается статуя Арсинои II, заказанная царем после ее обожествления, как богини, разделяющей храм. В декрете говорится, что позолоченное изображение должно быть установлено в святилищах всех храмов Египта наряду с другими богами[5]. В декретах правления Птолемея V Эпифана упомянута культовая статуя Клеопатры I, которую надлежит выносить вместе со статуей царя и других богов во время процессий, и золотое святилище, инкрустированное драгоценными камнями, которое должно быть создано для статуй царя и царицы и которое будет

[1] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 163–164; Sewell-Lasater T.L. Op. cit. P. 214.
[2] Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage. P. 291–292; Sewell-Lasater T.L. Op. cit. P. 75.
[3] Lenzo G. A Xoite Stela of Ptolemy VIII Euergetes II with Cleopatra II and Cleopatra III (British Museum EA 612). P. 233.
[4] Carney E.D. Being Royal and Female in the Early Hellenistic Period. P. 203.
[5] Приложение № 8.3. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22181. Urk. II. P. 28–54; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 73–108, no. 6. Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181). P. 64–65; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 115–116.

находиться в святая святых вместе с другими богами[1]. Таким образом, культовые статуи, упомянутые в декретах, находились внутри храма, куда имели доступ только жрецы, и которые выносились только во время торжественных процессий. Данные статуи изготовлялись из драгоценных материалов: золота с драгоценными инкрустациями. К сожалению, материальных свидетельств существования этих статуй не сохранилось. Поэтому в данном разделе речь пойдет о статуях, находившихся во внешней части святилищ, доступных для обычных людей, а также о посвятительных статуях.

Несмотря на новые идеи, привнесенные правлением Птолемеев, традиционная египетская царская скульптура сохранила свои основные характеристики. Материалы, размеры, типы статуй и царские атрибуты в подавляющем большинстве случаев соответствуют древним традициям. В отдельных случаях прослеживается влияние греческих изобразительных традиций. Так, были введены новые атрибуты, главным образом рог изобилия, а также драпированные одежды и греческие прически[2]. На египетских статуях стали появляться надписи на греческом языке, что изменило эпиграфическую практику. Кроме этого, известны три конкретных случая, когда источники фиксируют создание новой иконографии. Во-первых, это посмертное обожествление Арсинои II: двойной рог изобилия стал ее индивидуальным атрибутом, в то время как для изображений, выполненных в египетской традиции, была создана особая корона. Во-вторых, посмертное обожествление юной Береники, дочери Птолемея III Эвергета, после ее преждевременной смерти: в Канопском указе прописано создание не только ее культа, но и особого головного убора. В-третьих, введение в

[1] Приложение № 8.11. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22188. Daressy G. Un décret de l’an 23 de Ptolémée Épiphane. P. 1–8; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. P. 183–187, Pl. 62–63; Sethe K. Zur Geschichte und Erklärung der Rosettana. P. 284–297; Daumas F. Les moyens d'expression du grec et de l'égyptien... P. 6–7; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 101. О том, почему данные статуи можно считать именно культовыми, см. Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples // Proceedings Ekklesiastikos Pharos. 2014. Vol. 1. P. 48–49.

[2] Из новых элементов, относящихся к египетской традиции, стоит отметить тройной урей.

конце III в. до н.э. прически с локонами для цариц и одеяния с узлом Исиды, о котором необходимо упомянуть отдельно[1].

В современной историографии этот элемент костюма все чаще трактуется как визуальный символ отождествления правительниц с богиней Исидой[2]. Однако вопрос о том, являлся ли данный узел исключительным атрибутом богини, или же представлял собой элемент ритуальной одежды, остается дискуссионным. В научной традиции сложились две основные линии интерпретации. Первая непосредственно связывает узел с Исидой и рассматривает его как узнаваемый атрибут богини, который был перенесен на фигуры цариц[3].

Вторую линию предложил Р.С. Бианки, доказывает, что одеяние с узлом над правой грудью является исконно египетским, не связанным по происхождению ни с греческим влиянием, ни с культом самой Исиды. В частности, автор рассматривает три статуэтки в подобном одеянии, которые посвящены Амону и Хатхор, и делает вывод, что одеяние с узлом не являлось маркером принадлежности к культу Исиды[4]. Сам термин «узел Исиды» автор призывает использовать с осторожностью. Однако Р.С. Бианки абсолютизирует единичные примеры, игнорируя массовую тенденцию, а кроме того, не учитывает, что посвящение статуэтки Арсинои II в этом платье[5] Амону не исключает связь царицы с Исидой[6].

---

[1] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 70.

[2] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 389–416; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 120.

[3] Ibid.

[4] Bianchi R.S. Not the Isis Knot // Bulletin of the Egyptological Seminar. 1980. Vol. 2. P. 9–31.

[5] Приложение № 9. 27. Scott N.E. Egyptian Statuettes. Fig. 36; Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. P. 115.

[6] Арсиноя II действительно обладала титулом «дочь Амона» (*sꜣt ỉmn*): Храм Тота (Дакка): LD. IV. 17c; LdR. IV. 239. Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 106; Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240. Храм Хонсу в Карнаке: LD. III. 57–58; Urk. II. 107, 155; LdR. IV. 240. Основа статуи из Коптоса: Urk. II. 108; LdR. IV 241. Поэтому посвящение ее статуэтки этому богу типично, и при этом не нивелирует, к примеру, двойной рог изобилия в руке Арсинои II, заимствованный изначально из иконографии богини Тюхе и связывающий царицу с коннотациями изобилия и процветания.

Одним из символов Исиды действительно является узел. Амулет-тит в форме петли с двумя свисающими концами ткани, связанный с Исидой со времени Древнего царства, использовался вместе со столпом-джед Осириса, воплощая идею единства божественных принципов жизни и возрождения. Материал амулета – красная яшма или сердолик – усиливал его ассоциации с кровью и жизненной силой, а само его название – «Кровь Исиды» – отражало магико-ритуальное значение предмета. В египетской магии узел выполнял функцию защитного оберега[1].

При этом в классических изображениях Исиды узел как элемент одежды действительно отсутствует. Богиня обычно представлена в облегающем платье с широкими лямками, без дополнительных драпировок. Таким образом, узел появляется как самостоятельный символ, но не как часть костюма. Следовательно, египетская традиция демонстрирует парадокс: узел Исиды существовал как знак, но не как деталь ее одежды, поэтому необходимо понять, как одеяние цариц Птолемеев с узлом было связано с этой традицией.

Одеяние цариц Птолемеев, скорее всего, происходит из женского костюма египетской знати Позднего периода, которое в свою очередь считается адаптацией мужского трехчастного одеяния этого времени. В данном случае узлы выполняли практическую функцию застежки, не обладая сакральным смыслом. Их изображение встречается также в искусстве кушитского периода, что указывает на широкое распространение технического приема.

Однако в эпоху Птолемеев произошел семантический перенос: сакральное значение, которое было заключено в символическом узле-амулете «тит» могло быть перенесено на реальный узел женской одежды. По нашему мнению, это произошло в период формирования культа цариц, в связи с чем, этот символ воплотился в одеянии. Ключевую роль здесь сыграла Арсиноя II, которая первой систематически изображалась в платье с узлом и ассоциировалась с Исидой.

[1] Andrews C. Amulets of Ancient Egypt. Austin, 1994. P. 9.

Самым ранним памятником, где царица изображена в данном одеянии, считается стела из Пифома, на которой Арсиноя II названа «образом Исиды и Хатхор» (*tit ʾIst Ḥwt-Ḥr*)[1]. По мнению Д. Плантзоса и М.П. Фрейзера, данный памятник свидетельствует об отождествлении царицы с богиней[2]. Еще один пример – рассмотренная выше стела из Британского музея с изображением Арсинои III[3], а также статуи Клеопатры III[4]. Кроме этого, Исида в этот период также изображается в одеянии с характерным узлом.

На статуях птолемеевских цариц одеяние с узлом сочетается с другими атрибутами – рогом изобилия, уреем, систром и знаком-анх. Наличие этих признаков позволяет интерпретировать ее фигуру как сакральную, и вполне логично, что одеяние, в котором также изображалась сама Исида в этот период, могло также иметь сакральное значение[5].

Если в ранний эллинистический период связь этого одеяния с богиней Исидой еще вызывала споры, то в римское время, когда культ Исиды распространился по всему Средиземноморью, а упомянутый наряд прочно закрепился в ее иконографии, одеяние с узлом Исиды стало восприниматься как символ принадлежности к этому культу. Убедительные свидетельства этому

---

[1] Приложение № 8.2. Египетский музей в Каире, инв. № CG 22183 / JE 37547. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville. P. 223–236; Naville E. La stèle de Pithom. P. 66–75; Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. P. 157–167.

[2] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 389–416; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 246–276.

[3] Приложение № 8.8. Инв. № EA1054. Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. No. 15; Coutts H. Gold of the Pharaohs: Catalogue of the Exhibition of Treasures from Tanis. P. 91; Myśliwiec K. Royal Portraiture of the Dynasties XXI–XXX. P. 85.

[4] Приложение № 9.24–25. Инв. № 106, 1005. Музей Ком эль-Дикка, Александрия. Ashton S-A. Op. cit. P. 473–476; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…P. 146–147. А также сфинкс Клеопатры III. Приложение № 9.26. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 427–428; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 141. Скорее всего, именно в правление Клеопатры III, которая почиталась как живое воплощение Исиды, саму богиню также, как и царицу, стали изображать в одеянии с узлом.

[5] При этом на рельефах иконография богини остается традиционной, что соответствует консерватизму египетского изобразительного искусства, особенно в отношении храмов.

приводит Э.Дж. Уолтерс, которая рассматривает многочисленные рельефы I в. до н.э. – IV в. н.э. из Аттики, на которых изображены жрицы культа Исиды в аналогичных одеяниях[1]. Следовательно, данный костюм маркировал женщин, связанных с культом богини. При этом если изначально его носили преимущественно царицы Птолемеев, то позднее он превратился в узнаваемый знак всех причастных к культу Исиды. Таким образом, можно говорить о переосмыслении и «перерождении» узла Исиды в птолемеевский период – когда он утратил изначальную самостоятельность как отдельный символ и стал неотъемлемой частью одеяния цариц.

Возвращаясь к характеристике статуй, необходимо отметить, что наиболее распространенными типами сохранившихся египетских царских изображений являются статуи из гранита, кварцита или известняка, установленные в храмах и святилищах как напоминание о покровительстве царя. Но, кроме этого, есть упоминание о скульпторе или художнике в 373 г. н.э. в граффити на о. Филе, где он заявляет, что покрыл золотом изображение Клеопатры[2]. Схожая статуя принцессы Береники упоминается в Канопском декрете[3]. Статуи-диады и скульптурные группы получили широкое распространение при Птолемеях, продолжая традицию изображения царских пар, начатую еще при XVIII династии. Две диады и одна триада – многофигурные композиции, высеченные из единого каменного блока – изображают Птолемеев как совместно почитаемых богов. Царские и божественные фигуры имеют схожий масштаб, что придает царю и царице статус, равный богам[4]. Должно было существовать множество таких статуй, представлявших правителей как богов и богинь, разделяющих храм; однако ни одного образца подобной статуи птолемеевского периода не сохранилось

[1] Walters E.J. Attic Grave Reliefs that Represent Women in the Dress of Isis. New York, 1988.
[2] Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 41.
[3] OGIS I 56, 89–110.
[4] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 37.

полностью, в основном исследователям известны только основы подобных статуй с подписями[1].

Статуй, относящихся к египетской традиции, изображающих Беренику I, не обнаружено. Береника I никогда не изображалась отдельно: она обычно представлена позади Птолемея I Сотера на рельефах храмов или монетах. Береника I не была обожествлена самостоятельно, как позднейшие царицы, и потому ее культовое и визуальное присутствие оказалось значительно менее выраженным. Ситуация изменилась, когда Арсиноя II получила посмертный культ, нашедший выражение и в монументальной пластике. К этому времени относятся первые образцы статуй цариц, выполненные в египетской традиции.

В Григорианском Египетском музее Ватикана находится статуя Арсинои II, относящаяся к египетской изобразительной традиции[2]. Одна нога царицы выставлена вперед, левая рука поднята к груди, а правая опущена вдоль тела, что является традиционной позой для статуй богинь и цариц. На голове у нее трехчастный парик с двойным уреем – отличительным элементом, который появляется в иконографии цариц с XVIII династии[3]. Черты лица Арсинои почти идентичны изображению из Метрополитен музея, где Арсиноя также увенчала двойным уреем, а ее составная корона не сохранилась, хотя на голове остались следы ее основания[4]. В этом же музее представлена другая статуэтка царицы, о

---

[1] Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I. P. 75; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…

[2] Приложение № 9.19. Инв. № 22681. Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 47–48; 116. Э.Д. Карни считает данное изображение прижизненным. Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 111–112.

[3] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 32. Две налобные змеи с коронами Верхнего и Нижнего Египта олицетворяли богинь Нехбет и Уаджит, выступая женским аналогом двойной короны царя (*pз-šmty*). В то же время двойной урей имел солярную символику – оба глаза Ра, а со времени Аменхотепа III дополнялся рогами и солнечным диском как атрибутом Хатхор, дочери Ра и его Ока. Подробнее об этом см. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии. С. 180–181.

[4] Приложение № 9.20. Инв. № 38.10. См. Bothmer B.V. Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100. P. 125–126; Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 166; Carney E.D. Op. cit. P. 111–113.

которой уже упоминалось в данной работе[1]. Статуэтка выполнена в египетской традиции с добавлением греческого атрибута (рога изобилия): Арсиноя II изображена в традиционной позе с выставленной вперед ногой и держит двойной рог изобилия в левой руке. Правая рука прижата к боку. Задняя опора содержит надпись с именем царицы и титулами, поэтому сомнений в идентификации не остается.

Пример статуи с сохранившейся короной находится в Государственном музее древностей Лейдена[2]. Египетская статуэтка с задней опорой не подписана, однако Я. Квегебер идентифицирует ее как Арсиною II и датирует последней четвертью III в. до н.э.[3]. Царица носит трехчастный парик с головным убором в виде грифа и красной короной, а также сложный убор, состоящий из солнечного диска, коровьих рогов и двух высоких перьев; на передней части короны также расположен двойной урей, каждый со своим солнечным диском.

Особого внимания заслуживает известняковая статуэтка обожествленной Арсинои II, хоть и выполненная в египетской изобразительной традиции, но обладающая явными греческими чертами[4]. Царица облачена в драпированный хитон и гиматий, завязанный на груди; в левой руке она держит двойной рог изобилия[5]. Следы полихромии указывают на черный цвет закрученных прядей волос и позолоченное лицо. Иероглифическая надпись на задней опоре датирует создание статуэтки временем после смерти и обожествления Арсинои (270–268 г. до н.э.), но до смерти Птолемея II (246 г. до н.э.)[6]. Следы позолоты,

[1] Приложение № 9.27. Инв. № 20.2.21. См. Bothmer B.V. Op. cit. P. 159–160; Meadows A. Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World. P. 209; Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. S. 82, 178, 188; Bianchi R.S. Op. cit. P. 80; Smith R.R.R. Hellenistic royal portraits. P. 95.

[2] Приложение № 9.21. Инв. № F 1938/7.20. Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 78–79.

[3] Р.С. Бианки позже оспорил это мнение, переатрибутировав памятник как изображение Клеопатры II или III и отнеся его ко II веку до н.э. Bianchi R.S. Op. cit. P. 47, 68, 107, 169.

[4] Приложение № 9.27. Метрополитен музей, инв. № 20.2.21. Scott N.E. Egyptian Statuettes. New York, 1946. Fig. 36.

[5] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 136.

[6] Women in the classical world: image and text. P. 154.

символизировавшей божественный статус, сохранились по краям декольте[1]. Фронтальная композиция и статичная поза следуют египетской традиции, тогда как рог изобилия представляет собой греческий божественный атрибут, а прическа восходит к эллинистической традиции[2]. Изобразительные особенности – небольшой изогнутый рот и крупные глаза – как отмечает Р.С. Бианки, также соответствуют греческой традиции[3].

Стоит также упомянуть о статуе из Государственного Эрмитажа, которая долго идентифицировалась как Арсиноя II[4]. И.А. Лапис считала, что статуя изображает Арсиною II на основании раздвоенного рога изобилия[5], однако Б. Ботмер и Я. Квегебер оспорили эту датировку[6]. Позднее С.-Э. Эштон выдвинула предположение, что статуя изображает Клеопатру VII, опираясь на наличие тройного урея и раздвоенного рога изобилия, который Клеопатра VII заимствовала у Арсинои II[7]. Несмотря на новую атрибуцию, упоминание статуи среди изображений Арсинои II оправдано: она служит ярким примером сознательного и столь искусного подражания Клеопатры VII своей предшественнице, что долгое время сама считалась ее портретом.

Скульптурных изображений Береники II, выполненных в египетской традиции, крайне мало, если они вообще существуют. Большинство портретов, атрибутируемых этой царице, могут также принадлежать другим

---

[1] Richter G.M.A. The Portraits of the Greeks. London, 1965. P. 185.

[2] Quaegebeur J. Reines Ptolemaiques et Traditions Egyptiennes. P. 255.

[3] Bianchi R.S. Portrait' Sculpture in Ptolemaic Egypt. P. 143.

[4] Приложение № 9.28. Инв. № ДВ 3936. Государственный Эрмитаж. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the interaction between Greek and Egyptian traditions. P. 114; Albersmeier S. Op. cit. S. 187–189, 363–364; Арсиноя или Клеопатра? / авт. вступ. ст. А.О. Большаков; сост. кат. А.О. Большаков, О.Я. Неверов, Ю.Л. Дюков. СПб, 2002. С. 3–7; Большаков А.О. Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия. СПб, 2011. С. 108–115.

[5] Лапис И. А. статуя Арсинои II // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1957. № 11. С. 49–52.

[6] Bothmer B.V. Egyptian Sculpture in the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100. P. 192; Quaegebeur J. Trois statues de femme d'époque ptolémaique // Artibus Aegypti: studi in honorem Bernardi v Bothmer. Bruxelles, 1983. P. 116–117.

[7] Ashton S.-A. Op. cit. P. 114. Cat. No. 63.

представительницам династии — от Арсинои II до Клеопатры III, что обусловлено как фрагментарностью памятников, так и тем, что изображения цариц весьма стандартизированы. В этом ряду выделяется портрет из Греко-римского музея в Александрии[1]. Э. Брофи и Э. Бречча относят его к Беренике II[2], тогда как С.-Э. Эштон видит в нем Арсиною II[3], а П.Э. Стэнвик — Клеопатру III[4]. Царица представлена с тройным рядом спиральных локонов, в диадеме, украшенной двумя уреями, и модием с неглубоким отверстием в верхней части. На шее справа различимы следы так называемых колец Венеры. Изобразительные особенности: широкий нос, полные губы и мягкую линию подбородка, – сближают данную скульптуру с мозаичным портретом из того же музея, который многие исследователи интерпретируют как изображение Береники II в образе защитницы Александрии[5]. Это сходство служит дополнительным аргументом в пользу атрибуции памятника именно этой царице.

Иконографическая преемственность между изображениями Арсинои II и Арсинои III прослеживается на примере мраморной головы из Телль эль-Тимаи, изображающей женщину с локонами и диадемой[6]. Судя по всему, это было парное изображение, поскольку там же была обнаружена голова мужчины, украшенная митрой с бычьими рогами. Эти находки соотносятся с портретами Птолемея IV и Арсинои III, отождествленных с Дионисом и Исидой[7]. Стоит отметить прическу

---

[1] Приложение № 9.29. Инв. № 18370. Ashton S-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 489–490.

[2] Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…P. 92–93.

[3] Breccia E. Le rovine e i monumenti di Canopo. P. 60–61.

[4] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 118.

[5] Приложение № 10. Инв. № 21739. Греко-римский музей в Александрии. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 118; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt P. 141.

[6] Приложение № 9.14,16. Египетский музей в Каире, инв. № JE 39517, 39520; De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. No. 81. Pl. 28c; Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. No. 10–11; Ashton S.-A. Op. cit. P. 250–251; Brophy E. Op. cit. P. 109–110. Экспонат инв. № JE 39517 теперь представлен в собрании Музея при Александрийской библиотеке инв. № 433.

[7] Приложение № 9.15. Музей изящных искусств, Бостон, инв. № 01.8207–8208; Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. S. 44–46, 104. Датировка этих портретов вызывает дискуссии: одни

царицы, так называемые «ливийские локоны», с которыми в римский период изображалась богиня Исида[1]. Как утверждает С.-Э. Эштон, на протяжении всего эллинистического периода данная прическа являлась признаком обожествленных цариц[2], и данный портрет является одним из самых ранних примеров изображения птолемеевской царицы с подобной прической.

Среди сохранившихся изображений Клеопатры I особый интерес представляет мраморная голова из Бруклинского музея с тройным уреем и греческими локонами[3]. Несмотря на высокий уровень исполнения, ее датировка и атрибуция долгое время оставались предметом дискуссий: исследователи относили ее к разным периодам – от раннего–среднего II в. до н.э. до конца эпохи Птолемеев, однако в последнее время ее все чаще связывают именно с Клеопатрой I[4]. Жесткая складка под подбородком, отмеченная С. Альберсмайер[5], вероятно, является не анатомической особенностью, а изобразительным приемом, заимствованным из эллинистической скульптуры. Подобная трактовка тканей – с тяжелыми, упругими складками, которые не струятся, а провисают и образуют выступы, – характерна для женских фигур на рельефах Пергамского алтаря, особенно для изображений Артемиды и Гекаты[6]. Поскольку алтарь, вероятно, строился к Великим

исследователи связывают их с 260–250-ми гг. до н.э., другие относят к концу III – началу II вв. до н.э. См. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 200–201.

[1] Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 141.

[2] Ashton S.-A. The Last Queens of Egypt. P. 71, 78.

[3] Приложение № 9.30. Бруклинский музей инв. № 71.12. Alexandria and Alexandrianism, Symposium, J. Paul Getty Museum, April 22–25, 1993 // Eds. M. True, K. Hamma. Malibu, 1996. P. 218; Ashton S.-A. Identifying the Egyptian-style Ptolemaic Queens // Cleopatra of Egypt / Eds. S. Walker, P. Higgs. London, 2001. P. 164.

[4] С. Альберсмайер отметила сходство бруклинской головы с гранитным изображением молодого Птолемей VI в немесе из Александрии и предположила, что черты лица Птолемей VI унаследовал от матери, Клеопатры I. Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. P. 202.

[5] Albersmeier S. Op. cit. P. 202.

[6] Kahler H. Der Grosse Fries Von Pergamon. Berlin, 1948. S. 27, 44.

Никефориям в Пергаме в 181 г. до н.э.[1], а его рельефы создавались одновременно с правлением Клеопатры I, параллели между ними возможны и подтверждают атрибуцию бруклинской головы именно к Клеопатре I. Таким образом, данный портрет остается ключевым памятником для изучения иконографии Клеопатры I, относящейся к египетской традиции, но обладающей греческими чертами[2].

Довольно часто идентификация статуй цариц затруднена из-за сходства идеализированных черт, отсутствия подписей и тенденции к унификации в египетском искусстве. Это хорошо иллюстрирует пример трех статуй, которые одни исследователи относят к Клеопатре I, а другие – Клеопатре II. Первая статуя находится в Египетском музее Каира[3] и представляет собой изображение птолемеевской царицы с задней опорой, обломанной на уровне середины головы. Царица представлена в традиционной египетской позе с правой рукой, прижатой к боку, и левой рукой, пересекающей грудь и держащей цветочный посох. На ней головной убор с грифом с одинарным уреем (ныне утраченным), а также длинный ступенчатый трехчастный парик[4]. Второй пример из Греко-римского музея Александрии – фрагмент статуи, выполненный в египетской традиции, с задней колонной-опорой[5]. И хотя прическа из локонов свидетельствует о греческом влиянии, на голове царицы египетская диадема с уреем, а также сохранился модий

[1] Kahler H. Op. cit. P. 39. Датировка завершения внешнего фриза Алтаря Зевса около 180 г. остается наилучшим объяснением, несмотря на недавние возражения Ф. Керель. Queyrel F. L′Autel De Pergame. Images Et Pouvoir En Grèce d′Asie. Paris, 2005. P. 123. Зинченко С.А. Введение в основы искусства эллинизма: учебное пособие. С. 132–134.

[2] Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda. P. 364–365.

[3] Приложение № 9.22. Инв. № CG 678; Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten: im Museum von Kairo (Band 3): Text und Tafeln zu Nr. 654 – 950. Berlin, 1930. S. 23.

[4] Desroches-Noblecourt C. L'art égyptien. Paris, 1961. P. 75.

[5] Приложение № 9.31. Инв. № 21992. Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. S. 119, 184–186; Brunelle E. Die Bildnisse der Ptolemaerinnen. Frankfurt, 1976. S. 92; Götter und Pharaonen Roemer- u. Pelizaeus-Museum / Eds. Wildung, D. et al. Mainz, 1979. No. 117.

для венчика из уреев[1]. Аналогичное изображение из Британского музея обладает схожей прической, диадемой с уреем и также имеет модий[2]. Из-за сходства со статуей из Греко-римского музея, С.-Э. Эштон считает, что портрет относится к началу правления Птолемея VI и может изображать Клеопатру I[3]. При этом все три статуи объединяют схожие прически, атрибуты и физиогномические черты, сходные с портретами Птолемея VIII Фискона. Соответственно, П.Э. Стэнвик считает, что все три примера изображают Клеопатру II[4].

Скульптуры Клеопатры II преимущественно изображают царицу с египетскими атрибутами, однако известны два изображения царицы со спиральными локонами, закрученными по бокам головы[5]. Как считает П.Э. Стэнвик, такая прическа указывает на обожествленный статус царицы при жизни, поскольку данный элемент свойственен греческим богиням[6].

---

[1] Большаков В.А. Модий и «Цветочная корона» в иконографии царственных женщин эпохи Нового царства: к интерпретации символического значения головных уборов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 2. С. 7–18.

[2] Iside. Il mito, il mistero, la magia / Ed. E.A. Arslan. Milano, 1997. P. 96.

[3] Приложение № 9.31. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I. P. 103. в то время, как П.Э. Стэнвик уверен, что данная статуя соответствует изображению Клеопатры II из музея в Копенгагене, инв. 1472. (См. Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 115; Kyrieleis H. Op. cit. S. 118–119, 184, 187) и из Греко-римского музея Александрии инв. 21992. Breccia E. Sculture inedite del Museo Greco-Romano // Bulletin de la Société d'Archéologie d'Alexandrie. 1931. Vol. 26. P. 264–265; Kyrieleis H. Op. cit. S. 119, 184–186, 252–264; Götter und Pharaonen Roemer- u. Pelizaeus-Museum. No. 132.

[4] Stanwick P.E. Op. cit. P. 115.

[5] Приложение № 9.31,32. Греко-римский музей Александрии, инв. № 21992. Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 119, 184–186. Греко-римский музей Александрии, инв. № 25264. Adriani A. Sculture del Museo Greco-Romano VI // Bulletin de la Société royale d'archéologie d'Alexandrie. 1939. Vol. 33. P. 345, 347.

[6] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 73. Аналогично добавлению локона Хора к портрету Птолемея VIII в Вене (Музей истории искусств инв. № ÄS 5780. См. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I. London, 1999. P. 111), провозгласившего его «сыном Осириса, рожденным Исидой» при восшествии на престол в 145 г. до н.э. Для Клеопатры II таким событием стало принятие титула «Богиня Филометора Сотейра» (Θεὰ Φιλομήτωρ Σωτείρα) после 132 г. до н.э., когда она была провозглашена единственной правительницей Египта после бегства Птолемея VIII на Кипр. Этот титул связал ее с основателем династии Птолемеем I Сотером и покойным

Определение изображений Клеопатры II и Клеопатры III вызывает трудности. Так, статуя из музея Касселя имеет трехчастный парик и модий с венчиком из уреев, однако отсутствует диадема с уреем или головной убор в виде грифа[1]. Ее идентифицируют как Клеопатру II или Клеопатру III. Здесь следует отметить важную символику модия в скульптурах птолемеевских цариц. В.А. Большаков интерпретирует данный сплошной ряд уреев, увенчанных солнечными дисками, на модии как множественное изображение богини-дочери солнечного бога Атума-Ра, его Ока, воплощением которого была кобра. В образе кобры представали богини Хатхор-Тефнут и Уаджит. Исходя из этого, можно предположить, что в модий с венчиком из кобр являлся атрибутом божественных покровительниц трона, чьим земным воплощением считалась царская супруга. Это проявилось в период правления XVIII династии в связи с возвышением солярного культа. Так, Тия, великая супруга Аменхотепа III, объявившего себя живым воплощением солнечного божества, являлась земной проекцией богинь, сопровождающих Ра, – таких как Хатхор, Маат, Тефнут или Сехмет[2]. Таким образом, модий с венчиком из кобр подчеркивал сакральное тождество между супругой царя и сонмом богинь, выполнявших функции матери, дочери, супруги и защитницы верховного бога.

Самым знаменитым изображением Клеопатры III является уже упомянутый скульптурный портрет из музея в Вене[3]. Царица носит трубчатую диадему или обруч, что указывает на ее жреческую функцию и напоминает о культовых титулах

супругом-братом Птолемеем VI Филометором. Таким образом, колоссальная голова из Александрии (Приложение № 9.31. Инв. № 21992. Греко-римский музей Александрии) демонстрирует новый статус царицы, а ее прическа говорит о божественном статусе.

[1] Приложение № 9.23. Инв. № SK 77. Felgenhauer A. Staatliche Museen Kassel: Agyptische und agyptisierende Kunstwerke. Kassel, 1996. S. 202–204.

[2] Большаков В.А. Модий и «Цветочная корона» в иконографии царственных женщин эпохи Нового царства… С. 17.

[3] Приложение № 9.17. Инв. № 406. Seipel W. Gott. Gott, Mensch, Pharao: viertausend Jahre Menschenbild in der Skulptur des Alten Ägypten: Künstlerhaus 25. Mai bis 4. Oktober 1992: eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. Vienna, 1992. S. 87, 94–95.

Клеопатры III и о том, что она стала жрицей культа Александра Великого[1]. Портретные черты царицы перекликаются с изображениями ее сыновей, что позволяет С.-Э. Эштон предположить, что этот портрет относится к периоду ее совместного правления с Птолемеем IX или Птолемеем X[2]. Однако в Египте, вероятнее всего, Клеопатра III была известна по колоссальным статуям, высотой около десяти метров, найденным в Тонис-Гераклейоне и ныне выставленных в Греко-римском музее и Морском музее Ком эль-Дикка в Александрии[3]. Царица изображена в одеянии с узлом Исиды, с прической из локонов, диадеме с уреем и короне из двух высоких перьев, солнечного диска и коровьих рогов, находящейся на модии из кобр. Несмотря на плохую сохранность статуй, видно, что царица держала в правой руке рог изобилия. Данная иконография вызывала ассоциации с Арсиноей II, Хатхор, но, прежде всего, с Исидой, статуи которой в таком же одеянии были широко распространены со времен Клеопатры I[4].

Другая статуя Клеопатры III представляет особый интерес, поскольку она ясно иллюстрирует ее высокий статус на двух уровнях. Статуя выполнена в форме сфинкса, отмечающего дромос – дорогу процессий храма в Нармутисе (Файюм)[5]. Обычно сфинксы имели головы правителей мужского пола, однако в данном случае изображен портрет Клеопатры III. Между грудями заметен узел Исиды. Сфинксы с женскими портретными головами чрезвычайно редки[6], и появление царицы в таком виде подчеркивает ее исключительное положение даже за

[1] Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens. P. 78.
[2] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 141.
[3] Приложение № 9.24,25. Инв. № 106, 1005. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 473–474, 476; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…P. 146–147. Статуи найдены на о. Фарос, представляется, что они вместе со статуями царей могли стоять у подножия маяка, как бы встречая всех, кто приплывал в Александрию. Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 120.
[4] Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I. P. 143–145;
[5] Приложение № 9.26.
[6] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 141; Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства. С. 34–35.

пределами Александрии. Самая знаменитая царица, представленная в данном образе – это царица Хатшепсут. В Дейр-эль-Бахри были найдены ее гигантские гранитные статуи в образе сфинкса, увенчанные царским головным убором – немесом[1].

Итак, статуи цариц были выполнены как полностью в рамках египетской изобразительной традиции, так и с эллинистическими элементами: платьем с узором Исиды, прической в виде завитых локонов или с рогом изобилия. В целом атрибуты – головные уборы, одеяния и атрибуты – преимущественно соответствуют египетской традиции. Исконные символы власти, такие как урей и египетская диадема-сешед (*sšd*), встречаются часто. Урей, один из древнейших и повсеместных египетских царских символов, воплощает сущность власти царя – законного правителя и защитника от хаоса. Урей присутствует на большинстве птолемеевских царских статуй. Диадема-сешед гораздо реже встречается на египетских статуях царей по сравнению со статуями цариц, как правило, она надевается прическу с локонами. В немногих случаях, когда у портретов сохраняются дополнительные атрибуты, можно наблюдать различные комбинации головных уборов из коровьих рогов, солнечных дисков, двух перьев и уреев, обладающих солярными коннотациями. Некоторые царицы и богини носят головной убор в виде грифа, чье царское и божественное использование восходит к Древнему царству[2]. Иероглиф коршуна (*mwt*) означает «мать», что отсылает к Исиде как матери Хора, а царицу символически уподобляет матери будущего правителя. В руках царицы, как правило держат папирусовидный посох-уадж, и знак-анх, что соответствует их изображениям на храмовых рельефах. В некоторых случаях царицы в руках держат ожерелье-менат или систр, связанные с культом богини Хатхор[3].

[1] Graves-Brown C. Dancing For Hathor. Women in Ancient Egypt. P. 132.

[2] Большаков В.А. Головной убор египетских богинь и царственных женщин в виде грифа: история происхождения и символика. С. 40–52.

[3] Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 35.

В скульптуре цариц, таким образом, прослеживается переход от изображений в греческой или египетской изобразительной традиции к тенденции на избирательное включение греческих элементов в скульптуру, относящуюся к египетской традиции[1].

§ 3.2. Значение божественных эпитетов в титулатуре цариц

В Египте, стране, где традиционно правил царь-мужчина, нередко затруднительно объективно оценить реальную политическую роль царицы. Тем не менее, титулы цариц, позволяют судить об их политическом и религиозном положении[2]. Рассматривая данный вопрос, исследователи опираются на две классические публикации, в которых систематизированы титулы членов царской семьи: исследование Л. Трой[3] и «Лексикон египетских богов и имен божеств» Х. Лейтца[4].

В различных публикациях[5] обсуждается вопрос, отражали ли титулы цариц их реальную власть или же представляли собой лишь почетные эпитеты. Единого мнения по данному вопросу до сих пор не существует[6]. Так, Клеопатра I и Клеопатра II, как и Арсиноя II и Арсиноя III, носили титул «владычицы Обеих земель»[7], но насколько он и другие подобные титулы отражали их власть, определить сложно. Тем не менее, Б. ван Оппен полагает, что именно титулатура отражала усиление политического статуса цариц при дворе[8].

---

[1] Stanwick P.E. Op. cit. P. 37.

[2] В рамках данной работы для удобства понимания термин «титулы» обычно употребляется по отношению к царицам в то время, как термин «эпитеты» относится к богиням.

[3] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history.

[4] Leitz Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Vols. I-VIII. Peeters, Leuven 2002-2003.

[5] Schentuleit M. Gender Issues: Women to the Fore // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. K. Vandorpe. Hoboken, 2019. P. 350.

[6] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 113. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 124. Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda.

[7] Troy L. Op. cit. P. 178–179. Титул «владычица Обеих земель» встречается у цариц XII династии. См. Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов… С. 323.

[8] van Oppen de Ruiter B. Op. cit. P. 125.

Титулы характеризовали царицу Птолемеев как дочь богов, верную супругу царя и равную ему по царской власти, а также восхваляли ее за ее справедливость и честь, внешний вид и божественную красоту, а также за преданность мужу.

Для Береники I засвидетельствован титул «мать бога» (*mwt nṯr*), который использован как в Канопском декрете, так и на храмовом рельефе в Карнаке[1]. В дальнейшем этот титул будет повторяться почти у всех цариц династии. Как отмечает В.А. Большаков, эпитет «мать бога» тесно связан с несколькими ключевыми богинями, выступавшими в роли божественных матерей. Начиная с правления Хатшепсут, данный эпитет применялся к богине Хатхор, что засвидетельствовано, например, в храме Дейр эль-Бахри[2]. Со второй половины Нового царства «мать бога» становится устойчивым эпитетом Исиды, подчеркивающим ее роль матери Хора. Параллельно этот же эпитет начинает применяться и к другим богиням в их материнском аспекте – прежде всего, к Мут и Нейт[3]. Таким образом, эпитет «мать бога» мог относиться к различным богиням, однако наиболее прочно ассоциировался с Исидой как матерью Хора, земным воплощением которого считался фараон. Именно с этой богиней Береника I была тесно связана через данный титул.

Также в образе матери Береника I предстает на рельефе из Эдфу[4]: на нем Птолемей IV Филопатор приносит жертвы Хору, Хатхор, а также предкам из династии, среди которых – Береника I. Рядом с ее именем указан титул «супруга бога» (*ḥmt nṯr*), которым первой была удостоена Яхмос-Нефертари (XVIII

[1] Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Corpus of Ptolemaic Inscriptions Volume 1, Alexandria and the Delta (Nos. 1-206): Part I: Greek, Bilingual, and Trilingual Inscriptions from Egypt / Eds. A.K. Bowman et al. Oxford, 2021. P. 308; Urk. II. 156. Ворота Эвергета при храме Хонсу: LD. IV. 10; Urk. II. 155.

[2] Naville E. The Temple of Deir El-Bahari. Pt IV. London, 1901. Pl. LXXXVII, LXXXXVI.

[3] Большаков В.А. К дискуссии о значении титула древнеегипетских царственных женщин. С. 47.

[4] Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214. Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 248–249.

династия). Титул «супруга бога» также носили царевны[1]. У царицы Хатшепсут титул «супруга бога» встречался в два раза чаще, чем «сестра царя» и в три раза чаще, чем «великая супруга царя»[2]. По мнению М. Минас-Нерпель, данный титул указывает на роль Береники I как божественной матери династии[3].

Титулы Арсинои Филадельфы отличаются большим разнообразием. Среди тех, что отражающих ее высокий статус, выделяются: «мать царя» (*mwt nswt*)[4], «супруга царя» (*ḥmt nswt*)[5], «великая супруга царя» (*ḥmt nswt wrt*)[6], «сестра царя»

[1] Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов… С. 324. Начиная с Яхмос-Нефертари, титулом «супруга бога» обладали многие царственные женщины Нового царства (Саткамос, Яхмос-Сатамон, Яхмос-Меритамон, Хатшепсут, Нефрура, Меритра, Хатшепсут, Меритамон II, Тиаа, Нефертари-Меритенмут, Таусерт). Большаков В.А. Указ. соч. С. 68.

[2] Там же. С. 325. О переосмыслении роли титула «супруга бога» в историографии см. краткий обзор: Большаков В.А. Указ. соч. С. 63–64.

[3] Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige… P. 106. Согласно последним исследованиям, царица-носительница этого почетного титула не являлась гарантом божественной преемственности царской власти, а выступала как земное воплощение супруги бога Амона со времен Нового царства. Большаков В.А. К вопросу о сакральных функциях «супруги бога Амона» в эпоху Нового царства // Aegyptiaca Rossica (Выпуск 3) / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. М., 2015. С. 63–79.

[4] Пронаос храма в Эдфу: LD. IV. 33d; LdR. IV. 240; Le temple d'Édfou. Vol. I. Pl. XLVI. Супруга последнего царя II династии Хасехемуи, Нимаатхеп, и мать Джосера – первая известная нам обладательница титула «Мать царя Верхнего и Нижнего Египта». При этом, как замечает О.В. Томашевич, в Египте «мать царя» действительно была весьма значимой персоной, но смысловое ударение в этом титуле падает на слово «царь». С момента вступления на престол нового царя его мать включалась в мифологически понимаемую царскую догму: она становилась избранницей бога, потому что сын ее был сыном бога. Томашевич О.В. Указ. соч. С. 317–319.

[5] Приложение № 9.19. Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 106. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 47–48.

[6] Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240. Храм Хонсу в Карнаке: LD. III. 57–58; Urk. II. 107, 155; LdR. IV. 240. Фрагмент статуи из храма Исиды в Коптосе: Urk. II. 73; LdR. IV. 241.

(*snt nswt*)[1], «сестра царя Верхнего и Нижнего Египта» (*snt nswt bỉty*)[2], «сестра царя, дочь царя Нижнего Египта» (*snt nswt sꜣt bỉty*)[3], «великая правительница Египта» (*ḥḳꜣt ꜥꜣt n Kmt*)[4], «княгиня/предводительница» (*ḥꜣtyt-ꜥ*)[5], «правительница» (*ḥḳꜣt*)[6], «глава красавиц/девушек» (*ḥryt nfrwt*)[7].

Особую группу представляют собой титулы, связанные с территориальным господством: «госпожа Обеих земель» [8] (*ḥnwt tꜣwy*)[9], «госпожа Верхнего и Нижнего Египта» (*ḥnwt rsy mḥw*)[10], «владычица Обеих земель» (*nbt tꜣwy*)[11]. Данный перечень титулов воспринимается некоторыми исследователями как несомненное

[1] Храм Тота (Дакка): LD. IV. 17c; LdR. IV. 239. Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240. Фрагмент статуи из храма Исиды в Коптосе: Urk. II. 73; LdR. IV. 241.

Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 47–48.

[2] Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 178.

[3] Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240; Храм Хонсу в Карнаке: LD. III. 57–58; Urk. II. 107, 155; LdR. IV. 240.

[4] Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 106.

[5] Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[6] Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4. Титул также был общим для нескольких богинь: Исиды, Уаджит, Мут, Нут, Хатхор. Leitz C. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. V. P. 536.

[7] Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4.

[8] Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240; Храм Хонсу в Карнаке: LD. III. 57–58; Urk. II. 107, 155; LdR. IV. 240.

[9] Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4. Впервые титул засвидетельствован у царицы Хетепти, жены Аменемхета III, а также наряду с *ḥnwt tꜣwy* эпизодически встречается со времен Древнего и Среднего царств в качестве эпитета богинь Уаджит, Нехбет, Бастет, Сехмет и Хатхор. Большаков В.А. Великая супруга царя. Владычица Обеих земель? С. 39, 42.

[10] Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 10; Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[11] Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 106; Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

свидетельство политического влияния царицы[1]. Тем не менее детальный анализ данных титулов с привлечением материалов, относящихся к царицам Среднего и Нового царств, проведенный В.А. Большаковым, убедительно доказывает, что титулы территориального господства скорее служат для обозначения высокого статуса супруги и матери царя и выражения ее причастности к идеологии власти в целом[2]. К тому же, учитывая, что большинство титулов были присвоены Арсиное II посмертно, стоит воспринимать их именно в контексте отождествления с богинями, нежели в контексте власти и политики.

Отдельно стоит отметить титул «царица Нижнего Египта (и) Обеих земель» (*bỉtyt tꜣwy*)[3], о значении которого вместе с изображением Арсинои II с дополнительными царскими атрибутами, включая ее характерную корону существует много споров[4]. Вряд ли можно утверждать, что Арсиноя, исходя из данного титула и особой короны, правила совместно с Птолемеем. Скорее всего, титул был присвоен для укрепления ее религиозной значимости и значимости ее нового культа, а не для указания на то, что она и Птолемей II осуществляли совместное правление.

Другая группа титулов представляла царицу как потомка главных египетских богов. Соответственно, Арсиноя разделяла эпитеты с несколькими важными богинями в ипостаси божественной дочери: «дочь Амона» (*sꜣt ỉmn*)[5] – этим

[1] Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 117–118; Pomeroy S. B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 19; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 5, 119–121.

[2] Большаков В.А. Указ. Соч. С. 44.

[3] Troy L. Op. cit. P. 178; Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. P. 115.

[4] Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. P. 153–160.

[5] Храм Тота (Дакка): LD. IV. 17c; LdR. IV. 239. Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV. 240; Urk. II. 106; Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240. Храм Хонсу в Карнаке: LD. III. 57–58; Urk. II. 107, 155; LdR. IV. 240. Основа статуи из Коптоса: Urk. II. 108; LdR. IV 241.

эпитетом обладала также Хатхор[1]; «дочь Мерху-быка» (*sꜣt Mrḥw*)[2] – эпитет богини Исиды[3]; «дочь Геба» (*sꜣt Gb*)[4] – традиционный эпитет, применявшийся к Исиде[5], Нефтиде[6] и Хатхор[7]. Связь с Гебом дополнительно подчеркивалась титулом «знатная женщина» (*rt-pʿt*)[8]. Однако перевод этого выражения не передает в полной мере его значение и сакральный вес, поскольку титул имел также мужскую форму и использовался как эпитет для бога-творца Геба[9]. Высказывалось предположение, что женская форма данного титула могла быть связана с положением царицы как жрицы Геба и ролью царственных женщин как регентов[10], однако эта гипотеза остается недостаточно подтвержденной. Титул Арсинои II «сестра (и) дочь царя» (*snt sꜣt nswt*)[11] засвидетельствован также у Исиды как дочери Геба[12] и использовался со времен II династии: им обладали матери царей: Хетепхерес,

[1] Leitz C. Op cit. Vol. VI. P. 102.

[2] Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[3] Leitz C. Op cit. Vol. VI. P. 104.

[4] Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48. Интересно также, что Геб – один из немногих мужских божеств, который также изображается в составной короне как у Арсинои II, но без коровьих рогов и солнечного диска. Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 129.

[5] Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. II. Paris, 1985. P. 97, 100.

[6] Основание статуи в Египетском музее Каира: инв. JE 46918. Abdalla in Fs Shore, 2-4. Hart G. The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses. P. 102

[7] Le temple de Dendara. T. VIII. Fasc. 1: Text / Eds. E.G. Chassinat. Le Caire, 1978. P. 7, 16.

[8] Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV 240; Urk. II. 106. Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[9] Troy L. Op. cit. P. 133.

[10] Ashton S.-A. Cleopatra and Egypt. P. 81.

[11] Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV. 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV 240. Фрагмент статуи из храма Исиды в Коптосе: Urk. II. 73; LdR. IV. 241. Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[12] Leitz C. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. P. 105. Bedier S. Die Rolle des Gottes Geb in den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit. Hildesheim, 1995. No. 50.

Хенткаус, Анхнесмерира[1]. Титул «дочь Ра» (*sꜣt Rʿ*)[2], присвоенный Арсиное, встречался у многих богинь[3], включая Исиду[4], Нефтиду[5], Нехбет[6], Сехмет[7], Тефнут[8], Маат[9], и Хатхор[10]. Связь с богиней Маат подтверждается тронным именем Арсинои: «Соединившаяся с сердцем Маат, любимая богами» (*ḥnm*(*t*) *ỉb n mꜣʿt mr*(*t*) *nṯrw*)[11], которое встречается на Пифомской стеле[12]. Как отмечает Г. Хельбль, царица и Маат, следовательно, ставятся в параллель друг с другом, а оба представителя царской четы воплощают Маат (греч. δικαιοσύνη)[13].

Связь царицы с богиней Хатхор прослеживается и в ее иконографии: на статуях Арсиноя изображается держащей в руке систр, являющийся характерным

---

[1] Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов… С. 318.

[2] LdR. IV. 242; Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4. Также О.В. Томашевич отмечает, что титул «дочь Ра» сохранился на фрагменте статуи царицы Нефрусебек (Себекнефру) XII династии и на блоке из Телль эль-Даба. На цилиндрической печати царицы сохранена ее титулатура, составленная из пяти имен аналогично титулатуре царей, но в женском роде. При этом впервые у нее традиционный с IV династии царский титул «сын Ра» замене на «дочь Ра». Томашевич О.В. Там же. С. 322. Другими известными царицами, носившими этот титул, были Хатшепсут (XVIII династия) и Таусерт (XIX династия), обе, известные тем, что правили Египтом. Томашевич О.В. Там же. С. 325, 328.

[3] В период правления Птолемеев.

[4] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan... P. 102; Le temple de Dendara. T. I. P. 126; Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. I. P. 58; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. P. 57.

[5] Valbelle D. Komir. I. The Discovery of Komir Temple. Preliminary Report. II. - Deux hymnes aux divinités de Komir : Anoukis et Nephthys [avec 2 dépliants et 4 planches] // Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1983. Vol. 83. S. 166.

[6] Le Temple d'Esna. Vol. IV / Ed. S. Sauneron. Le Caire, 1959. Pl. 426.

[7] Le temple de Dendara. T. III. P. 182.

[8] Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. I. P. 42; LD. IV. 76a.

[9] Urk. VIII. 66c; Kasr el-Agoûz / ed. D. Mallet. Le Caire, 1909. P. 48, 87.

[10] Cauville S. Les inscriptions dédicatoires du temple d'Hathor à Dendera // Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1990. Vol. 90. P. 88; Cauville S. Le temple de Dendara: la porte d'Isis. Le Caire, 1999. P. 66; Hart G. The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses. London, 2005. P. 47, 62, 89.

[11] von Beckerath J. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Mainz am Rhein, 1999. P. 234–235. Leprohon R.J. The great name: ancient Egyptian royal titulary. Atlanta, 2013. P. 179.

[12] LdR. IV. 242.

[13] Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao // Faraoni come dei, Tolemei come faraoni / Eds. N. Bonacasa et al. Torino-Palermo, 2003. P. 91.

атрибутом и символом Хатхор. Кроме того, титулы Арсинои II «владычица явлений» (*nbt ḫʿw*)[1] и «великая гарема сестры бога» (*wrt ḫnr n snt nṯr*)[2] зафиксированы для Хатхор[3]. Этой богине[4], а также Исиде[5] принадлежал также эпитет «великая похвалами» (*wrt ḥswt*), используемый и для Арсинои II[6]. Кроме этого, эпитет «сладостная любовью» (*bnrt mrwt*)[7] связывал Арсиною II с богинями Уаджит[8], Нефтидой[9], Нехбет[10], Хатхор[11], Тефнут[12].

Титул «госпожа того, что окружает солнечный диск» (*ḥnwt šn n ỉtn*)[13] сближал Арсиною с богиней Исидой, которой приписывался похожий эпитет «госпожа всей окружности солнечного диска» (*ḥnwt nt šnw nb ỉtn*)[14]. На стеле из Пифома Арсиноя наделяется титулами, отражающими ее ассоциацию с богиней Исидой, наиболее

[1] Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4.

[2] Титул Арсинои II – великая в гареме сестры бога (*wrt ḫnr n snt nṯr*) см. Troy L. Op. cit. P. 178, no P.4. Он весьма схож с титулом Хатхор – великая в гареме (*wrt ḫnr*) см. Le temple de Dendara. T. VI. P. 158. Перевод «гарем» условен, под этим термином могла обозначаться храмовая группа женщин-музыкантов. Подробнее см. Bryan B. The etymology of *ḫnr* “group of musical performers // Bulletin of the Egyptological Seminar. 1982. Vol. 4. P. 35–54.

[3] Le temple de Dendara. T. V. P. 3, 7; Papiri geroglifici e Ieratici da Tebtunis / Eds. J. Osing, R. Rosati. Florenz, 1998. P. 171.

[4] Le temple d'Édfou, Vol. I. P. 128.

[5] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan… P. 80; Le temple de Dendara. T. II. P. 100; Le temple de Dendara. T. IV. P. 60; Bénédite G. Le temple de Philae. Vols. I-II. P. 62.

[6] Храм на о. Филе: LD. IV. 6a; LdR. IV 240; Urk II 106. Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[7] Urk. II. 39. 14; 94. 8.

[8] Le temple de Dendara. T. II. P. 171; T. III. P. 106.

[9] Le Temple d'Esna. Vol. P. 101 Le temple de Dendara. T. II. P. 117; LD. II. 197.

[10] Le temple de Dendara. T. II. P. 170.

[11] Le temple de Dendara. T. I. P. 5; T. IV. P. 8; Cauville S. Le temple de Dendara: la porte d'Isis. P. 9, 15.

[12] Le temple de Dendara. T. I. P. 48; T. II. P. 171; T. IX. P. 234.

[13] Восточные ворота храма в Карнаке: LD. IV 8a; Urk. II. 106–107; LdR. IV. 240.

[14] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan… P. 80; Gauthier H. Le temple de Kalabchah. Vol. I. Le Caire, 1911. P. 15, 24–25.

выразительный из них: «образ Исиды и Хатхор» (*tỉt ʾIst Ḥwt-Ḥr*)[1]. Не менее значим и титул «любимая барана» (*mrỉ*(*t*) *bɜ*)[2], то есть возлюбленная бога Мендеса. Этот эпитет встречается у Исиды: в птолемеевском храме в Асуане богиня восхваляется в гимне, датируемом правлением Птолемея IV Филопатора как «любимая барана»[3]. В храме Калабша, относящемся ко времени Августа, воспроизводится почти точная копия этого гимна, за исключением одной детали: Исиду называют «любимой барана, совершенной Хнума» (*mrỉt bɜ wḏɜt Ḫnm*)[4]. В пронаосе храма Хатхор в Дендере, датируемом концом птолемеевского периода, данные эпитеты дважды повторяются в гимне Исиде[5]. Таким образом, связь Арсинои II с богом Мендесом является не просто самостоятельным мотивом, но дополнительным звеном, связывающим царицу с Исидой. На той же стеле из Пифома зафиксировано тронное имя Арсинои: «Соединившаяся с сердцем Шу, любимая богами» (*ḫnm*(*t*)-*ỉb-Šw mrt nṯrw*)[6].

Титулы последующих цариц во многом воспроизводили модель титулатуры Арсинои. Так, Береника II наследует основные царские титулы: «владычица Обеих земель» (*nbt tɜwy*)[7], «правительница» (*ḥḳɜt*)[8], но также именуется «матерью царя»

[1] Стела Пифома: Urk. II. 72. Эпитет также повторяется в храме в Карнаке, где на рельефе изображен Птолемей, приносящий фигурку Маат Арсиное, Амону и Хонсу. Nilsson M. The crown of Arsinoë II… P. 353.

[2] Стела Мендеса: Urk. II. 41.

[3] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan… P. 80–81.

[4] Gauthier H. Le temple de Kalabchah. Vol. I. Le Caire, 1911. P. 15, 24–25.

[5] Thiers C. Fêtes et propagande sous les Lagides: les sorties processionnelles des statues du Pharaon-Basileus. P. 27.

[6] Urk. II. 82.

[7] Малый храм в Асуане: Mariette A. Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie, par A. Mariette-Bey ... - Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie, par A. Mariette-Pacha ... Texte par G. Maspero. Paris, 1872. Pl. 23; Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I. No. 49; LdR. IV. 260. Фриз внешних ворот и наружная дверь храма Хонсу в Карнаке: LD. IV 9a, 10; LdR. IV. 260. Блок № 86 из храма Исиды в Бехбейте: LD. I. 220; LdR. IV. 261. Стела из Таниса: Urk. II. 127; LdR. IV. 261.

[8] Фриз внешних ворот и наружная дверь храма Хонсу в Карнаке: LD IV 9a, 10; LdR. IV. 260. Блок № 86 из храма Исиды в Бехбейте: LD. I. 220; LdR. IV. 261. Стела из Таниса: Urk. II. 127; LdR. IV. 261.

(*mwt nswt*)[1] и «женщиной-Хором» (*Ḥrt*)[2]. Последний засвидетельствован для цариц Себекнеферу (XII династия), Хатшепсут (XVIII династия), и Таусерт (XIX династия)[3]. Помимо титулатуры цариц, «женщина-Хор» встречается на стенах храмов на о. Филе, в Дакке и в храме Хатхор в Дейр эль-Медине в отношении богини Исиды[4]. На рельефе врат из храма Хонсу Береника II названа «женщина-Хор, дочь правителя, сотворенная правительницей» (*Ḥrt sȝt ḥḳȝ ỉrt n ḥḳȝt*)[5], хотя она не была биологической дочерью Арсинои II, однако через это фиктивное наследование Береника II представлена как царица и женщина-Хор.

Г. Хёльбль отмечает, что в демотических папирусах Беренику называли «женщина-фараон» (*pr ʿȝt*) с женским окончанием «-t», что иллюстрирует ее статус женщины-фараона, а не просто царской супруги[6]. Данный титул встречается в

---

[1] Храм Тота (Дакка): LD IV 17c.

[2] Храм на о. Филе: Benedite Le Temple de Philae I, p. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259. Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261. Стела из Таниса: Urk. II. 127; LdR. IV. 261. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 257.

[3] Супруги бога Амона в Третий переходный и Поздний период носили данный титул. Troy L. Op. cit. P. 139–143; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 132. Хатшепсут также носила титулы «дочь Ра», «владычица Обеих земель». Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов…С. 325.

[4] Bénédite G. Le temple de Philae. Vols. I-II. P. 93, 98; Der Tempel von Dakke. Vol. I / Ed. G. Roeder. Le Caire, 1930. P. 267; Le temple de Deir al-Medina / Ed. P. du Bourguet. Le Caire, 2002. P. 10.

[5] Winter E. Der Herrscherkult in den Ptolemäertempeln. S. 149; Schentuleit M. Gender Issues: Women to the Fore. P. 350; Leprohon R.J. The great name: ancient Egyptian royal titulary. P. 180. Данный эпитет встречается в Канопском декрете (Urk. II. 122.31) и на Вратах Эвергета в Карнаке в сцене с Береникой II, Птолемеем III и богом Хонсу (см. Приложение № 7.21). Надпись двух краевых колоннах позади царской четы заканчивается так: «Два Хора на двух тронах как мужской Хор «Тот, над кем ликуют боги и люди» и женский Хор «Дочь правителя, которую родила правительница». Иероглифический текст см. Urk. VII. 83, 7 (= no. 98a); Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 132.

[6] Hölbl G. A history of the Ptolemaic empire. P. 189. Т. Л. Сьюэлл-Ласатер считает, что титулы Береники II «Женщина-Хор» и «Женщина-фараон» в совокупности создали образ Береники, равной Птолемею. Несмотря на то, что на самом деле управление осуществлялось Птолемеем, то, что Береника II была представлена как равная своему мужу как в изобразительных источниках, так и посредством титулатуры, создавало ощущение равенства. Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power. P. 155–160. Кроме того, многие исследователи придерживаются мнения о том, что в отсутствие Птолемея III, именно

нескольких папирусах из Верхнего Египта, из Элефантины[1]. Береника II названа «женщиной-фараоном» как во вступлении, так и далее в тексте папируса.

В документах правители представлены как: «*pr ꜥ3* Птолемей (III), сын Птолемея (II) и Арсинои (II), богов Адельфов», и «*pr ꜥ3t* Береника (II), боги Эвергеты». А. Бьельман Санчес и В. Жолитон полагают, что данный титул мог отражать не только создание династического культа Эвергетов, посвященного обоим членам царской четы (поскольку, например, для Арсинои III, которой также поклонялись наряду с Птолемеем IV Филопатором в рамках культа богов Филопаторов, такого титула не засвидетельствовано), но именно привилегированное положение Береники II[2]. Действительно, во время Третьей Сирийской войны (246–241 гг. до н.э.) Береника II временно правила царством во время отсутствия мужа[3], что могло оправдать использование подобной формулировки мужского титула.

Особого внимания заслуживает титул «женщина-визирь» (*ṯ3tyt*),[4] впоследствии его удостоилась только Клеопатра I[5]. Этот титул тесно связан с

Береника II осуществляла власть в Александрии. См. Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 125–127; Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 26; van Oppen de Ruiter B. Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship. P. 39.

[1] (1) P. Eleph. Dem. 12 = P.Berlin 13554: Spiegelberg W. Demotische Papyrus von der Insel Elephantine Nr. 1 - 13. Leipzig, 1908. No. 12. (2) P. BM Reich 10079 = P. BM 10079: Reich N.J. Papyri juristischen Inhalts in hieratischer und demotischer Schrift aus dem British Museum – Text, Transkription und Übersetzung mit philologischem und historischem Kommentar. Wien, 1914. S. 68–70, pl. 9. (3) P. Eleph. Dem. 5 = P. Berlin 13529: Spiegelberg W. Op. cit. No. 5. (4) P. Eleph. Dem. 7 = P. Berlin 13513: Spiegelberg W. Op. cit. No. 7. (5) P. Lille Dem. I 29: Bagnall R.S., Derow P. The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation. Oxford, 2004. P. 142. (6) P. Eleph. Dem. 4 = P. Cairo III 50163 и P. Berlin 13527: Spiegelberg W. Op. cit. No. 4; Rubensohn O., Schubart W., Spiegelberg W. Elephantine-Papyri. Berlin, 1907. P. 68–69. (7) P. Eleph. Dem. 11 = P. Berlin 13535 и 23677: Spiegelberg W. Op. cit. No. 11.

[2] Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight. P. 72.

[3] Hölbl G. Op. cit. P. 46–47.

[4] Храм на о. Филе: Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259. Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261.

[5] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 122.

эпитетом «дочь Тота» (*sꜣt Ḏḥwty*)[1], употреблявшимся по отношению к богиням Маат[2] и Исиде[3].

Наряду с этим Береника II унаследовала от своих предшественниц эпитет «мать бога» (*mwt nṯr*)[4], связывающий царицу с богиней Исидой, а также его вариация: «мать бога и матерей его» (*mwt nṯr n mwwt.f*), засвидетельствованную в храме Тота в Каср эль-Агуз[5].

Среди других ее титулов встречаются «сестра (и) супруга сына Ра» (*snt ḥmt n sꜣ Rʿ*)[6], «украшение Хнума» (*ḫkrt Ḫnm*)[7]. Также важно отметить, что Береника II и Клеопатра I были единственными царицами в истории Египта, которым был присвоен титул «великая мощью» (*wr*(*t*)*-pḥty*)[8], при этом обе сравнивались с богиней Нейт по храбрости и силе (*ḳn.s-wsr.s mi Nt*).[9] А кроме этого, обе обладали титулом «владычица народа» (*nbt rḫyt*), который также встречается при обозначении богини Хатхор[10]. Полная титулатура Береники II по двум владычицам звучала следующим образом: «Храбрость ее и сила ее (как у Нейт, владычицы

[1] Храм на о. Филе: Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259. Фриз внешних ворот и наружная дверь храма Хонсу в Карнаке: LD. IV. 9a, 10; LdR. IV. 260. Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261.

[2] Bresciani E., Pernigotti S. Assuan… P. 80; Gauthier H. Le temple de Kalabchah. Vol I. P. 15, 23–24.

[3] Le temple de Dendara. T. IV. P. 26. Также титулами «дочь Геба» и «женщина-визирь» обладала Небет, мать цариц Анхнесмериры I и Анхнесмериры II (VI династия). Troy L. Op. cit. P. 155, no 6.5

[4] Восточная стена святилища в Эдфу: von Bergmann E. Hieroglyphische Inschriften. Hildesheim, 1878. P. 34, pl. L; LdR. IV. 260.

[5] Храм Тота в Мединет-Абу: LD. IV. 32a; Mallet D. Le Kasr el-Agouz, p. 69; LdR. IV. 260.

[6] Храм на о. Филе: Bénédite G. Op. cit. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259. Фриз внешних ворот и проход храма Хонсу в Карнаке: LD. IV. 9a, 10; LdR. IV. 260. Блок № 86 из храма Исиды в Бехбейте: LD. I. 220; LdR. IV. 261. Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261.

[7] Храм на о. Филе: Bénédite G. Op. cit. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259.

[8] Храм на о. Филе: Bénédite G. Op. cit. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122.

[9] Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261.

[10] Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I. No. 119.

Саиса, честь ее (как у) Бастет, матери Хатхор в красоте ее (царского) двора» (*ḳn.s wsr.s Nt nb Sꜣw tn.s Bꜣstt mwt Ḥwt-Ḥr m nfrw.s n wꜣḥy*)[1].

Арсиноя III также обладала рядом титулов, указывающих на ее высокое положение при дворе: «великая супруга царя» (*ḥmt nswt wrt*)[2], «сестра царя» (*snt nswt*)[3], «дочь царя» (*sꜣt nswt*)[4], «владычица Обеих земель» (*nbt tꜣwy*)[5], «правительница» (*ḥḳꜣt*)[6].

Кроме этих традиционных титулов, Арсиноя III в качестве ассоциации с Исидой именовалась «матерью бога и матерей его» (*mwt nṯr n mwwt.f*)[7], была связана с богом Гебом и Ра через титулы: «знатная женщина» (*rt-pˁt*)[8] и «сестра-жена сына Ра» (*snt-ḥmt n sꜣ Rˁ*)[9].

Надписи, в которых сохранилась титулатура Клеопатры I, встречаются крайне редко, и нередко возникает затруднение при определении, относится ли конкретное упоминание Клеопатры к ней или к одной из ее преемниц. Таким образом, когда в какой-либо надписи упоминается Клеопатра, необходимо тщательно установить, какая именно Клеопатра имеется в виду. Набор ее титулов во многом воспроизводит титулатуру Береники II, в первую очередь, что особенно заметно в наличии титула «женщина-визирь» (*ṯꜣtyt*)[10], а также эпитета «дочь Тота» (*sꜣt Ḏḥwty*)[11]. Кроме этого, Клеопатра именовалась как «владычица Обеих земель»

[1] Храм на о. Филе: Bénédite G. Op. cit. Vol. I. P. 67; Urk. II. 122–123; LdR. IV. 259. Стела из Ком эль-Хисн (Канопский декрет): Urk. II. 122; LdR. IV. 261; Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 257.

[2] Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; von Bergmann. Op. cit. Pl. LIV.

[3] Святилище храма Тота (Дакка): LD. IV. 17c; LdR. IV. 272.

[4] Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; von Bergmann. Op. cit.. Pl. LIV.

[5] Святилище храма Тота (Дакка): LD. IV. 17c; LdR. IV. 272. Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; von Bergmann. Op. cit. Pl. LIV. Храм в Дейр эль-Медине: LD. IV. 16a; LdR. IV. 273. Храм Птаха в Карнаке: LD. III. 7; LdR. IV. 274.

[6] Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; von Bergmann. Op. cit. Pl. LIV.

[7] Храм Тота в Мединет Абу: LD. IV. 32b; LdR. IV. 273; Kasr el-Agoûz. P. 92.

[8] Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; von Bergmann. Op. cit. Pl. LIV.

[9] Храм Хора в Эдфу: LD. IV. 33a; LdR. IV. 273; Op. cit. Pl. LIV.

[10] На входе в храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[11] На входе в храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

(*nbt tɜwy*)[1], «правительница» (*ḥḳɜt*)[2], «владычица народа» (*nbt rḫyt*)[3], «мать царя» (*mwt nswt*)[4], «женщина-Хор» (*Ḥrt*)[5] и «женщина-фараон» (*pr ꜥɜt*)[6].

Имя Клеопатры I по двум владычицам отражает связь с богинями Нейт, Хатхор и с царицей Береникой II: «храбрость ее и сила ее (как у) Хатхор в любви ее великой ее» (*ḳn.s tn.s Ḥwt-Ḥr m mrwt.s wrt.s*)[7]. Глубинный смысл этих эпитетов сводится к представлению о царице как о владычице красоты, чья честь, любовь и красота являются благом для всей страны. Другие титулы подчеркивают традиционные связи Клеопатры I с божественными покровителями, прежде всего с Гебом и Хнумом: «знатная женщина» (*rt-pꜥt*)[8], «украшение Хнума» (*ḫkrt n Ḥnm*)[9]. Наряду с этим значение сохраняет титул «мать бога» (*mwt nṯr*)[10].

Клеопатра II, подобно своим предшественницам, носила титулы, подчеркивающие ее высокий статус при дворе: «владычица Обеих земель» (*nbt*

[1] Восточная внешняя стена храма на о. Филе, иероглифический текст двуязычного указа: LD. IV. 20a; LdR. IV. 283. Храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[2] Восточная внешняя стена храма на о. Филе, иероглифический текст двуязычного указа: LD. IV. 20a; LdR. IV. 283. Храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[3] Troy L. Op. cit. P. 179, no P. 7.

[4] Храм Тота в Каср эль-Агуз: LD. IV. 32a; LdR. IV. 287; Kasr el-Agouz. P. 92. Храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[5] Восточная внешняя стена храма на о. Филе, иероглифический текст двуязычного указа: LD. IV. 20a; LdR. IV. 283. Храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[6] P.Louvre E 9415. Devauchelle D. Le papyrus démotique Louvre E 9415. Un partage de biens // Revue d'Égyptologie. 1979. Vol. 31. P. 29–35.

[7] На входе в храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[8] P.Köln P 2412. Arlt C. The Egyptian Notary Office in the Ptolemaic Fayyum // Graeco-Roman Fayum - Texts and Archaeology / Eds. S. Lippert, M. Schentuleit. Wiesbaden, 2008. S. 19–21; Zauzich K.-Th. Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolemäischer Zeit. Wiesbaden, 1968. S. 213–214.

[9] На входе в храм в Эдфу: LdR. IV. 287.

[10] Храм в Эдфу: LdR. IV. 287. Храм в Эсне, гипостильный зал: LD. IV. 22c; LdR. IV. 287.

tɜwy)[1], «правительница» (*ḥḳɜt*)[2], «сестра царя» (*snt nswt*)[3]. В демотических папирусах она упоминается как «женщина-фараон» (*pr ʿɜt*)[4]. Традиционно Клеопатра II также почиталась как «мать бога» (*mwt nṯr*)[5], несмотря на то что ее сын был убит в детском возрасте. К этому времени данный титул связывался не столько с династическими реалиями, сколько с сакральными функциями царицы как воплощением богини-матери. Важным титулом, отражающим ее образ божественной матери, был «богиня, любимая Мут» (*nṯrt mr*(*t*) *mwt*)[6]. В храме в Эсне зафиксированы титулы Клеопатры II, нетипичные для представительниц династии, в частности: «сестра-жена близнеца Хапи» (*snt-ḥmt n ḥtr Ḥʿpi*)[7] .

Клеопатра III, хотя ее положение при дворе отличалось от других цариц, также обладала стандартными титулами: «супруга царя» (*ḥmt nswt*)[8], «владычица

---

[1] Второй пилон храма Исиды на о. Филе: LD. IV. 23e-f, 24 LdR. IV. 304. Архитрав малого храма Хатхор на о. Филе: LD. IV. 27a; LdR. IV. 305. Колонна из храма Ком-Омбо: LdR. IV. 305. Храм в Эсне: LD. IV. 23a,b; LdR. IV. 305. Пронаос, второй пилон храма на о. Филе: LD. IV. 38c,d; LdR. IV. 331. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 34b, 37d; LdR. IV. 332. Храм Тота Каср эль-Агуз: Kasr el-Agouz. P. 45, 56, 64, 84, 89, 99; LdR. IV. 332.

[2] Второй пилон храма Исиды на о. Филе: LD. IV. 23e-f, 24; LdR. IV. 304. Архитрав малого храма Хатхор на о. Филе: LDIV 27a; LdR. IV. 305. Храм в Эсне: LD. IV. 23a,b; LdR. IV. 305. Пронаос, второй пилон храма на о. Филе: LD. IV. 38c,d; LdR. IV. 331. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 34b, 37d; LdR. IV. 332. Храм Тота Каср эль-Агуз: Kasr el-Agouz. P.45, 56, 64, 84, 89, 99; LdR. IV. 332.

[3] Пронаос храма на о. Филе: LD. IV. 38c,d; LdR. IV. 331. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 34b, 37d; LdR. IV. 332. Храм Тота Каср эль-Агуз: Kasr el-Agouz. P. 45, 56, 64, 84, 89, 99; LdR. IV. 332; Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (IIe siècle av. J.-C.). P. 163; О случаях употребления эпитета в отношении Клеопатры II см. Caßor-Pfeiffer S. Zur Reflexion Ptolemäischer Geschichte in den Ägyptischen Tempeln unter Ptolemaios IX. Philometor II./Soter II. und Ptolemaios X. Alexander I. (116–80 V. Chr.). Teil 2: Kleopatra III. Und Kleopatra Berenike III. Im Spiegel Der Tempelreliefs. S. 238–239.

[4] Pap. Berlin P 3119. Buttmann P. Erklärung der griechischen Beischrift auf einem ägyptischen Papyrus // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. 1824. S. 89–115; P. Rylands dem. 20. Lüddeckens E. Ägyptische Eheverträge. Wiesbaden, 1960. S. 98–103; Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Op. cit. P. 163.

[5] Архитрав малого храма Хатхор на о. Филе: LD. IV. 27a; LdR. IV. 305. Колонна из храма Ком-Омбо: LdR. IV. 305. Храм в Эсне: LD. IV. 23a,b; LdR. IV. 305.

[6] Leprohon R.J. The great name: ancient Egyptian royal titulary. P. 183; LdR. IV. 330–332; von Beckerath J. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. S. 240–241.

[7] Храм в Эсне: LD. IV. 23a,b; LdR. IV. 305.

[8] Храм на о. Филе: LD. IV. 35 b-d; LdR. IV. 332. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 35a, 37d; LdR. IV. 333.

Обеих земель» (*nbt tꜣwy*)[1], «правительница» (*ḥḳꜣt*)[2]. Она также именовалась «женщиной-фараоном» (*pr ꜥꜣt*)[3] и «женщиной-Хором» (*Ḥrt*)[4], что подчеркивало высокий статус. Титул «дочери Ра» (*sꜣt Rꜥ*)[5] связывал Клеопатру III не только с Арсиноей II, в чьей короне та несколько раз изображена на рельефах храмов[6], но также с богинями Маат и Хатхор[7]. Следует отметить, что титулы «дочь Ра» и «женщина-Хор», несомненно, отмечавшие царское достоинство и власть, ранее принадлежали также Хатшепсут[8]. Титул Клеопатры «сестры бога» (*snt nṯr*)[9] также

Храм Тота Каср эль-Агуз: Kasr el-Agouz. P. 29, 99, 100, 103; LdR. IV. 333.

[1] Храм Тота (Дакка): LD. IV. 38e, LdR. IV. 332. Храм на о. Филе: LD. IV. 35 b-d, 42c; LdR. IV. 332 Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 35a, 37d; LdR. IV. 333. Спеос храма в эль-Каб: LD. IV. 37b; LdR. IV. 333. Храм Тота в Мединет-Абу: Kasr el-Agouz. P. 29, 99, 100, 103; LdR. IV. 333.
Южная внешняя стена храма в Дейр эль-Медине: Daressy G. Note sur des bas-reliefs du temple de Deir el-Médineh // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1908. Vol. 6. P. 73; LdR. IV. 333.

[2] Храм Тота (Дакка): LD. IV. 38e, LdR. IV. 332. Храм на о. Филе: LD. IV. 35 b-d; LdR. IV. 332. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 35a, 37d; LdR. IV. 333. Храм Тота в Каср эль-Агуз: Kasr el-Agouz. P. 29, 99, 100, 103; LdR. IV. 333.

[3] Pap. Cairo CG 30602: Urk. I. 618; Spiegelberg W. Die Demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601-31270 & 50001-50022). Leipzig, 1908. S. 3–8. P. BM EA 10561: Shore A.F., Smith H.S. A demotic embalmers' agreement (Pap. dem. B. M. 10561) // Acta Orientalia. 1960. Vol. 25. P. 277–294. Pap. Paris BnF 218: Buttmann P. Op. cit. S. 89–115. P. Rylands dem. 20: Lüddeckens E. Op. cit. S. 98–103.

[4] Спеос храма в эль Каб: LD. IV. 37b; LdR. IV. 333. Южная внешняя стена храма в Дейр эль-Медине: Daressy G. Op. cit. P. 73; LdR. IV. 333. Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 49a; LdR. IV. 334.

[5] Храм Тота (Дакка): LD. IV. 38e; LdR. IV. 332.

[6] PM. VI. 167; Le temple d'Édfou. Vol. X. Pl. CLXXI-CLXXVII; Vol. XIV. Pls. DCXLVI-DCLIV.

[7] Hart G. The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses. P. 47, 62, 89.

[8] Robins G. The Names of Hatshepsut as King // The Journal of Egyptian Archaeology. 1999. Vol. 85. P. 103, 106.

[9] Храм в Ком-Омбо: LD. IV. 49a; LdR. IV. 334.

использовался для обозначения богинь Исиды[1], Нефтиды[2], Уаджит[3], Хатхор-Тефнут[4].

Рассмотренный перечень титулов птолемеевских цариц показывает, что их титулатура представляла собой особый язык власти, в котором переплетались династическая легитимация, религиозная интеграция и политические полномочия. Начиная с Береники I и особенно с Арсинои II формируется корпус титулов, закрепляющий за царицей статус не только супруги и матери царя, но и фигуры, непосредственно включенной в божественный и царский порядок. Титулатура выполняла сразу несколько функций. Во-первых, она служила средством династической памяти. Во-вторых, титулы связывали птолемеевских цариц с египетскими богинями, что продолжало традиции, начатые в период Древнего царства и получившие наибольшее развитие в Новое царство. Титулы «мать бога», «дочь Ра», «сестра бога» и др. встраивали царицу в космологический порядок, подчеркивалась их связь с Исидой, Хатхор, а также с Нейт и Маат. В-третьих, отдельные эпитеты фиксировали расширение власти цариц. Так, титул «женщина-визирь», засвидетельствованный у Береники II и Клеопатры I представляет собой адаптацию высшей мужской должности к женскому лицу. Аналогично, титул «женщина-фараон», примененный к Беренике II, Клеопатре I, Клеопатре II и Клеопатре III в демотических папирусах, указывает на признание их политического статуса.

Особое место занимает Клеопатра III, сохранявшая свой статус в периоды правления с мужем и двумя сыновьями, но ее титулатура кажется менее обширной по сравнению с Арсиноей II. Это объясняется тем, что большинство титулов

[1] Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 209. Pl. 17, 18; Le temple d'Édfou. Vol. II. P. 97. Pl. 7; Le temple de Dendara. T. X. P. 218; P. dem Louvre E 3452: Smith M.J. Remarks on the Orthography of Some Archaisms in Demotic // Enchoria. 1978. Vol. 8. No. 2. P. 17–27.

[2] Стела BM 8464: Budge W.E.A. A Guide to the Fourth, Fifth and Sixth Egyptian Rooms, and the Coptic Room. London, 1922. P. 110–111; Bénédite G. Le temple de Philae. Vol. I. P. 86.

[3] de Wit C. Les inscriptions du temple d'Opet à Karnak. Vol. I. Bruxelles, 1958. P. 49.

[4] Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 458.

Арсинои II были присвоены ей уже посмертно в рамках широкого культа и почитания, масштаба которого не достигла ни одна из последующих цариц. Кроме того, скудость данных об Клеопатре III обусловлена ограниченным числом сохранившихся надписей и изображений. При этом за Клеопатрой III были сохранены ключевые титулы – «женщина-Хор», «женщина-фараон» – подтверждавшие ее политическое влияние.

§ 3.3. Эволюция культа Исиды и его роль в культе цариц

В эллинистический период царицы династии Птолемеев отождествлялись с египетскими богинями, среди которых особое место занимала Исида. Культ этой богини в эллинистическое время был переосмыслен: Исида стала восприниматься как супруга Сераписа[1], а также вобрала в себя черты и функции других божеств. Распространение ее культа из Александрии мореплавателями и купцами по греческим и позднее римским территориям Средиземноморья сделало Исиду одной из наиболее узнаваемых богинь античного мира[2]. Как воплощение божественной богини-матери, хранительницы семьи, олицетворение справедливости и верности, Исида очевидно стала ведущей богиней династии Птолемеев[3], отождествление с ней цариц обеспечивало им статус божественных матерей и защитниц династии, гарантов преемственности и процветания.

Следует подчеркнуть, что процесс сближения образов цариц и Исиды был сложным и неоднородным. Его развитие зависело от политического положения цариц при дворе и формировалось с введением специфической титулатуры, развитием особой иконографии и учреждением жреческих должностей.

Ключевым фактором, сделавшим Исиду центральной богиней для отождествления в рамках культа цариц, было то, что сама природа ее культа содержала аспекты власти: египетская Исида изначально обладала царственными

[1] Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 389; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 246–276.
[2] Pomeroy S.B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. P. 39.
[3] Plantzos D. Op. cit. P. 389.

и благодетельными чертами, которые стали только яснее, в ходе взаимовлияния культов греческих богинь. Через отождествление с Исидой царица включалась в сакрально-династическую систему, а сама царская семья связывалась семьей Исиды и Осириса, что было важным элементом легитимации власти[1]. Этот процесс начался с присвоения царицам культовых эпитетов Исиды, о которых было сказано выше, а в дальнейшем, как показывает пример Клеопатры III, завершился их фактическим отождествлением с богиней[2].

Главной ролью Исиды, которая напрямую способствовала ее отождествлению с птолемеевскими царицами, была роль матери Хора – законного наследника престола. В египетской религиозно-мифологической традиции Исида – божественная мать или «великая мать богов»[3], чье материнство неразрывно связано с идеей царской власти: она рождает и защищает Хора-царя. Это качество подчеркивалось в надписях и культовых практиках, где она выступала как «владычица дворца»[4]. Ее имя буквально означает «трон», что напрямую ассоциировалось с символикой царской власти[5]. Эта связь между богиней-матерью и царством была естественным образом перенесена на птолемеевских цариц. Посредством отождествления с Исидой, царица воспринималась не просто как супруга, но как божественная мать, которая дарует и поддерживает царскую власть своего сына.

Эта символическая роль была не только религиозной, но и политической. Исида, как мать Хора, обеспечивала легитимность царской династии. На о. Филе

[1] Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty. P. 165–186; Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers. P. 431–445; Minas-Nerpel M. Ptolemaic Queens in Egyptian Temple Reliefs… P. 809–821.

[2] Malaise M. Le basileion, une couronne d'Isis: origine et signification // Elkab and beyond: Studies in Honour of Luc Limme / Eds. W. Claes, St. Hendrickx, H. de Meulenaere. Louvain, 2009. P. 447; Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vol. I. P. 237–246.

[3] Junker G. Der grosse Pylon des Tempels der Isis in Philä. S. 21.

[4] Ibid. P. 72.

[5] Bonnet R. Reallexikon der aegyptischen Religionsgeschichte. Berlin, 1952. S. 326–332.

она изображалась как «владычица всех богов», которой Ра даровал трон[1]. Она всемогуща среди людей и богов и царствует не только над Египтом, но и над всеми народами[2]. Она также является гарантом царской власти, что позволяет ей существовать вечно. Данный образ оказался чрезвычайно значимым для Птолемеев, стремившихся утвердить сакральную природу своего правления. Таким образом, роль Исиды как матери и защитницы наследника трона стала значимым аспектом, в котором с Исидой ассоциировались некоторые из цариц Птолемеев: Клеопатра I, а также Клеопатра II и III.

Другая роль Исиды проистекала из ее функции дарительницы благ. Эта роль оказалась созвучна эллинистическим представлениям о божественном покровительстве[3]. В этом контексте Исида активно отождествлялась с греческими богинями: Афродитой, Деметрой и Тюхе, с ними же, в свою очередь ассоциировались птолемеевские царицы, посредством заимствования атрибутов или эпитетов.

Отождествление Исиды с Афродитой, богиней любви и красоты, было широко распространено и, по-видимому, восходит к началу Птолемеевского периода[4]. Оно имело глубокие корни в египетской традиции, поскольку греческим эквивалентом Афродиты была Хатхор, богиня любви и радости, покровительница женщин[5]. В поздний период Исида и Хатхор часто отождествляются, и Исида, подобно Хатхор, считалась «владычицей сикоморы» и богиней-коровой, что воплощало ее защитную и благодатную функцию[6]. Таким образом, Исида-Афродита, хотя и имела греческий облик, сохраняла свои исконно египетские качества, что делало ее подходящей богиней для отождествления с царицами[7].

---

[1] Junker G. Op. cit. P. 21.
[2] Dunand F. Op. cit. P. 64.
[3] Junker G. Op. cit. P. 76; Dunand F. Op. cit. P. 153.
[4] SB I 5863.
[5] OGIS II 661.
[6] Dunand F. Op. cit. P. 84.
[7] Ibid. 81.

Отождествление Исиды с Деметрой, богиней земледелия и плодородия, также имеет древние корни, о чем свидетельствует Геродот[1]. Исида-Деметра, имевшая эпитеты «приносящая плоды» (καρποτόκος)[2] и «дарительница богатства» (πλουτοδότας)[3], являлась покровительницей аграрных культов, особенно в сельских районах, таких как Файюм. Хотя формально Исида в эллинистический период заимствовала атрибуты Деметры, например, пшеничный колос[4], связь с сельским хозяйством была свойственна Исиде и ранее, поскольку миф об Осирисе и Исиде носил в том числе и аграрный характер. Кроме того, Исида была давно отождествлена с египетской богиней жатвы Рененутет[5]. Таким образом, заимствование в рамках династического культа атрибутов Исиды способствовало представлению цариц как дарительниц процветания и изобилия для всего царства.

Кроме того, в птолемеевский период Исида также изображалась с рогом изобилия, что свидетельствует о ее отождествлении с Тюхе – богиней судьбы и удачи[6]. Исида-Тюхе, как считает Ф. Дюнан, считалась защитницей Александрии, и символизировала процветание, принесенное новой династией[7]. Царица-Исида-Тюхе воспринималась как личная покровительница и воплощение удачи всего царства Птолемеев. Она была не просто богиней, а персонификацией Тюхе (благополучия/удачи) самого Египта. Эта ассоциация была особенно важна для царской власти, поскольку правители стремились представить себя как источник удачи и благополучия для своих подданных.

Третья важнейшая роль Исиды проявлялась в ее покровительстве мореплаванию. В египетской мифологии этот аспект не был столь развит, но

---

[1] Hdt. II 59.

[2] Breccia E. Iscrizioni greche e latine. Le Caire, 1911. No 318; Bernand E. Inscriptions métriques de l'Égypte gréco-romaine. P. 19.

[3] Bernand A. Les inscriptions grecques de Philae. Vol. II. Paris, 1969. No 166.

[4] Dunand F. Op. cit. P. 86.

[5] Leibovitch J. Gods of Agriculture and Welfare in Ancient Egypt. //Journal of Near Eastern Studies. 1953. Vol. 12. No. 2. P. 105–106; Dunand. Vol. I. p. 89.

[6] Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses.

[7] Dunand F. Op. cit. P. 92.

логично вытекал из мифа, согласно которому Исида путешествовала по миру в поисках частей тела Осириса. В эллинистическую эпоху, когда могущество царства напрямую зависело от контроля над морскими путями, этот образ получил значительное развитие. Связь с мореплаванием могла возникнуть либо из-за традиционного образа ладьи, на которой передвигались египетские боги, либо из-за статуса Александрии, как крупного торгового порта. От покровительницы города ожидалось, что она будет защищать тех, чьи занятия приносили ему процветание[1]. Исида, как и Афродита, была наделена эпитетом «благополучное плавание» (εὔπλοια), что отражало ее функцию защитницы всех морских предприятий[2]. Исида Евплойя рождается из образа Арсинои-Афродиты Евплойи[3], что показывает прямое слияние божественного и царского образов.

Эпитет спасительница (σώτειρα) также часто встречается в посвящениях, адресованных Исиде[4]. К Исиде-спасительнице обращались за помощью в ситуациях различного рода: для исцеления от болезни или же для защиты в предстоящем военном сражении[5]. Храм, посвященный «Исиде-Спасительнице», располагался на мысе Лохиас в Александрии[6]. Через отождествление с Исидой-Спасительницей царицы представали как защитницы своего народа и царства от внешних и внутренних угроз. Этот аспект культа Исиды, наряду с ее ролью дарительницы благ и матери наследника, был также важен в рамках взаимовлияния с культами птолемеевских цариц.

Кроме того, царственность богинь Исиды и Хатхор конкретизируется настолько, что обе они часто носят титул «Царица Верхнего и Нижнего Египта»[7]. В храме Дендеры есть изображения, хорошо характеризующие царственность

[1] Dunand F. Op. cit. P. 94.
[2] Bricault L. Isis, Dame des flots. Liège, 2006. P. 22–36.
[3] Legras B. Sarapis, Isis et le pouvoir lagide. P. 97.
[4] Dunand F. Op. cit. P. 99.
[5] Ibid. P. 158.
[6] Ibid. P. 111.
[7] Le temple d'Edfou. Vol. VII. P. 126; Le temple de Dendara. T. II. P. 100. Кроме того, следует подчеркнуть, что главная богиня Дендеры – Исида-Хатор.

Исиды: в часовне E слева от святилища на западной стене над дверью справа Тот, Хнум, царь и царица (оба с пустыми картушами) стоят перед к сидящей на троне «Божественной матерью» Исидой; позади нее стоит Нефтида, которая обращается к Исиде как к «Женскому солнцу, Владычице Обеих Земель»[1]; Исида носит большую двойную корону. В другой сцене на северной стене западного фасада в третьем регистре Исида названа царицей Верхнего и Нижнего Египта, дочерью Геба, правительницей Двух Водоемов, благородной и могущественной, госпожой богов и богинь (*Nsyt-bityt…sꜣt Gb, ḥnwt Ḳbḥwy, špst wsrt, ḥnwt nṯrw nṯrwt*…)[2]. Поскольку Исида родила Харпократа, она гарантировала непрерывность земного порядка. Но сама она не только наблюдала и властвовала как всемогущая царица над небесным космосом, но и могла пониматься как полноправная царица в земной сфере.

Таким образом, в эллинистический период оформляются важные функции Исиды – матери, подательницы благ и морской покровительницы, и этот процесс разворачивается одновременно со становлением культа самих цариц. Распространение Исиды в эллинистической среде и ее сближение с греческими богинями шло естественным путем, через повседневные религиозные контакты, благодаря чему ее образ становился все более узнаваемым не только для египтян. Параллельно с этим шел процесс сакрализации птолемеевских цариц, которые в рамках культа выступали хранительницами династической преемственности, аграрного изобилия и позднее защитницами царя, появляясь с ним в сценах поражения врагов. Две традиции развивались бок о бок, постоянно пересекаясь в культовой практике, и в этой ситуации попытка слияния их в едином обожествленном образе – Клеопатры III – выглядит как естественное пересечение двух параллельных путей, которые на определенном этапе и при сопутствующих политических обстоятельствах сошлись в одной точке.

[1] Le temple de Dendara. T. II. P. 103–105, Taf. CXVIII.

[2] Cauville S. Le temple de Dendara: la porte d'Isis. P. 129, tab. no 47.

Как правило, отождествление с Исидой проявлялось косвенно и эпизодически, чаще всего через заимствование божественных эпитетов. Также на различных памятниках, как уже было рассмотрено в предыдущих главах, царицы изображались с божественными атрибутами, свойственными Исиде. Кроме этого, важным явлением, вызывающим ассоциации с Исидой, служил династический брак Птолемеев.

Таким образом, связь птолемеевских цариц с богиней Исидой проявлялась через конкретные элементы. Первым примером сближения образа царицы с Исидой является Береника I. Царицу и богиню объединяла общая роль – матери наследника. На стеле из Ком Эль-Хисн, Береника I изображена стоящей слева от своего мужа в конце процессии предков-Птолемеев в короне из коровьих рогов и солнечного диска. Надпись над изображением гласит: «мать бога Береника» (*mwt nṯr Brnyɜḳt*), ее супруг Птолемей I предстал в короне Осириса и назван «отец бога Птолемей» (*it-nṯr Ptwlmys*) [1]. Данный эпитет Береники I вновь появляется на Вратах Птолемея Эвергета в Карнаке[2].

Арсиноя II почиталась с Исидой в ее храме на о. Филе в качестве богини, разделяющей храм (σύνναος θεά)[3]. Также царице, отождествленной с Тюхе и Исидой, поклонялись на Делосе[4]. Улицы Александрии, названные в честь Арсинои II с различными божественными эпитетами, включая «несущая плоды» (καρποφόρος) и «элевсинская» (Ἐλευσίνια), свидетельствуют о взаимосвязи культа царицы с культом Деметры[5]. При этом Д.Б. Томпсон ссылается на названия улиц в честь Арсинои с эпитетами «несущая плоды» (καρποφόρος) и «побеждающая»

[1] Corpus of Ptolemaic Inscriptions Vol. 1. P. 308.
[2] PM. II. 225.
[3] Cerfaux L., Tondriau J. Le culte du souverain dans la civilisation gréco-romaine. Tournai, 1957. P. 211; Sauneron S. Un document égyptien relatif à la divinisation de la reine Arsinoé II. P. 94; Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 134.
[4] Smith A. C. Queens and empresses as goddesses: The public role of the personal tyche in the Graeco-Roman world. P. 90.
[5] van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 450.

(νικήεις) в качестве примера ассоциации именно с Исидой[1]. На рельефах на Филе и Карнаке Арсиноя II изображена позади Исиды[2]: царица не просто второстепенный персонаж, а занимает место рядом с богиней. Храм на о. Филе особенно показателен: основанный и расширенный при Филадельфе, он соединяет культ Исиды с культом обожествленной Арсинои. Птолемей II на рельефах выступает как божественный сын (Хор), получающий царское наследие от Исиды; надписи фиксируют, что Исида наделяет его властью[3]. Арсиноя неоднократно изображается на о. Филе рядом с Исидой, ей приписан длинный ряд царских и божественных титулов, идентичных эпитетам Исиды[4], использование которых, как отмечает Л.В. Жабкар, подчеркивает тесную связь между богиней и царицей, которая должна была разделять функции Исиды[5]. Таким образом, на о. Филе Исида, божественная мать, и Арсиноя, которая разделяет с богиней храм, принимают подношения от живого Хора – Птолемея[6]. Схожая ритуальная роль Арсинои встречается в храме Хонсу в Карнаке[7].

---

[1] Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. P. 110. Именно в контексте взаимовлияния культов Исиды и Деметры.

[2] Приложение № 7.3. Врата Птолемея II, северная перегородка, обращенная на восток, первый регистр; Приложение № 7.4. Южная перегородка, обращенная на восток, нижний регистр; Приложение № 7.5. Камера I, северная перегородка, восточная сторона, нижний регистр; Приложение № 7.6. Камера V, южная перегородка, западная сторона дверного косяка; Приложение № 7.7. Камера VII, северная перегородка, восточная сторона двери, нижний главный регистр; Приложение № 7.8. Камера X, восточная перегородка, нижний регистр; Приложение № 7.9. Камера X, западная перегородка, нижний регистр. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45.

[3] PM. II. 245; Žabkar L.V. Hymns to Isis in her Temple at Philae. P. 27, 163. Подробнее о представлении Птолемея II в надписях данного храма как Хора см. Žabkar L.V. Op. cit. P. 25, 320.

[4] Žabkar L.V. Op. cit. P. 58, 89–90; Eaton K. Ancient Egyptian Temple Ritual: Performance, Pattern, and Practice. New York, 2013. P. 166; LÄ V. P. 214–216.

[5] Žabkar L.V. Op. cit. P. 116.

[6] Salem Z. M. Arsinoe II as an Image of Isis in Egyptian Source Materials // Current Research in Egyptology 2022. Proceedings of the Twenty-Second Annual Symposium, Université Paul-Valéry Montpellier 3, 26-30 September 2022 / Eds. A. Bouhafs et al. Oxford, 2023. P. 321.

[7] Арсиноя II появляется в одной из сцен, стоя позади бога Хонсу. Птолемей II получает от Хонсу весло и сосуд. Надпись, сопровождающая царицу, гласит, что Арсиноя завещает Птолемею II

В скульптуре и стелах также наблюдается заимствование атрибутов и эпитетов Исиды для изображения царицы. Колоссальная статуя Арсинои II в Ватикане содержит титул «образ Исиды» (*tit ỉst*)[1]. На Пифомской стеле, где Арсиноя II изображена дважды, позади Исиды, ее идентичные атрибуты и позиция говорят о ее неразрывной связи с богиней[2]. Наконец, титулы царицы «любимая барана» (*mrỉ*(*t*) *bꜣ*)[3], «дочь Мерху-быка» (*sꜣt Mrhw*)[4], «дочь Геба» (*sꜣt Gb*)[5], «дочь Ра» (*sꜣt Rˁ*)[6] являющиеся эпитетами Исиды, не оставляют сомнений в том, что культ Арсинои находился в тесной связи с культом Исиды[7].

Как уже отмечалось, Арсиноя II, Береника II и Арсиноя III изображались на ойнохоях, где их образы отсылали к богиням Тюхе и Исиде[8]. Минимум на четырех из этих кувшинов сохранилась надпись «Агате Тюхе Арсинои Филадельфы Исиды (Ἀγαθῆς Τύχης Ἀρσινόης Φιλαδέλφου Ἴσιδος)[9]. А поскольку изображения на всех

девять луков вместе, пока он правишь на земле на троне Хора. Анализ текста указывает на связь между ним и надписью на о. Филе, где Исида завещает наследство своего сына Хора Филадельфу. Следовательно, Арсиноя здесь фигурирует как «Арсиноя Исида» Carney E.D. Arsinoe of Egypt and Macedon: A Royal Life. P. 108; Salem Z. M. Arsinoe II as an Image of Isis in Egyptian Source Materials. P. 322.

[1] Nilsson M. The crown of Arsinoë II… P. 404.

[2] Urk. II. P. 81–105. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville; Naville E. La stèle de Pithom. P. 66–75; Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. S. 157–167; Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 392–394.

[3] Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 201.

[4] Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[5] Приложение № 9.19. Статуя из храма в Гелиополе (Григорианский Египетский музей Ватикана, инв. № 22681): LdR. IV. 241; Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Op. cit. P. 47–48.

[6] LdR. IV. 242; Troy L. Op. cit. P. 178.

[7] Quaegebeur J. Documents Concerning the Cult of Arsinoe Philadelphus at Memphis. P. 246.

[8] Британский музей инв. № GR 1873.8-20.389; GR 1856.12-26.192; музей Гетти в Калифорнии инв. № 96.AI.58; Метрополитен музей инв. № 26.7.1016: Bianchi R.S. Cleopatra's Egypt: Age of the Ptolemies. P. 68; Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult.

[9] Thompson D. B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos. P. 172.

ойнохоях унифицированы, можно предположить, что Береника II и Арсиноя III также могли отождествляться с Исидой[1].

Ассоциация Береники II с Исидой подтверждается упоминанием в папирусе священного участка, отведенного ей и Исиде-Афродите[2]. Связь образа Береники II с Исидой проявляется прежде всего в роли матери и хранительницы династии. Ее ассоциации с богиней были тесно связаны с темой плодовитости, что было особенно важно для династии, которая нуждалась в наследниках. Строительство маммиси («дома рождения») рядом с храмом Исиды, посвященного рождению сына богини, стало зримым посланием, подтверждающим, что царица – живое воплощение божественной силы плодородия, обеспечивающей преемственность рода[3]. Участие Береники II и Птолемея III в шествиях богов плодородия в этом месте подчеркивало, что они, подобно Исиде и Осирису, заботятся о жизненных силах и изобилии Египта[4]. Этот мотив проявляется также на стеле из Ком эль-Хисна, где введение праздника в честь Птолемея III и Береники II приходится на день восхода звезды Исиды (Сотис)[5]. Появление звезды Сотис предвещало разлив Нила и, следовательно, грядущий урожай, а значит, изобилие и процветание страны.

На рельефах храма Хора в Эдфу Арсиноя III изображена с традиционными атрибутами Исиды и Хатхор, такими как корона с солнечным диском и рогами, и

---

[1] Clayman D. L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 169.

[2] P. Petr.[2] I. Colin F. Le P. Petr.[2] I, 1, les terres cuites isiaques et le culte d'Isis et Aphrodite-Hathor // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists / Ed. A. Bülow-Jacobsen. Copenhagen : Museum Tusculanum Press, 1994. P. 534–539; Colin F. L'Isis" Dynastique" et la Mère des dieux phrygienne: Essai d'analyse d'un processus d'interaction culturelle // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Vol. 102. P. 273; 284–285. Свидетельство вызывает сомнения, поскольку больше нигде не встречается упоминание подобного участка. Сохранность папируса неудовлетворительна, поэтому исследователи не имеют единого мнения по поводу того, как трактовать отрывок с упоминанием данного священного участка.

[3] Daumas F. Les mammisis des temples égyptiens.

[4] Vassilika E. Ptolemaic Philae. P. 38–43.

[5] Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 132; Birch S. Records of the past; being English translations of the Assyrian and Egyptian monuments. London, 1874. P. 81; Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. P. 119.

держит в руке знак-анх[1]. На стеле из Мемфиса, где зафиксирован Рафийский декрет, Арсиноя III представлена, как считают Х. Тиссен, Г. Хольбл и Ф. ван Оппен, рядом с царем в образе Исиды, с головным убором в виде грифа, короной с высокими перьями и папирусовидным посохом[2]. Ее присутствие рядом с царем на таком важном документе подчеркивало, символическую связь с Арсинои III и Птолемея IV с Исидой и Осирисом, которые совместно охраняли Египет от врагов.

Таким образом, первые царицы династии отождествлялись с Исидой как с божественной матерью, подательницей благ, процветания и защитницей. Но если ранее цариц ассоциировали с Исидой в роли верной, благодетельной супруги, матери, впоследствии в это отождествление вкладывались определенные коннотации власти. Царица, связанная с данной богиней, являлась гарантом стабильности династии, защитницей, что проявилось уже в иконографии Арсинои III. В некоторых случаях эта функция приобретала политическое измерение, когда царица выступала в роли регента при малолетнем наследнике.

Как отмечает М. Минас-Нерпель, Клеопатра I сыграла важную роль в развитии культа цариц, который усилился при ее дочери и внучке, но лишь вскользь упоминает аспект наследия[3]. Клеопатра I носила титул «мать бога»[4] по отношению к своему сыну Птолемею VI, который позднее приобрел эпитет «любящий мать» (Φιλομήτωρ)[5]. Она стала регентом при шестилетнем сыне[6], о чем

[1] Grenier J.C. Deux documents au nom de Césarion. P. 250, 254; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht: Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptische Tempeln. P. 141.

[2] Thissen H.-J. Studien zum Raphiadekret. Pls. 1–2; Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 163. Fig. 6.1; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 482.

[3] Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 68.

[4] Храм в Эсне, гипостильный зал: LD. IV. 22c; LdR. IV. 287.

[5] LdR. IV. 260; LD. IV. 22c; PM. VI. 116; Troy 1986, 179 (P.5 and 7: C1/9)

[6] Whitehorne J. Cleopatras. P. 86–87; Hölbl G. Op. cit. P. 142–143; Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit, 332-30 v.Chr. P. 537–540.

свидетельствуют протоколы датировки, где ее имя упомянуто перед именем сына[1]. Клеопатре I, как и Исиде, пришлось оплакивать кончину своего мужа, она стала защитницей их сына так же, как Исида для Хора[2]. Именно с Клеопатры I в династии Птолемеев начинается осмысление роли царицы не только как супруги и матери, но и как носительницы власти. Этот аспект стал более ярким и значимым при последующих царицах.

Клеопатра II – одна из наиболее сложных и противоречивых фигур в истории династии. Ее тесная связь с Исидой отражена преимущественно в эпиграфических источниках. Так, на переднем пилоне храма в Фивах Птолемей VI и Клеопатра II изображены совершающими подношения Исиде[3], причем царица делает подношение самостоятельно, а не просто сопровождает царя или приветствует его. Для сравнения в Гипостильном зале храма Исиды в Филе на рельефе изображены Птолемей VIII, Клеопатра II (жена и сестра) и Клеопатра III (жена и дочь), при этом последняя – без подношений с поднятой рукой, а Клеопатра II держит в обеих руках сосуды, что указывает на ее более важную роль в ритуальной сцене[4]. Авторитет Клеопатры II при дворе был чрезвычайно высок, и, именно благодаря ее политическому влиянию и умению привлекать союзников, Птолемей VIII и Клеопатра III с детьми были вынуждены покинуть Египет. В этот период Клеопатра II временно правила единолично, приняв имя Клеопатра Филометора Сотейра[5], тем самым связывая себя с братом и первым мужем Птолемеем VI Филометором, с

[1] P. Freib. III.12 (βασιλευόντων Κλεοπάτρας τῆς μητρὸς θεᾶς Ἐπιφανοῦς καὶ Πτολεμαίου τοῦ Πτολεμαίου θεοῦ Ἐπιφανοῦς). Partsch J., Wilcken U. Juristische Urkunden der Ptolemäerzeit. Heidelberg, 1927. P. 6–7.

[2] Koenen L. The Ptolemaic king as a religious figure. P. 64.

[3] Junker H. Der grosse Pylon des Tempels der Isis in Philä. S. 153.

[4] Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 74, Fig.3.

[5] Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1. S. 54; Hölbl G. A history of the Ptolemaic Empire. P. 197–204; Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World. P. 30.

основателем династии Птолемеем I Сотером[1], а также с Исидой, имеющей эпитет Сотейра.

Во время противостояния двух монархов ок. 131 г. до н.э. для Клеопатры III было учреждено особое жречество: священный жеребенок Исиды, великой матери богов[2]. Г. Хельбль предполагает, что таким образом Клеопатра III возвысилась над своей матерью, Клеопатрой II. Особый статус нового жреца отражен в протоколах датировки, где священный жеребенок стоит после жреца Александра, но перед всеми другими жрицами[3]. Это свидетельствует о понижении статуса предыдущих цариц и повышении статуса Клеопатры III, что продолжалось и в период ее совместного правления с сыном Александром[4]. Отождествление Клеопатры III с Исидой подтверждается также иконографически: колоссальные статуи Клеопатры III, найденные в Тонис-Гераклейоне, воплощают ее связь с Исидой в монументальной форме[5]. Эти гигантские статуи, установленные в крупном торговом центре, передавали ясное послание: Клеопатра – источник процветания и благополучия всего царства. Ее образ становился символом стабильности и изобилия, которые она, как живая богиня, даровала своим подданным.

Таким образом, титулатура, иконография и институт жречества транслировали сакральный образ царицы, напрямую влияя на легитимацию ее власти через визуальное, ритуальное и институциональное закрепление связи с богиней Исидой.

---

[1] Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (iie siècle av. J.-C.). P. 164.

[2] P.dem. Ehevertrage 8D, 8Z: Grunert S. Der Kodex Hermopolis und Ausgewahlte Private Rechtsurkunden aus dem Ptolemaischen Agypten. Leipzig, 1982. P. 131–134; P. dem. Ehevertrage 37; P.dem. Cairo II 30609: Spiegelberg W. Die Demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601-31270 & 50001-50022). S. 3–5.

[3] Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. P. 199; P.dem. Ehevertrage 8D, 8Z: Grunert S. Op. cit. P. 131–134. P. Dem. Memphis 6: Martin C. J. Demotic papyri from the Memphite Necropolis: in the collections of the National Museum of Antiquities in Leiden, the British Museum and the Hermitage Museum. Papers on archaeology of the Leiden Museum of Antiquities 5. Turnhout, 2009.

[4] Подробнее об этом см. Hölbl G. Op. cit. P. 204–210.

[5] Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I. P. 143–145.

Хотя тенденция к сближению образа птолемеевских цариц с Исидой прослеживается, этот процесс был сложным и неоднородным, что позволяет высказать ряд замечаний. В первую очередь, сложно говорить о строгой хронологической прогрессии. Так, Арсиноя II отождествлялась с Исидой через титулы и статус богини, «разделяющей храм» (σύνναος θεά), однако последнее относилось не только к храмам Исиды. При этом последующие правительницы, например, Арсиноя III, связаны с Исидой в меньшей степени, хотя такое ощущение может возникать из-за того, что культ Арсинои II был значительно более распространен и просуществовал дольше культов других цариц. Учреждение Клеопатрой III целого ряда жреческих должностей, которые отсылали к культам Деметры и Афродиты, может рассматриваться как попытка расширить цепь ассоциаций с богинями, так и свидетельство религиозного синкретизма, в результате которого культ Исиды «впитывал» культы других богинь – Афродиты, Деметры, Хатхор – соответственно новые жречества усиливали сакральный образ царицы именно потому, что отражали этот синкретизм.

Показательным примером, опровергающим линейность процесса, является конфликт Клеопатры II и Клеопатры III. Учреждение для последней жречества священного жеребенка Исиды было не столько последовательным этапом в развитии культа, сколько одним из средств для внутридинастической борьбы, призванным идеологически возвысить Клеопатру III над матерью. Это демонстрирует, что «накопление практик» часто было следствием сиюминутной политической конъюнктуры, а не реализации долгосрочного плана.

Таким образом, развитие связи культа цариц с культом Исидой было ситуативным, движимым политической прагматикой. Проведенный анализ позволяет проследить корреляцию между усилением роли и статуса цариц при дворе Птолемеев и углублением их ассоциации с богиней Исидой. На начальном этапе, при первых Птолемеях, отождествление цариц с Исидой носило в основном символический характер. Перелом наступил, когда царицы получили реальное

политическое влияние, наивысшая точка этого процесса наблюдается в правление Клеопатры III.

Выводы к главе

Сакрализация образа птолемеевских цариц, основанная на их ассоциации с египетскими богинями, в особенности с Исидой, являлась основой для укрепления культа цариц и оправдания растущей политической роли отдельных представительниц царской семьи. Следовательно, образ некоторых цариц трансформировался от пассивной супруги, сопровождающей царя, до самостоятельной действующей фигуры. В этом Птолемеи опирались на узнаваемую традицию, уходящую корнями в эпоху Нового царства: именно сюжеты храмовых рельефов фараонов-предшественников, где царицы иногда выступали как участницы или самостоятельные исполнительницы ритуалов, предоставили образец для изображения политической активности эллинистических цариц. Это касается поздних цариц: Клеопатры I и Клеопатры II. Наиболее показательным стало правление Клеопатры III, которая, правила сначала совместно с младшим, а затем со старшим сыном, отодвигая их жен на второй план.

Сакрализация образа царицы достигалась посредством иконографии и титулатуры. Божественные эпитеты, например, «мать бога», «дочь Ра» или «сестра бога», встраивали цариц в сакральную генеалогию, а титулы «женщина-визирь» и «женщина-фараон» фиксировали расширение политических полномочий.

К правлению Клеопатры II и Клеопатры III в культе цариц все сильнее проявляются ассоциации с Исидой, поскольку ее культ объединял ключевые аспекты верховной власти: она была матерью Хора, дарительницей благ и защитницей/спасительницей, а кроме того переняла эпитеты и функции других богинь: Афродиты, Деметры, Тюхе, Хатхор. Процесс сакрализации был ситуативным, и ассоциация царицы с Исидой позволяла отдельным представительницам династии оправдывать высокий политический статус, включая соправление и регентство.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование, охватившее период от брака Птолемея I и Береники I (319–318 гг. до н.э.) до смерти Клеопатры III (101 г. до н.э.), было направлено на систематическое изучение культа цариц. В работе были последовательно решены задачи, обеспечившие выполнение основной цели диссертации – выявление эволюции и характерных черт культа цариц Птолемеев в IV–II вв. до н.э.:

1) Реконструирована институциональная структура культа: проанализировано происхождение культа цариц и жреческих титулов и характер их трансформации, а также степень смешения египетских и греческих религиозных форм культа.

2) Проанализирована роль публичных празднеств как способа распространения и закрепления культа цариц как в культовых центрах, так и в провинциях.

3) Проанализирован корпус памятников материальной культуры, относящихся к греческой изобразительной традиции, с целью выявления форм визуального уподобления птолемеевских цариц греческим богиням.

4) Охарактеризованы поэтическая репрезентация, участие в агонах и близкородственный брак как способы династической пропаганды, направленные на сакрализацию образа царицы.

5) Исследован корпус памятников материальной культуры, относящихся к египетской изобразительной традиции, с целью выявления форм визуального уподобления цариц египетским богиням, в первую очередь – Исиде, культ которой распространялся в этот период в греко-македонской среде Египта.

6) Рассмотрен процесс заимствования эпитетов египетских богинь и их отражение в титулатуре цариц.

Соответственно первая и вторая задачи были решены в первой главе исследования, что позволило сделать следующий вывод: институциональная

структура культа цариц сочетала греческую форму: эпонимные жречества в Александрии и Птолемаиде, – с почитанием цариц как «богинь, разделяющих храмы» в египетских святилищах. В то время, как происхождение высокого статуса эллинистических цариц в целом можно связать с македонской традицией, происхождение культа птолемеевских цариц восходит к посмертному обожествлению Арсинои II и учреждению первой жреческой должности – канефоры. Новых эпонимных жриц представляли на праздниках, которые обеспечивали регулярное почитание цариц как в столице, так и в областях с греко-македонским населением. При этом замечено, что институт, изначально созданный для посмертного почитания цариц, как предков, покровительствующих правящей чете, трансформируется: жрицы назначаются для живых цариц (Клеопатры II и III), с целью поддержки их авторитета и политической позиции в условиях борьбы за власть. И титулы новых жриц специально выносятся перед уже существующими, чтобы подчеркнуть главенство культа над посмертными культами других цариц.

Третья и четвертая задачи были решены во второй главе исследования, в ходе которой была рассмотрена специфика почитания цариц в греческой среде, где в рамках культа их образы сближались с образами греческих богинь. Установлено, что это достигалось через заимствование узнаваемых божественных атрибутов. При этом общий стандарт, заданный посмертными изображениями Арсинои II, повторялся у последующих цариц с некоторыми изменениями: одинарный рог вместо двойного, присутствие новых атрибутов (например, прически в виде локонов). Кроме иконографии, эллинистическая поэзия уподобляла цариц богиням и эпическим героиням. Также именно поэзия оправдывала близкородственный брак Арсинои II и Птолемея II, ставший впоследствии одной из причин, которые обосновали права цариц на регентство и соправление. В то же время победы в гонках колесниц на общегреческих играх публично демонстрировали божественное благоволение царицам, и повышали их престиж и авторитет среди греко-македонской элиты.

Наконец пятая и шестая задачи были решены в третьей главе исследования, в ходе которой нами была исследована специфика почитания цариц в египетской среде. Установлено, что сближение образа цариц с египетскими богинями достигалось через заимствование у последних их божественных атрибутов и эпитетов. При этом выявлено, что на статуях цариц и эпизодически на стелах проявляются элементы не греческой, а эллинистической традиции – одеяние с узлом Исиды, прическа в виде локонов. Хотя изображения на храмовых рельефах оставалась консервативными, в то же время возникла необходимость отразить возросший статус царицы, что проявилось в пространственном разделении сцен, где царь и царица, совершают подношения богам, позиционно более близком положении царицы к богам, чем царя, а также в отдельных сценах, изображающих царицу, самостоятельно совершающую подношение. Данная тенденция, впервые зафиксированная в иконографии цариц Нового царства, была повторена в иконографии птолемеевских цариц. Образы цариц сближались с образами Хатхор, Нехбет, но более всего – с Исидой, чей культ в эллинистический период вобрал в себя черты египетских и греческих богинь. Развиваясь в данном русле параллельно с культом цариц, культ Исиды оказался отождествлен с культом царицы в правление Клеопатры III.

Кроме иконографии, начиная с культа Арсинои II, формируется корпус титулов, которые выполняли несколько функций. Титулы служили для выражения династической преемственности, связывали птолемеевских цариц с египетскими богинями, что продолжало традиции, получившие наибольшее развитие в Новом царстве. Также отдельные титулы: «женщина-визирь» (*ṯꜣtyt*) у Береники II и Клеопатры I и «женщина-фараон» (*pr ʿꜣt*) у Береники II, Клеопатры I, Клеопатры II и Клеопатры III, – указывают на признание их политического статуса.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает положения, сформулированные во введении:

1) Назначение на должности жриц культа цариц, приуроченное к династическим праздникам и сопровождавшееся их участием в официальных

торжествах, стало институциональной основой культа цариц. Положение жрицы в датировочных формулах папирусов, равно как и ее индивидуальный титул стали индикаторами, значимости культа конкретной царицы. При этом институт эпонимного жречества, восходивший к греческой религиозной традиции, был адаптирован в птолемеевском Египте, что проявилось в появлении новых жреческих титулов и специфических культовых атрибутах.

2) При Клеопатре III жречество культа цариц достигло наибольшего расцвета и стало действенным средством легитимации женского правления. Учреждение новых жреческих должностей и изменение их положения в иерархии, отраженной в датировочных формулах греческих и демотических папирусов, обеспечили Клеопатре III приоритетный статус сначала царицы-жены, а затем царицы-матери по отношению к царице-сестре, а затем – к царю-сыну и царице-дочери.

3) На рубеже IV и на протяжении III вв. до н.э. активно использовался такой способ пропаганды сакрального образа цариц, как поэзия. Через уподобление цариц греческим богиням и эпическим героиням, а также через мотив благоволения богов, благодаря которому царицы побеждали на общегреческих агонах, эллинистическая поэзия формировала представление о близости цариц к божественной сфере уже при жизни и обосновывала их последующее посмертное обожествление. Однако, предназначенные в первую очередь для взаимодействия с греко-македонской элитой, к концу III в. до н.э. эти способы утратили актуальность.

4) Подлинным и устойчивым средством утверждения статуса цариц, способствовавшим развитию их культа, стал близкородственный брак, получивший мифологическое обоснование как в греческой, так и в египетской традиции. Именно этот институт открыл царицам путь сначала к регентству, а затем – к соправлению и кратковременному единоличному правлению. Однако при Клеопатре III даже институт близкородственного брака отошел на второй план: Клеопатра III не вступает в новый брак, ей достаточно статуса царицы-матери при

сыне и дочери, заключивших династический союз, при этом политическое положение царицы-дочери оказывается заведомо ниже, за счет масштабного культа Клеопатры III.

5) Сближение образов птолемеевских цариц с образами греческих богинь являлось одним из основных средств их сакрализации в греко-македонской среде Египта и осуществлялось посредством последовательного включения в репрезентацию цариц мифологических мотивов и божественных атрибутов, связанных, прежде всего, с Афродитой, Тюхе, Деметрой, Герой. Выбор конкретных божественных параллелей определялся актуальными задачами династической пропаганды и для обоснования различных аспектов образа царицы – любящей супруги, матери, защитницы царя, подательницы процветания и изобилия. При этом греческая изобразительная традиция не испытала существенного влияния египетской традиции.

6) Сближение образа цариц с египетскими богинями достигалось через заимствование божественных атрибутов и эпитетов. Образы цариц сближались с образами Хатхор, Нехбет, Уаджит и Исидой, культ которой в эллинистический период вобрал в себя черты египетских и греческих богинь. Египетская изобразительная традиция не испытала сильного влияния греческой. В скульптуре и на отдельных стелах фиксируются эпизодические заимствования, но не столько из греческой, сколько уже из эллинистической традиции – платье с узлом Исиды и прическа из локонов. На храмовых рельефах зафиксированы минимальные композиционные изменения, основа для которых была заложена в период Нового царства. Эпизодический характер заимствований показывает, что для египетской аудитории образ цариц формировался на основе местной изобразительной традиции, тогда как для греко-македонской аудитории применялись свои средства репрезентации.

7) Отождествление цариц с богинями с Исидой развивалось не линейно, а зависело напрямую от политического статуса представительницы династии. Если при первых царицах связь с культом Исиды носила символический характер, то при

Клеопатре II и особенно Клеопатре III данная практика превратилась в средство утверждения власти. В период правления Клеопатры III культ царицы достигает максимальной идеологической насыщенности: учреждалось жречество для почитания Клеопатры III как живого воплощения богини Исиды, и прямое отождествление с Исидой служило для оправдания политического статуса Клеопатры III.

В результате нами предложено выделение *трех основных этапов* становления и развития культа птолемеевских цариц.

В ранний период на рубеже IV–III вв. до н.э., от Береники I до Береники II, происходит формирование как институциональной основы культа, так и изобразительной традиции обожествленных цариц. Институциональная основа складывается с учреждением индивидуальных эпонимных жречеств: канефоры Арсинои II и атлофоры Береники II. И если должность канефоры являлась адаптацией одноименной церемониальной должности знатных девушек на греческих празднествах в честь богов, то атлофора не имела прямых аналогов ни в одной из традиций и явно сохраняла преемственность уже с самой должностью канефоры Арсинои. В греко-македонской среде складывается устойчивая изобразительная традиция, заданная посмертными изображениями Арсинои II: диадема, стефана, вуаль и рог изобилия становятся стандартным набором атрибутов, тиражируемым на монетах, статуях и ойнохоях для последующих цариц. В египетской среде для Арсинои II создается составная корона, однако в остальном ее изображения следуют египетской традиции, сложившейся в основном в период Нового царства. Уже на этом этапе происходит заимствование атрибутов и эпитетов Исиды; более того, благодаря сюжету о локоне образ Береники II обрастал египетскими коннотациями даже в тех идеологических топосах, которые были адресованы греческой аудитории[1]. Несмотря на то, что культы других цариц также были представлены в обеих средах, именно культ Арсинои II оказался

[1] Ладынин И.А. Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х-нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации. С. 231–232.

наиболее успешным с точки зрения долговременного существования и географического распространения. Ключевым новшеством данного периода становится близкородственный брак Птолемея II и Арсинои II, получивший мифологическое обоснование как в греческой (параллели с Зевсом и Герой), так и в египетской (Осирис и Исида) традиции.

Второй этап (конец III – первая половина II в. до н.э., от Арсинои III до Клеопатры I) носит переходный характер. Наблюдается типизация жреческих титулов: исчезает прежняя индивидуализация эпонимных должностей, а прижизненное жречество Клеопатры I претерпевает изменения и служит скорее интересам ее детей-наследников, нежели развитию ее собственного культа, что, вероятно, отражает опасения относительно усиления политических позиций цариц. В политической сфере это время, когда царицы начинают претендовать на регентство, причем попытка Арсинои III оказывается неудачной, тогда как Клеопатра I успешно осуществляет регентство при малолетнем сыне. На стелах появляется образ царицы-защитницы, сопровождающей царя в сценах поражения врагов; в греческой среде этот воинственный мотив находит косвенное отражение в эпиграмме Арсинои III за авторством Дамагета и, возможно, в изображении царицы на ойнохое. Фиксируется новая изобразительная черта эллинистического времени – прическа с длинными локонами, впервые засвидетельствованная у Арсинои III и идентифицируемая исследователями как признак сакрального статуса.

Третий этап (II в. до н.э., от Клеопатры II до Клеопатры III) знаменует окончательную трансформацию института жречества: из способа посмертного почитания обожествленных цариц он превращается в средство прижизненного утверждения сакрального статуса и удержания личной власти в условиях династической борьбы. Институционально это выражается в учреждении при Клеопатре III семи новых жреческих должностей, как с индивидуальными титулами, так и с обычными титулами (жрица и жрец), включающими расширенную титулатуру царицы, включая жречество священного жеребенка

Исиды, великой матери богов. Сама царица занимает пост жрицы Александра и богов Птолемеев. Таким образом, в лице Клеопатры III образ правительницы окончательно сливается с образом божества, что служит оправданием ее политического приоритета. Политически культ становится самодостаточным способом укрепления власти: даже близкородственный брак отходит на второй план. Придворная поэзия и участие в общеэллинских агонах на этом этапе утрачивают актуальность как средства пропаганды культа (последняя победа в агонах зафиксирована для Клеопатры II). В изобразительной традиции прическа в виде локонов и платье с узлом Исиды, в котором представлены и сама богиня, и царицы, повсеместно встречаются в скульптуре. На египетских храмовых рельефах появляются изображения двух царей и царицы или царя и двух цариц, композиционные изменения и пространственное расположение фигур призваны объяснить политический и сакральный статус Клеопатры III.

Исследование сталкивалось с рядом объективных ограничений, обусловленных спецификой и сохранностью источников. Исторические данные о культе цариц распределены неравномерно, что вынуждает обобщать и делать выводы на основе ограниченных свидетельств. Многие скульптуры и храмы дошли до нас в разной степени сохранности, а отдельные памятники известны только по описаниям. Таким образом, выводы диссертации опираются на доступный корпус разнородных источников с учетом его неполноты – надписей, монет и изображений. Также фрагментарность сохранившихся памятников затрудняют полную и точную идентификацию, что порождает проблемы определения их принадлежности конкретной царице. Для того, чтобы преодолеть это ограничение, в исследовании было использовано несколько специализированных работ узких специалистов по скульптуре и нумизматике, на основе их анализа решался вопрос атрибуции спорных памятников.

Наконец, методологические границы исследования предполагают, что анализируемый культ цариц рассматривается прежде всего, как официально-регламентированный институт. Учитывая отсутствие широкого круга источников

о народных верованиях или частных обрядах, работа не исследует отношение греческого и египетского населения к культу цариц. Крайне сложно определить, воспринимались ли обожествленные правители их подданными как человеческие существа, как полу-божественные сущности или как боги[1]. В связи с этим в историографии существует два распространенных мнения: одни утверждают, что в этих практиках не было реального религиозного аспекта, но лишь политическая пропаганда, и ее следует изучать соответствующим образом[2]; другие рассматривают обожествление монархов как религиозный феномен, который подразумевает веру в их божественную природу[3]. Убедительным представляется мнение Н. Рубекаса о том, что практика обожествления царей породила не религиозную веру как таковую, а скорее веру в божественность правителей[4].

Вопрос о вере населения в божественную природу цариц открывает перспективу и возможность для дальнейшего исследования с использованием, например, частных памятников и различных посвящений в храмы. Другими перспективными направлениями остаются анализ контекста находок, изучение синтеза художественных традиций и уточнение атрибуции сохранившихся фрагментов с учетом новых методологических подходов. Также, несмотря на то что данная работа значительно продвинулась в анализе жреческих титулов, данная тема может быть углублена за счет расширения корпуса источников о жречестве и рассмотрения данного института вплоть до правления Клеопатры VII, чтобы составить исследование, которое в полной мере было бы посвящено институту жречества птолемеевских цариц как самостоятельному и целостному явлению. Кроме того, актуальными направлениями будущих исследований представляются

[1] Данный пробел, тем не менее, не препятствует исследованию культа цариц и его развития Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult. P. 429.

[2] Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. P. 32; Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen's Power or King's Will? P. 41.

[3] Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies. P. 124.

[4] Roubekas N. P. Belief in belief and divine kingship in early Ptolemaic Egypt: the case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II. P. 5.

как расширение хронологических рамок с применением уже использованных методов, так и детальное изучение региональных особенностей культа цариц за пределами Египта, например, на Кипре, Делосе и других островах, где греко-египетские культы цариц сталкивались с малоазийскими культами богинь. Все указанные направления логически дополняют основное исследование диссертации.

Таким образом, культ птолемеевских цариц представлял собой прагматично выстроенную и исторически изменчивую систему, которая опиралась на греческие и египетские религиозные традиции. Ее нелинейная эволюция заключалась в переходе от посмертного почитания царицы к обоснованию личной власти царицы-матери. Придворная поэзия и участие в агонах, которые ранее способствовали развитию и пропаганде культа цариц, отошли на второй план, и даже близкородственный брак, который способствовал тому, что у цариц появлялось право на регентство, в правление Клеопатры III оказался не первостепенным для удержания власти, в отличие от культа царицы, который стал самодостаточным явлением, поддержанным развитым институтом жречества. Тем самым развитие культа цариц напрямую определялось актуальными политическими задачами, а внутренняя логика развития культа была неразрывно связана с борьбой за власть внутри династии, обострившейся при Клеопатре II и III.

Список сокращений:

Египетские источники:

Urk. II – Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Bd. II. Leipzig: J.C. Hinrichs, 1904.

PM. – Porter B., Moss R.L.B. Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Hieroglyphic Texts, Statues, Reliefs, and Paintings. 8 vols. Oxford: Clarendon Press, 1927-1964.

LdR – Gauthier H. Le Livre de Rois d'Egypte. Vols. I-V. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1907-1917.

LÄ – Lexikon der Ägyptologie / Eds. W. Helck, E. Otto. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1975-1922.

LD – Lepsius R. Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1897-1913.

Грекоязычные источники:

OGIS – Dittenberger W. Orientis graeci inscriptiones selectae: supplementum sylloges inscriptionum graecarum. Vols. I-II. Lipsiae: S. Hirzel, 1903 – 1905.

IEphesos – Die Inschriften von Ephesos / Eds. H. Wankel et all. Bonn: Habelt, 1979.

IG. III – Inscriptiones Graecae. Vol. II-III / Ed. J. Kirchner. Berlin: de Gruyter, 1977.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Vols. XVIII, XXVIII, XXXVI / Eds. A.G. Woodhead, H.W. Pleket, R.S. Stroud. Leiden: Sijthoff, Brill. 1962, 1982, 2008.

SB – Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten. Bd. I / Eds. F. Preisigke et al. Strassburg / Berlin, 1913–1915; Bd. V. Heidelberg / Wiesbaden, 1934–1955.

IvO – Die Inschriften von Olympia / Eds. W. Dittenberger, K. Purgold. Berlin: Asher, 1896.

Syll^3 – Sylloge inscriptionum Graecarum. Vol. 3 / Ed. W. Dittenberger. Lipsiae: S. Hirzel, 1982.

Письменные источники:

A.R. – Apollonius Rhodius. Argonautica / Ed. R.C. Seaton. London; New York: W. Heinemann; The Macmillan, 1912.

Aesch. PV. – Aeschylus. Prometheus Vinctus / Ed. R.C. Trevelyan. Cambridge: Cambridge University Press, 1939.

Aesch. Supp. – Aeschylus. Volume 1 / Eds. H.W. Smyth. London; New York: W. Heinemann; G.P. Putnam's Sons, 1922.

Akous. FGrHist. – Die Fragmente der griechischen Historiker. Vol. I / Ed. F. Jacoby. Leiden: Brill, 1957.

Ant. Lib. Met. – Antoninus Liberalis. Metamorphoses / Ed. M. Papathomopoulos. Paris: Les Belles Lettres, 1968.

Apollod. Bibl. – Apollodorus. Bibliotheca / Ed. J.G. Frazer. London; Cambridge: W. Heinemann; Cambridge University Press, 1921.

Ar. Pax. – Aristophanis Comoediae. Vol. I / Eds. F.W. Hall, W.M. Geldart. Oxford: Clarendon Press, 1906.

Ar. Ran. – Aristophanis Comoediae. Vol. II / Eds. F.W. Hall, W.M. Geldart. Oxford: Clarendon Press, 1907.

Asclep. HE. – Asclepiades. The Amatory Epigrams // The Greek Anthology: Hellenistic Epigrams / Eds. A.S.F.Gow, D.L.Page. Cambridge: Cambridge University Press, 1965.

Athen. Deipnosoph. – Athenaeus. The Deipnosophists. Vols. II, VI / Ed. C.B. Gulick. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press. 1980.

Callim. Aet. – Callimachus I: Fragmenta / Ed. R. Pfeiffer. Oxford: Clarendon Press, 1949.

Catull. – Catullus Gaius Valerius. Carmina / Ed. M.E. Truesdell. Boston: Grinn, 1893.

Conon. Narr. – Conon. Narrationes // Mythographoi: Scriptores Poeticae Historiae Graeci / Ed. G. Westermann. Braunschweig: Brunsvigae sumptum fecit Georgius Westermann, 1843.

Dem. Or. – Demosthenes. Oraationes. Vol. I / Ed. S.H. Butcher. Oxford: Clarendon Press, 1903.

Diod. Sic. – Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica. Vols. I–II; IV–V / Eds. I. Bekker et al. Leipzig: Teubner, 1888-1890; 1903-1906.

Dion. Hai. Rhet. – Dionysius Halicarnassensis. Ars Rhetorica. Vol. 5.2: Opuscula, vol. II / Eds. H. Usener, L. Radermacher. Leipzig: Teubner, 1904.

Eur. El. – Euripides. Electra // Euripidis Fabulae. Vol. II / Ed. G. Murray. Oxford: Clarendon Press, 1913.

Euseb. Chron. – Eusebius Caesariensis. Chronicorum / Ed. A. Schoene. Berlin: Weidmann, 1866-1875.

Hdt. – Herodotus. Historia / Ed. A.D. Godley. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1920-1925.

Hes. Theog. – Hesiodus. Theogonia // Hesiod, the Homeric Hymns and Homerica / Ed. H.G. Evelyn-White. London; New York: W. Heinemann; The Macmillan. 1914.

Hom. Hymn – Hesiod, the Homeric Hymns and Homerica / Ed. H.G. Evelyn-White. London; New York: W. Heinemann; The Macmillan. 1914.

Hom. Il. – Homer. Iliad // Homeri Opera. Vols. I-II / Eds. D.B. Monro, T.W. Allen. Oxford: Clarendon Press, 1908-1920.

Hom. Od. – Homer. Odyssey. Vols. I-II. Ed. A.T. Murray. London; New York: W. Heinemann; G.P. Putnam's Sons, 1919.

Hyg. Fab. – Hyginus. Fabulae / Ed. H.J. Rose. Leiden: Sythoff, 1933.

Justin. – Justinus Marcus Junianius. Epitome in Trogi Pompeii Historias / Ed. O. Seel. Leipzig: Teubner, 1972.

Luc. Syr. D. – Lucian of Samosata. De Syria dea // Lucian. Vol. IV / Ed. A.M. Harmon. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1925.

Min. Fel. Oct. – Minucius Felix Marcus. Octavius // Minucius Felix. Tertullian Apology De spectaculis; Minucius Felix. Rendall / Ed. W.C.A. Kerr. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1931.

Parth. – Parthenius of Nicaea: the poetical fragments and the Erōtika pathēmata / Ed. J.L. Lightfoot. Oxford: Clarendon Press, 1999.

Paus. – Pausanias. Pausaniae Graeciae descriptio. Vols I-III / Ed. F. Spiro. Leipzig: Teubner, 1903.

Philoch. FGrH. – Die Fragmente der griechischen Historiker. T III / Ed. F. Jacoby. Leiden: Brill, 1954.

Pind.Pindar. – The Odes of Pindar / Ed. J.E. Sandys. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1937.

Pl. Leg. – Platonis Opera. T. V: tetralogia VIII / Ed. J. Burnet. Oxford: Clarendon Press, 1914.

Plin. HN. – Pliny the Elder. Naturalis Historia / Ed. K.F.Th. Mayhoff. Leipzig: Teubner, 1841-1914.

Plut. – Plutarch. Plutarch's Lives. Vol. I / Ed. B. Perrin. London; Cambridge: W. Heinemann; Harvard University Press, 1914.

Plut. Mor.; De Is. et Os. – Plutarch. Plutarchi Chaeronensis Moralia. Vol. II, IV / Ed. G.N. Vernardakes. Leipzig: Teubner, 1889; 1892.

Polyb. – Polybius. Historiae. Vols. I-IV / Ed. T. Buttner-Wobst. Leipzig: Teubner, 1893.

Posidipp. – Posidippo di Pella. Epigrammi (P. Mil.Vogl. 309) // Eds. Bastianini G., Gallazzi C., Austin C. Milan: LED Edizioni Universitarie, 2001.

Schol. ad Nic. Ther. – Scholia in Nicandri Theriaka: cum glossis / Ed. A. Crugnola. Milano: Istituto editoriale cisalpino, 1971.

Schol. Aristoph. Ach. – Scholia Aristophanica; being such comments adscript to the text of Aristophanes as have been preserved in the Codex Ravennas, arr., emended, and translated / Ed. W.G. Rutherford. London: The Macmillan, 1896.

Schol. Aristoph. Av. – The scholia on the Aves of Aristophanes, with an introduction on the origin, development, transmission, and extant sources of the old Greek commentary on his comedies / Ed. J.W. White. Boston: Ginn, 1914.

Sen. Apocol. – Seneca Lucius Annaeus. Apocolocyntosis / Eds. M. Heseltine, W.H.D. Rouse. London; New York: W. Heinemann; G.P. Putnam's Sons, 1913.

Sext. Emp. Pyr. – Sextus Empiricus. Pyrrhonioe hypotyposis // Sexti Empiricii Opera. Vol. I / Ed. H. Mutschmann. Leipzig: Teubner, 1912.

Soph. OC. – Sophocles. Oedipus Coloneus // Sophocles. Vol. I / Ed. F. Storr. London; New York: W. Heinemann; The Macmillan, 1912.

Sotad. – Sotades Maronites. Fragments // Collectanea alexandrina / Ed. J. U. Powell. Oxford: Oxford University Press, 1925.

Theoc. Id. – Theocritus. Vols. I-II / Eds. A.S.F Gow. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.

Thuc. – Thucydides. Historiae. Vols. I-II / Ed. H.S. Jones. Oxford: Oxford University Press, 1910.

Xen. Éphes. – Xenophon of Ephesus. Ephesiaca // Erotici Scriptores Graeci. Vol. I / Ed. R. Hercher. Leipzig: Teubner, 1858.

Список литературы:

1. Апенко М.С. Культ Арсинои II Филадельфы: причины распространения в египетской среде // Восток (Oriens). 2023. № 5. С. 32–43.
2. Апенко М.С. Проблемы возникновения синодов египетского жречества в эпоху Птолемеев // Ученые записки Казанского университета. 2023. № 4–5 (165). С. 43–53.
3. Апенко М.С. Забота о священных животных в пропаганде Птолемеев // Проблемы истории, философии, культуры. 2024. № 2. С. 219–237.
4. Апенко М.С. Царская власть и локальные элиты в эллинистическом Египта III в. до н.э.: проблемы взаимодействия: дис … к.и.н. М., 2024. 271 с.

5. Арсиноя или Клеопатра? / авт. вступ. ст. А.О. Большаков; сост. кат. А.О. Большаков, О.Я. Неверов, Ю.Л. Дюков. СПб.: Гос. Эрмитаж; Славия, 2002. 23 с.
6. Большаков А.О. Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. 176 с.
7. Большаков В.А. Великая супруга царя. Владычица Обеих земель? // Труды Государственного Эрмитажа LXXVI. Петербургские Египтологические Чтения 2013-2014. СБП: Издательство Государственного Эрмитажа 2015. С. 38–50.
8. Большаков В.А. Модий и «Цветочная корона» в иконографии царственных женщин эпохи Нового царства: к интерпретации символического значения головных уборов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 2. С. 7–18.
9. Большаков В.А. К вопросу о сакральных функциях «супруги бога Амона» в эпоху Нового царства // Aegyptiaca Rossica (Выпуск 3) / под ред. М.А. Чегодаева, Н.В. Лаврентьевой. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. С. 63–79.
10. Большаков В.А. Царственные женщины-«систрофоры»: к интерпретации символики систра в культовой практике эпохи Нового царства. Восток (Oriens). 2021. № 4. С. 25–35.
11. Большаков В.А. О характере обожествления египетских цариц эпохи Нового царства // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 33–44.
12. Большаков В.А. Образ царицы в Древнем Египте: аспекты иконографии // Прекрасное и утилитарное на Востоке. От докерамического неолита до искусства ислама / отв. ред. Д. В. Дубровская, С. А. Зинченко. М.: ИВ РАН, 2024. С. 165–195.
13. Борза Ю.Н. История античной Македонии (до Александра Великого) / пер. с англ. М.М. Холода при участии А. Бодрова, О. и В. Иванцовых. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2013. 592 с.
14. Ванян С.С. Иконография // Большая российская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2008. Т. 11. С. 84–88.

15. Винкельман И.И. История искусства древности. Малые сочинения / Изд. подготовил И. Е. Бабанов. СПб.: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. 800 с.
16. Власть и образ: очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов. СПб., 2010. 384 с.
17. Воробьев И.Ю. Τυχη Селевка II в клятве магнесийских катойков (OGIS 229. II) // Проблемы истории, философии, культуры. 2022. № 2. С. 152–163.
18. Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Крадин Н. Н. Методы исторического исследования / Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград: Учитель, 2014. С. 386–387.
19. Давыдова О.А. Инициация религиозного феномена: апофеоз Береники I в формировании культа цариц династии Птолемеев // Клио. 2024. № 10 (213). С. 44–50.
20. Давыдова О.А. Особенности жречества Клеопатры III в контексте культа цариц династии Птолемеев // ERGASTERION. Связь понятий: реальная, метафорическая, парадоксальная / Отв. ред.: Л.Г. Елисеева, С.В. Смирнов. Коллективная монография. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2024. С. 182–196.
21. Давыдова О.А. Арсиноя III: политическая биография и посмертный культ // Клио. 2025. № 8 (224). С. 201–206.
22. Давыдова О.А. К вопросу об отождествлении Береники II с Артемидой // Проблемы истории. филологии, культуры. 2025. № 2. С. 46–55.
23. Давыдова О.А. Победы эллинистических правителей на спортивных состязаниях Древней Греции // Проблемы истории. филологии, культуры. 2025. № 4. С. 184–194.
24. Давыдова О.А. Эллинистическая поэзия и культ цариц: традиция подношения локона от Береники II к Арсиное III // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2025. № 6(116). URL: https://hmbul.bmstu.ru/issues/116.html. DOI: 10.18698/2306-8477-2025-6.

25. Давыдова О.А. Возникновение эпитета богини Исиды μήτηρ θεῶν и его употребление в контексте культов цариц династии Птолемеев // Всероссийская научная конференция «XXIII Сергеевские чтения». Сборник тезисов / Ред.: И.А. Ладынин, А.В. Сафронов. М.: «Гаудеамус», 2025. С. 9–10.
26. Давыдова О.А. Трансформация почетной должности канефоры от архаической Греции до птолемеевского Египта // Восток (Oriens). 2026. № 1. С. 37–49.
27. Давыдова О.А. Власть или влияние: к дискуссии о политической роли царицы Арсинои II // Власть истории – История власти. 2026. № 3(68). С. 271–280.
28. Давыдова О. А. Метаморфозы Арсинои II: от царицы до культовой фигуры // Метаморфозы истории. 2026. Выпуск 40. URL: https://history-metamorph.ru/s241436770038222-4-1/. DOI: 10.37490/S241436770038222-4.
29. Зельин К.К. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II–I вв. до нашей эры. М., 1960. 465 с.
30. Зинченко С.А. Введение в основы искусства эллинизма: учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2015. 180 с.
31. Ладынин И.А., Габелко О.Л., Кузьмин Ю.Н. Новая концепция династической истории эллинизма? Размышления по поводу монографии Д. Огдена (Ogden D. polygamy, prostitutes and death. The Hellenistic dynasties. London; Swansea: Duckworth - the Classical Press of Wales, 1999. xxxiv, 317 p.) // Античный мир и археология. 2009. № 13. С. 120–145.
32. Ладынин И.А. «Царь на пути бога»: О принципах оценки деятельности царя в египетской идеологии IV—III вв. до н.э // Петербургские египтологические чтения 2009—2010: памяти С.И. Ходжаш. Памяти А.С.Четверухина. Доклады / Отв. Ред. А. О. Большаков. СПб: Издательство Государственного Эрмитажа, 2011. С. 139–169.
33. Ладынин И.А. Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. Ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин (ред.), М.; СПБ: РХГА, 2016. С. 265–312.

34. Ладынин И.А. Чужеземные цари: образ власти в древнеегипетских памятниках греко-римского времени // Цивилизации классического Востока в памятниках собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина / Ред. И.А. Ладынин, О.А. Васильева, А.А. Немировский. М.; СПб: РХГА, 2021. С. 69–97.
35. Ладынин И.А. Оформление культа «богов-Эвергетов» в птолемеевском Египте в кон. 240-х-нач. 230-х гг. до н.э. и его египетские коннотации // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2025. № 4. С. 226–239.
36. Лапис И.А. Статуя Арсинои II // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1957. № 11. С. 49–52.
37. Литвиненко Ю.Н. Греческие колонисты и тайны египетского земледелия (по данным папирусов Зенона) // Вестник древней истории. 1994. № 2. С. 119–124.
38. Литвиненко Ю.Н. О «колониальном» сельском хозяйстве в птолемеевском Египте // Вестник древней истории. 1996. № 4. С. 17–28.
39. Мазур Л.Н. Методы исторического исследования: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2010. 608 с.
40. Нефедов К.Ю. Культ правителя и царская власть в эпоху эллинизма // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. № 2012. С. 240–241.
41. Панов М.В. Документы по истории государства Птолемеев. Новосибирск: М.В. Панов, 2022. 500 с.
42. Пикус Н.Н. Переломный период в истории эллинистического Египта (конец III в. до н.э.) // Вестник древней истории. 1951. № 1. С. 53–64.
43. Пикус Н.Н. Царские земледельцы (непосредственные производители) и ремесленники в Египте III в. до н.э. М.: Изд-во МГУ, 1972. 276 с.
44. Пожидаева А. В., Мкртчян Н. А., Сидоренко М. К., Спиридонова С. В., Суслова Е. А. Иконографический метод в терминах: опыт построения иконографического глоссария // Визуальная теология. 2024. Т. 6. № 1. С. 15–36
45. Промыслов Н. В. Имагология. Представления народов друг о друге. Учебно-методическое пособие. М.: ГАУГН-Пресс, 2022. 28 с.

46. Сакрализация власти в истории цивилизаций. Части I, II, III / Отв. редакторы: Д.М. Бондаренко, Л. А. Андреева, А.В. Коратаев. М.: Институт Африки РАН, 2005. 447 с.
47. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. 348 с.
48. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
49. Томашевич О.В. Послесловие к изд. Жак К. Египет великих фараонов. История и легенда. Пер. с франц. Е. В. Пантюшева М.: Наука, 1992. С. 306–332.
50. A Companion to Women in the Ancient World / Eds. Sh.L. James, Sh. Dillon. Oxford: Blackwell, 2012. 616 p.
51. Adler E.N., Tait J.G., Heichelheim F.M. The Adler Papyri, Greek text. Oxford: Oxford University Press, 1939. 118 p.
52. Adriani A. Annuario del Museo Greco-Romano: I, 1932–3. Alexandrie: Whitehead Morris, 1934. 96 p.
53. Ager Sh. Familiarity breeds: incest and the Ptolemaic Dynasty. //Journal of Hellenic Studies. 2005. Vol. 125. P. 1–34.
54. Ager Sh. A. The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty // Anthropologica. 2006. Vol. 48. No. 2. P. 165–186.
55. Ager Sh. A. Response to Michael M. J. Fischer's "Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager 'The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty'" // Anthropologica. 2007. Vol. 49. No. 2. P. 301–310.
56. Ager Sh. Romance and Rivalry? Three Case Studies of Royal Mothers and Daughters in the Hellenistic Age // Affective Relations and Personal Bonds in Hellenistic Antiquity: Studies in honor of Elizabeth D. Carney / Eds. M. D'Agostini et al. Oxford: Oxbow Books, 2020. P. 111–126.
57. Ager Sh. Dynastic Images in the Early Hellenistic Age: Queen’s Power or King’s Will? // The Ancient History Bulletin. 2021. Vol. 35. No. 1–2. P. 36–55.
58. Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. Mainz: Verlag Philipp Von Zabern, 2002. 425 s.

59. Albersmeier S., Minas-Nerpel M. Ein Weihrelief für die vergöttlichte Arsinoe II // Egyptian Religion. The Last Thousand Years. Part I. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur / Ed. W. Clarysse. Leuven: Peeters, 1998. P. 3–29.
60. Alexandria and Alexandrianism, Symposium, J. Paul Getty Museum, April 22–25, 1993 // Eds. M. True, K. Hamma. Malibu: The J. Paul Getty Museum, 1996. 302 p.
61. Alliot M. Le Culte d'Horus à Edfou au temps des Ptolémées. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1954. 881 p.
62. Anastassiades A. Ἀρσινόης Φιλαδέλφου: Aspects of a specific cult in Cyprus // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. 1998. P. 129–140.
63. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville // Sphinx: revue critique embrassant le domaine entier de l'égyptologie. 1904. Vol. 8. P. 223–236.
64. Andrews C. Amulets of Ancient Egypt. Austin: University of Texas Press, 1994. 128 p.
65. Arnold D. Die Tempel Agyptens. Gotterwohnungen, Kultstatten, Baudenkmaler. Zurich: Artemis & Winkler, 1992. 240 s.
66. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. I-II. London: King's College, 1999. 254 p.; 290 p.
67. Ashton S.A. Identifying the Egyptian-style Ptolemaic Queens // Cleopatra of Egypt / Eds. S. Walker, P. Higgs. London: British Museum Press, 2001. P. 148–155.
68. Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the interaction between Greek and Egyptian traditions. Oxford: Archaeopress, 2001. 121 p.
69. Ashton S.-A. Faience and the Ptolemaic Royal Cult: Further fragments and thoughts // Faraoni come dei. Tolemei come faraoni. Atti del V Congresso Internazionale Italo-Egiziano / Ed. N. Bonacasa. Turin, Palermo: Rosenberg & Sellier, Centro Studi Archeologici, Università di Palermo «Giuseppe Nenci», 2003. P. 334–339.
70. Ashton S.-A. The last queens of Egypt. London, New York: Routledge, 2014. 177 p.
71. Atalay E. Un nouveau monument votif hellénistique à Éphèse // Revue Archéologique. 1985. Vol. 2. P. 195–204.

72. Bagnall R.S., Derow P. The Hellenistic Period: Historical Sources in Translation. Oxford: Blackwell, 2004. 270 p.
73. Bagnall R. S., Frier B. W. The demography of Roman Egypt. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 354 p.
74. Barbantani S. Idéologie royale et littérature de cour dans l'égypte lagide // Des Rois Au Prince: Pratiques du Pouvoir Monarchique dans L'orient Hellénistique et Romain / Eds. I. Savallilestrade I. Cogitore I. Grenoble: Université Stendhal, 2010. P. 227–251.
75. Barbantani S. Φάτις νικηφόρος. Frammenti di elegia encomiastica nell'età delle guerre galatiche: Supplementum Hellenisticum 958, 969. Milan: Vita e Pensiero, 2001. 360 p.
76. Barbantani S. Ptolemaic women's patronage of the arts // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London: Routledge, 2020. P. 108–120.
77. Barr-Sharrar B. The Anticythera Fulcrum Bust: A Portrait of Arsinoë III // American Journal of Archaeology. 1985. Vol. 89. No. 4. P. 689–692.
78. Bedier S. Die Rolle des Gottes Geb in den ägyptischen Tempelinschriften der griechisch-römischen Zeit. Hildesheim: Gerstenberg, 1995. 210 s.
79. Beinlich H., Hallof J. Einführung in das Würzburger Datenbanksystem SERaT. Würzburger: J.H.Röll Verlag, 2007. 145 s.
80. Bénédite G. Le temple de Philae. Vols. I-II. Paris: E. Leroux. 1983-1985. 152 p.
81. Bennett C. The Children of Ptolemy III and the Date of the Exedra of Thermos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2002. Vol. 138. P. 141–145.
82. Bennet C. Arsinoe and Berenice at the Olympics // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2005. Vol. 154. P. 91–96.
83. Bernand A. Les inscriptions grecques de Philae. II Vols. Paris: CNRS Éditions, 1969. 426 p.; 456 p.
84. Bernand E. Inscriptions métriques de l'Egypte gréco-romaine. Recherches sur la poésie épigrammatique des Grecs en Egypte. Paris: Les Belles Lettres, 1969. 727 p.

85. Besques S. Deux portraits d'Arsonoé III Philopator? // Revue archéologique. 1981. Vol. 3. P. 227–244.
86. Besques S. Un nouveau fragment d’oenochoé ptolémaïque en faïence // Alessandria e il Mondo Ellenistico-Romano: Studi in Onore di Achille Adriani / Eds. A. Adriani, N. Bonacasa. Rome: "L’ Erma" di Bretschneider, 1984. P. 273–276.
87. Bettarini L. Posidippo e l’epigramma epinicio. Aspetti linguistici // Posidippo e gli altri. Il poeta, il genere, il contesto culturale e letterario. Atti dell'Incontro di studio (Roma, 14-15 maggio 2004) / Eds. M. Di Marco et al. Roma: Fabrizio Serra Editore, 2004. P. 13–28.
88. Beulé E. Le vase de la reine Bérénice // Journal des Savants. 1862. P. 163–172.
89. Bevan E.R. The house of Ptolemy: a history of Egypt under the Ptolemaic dynasty. Chicago: Ares Publishers, 1985. 409 p.
90. Bianchi R.S. Not the Isis Knot // Bulletin of the Egyptological Seminar. 1980. Vol. 2. P. 9–31.
91. Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. Mainz am Rheine: Brooklyn Museum, 1988. 293 p.
92. Bianchi. R.S. Symbols and Meanings // Gifts of the Nile: Ancient Egyptian Faience / Ed. F. D. Friedman. New York: Thames and Hudson, 1998. P. 22–31.
93. Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight // Power Couples in Antiquity: Transversal Perspectives / Ed. A. Bielman Sánchez. London: Routledge, 2019. P. 69–98.
94. Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Réflexions à propos de la régence féminine hellénistique: l'exemple de Cléopâtre I // Studi ellenistici. 2015. Vol. XXIX. P. 143–175.
95. Bielman-Sánchez A., Lenzo G. Deux femmes de pouvoir chez les Lagides: Cléopâtre I et Cléopâtre II (iie siècle av. J.-C.) // Femmes influentes dans le monde hellénistique et à Rome IIIe siècle avant J.-C. - Ier après J.-C / Eds. A. Bielman Sánchez, I. Cogitore, A. Kolb. Grenoble: Université Stendhal, 2016. P. 157–174.

96. Bingen J. I. Philae I 4. Un moment d'un règne, d'un temple et d'un culte // Akten des 21. Internationalen Papyrologenkongresses: Berlin 1995 / Ed. B. Kramer, W. Luppe, H. Maehler. Stuttgart: Teubner, 1997. P. 88–97.
97. Bolshakov V.A. Some Reflections on the Sacral Role of Egyptian Royal Women of the New Kingdom. Vostok (Oriens). 2022. No. 6. P. 45–57.
98. Bonnet R. Reallexikon der aegyptischen Religionsgeschichte. Berlin: de Gruyter, 1952. 883 p.
99. Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten: im Museum von Kairo (Band 3): Text und Tafeln zu Nr. 654 – 950. Berlin: Reichsdruckerei, 1930. 200 s.
100. Bothmer B.V. Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100. New York: Brooklyn Museum, 1960. 197 p.
101. Botti G. L'archivio demotico da Deir el-Medineh. Testo e tavole. Vol. I. Firenze: Felice Le Monnier, 1967. 278 p.
102. Bouche-Leclercq A. Histoire des Lagides. T. 1–3. Paris: E. Leroux, 1903–1907.
103. Bowman A., Crowther C. The Epigraphy of Ptolemaic Egypt. Oxford: Oxford University Press, 2020. 353 p.
104. Brady T.A. The Reception of the Egyptian Cults by the Greeks (330–30 B.C.). Columbia: University of Missouri, 1935. 88 p.
105. Breccia E. Iscrizioni greche e latine. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1911. 273 p.
106. Breccia E. Alexandrea ad Aegyptum. Bergamo: Instituto Italiano D'Arti Grafiche, 1922. 600 p.
107. Breccia E. Le rovine e i monumenti di Canopo. Bergamo: Instituto Italiano D'Arti Grafiche, 1926. 135 p.
108. Breccia E. Sculture inedite del Museo Greco-Romano // Bulletin de la Société d'Archéologie d'Alexandrie. 1931. Vol. 26. P. 258–270.
109. Brelich A. Paides e parthenoi. Rome: Editori Riuniti University Press, 1969. 518 p.

110. Bresciani E., Pernigotti S. Assuan: Il tempio tolemaico di Isi. Pise: Giardini, 1978. 390 p.
111. Bricault L. Isis, Dame des flots. Liège: Centre informatique de philosophie et lettres, 2006. 244 p.
112. Brissaud P., Zivie-Coche C. Tanis: travaux récents sur le tell Sân el-Hagar: Mission française des fouilles de Tanis, 1987-1997. Nice: Éd. Noêsis, 1998. 533 p.
113. Brophy E. Greek kings as Egyptian gods: location and purpose of the cult statues of the Ptolemies in the Egyptian temples // Proceedings Ekklesiastikos Pharos. 2014. Vol. 1. P. 44–56.
114. Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220. Context and Function. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd, 2015. 163 p.
115. Bruneau Ph. Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque impériale. Paris: E. de Boccard, 1970. 694 p.
116. Brunelle E. Die Bildnisse der Ptolemaerinnen. Frankfurt, 1976. 196 s.
117. Bryan B. The etymology of *ḫnr* "group of musical performers" // Bulletin of the Egyptological Seminar. 1982. Vol. 4. P. 35–54.
118. Budge W. A Guide to the Egyptian Galleries (Sculpture). London: Harrison and sons, 1909. 351 p.
119. Budge W.E.A. A Guide to the Fourth, Fifth and Sixth Egyptian Rooms, and the Coptic Room. London: order of the Trustees, 1922. 376 p.
120. Buraselis K. The Problem of the Ptolemaic Sibling Marriage // Ptolemy II Philadelphus and his World / Eds. P. Mckechnie, Ph. Guillaum. Leiden: Brill, 2008. P. 291–302.
121. Burstein S. Arsinoe II Philadelphos: A Revisionist view // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / Eds. W.L. Adams, E.N. Borza. Washington: University Press of America, 1982. P. 197–212.
122. Burstein S. The Reign of Cleopatra. Westport, London: Greenwood Press. 2004. 179 p.

123. Buttmann P. Erklärung der griechischen Beischrift auf einem ägyptischen Papyrus // Abhandlungen der Preußischen Akademie der Wissenschaften. 1824. S. 89–115.
124. Caßor-Pfeiffer S. Zur Reflexion Ptolemäischer Geschichte in den Ägyptischen Tempeln unter Ptolemaios IX. Philometor II./Soter II. und Ptolemaios X. Alexander I. (116–80 V. Chr.). Teil 2: Kleopatra III. Und Kleopatra Berenike III. Im Spiegel Der Tempelreliefs // Journal of Egyptian History. 2008. Vol. 1. S. 235–265.
125. Cadell-Charpentier H. À quelle date Arsinoé II Philadelphe est-elle décédée? // Le culte du souverain dans l'Égypte ptolémaïque / Ed. H. Melaerts. Louvain: Peeters, 1998. P. 1–3.
126. Cameron A. Two Mistresses of Ptolemy Philadelphus // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1990. Vol. 31. P. 287–311.
127. Caneva S.G. Queens and Ruler Cults in Early Hellenism. Festivals, Administration, and Ideology // Kernos. 2012. Vol. 25. P. 75–100.
128. Caneva S.G. Ruler cults in practice: Sacrifices and libations for Arsinoe Philadelphos, from Alexandria and beyond // Divinizzazione, culto del sovrano e apoteosi Tra Antichità e Medioevo / Eds. T. Gnoli, F. Muccioli. Bologna: Bononia University Press, 2014. P. 85–116.
129. Caneva S.G. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. Leuven: Peeters, 2016. 305 p.
130. Caneva S.G. Ritual Intercession in the Ptolemaic Kingdom. A Survey of Grammar, Semantics and Agency // Erga-Logoi Rivista di storia letteratura diritto e culture dell antichità. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 117–154.
131. Caneva S.G. Short Notes on 3rd-Century Ptolemaic Royal Formulae and Festivals // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2016. Vol. 200. P. 207–214.
132. Carbon J.-M., Isager S., Pedersen P. Priestess Athenodote: A New Piece of Evidence for the History and the Cults of Late Hellenistic Halikarnassos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2017. Vol. 201. P. 165–186.

133. Carney E.D. What's in a Name? The Emergence of a Title for Royal Women in the Hellenistic Period // Women's History and Ancient History / Ed. S.B. Pomeroy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991. P. 154–172.
134. Carney E.D. Arsinoe before she was Philadelphus // The Ancient History Bulletin. 1994. Vol. 8. P. 123–131.
135. Carney E.D. Women and Monarchy in Macedonia. Norman: University of Oklahoma Press, 2000. 369 p.
136. Carney E.D. Being Royal and Female in the Early Hellenistic Period // Creating a Hellenistic World / Eds. A. Erskine, L. Llewellyn Jones. Swansea: The Classical Press of Wales, 2010. P. 192–220.
137. Carney E.D. Arsinoë of Egypt and Macedon: a royal life. New York: Oxford University Press, 2013. 215 p.
138. Caskey L.D., Beazley J.D. Attic Vase Paintings in the Museum of Fine Arts. Part I. London: Oxford University Press, 1931. 57 p.
139. Catalogue of the Greek papyri in the John Rylands library, Manchester / Eds. C.H. Roberts, E.G. Turner. Manchester: Manchester University Press, 1952. 211 p.
140. Cauville S. Essai sur la théologie du temple d‟Horus à Edfou. 2 vols. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale du Caire, 1987. 269 p.; 62 p.
141. Cauville S. Le temple de Dendera: guide archéologique. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale 1990. 101 p.
142. Cauville S. Les inscriptions dédicatoires du temple d'Hathor à Dendera // Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1990. Vol. 90. P. 83–114.
143. Cauville S. Le temple de Dendara: la porte d'Isis. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1999. 306 p.
144. Cauville S., Devauchelle D. Les mesures réelles du Temple d'Edfou // Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1984. Vol. 84. P. 23–34.
145. Cerfaux L., Tondriau J. Le culte du souverain dans la civilisation gréco-romaine. Tournai: Desclée & Cie, Éditeurs, 1957. 585 p.

146. Černý J. Consanguineous Marriages in Pharaonic Egypt // The Journal of Egyptian Archaeology. 1954. Vol. 40. P. 23–29.
147. Champollion J.-F. Monuments de l‘‘Égypte et de la Nubie: Notices Descriptives. Vol. I. Paris: Didot, 1844. 917 p.
148. Chaniotis A. The Divinity of Hellenistic Rulers // A Companion to the Hellenistic World / Ed. A. Erskine. Oxford: Blackwell, 2005. P. 431–445.
149. Chassinat E. Le Mammisi d’Edfou. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1910. 239 p.
150. Chauveau M. Un été 145 // Le Bulletin de l’Institut français d’archéologie orientale. 1990. Vol. 91. P. 135–168.
151. Cheshire W. Zur Deutung eines Szepters der Arsinoe II Philadelphos // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1982. Bd. 48. S. 105–111.
152. Clarysse W. The Ptolemies Visiting the Egyptian Chora // Politics, Administration and Society in the Hellenistic and Roman Worlds: Proceedings of the International Colloquium, Bertinoro 19–24 July 1997 / Ed. L. Mooren. Leuven: Peeters, 2000. P. 29–53.
153. Cheshire W. Aphrodite Cleopatra // Journal of the American Research Center in Egypt. 2007. Vol. 43. P. 151–191.
154. Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda // Journal of the American Research Center in Egypt. 2009. Vol. 45. P. 349–391.
155. Clarysse W., Thompson D.B. Counting the People in Hellenistic Egypt. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 418 p.
156. Clarysse W., Van der Veken G. The Eponymous Priests of Ptolemaic Egypt. Chronological Lists of the Priests of Alexandria and Ptolemais with a Study of the Demotic Transcriptions of their Names. Leiden: Brill, 1983. 165 p.
157. Clayman D.L. Did Any Berenike Attend the Nemean Games? // Zeitschrift für Papyrologie und Epigrafik. 2012. Vol. 182. P. 121–130.

158. Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. Oxford, New York: Oxford University Press, 2014. 270 p.
159. Clayman D.L. Royal catasterisms: Arsinoe II and Berenice II translated to the stars // Hellenistic Alexandria Celebrating 24 Centuries Papers presented at the conference held on December 13–15 2017 at Acropolis Museum, Athens / Eds. Ch.S. Zerefos, M.V. Vardinoyannis. Oxford: Archaeopress Publishing, 2018. P. 201–209.
160. Clère P. La porte d'Évergète à Karnak II: plancher. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1961. 216 p.
161. Coinage and Identity in the Roman Provinces / Eds. Ch. Howgego, V. Heuhert, A. Burnett. Oxford: Oxford University Press, 2005. 228 p.
162. Colin F. Le P. Petr.2 I, 1, les terres cuites isiaques et le culte d'Isis et Aphrodite-Hathor // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists / Ed. A. Bülow-Jacobsen. Copenhagen : Museum Tusculanum Press, 1994. P. 534–539.
163. Colin F. L'Isis" Dynastique" et la Mère des dieux phrygienne: Essai d'analyse d'un processus d'interaction culturelle // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1994. Vol. 102. P. 271–295.
164. Connelly J.B. Portrait of a Priestess: Women and Ritual in Ancient Greece. Princeton: Princeton University Press, 2007. 415 p.
165. Corpus of Ptolemaic Inscriptions Volume 1, Alexandria and the Delta (Nos. 1-206): Part I: Greek, Bilingual, and Trilingual Inscriptions from Egypt / Eds. A.K. Bowman et al. Oxford: Oxford University Press, 2021. 576 p.
166. Coutts H. Gold of the Pharaohs: Catalogue of the Exhibition of Treasures from Tanis. Edinburgh: City of Edinburgh Museums and Art Galleries, 1988. 99 p.
167. Crawford D.J. Ptolemy, Ptah and Apis in Hellenistic Memphis // Studies in Ptolemaic Memphis / Eds. D. J. Crawford et al. Leuven: Peeters, 1980. P. 1–42.
168. Creating a Hellenistic World / Eds. A. Erskine, L. Llewellyn Jones. Swansea: Classical Press of Wales, 2010. 344 p.
169. Criscuolo L. Review of Grzybek 1990 // Aegyptus. 1991. Vol. 71. P. 282–289.

170. Criscuolo L. Agoni e politica alla corte di Alessandria. Riflessioni su alcuni epigrammi di Posidippo // Chiron. 2003. Vol. 33. P. 311–333.
171. Daressy G. Note sur des bas-reliefs du temple de Deir el-Médineh // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1908. Vol. 6. P. 71–74.
172. Daressy G. Un second exemplaire du décret de l’an 23 de Ptolémée // Recueil detravaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1916-1917. Vol. 38. P. 175–179.
173. Daumas F. Sur trois représentations de Nout à Dendera. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1951. 580 p.
174. Daumas Fr. Les moyens d'expression du grec et de l'égyptien: comparés dans les décrets de Canope et de Memphis. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1952. 302 p.
175. Daumas F. Les mammisis des temples égyptiens. Paris: Les Belles Lettres, 1958. 537 p.
176. Davydova O.A. Reorganization of the Eponymous Priesthood of Cleopatra I in 177–123 B.C. // Vostok (Oriens). 2025. No. 4. P. 39–47.
177. de Buck A. OIP 73. The Egyptian Coffin Texts 5: Texts of Spells 355–471. Chicago: The University of Chicago Press, 1954. 400 p.
178. De Callatay F., Lorber C.C. The pattern of royal epithets on Hellenistic coinages // More than men, less than gods: studies on royal cult and imperial worship: proceedings of the international colloquium organized by the Belgian School at Athens (November 1–2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski. C.C. Lorber. Leuven, 2011. P. 417–456.
179. De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. Wärmster: Aris and Phillips, 1976. 243 p.
180. De Ridder A. Les bronzes antiques du Louvre. Vol. I. Paris: E. Leroux, 1913. 134 p.

181. de Wit C. Les inscriptions du temple d'Opet à Karnak. Vols. I-III. Bruxelles: Édition de la Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1958-1968. 328p; 148 p.; 245 p.
182. Der Tempel von Dakke. II vols / Ed. G. Roeder. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1930. 382 p.
183. Derchain Ph. El Kab: Les monuments religieux a l'entree de l'ouady Hellal. Bruxelles: Fondation égyptologique Reine Élisabeth, 1971. 115 p.
184. Desroches-Noblecourt C. L'art égyptien. Paris: Éditions Charles Massin, 1961. 76 p.
185. Devauchelle D. Le papyrus démotique Louvre E 9415. Un partage de biens // Revue d'Égyptologie. 1979. Vol. 31. P. 29–35.
186. Devéria T. Catalogue des manuscrits égyptiens écrits sur papyrus, toile, tablettes et ostraca en caractères hiéroglyphiques, hiératiques, démotiques, grecs, coptes, arabes et latins qui sont conservés au musée égyptien du Louvre. Paris: C. de Mourgues, 1874. 272 p.
187. Dieter A. Temples of the Last Pharaohs. Oxford: Oxford University Press, 1999. 373 p.
188. Dillon M. Did Parthenoi Attend the Olympic Games? Girls and Women Competing, Spectating, and Carrying out Cult Roles at Greek Religious Festivals // Hermes. 2000. Vol. 128. No. 4. P. 457–480.
189. Dohan E.H. Some Unpublished Vases in the University Museum, Philadelphia // American Journal of Archaeology. 1934. Vol. 38. No. 4. P. 523–532.
190. Donzelli G.B. Arsinoe simile ad Elena (Theocritus Id. 15,110) // Hermes 1984. Vol. 112. No. 3. P. 306–316.
191. du Bourguet P. Le temple de Deir al-Medina. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 2002. 365 p.
192. Dunand F. Le culte d' Isis dans le bassin oriental de la Méditerranée. Vol. I-III. Leiden: Brill, 1973. 872 p.

193. Dunand F. Fête, tradition, propagande. Les cérémonies en l'honneur de Bérénice, fille de Ptolémée III, en 238 A.C // Livre du centenaire: 1880-1980 / Eds. J. Vercoutter, N. Grimal. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1980. P. 287–301.
194. Dunand F. The Religious System at Alexandria // A Companion to Greek Religion / Ed. D. Ogden. Malden, Oxford, Victoria: Blackwell Publishing, 2007. P. 253–264.
195. Eaton K. Ancient Egyptian Temple Ritual: Performance, Pattern, and Practice. New York: Routledge, 2013. 242 p.
196. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59140-59297. Zenon Papyri. T.II. Le Caire: L'institut Francais D'archeologie Orientale, 1926. 203 p.
197. Edgar C.C. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 59298–59531. Zenon Papyri. T.III-IV. Le Caire: L'institut Francais D'archeologie Orientale, 1928. 291 p.
198. Egypt and the Classical World: Cross-Cultural Encounters in Antiquity / Eds. J. Spier, S.E. Cole. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2022. 202 p.
199. Egypt's sunken treasures / Eds. F. Goddio, M. Clauss. Berlin: Prestel, 2006. 464 p.
200. El-Damaty M. Ein ptolemäisches Priesterdekret aus dem Jahr 186 v. Chr. Leipzig: B. G. Teubner, 2005. 109 S.
201. Elkins N. Coins, Contexts, and an Iconographic Approach for the 21st Century // Coin in Context I. New perspectives for the interpretation of coin find / Eds. H.-M. von Kaenel, F. Kemmers. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 2009. P. 25–46.
202. Elkins N. Money, Art and Representation: A Look at the Roman World // A Cultural History of Money in Antiquity / Ed. S. Krmnicek. New York: Bloomsbury Publishing, 2021. P. 105–121.
203. Empereur J.Y. Alexandrie (Égypte) // Bulletin de correspondance hellénique. 1997. Vol. 121. P. 831–847.
204. Enchoria III: Zeitschrift Fur Demotistik Und Koptologie: 3 / Eds. E. Luddeckens et al. Leipzig: Harrassowitz, 1973. 179 s.

205. Fairman H.W. Worship and Festivals in an Egyptian Temple // The Bulletin of the John Rylands Library. 1954. Vol. 37. P. 165–203.
206. Fantuzzi M. The Structure of the Hippika in P. Mil. Vogl. VIII 309 // Labored in Papyrus Leaves. Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P.Migl.Vogl. VIII 309) / Eds. B. Acosta-Hughes, E. Kosmetatou, M. Baumbach. Cambridge: Harvard University Press, 2003. P. 212–224.
207. Fantuzzi M. Posidippus at Court: The Contribution of the Immiká of P. Mil. Vogl. VIII 309 to the Ideology of Ptolemaic Kingship // The New Posidippus: A Hellenistic Poetry Book / Ed. K. Gutzwiller. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 249–268.
208. Faulkner R.O. The Ancient Egyptian Coffin Texts vol. III. Warminster: Aris & Phillips, 1978. 204 p.
209. Felgenhauer A. Staatliche Museen Kassel: Agyptische und agyptisierende Kunstwerke. Kassel: Staatliche Museen, 1996. 221 s.
210. Fischer M.M.J. Ptolemaic Jouissance and the Anthropology of Kinship: A Commentary on Ager "The Power of Excess: Royal Incest and the Ptolemaic Dynasty" // Anthropologica. 2007. Vol. 49. No. 2. P. 295–299.
211. Foley H.P. Reflections of Women in Antiquity. London: Routledge, 2004. 420 p.
212. Forrer L. Portraits of Royal Ladies on Greek Coins. London: Numismatic Chronicle, 1938. 80 p.
213. Foster J. A. Structured Polyphony: Narrative Framing and Reception in Theocritus, Idylls 6, 15, and 24. Ph.D. diss. Chicago: Chicago University, 2002. 188 p.
214. Fowler R., Hekster O. Imagining Kings: From Persia to Rome // Imaginary kings: Royal images in the ancient Near East, Greece and Rome / Eds. O. Hekster, R. Fowler. München: Franz Steiner Verlag, 2005. P. 9–38.
215. Frandsen P.J. Incestuous and Close-Kin Marriage in Ancient Egypt and Persia. An examination of the evidence. Copenhagen: University of Copenhagen, 2009. 224 p.
216. Fraser P.M. Ptolemaic Alexandria. Vols. I-III. Oxford: Clarendon Press, 1972. 812, 1116, 155 p.

217. Friedman F.D. Faience: The Brilliance of Eternity // Gifts of the Nile: Ancient Egyptian Faience / Ed. F.D. Friedman. London, 1998. P. 15–21.
218. Fulińska A. Iconography of the Ptolemaic queens on coins: Greek style, Egyptian ideas? // Studies in Ancient Art and Civilization. 2010. Vol. 14. P. 73–92.
219. Gabelmann H. et al. Antiken aus dem Akademischen Kunstmuseum Bonn. Paris: Centre Louis Gernet, 1970. 234 p.
220. Gauthier H. Le temple de Kalabchah. Vol. I. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1911. 352 p.
221. Gauthier H. Un nouveau décret trilingue ptolémaïque // Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1923. P. 376–383.
222. Gauthier H., Sottas H. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1925. 79 p.
223. Gavin J.T. Greek Ostraca in the Bodleian Library at Oxford and Various Other Collections. Vol. I. London: Egypt Exploration Society, 1930. 181 p.
224. Gentilli G. Papiri greci e latini. Vol. IV. Firenze: Tipografia Enrico Ariani, 1917. 238 p.
225. Geoffrey T. M. The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. The Southern Dependencies of the Main Temple Complex. London: Egypt Exploration Society, 1981. 204 p.
226. Gitton M. Ahmose Nofretere // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 102–109.
227. Gkikaki M. Some Thoughts on Individuality in the Representations of the Ptolemaic Queens // Numismatica e Antichità Classiche. 2021. Vol. 50. P. 69–85.
228. Glanville S.R.K., Skeat T.C. Eponymous Priesthoods of Alexandria from 211 B.C // The Journal of Egyptian Archaeology. 1954. Vol. 40. P. 45–58.
229. Glotz G. Les fêtes d'Adonis sous Ptolémée II // Revue des Études Grecques. 1920. Vol. 33. P. 169–222.

230. Goddio F. Underwater Archaeology in the Canopic Region in Egypt: The Topography and Excavation of Heracleion-Thonis and East Canopus (1996 - 2006). Oxford: University of Oxford, 2007. 136 p.
231. Goldberg P. Ptolemaic Queens and a Roman Empress with Aspects of Tyche and Other Goddesses. PhD Thesis. Los Angeles: University of California, 2010. 822 p.
232. Golden M. Greek Sport and Social Status. Austin: University of Texas Press, 2008. 214 p.
233. Gorre G. P.Berlin 13593: Nouvelle interprétation // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 2010. Vol. 56. No. 1. P. 77–90.
234. Gorrini M.E. Un ritratto di Arsinoe III a Palazzo Te a Mantova: alcune considerazioni // Numismatica e antichità classiche. 2006. Vol. 35. P. 221–237.
235. Götter und Pharaonen Roemer- u. Pelizaeus-Museum / Eds. Wildung, D. et al. Mainz, 1979. 392 s.
236. Grabowski T. The cult of Arsinoe II in the foreign policy of the Ptolemies // Within the circle of ancient ideas and virtues: studies in honour of professor Maria Dzielska / Eds. K. Twardowska et al. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze "Historia Iagellonica", 2014. P. 117–128.
237. Grabowski T. The Cult of the Ptolemies in the Aegean in the 3rd Century BC // Electrum. 2014. Vol. 21. P. 21–41.
238. Graeco-Roman Fayum - Texts and Archaeology / Eds. S. Lippert, M. Schentuleit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2008. 245 p.
239. Graindor P. Terres cuites de l'Egypte gréco-romaine. Antwerpen: De Sikkel, 1939. 195 p.
240. Graves-Brown C. Dancing For Hathor. Women in Ancient Egypt. London: Continuum, 2010. 241 p.
241. Grenfell B.P. An Alexandrian erotic fragment and other Greek papyri chiefly Ptolemaic. Oxford: Clarendon Press, 1896. 148 p.
242. Grenfell B.P., Hunt A.S. New classical fragments and other Greek and Latin papyri. Oxford: Clarendon Press, 1987. 252 p.

243. Grenier J.-C. Ptolémée Évergète II et Cléopâtre II d'après les textes du temple de Tôd // Alessandria e il mondo ellenistico - romano / Eds. N. Bonacasa, A. Di Vita. Roma: "L'Erma" di Bretschneider, 1992. P. 32–37.
244. Grenier J.C. Deux documents au nom de Césarion // Hommages à Jean Leclant: Etudes isiaques, vol. 3 / Éds. C. Berger, G. Clerc, N. Grimal. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1994. P. 247–254.
245. Grimal N. A History of Ancient Egypt. Hoboken: John Wiley & Sons, 1994. 528 p.
246. Grunert S. Der Kodex Hermopolis und Ausgewahlte Private Rechtsurkunden aus dem Ptolemaischen Agypten. Leipzig: Philipp Reclam jun, 1982. 171 s.
247. Gutbub A., Inconnu-Bocquillon D. Kom Ombo I. Les inscriptions du naos (sanctuaires, salle de l'énnéade, salle des offrandes, couloir mystérieux). Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1995. 523 p.
248. Gutzwiller K. Callimachus' Lock of Berenice: Fantasy, Romance, and Propaganda // The American Journal of Philology. 1992. Vol. 113. No. 3. P. 359–385.
249. Gutzwiller K. A Guide to Hellenistic Literature. Hoboken: Blackwell, 2007. 280 p.
250. Gutzwiller K. Posidippus and Ancient Epigram Books // A Companion to Ancient Epigram / Ed. Ch. Henriksén. Hoboken: John Wiley & Sons, 2019. P. 351–370.
251. Gutzwiller K. The New Posidippus. A Hellenistic Poetry Book. Oxford: Oxford University Press, 2005. 420 p.
252. Hammond N.G.L., Walbank F.W. A history of Macedonia. Vol. III 336–167 B. C. Oxford: Clarendon Press, 1988. 654 p.
253. Hammond N.G.L. The Macedonian State: The Origins, Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1989. 413 p.
254. Hart G. The Routledge Dictionary of Egyptian Gods and Goddesses. London: Routledge, 2005. 192 p.
255. Hatzitsolis G. Two Ptolemaic Papyrus Fragments // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1991. 89. P. 77–80.

256. Hauben H. Aspects du culte des souverains à l'époque des Lagides // Egitto e storia antica dall'ellenismo all'età araba / Eds. L. Criscuolo, G. Geraci. Bologna: CLUEB, 1989. P. 441–467.

257. Hauben H. Ptolémée III et Bérénice II, divinités cosmiques // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship / Eds. P. Iossif, A.S. Chankowski, C.C. Lorber. Leuven: Peeters, 2011. P. 357–388.

258. Hayes W.C. Egypt: internal affairs from Tuthmosis I to the death of Amenophis III // The Cambridge Ancient History Vol. I. Part 2 / Eds. I. E. S. Edwards, C. J. Gadd, N. G. L. Hammond. Cambridge, 1971. P. 313–416.

259. Hazzard R.A. Imagination of a monarchy: studies in Ptolemaic propaganda. Toronto: University of Toronto Press, 2000. 244 p.

260. Head B.V. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes &c. London: British Museum Press, 1897. 548 p.

261. Heidelberg E.F. Amenemhet // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. 192 s.

262. Heinen H. Aspects et problèmes de la monarchie ptolémaïque // Ktèma: civilisations de l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. 1978. Vol. 3. P. 177–199.

263. Hill D.K. Some Late Egyptian Ceramics in the Walters Art Gallery // Gazette des Beaux-Arts. 1946. No. 30. P. 193–198.

264. Hill D.K. Four Fragments from Ptolemaic High-Relief Faience // Revue archeologique. 1954. No. 43. P. 44–50.

265. Hodjash S., Berlev O. The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin museum of fine arts. Moscow, Leningrad: Aurora Art Publishers, 1982. 309 p.

266. Hölbl G. Geschichte des Ptolemäerreiches: Politik, Ideologie und religiöse Kultur von Alexander dem Grossen bis zur römischen Eroberung. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1994. 402 s.

267. Hölbl G. A History of the Ptolemaic Empire. London, New York: Routledge, 2001. 373 p.

268. Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao // Faraoni come dei, Tolemei come faraoni. Atti del V Congresso Internazionale Italo-Egiziano, Torino, Archivo di Stato, 8-12 dicembre 2001 / Ed. N. Bonacasa et al. Torino; Palermo: Museo Egizio di Torino; Dipartimento di beni culturali, Sezione archeologica, Università degli studi di Palermo, 2003. P. 88–97.

269. Hölbl G. Altägypten im römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel II. Die Tempel des römischen Nubien. Mainz am Rhein: Philipp von Zabern, 2004. 160 p.

270. Holms L. Myrrh and Unguents in the Coma Berenices // Classical Philology. 1992. Vol. 87. No. 1. P. 47–50.

271. Hopfner T. Forties Historiae Religionis Aegyþtiacae Vol. III. Bonn: Marcus u. Weber, 1923. P. 275–475.

272. Hopkins K. Brother–sister marriage in Roman Egypt // Comparative Studies in Society and History. 1980. Vol. 22. P. 21–49.

273. Hunt A.S., Smyly J.G. The Tebtunis Papyri. Vol. III. Part I. London: Milford, 1932. 333 p.

274. Hunter R. Theocritus, Encomium of Ptolemy Philadephos. Text and translation with introduction and commentary. Los Angeles: University of California Press, 2003. 226 p.

275. Huß W. Ägypten in hellenistischer Zeit, 332-30 v.Chr. München: C.H.Beck, 2001. 885 s.

276. Hussein Y. L'Iconographie des Reines Lagides Bérénice I // Bibliotheca Alexandrina. 2010. Vol. 21. P. 14–16.

277. Ijsewijn J. De sacerdotibus sacerdotiisque Alexandri Magni ef Lagidarum eponymis. Vol. I. Bruxelles: Palais des Académies, 1961. 178 p.

278. Iossif P.P., Lorber C.C. D. More than men, less than gods: concluding thoughts and new perspectives // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the

Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven, 2011. P. 691–710.

279. Iside. Il mito, il mistero, la magia / Ed. E.A. Arslan. Milano: Electa, 1997. 728 p.

280. Joliton V. Arsinoé III dans les temples ptolémaïques, la légitimation d'une dynastie hellénistique // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique: continuités et changements / Eds. G. Lenzo, Ch. Nihan, M. Pellet. Tübingen: Mohr Siebeck, 2022. P. 147–169.

281. Junker G. Der grosse Pylon des Tempels der Isis in Philä. Vienna: In Kommission bei R.M. Rohrer, 1958. 282 p.

282. Kahler H. Der Grosse Fries Von Pergamon. Berlin: Gebr. Mann, 1948. 202 s.

283. Kahrstedt U. Fraue auf antiken Münzen // Klio. 1910. Vol. 10. S. 261–314.

284. Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 22001-22208. Le Caire: Imprimerie de l'IFAO, 1905. 284 s.

285. Kasr el-Agoûz / ed. D. Mallet. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1909. 103 p.

286. Kenyon F.G., Bell H.I. Greek papyri in the British museum. Vol. III. London: BH. Frowde and others, 1907. 388 p.

287. Kim P.E. The Art of Queenship in the Hellenistic World. Cambridge: Cambridge University Press, 2025. 302 p.

288. Kitchen A. Psusennes I // Lexikon der Ägyptologie. Vol. IV / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1982. 1176 s.

289. Koenen L. Eine agonistische Inschrift aus Ägypten und frühptolemäische Königsfeste. Hain: Meisenheim am Glan, 1977. 114 s.

290. Koenen L. Kleopatra III. Als Priesterin des Alexanderkultes (P. Colon. inv. nr. 5063) // Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik. 1970. Vol. 5. S. 61–84.

291. Koenen L. The Ptolemaic King as a Religious Figure // Images and Ideologies: Self-Definition in the Hellenistic World / Eds. A. Bulloch et al. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1993. P. 25–116.

292. Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vols. I-II / Eds. J. De Morgan et al. Wien: Adolphe Holzhausen 1894. 210 p.
293. Kosmetatou E. Constructing Legitimacy: The. Ptolemaic Familiengruppe as a Means of Self-Definition in Posidippus' Hippika // Labored in Papyrus Leaves: Perspectives on an Epigram Collection Attributed to Posidippus (P. Mil. Vogl. VIII 309) / Eds. B. Acosta-Hughes et al. Washington, 2004. P. 225–246.
294. Koutoupas A. Ruler Cult and Alexandrian Poetry. The Cases of Callimachus, Theocritus and Apollonius // Classical Papers. 2015. Vol. XII. P. 45–59.
295. Kozloff A.P. Is There an Alexandrian Style-What is Egyptian about It? / Alexandria and Alexandrianism / Ed. K. Hamma. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1996. P. 247–260.
296. Kramer B., Sánchez-Moreno Ellart C.M. Neue Quellen zum Prozeßrecht der Ptolemäerzeit. Gerichtsakten aus der Trierer Papyrussammlung (P.Trier I). Berlin: De Gruyter, 2017. 303 p.
297. Kriseleit I. Fragmente von Ptolemäerkannen in der Antikensammlung // Forschungen und Berichte. 1990. Vol. 28. S. 61–64.
298. Krmnicek S., Elkins N. Dinosaurs, Cocks, and Coins: An Introduction to 'Art in the Round' // Art in the Round. New Approaches to Ancient Coin Iconography / Eds. N. Elkins, S. Krmnicek. Rahden: Marie Leidorf Verlag, 2014. P. 7–17.
299. Kurth D. Die Säulendekoration im Tempel von Edfu // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1996. Bd. 23. S. 255–280.
300. Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. Berlin: Mann, 1975. 298 s.
301. Kyrieleis H. Die Porträtmünzen Ptolemaios' V und seiner Eltern // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1973. Vol. 88. S. 213–246.
302. La Genière J. Le culte de la Mère des dieux dans le Péloponnèse // Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1986. N. 1. P. 29–48.
303. Lanciers E. Die ägyptischen Tempelbauten zur Zeit des Ptolemaios V. Epiphanes (204-180 v.Chr.), Teil 1-2 // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. 1986. Bd. 42. 1986. S. 81–98; 1987. Bd. 43. S. 173–182.

304. Lanciers E. Die Vergöttlichung und die Ehe des Ptolemaios IV. und der Arsinoe III // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1988. Vol. 34. P. 27–32.

305. Le temple de Dendara. T. I–IX / Ed. E.G.Chassinat. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1934–1987.

306. Le temple d'Édfou, vols. I–VIII / Ed. E. Chassinat. Cairo: Institut français d'archéologie orientale, 1892–1933.

307. Le Temple d'Esna. Vol. IV / Ed. S. Sauneron. Le Caire: Institut Français d'Archéologie Orientale, 1959. 89 p.

308. Leclère Fr. Les villes de Basse Égypte au Ier millénaire av. J.-C.: analyse archéologique et historique de la topographie urbaine. Vol. I. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 2008. 811 p.

309. Legras B. Sarapis, Isis et le pouvoir lagide // Power, Politics and the Cults of Isis. Proceedings of the Vth International Conference of Isis Studies, Boulogne-sur-Mer, October 13–15, 2011 / Eds. L. Bricault, M.J. Versluys. Leiden: Brill, 2014. P. 95–116.

310. Leibovitch J. Gods of Agriculture and Welfare in Ancient Egypt. //Journal of Near Eastern Studies. 1953. Vol. 12. No. 2. P. 73–113.

311. Leitz Ch. Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen. Vols. I-VIII. Leuven: Peeters, 2002–2003.

312. Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 2014. Vol. 115. P. 113–146.

313. Lenzo G. A Xoite Stela of Ptolemy VIII Euergetes II with Cleopatra II and Cleopatra III (British Museum EA 612) // The Journal of Egyptian Archaeology. 2015. Vol. 101. P. 217–237.

314. Leprohon R.J. The great name: ancient Egyptian royal titulary. Atlanta: Society of Biblical literature, 2013. 270 p.

315. Leschhorn, W. 'Grunder der Stadt'. Studien zu einem politisch-religiosen Phanomen der griechischen Geschichte. Stuttgart: Steiner, 1984. 436 s.

316. Lillian B. A Lion among Ladies (Theocritus II, 66–68) // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1947. Vol. 78. P. 88–98.

317. Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt // Creating a Hellenistic World / A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea: The Classical Press of Wales, 2010. P. 247–270.
318. Llewellyn-Jones L. Cleopatra VI Tryphaina // The Encyclopedia of Ancient History. Vol. 3 / Eds. R.S. Bagnall et al. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2013, P. 1568.
319. Llewellyn-Jones L. The Cleopatras. The Forgotten Queens of Egypt. New York, 2024. 384 p.
320. Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period. Kleopatra Thea and Kleopatra III. London: Routledge, 2022. 290 p.
321. Lloyd-Jones H., Parsons P. Supplementum Hellenisticum T. II. Berlin: de Gruyter, 1983. 863 p.
322. Longega G. Arsinoe II. Rome: L'Erma di Bretschneider, 1968. 141 p.
323. Longpérier A. Notice des bronzes antiques exposés dans les galeries du Musée National du Louvre (ancien fonds et Musée Napoléon III). Vol. I. Paris: C. de Mourgues, 1868. 224 p.
324. Lorber C.C. Theos Aigiochos: the Aegis in Ptolemaic Portraits of Divine Rulers // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven: Peeters, 2011. P. 293–356.
325. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire, Part I: Ptolemy I through Ptolemy IV. Volume 1: Precious Metal, Volume 2: Bronze. New York: The American Numismatic Society, 2018. 625; 205 p.
326. Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II. 3 vols. New York: The American Numismatic Society, 2025. 400 p.; 282 p.; 143 p.]
327. Lüddeckens E. Ägyptische Eheverträge. Wiesbaden: Harrassowitz, 1960. 371 s.
328. Macurdy G.H. Hellenistic Queens: A Study of Woman Power in Macedonia, Seleucid, Syria, and Ptolemaic Egypt. Westport: Greenwood Press, 1975. 250 p.

329. Mahaffy J. P. A History of Egypt Under the Ptolemaic Dynasty. London: Methuen & Co., 1899. 261 p.

330. Malaise M. Le basileion, une couronne d'Isis: origine et signification // Elkab and beyond: Studies in Honour of Luc Limme / Eds. W. Claes, St. Hendrickx, H. de Meulenaere. Leuven: Peeters, 2009. P. 439–455.

331. Malinine M. Pierres d'Egypte // Revue d'Égyptologie. 1960. T. I. P. 77–90.

332. Malinine M. Partage testamentaire d'une propriété familiale (Pap. Moscou no 123) // Revue d'Égyptologie. 1967. Vol. 19. P. 67–85.

333. Mann C., Scharff S. Horse Races and Chariot Races in Ancient Greece: Struggling for Eternal Glory // The International Journal of the History of Sport. 2020. Vol. 37. P. 163–182.

334. Mariette A. Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie, par A. Mariette-Bey ... - Monuments divers recueillis en Égypte et en Nubie, par A. Mariette-Pacha ... Texte par G. Maspero. Paris: A. Franck, 1872. 107 p.

335. Maritz J. The face of Alexandria - the face of Africa? / Alexandria, Real and Imagined // Eds. A. Hirst, M. Silk. London, 2004. P. 41–66.

336. Marquaille C. The Foreign Policy of Ptolemy II // Ptolemy II Philadelphus and his World / Eds. P. Mckechnie, Ph. Guillaum. Leiden: Brill, 2008. P. 39–64.

337. Martin C. J. Demotic papyri from the Memphite Necropolis: in the collections of the National Museum of Antiquities in Leiden, the British Museum and the Hermitage Museum. Papers on archaeology of the Leiden Museum of Antiquities 5. Turnhout: Brepols, 2009. 205 p.

338. Martzolff L. Nouvelles scènes figurant des souveraines ptolémaïques officiant seules // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. 2009. Vol. 136. P. 38–56.

339. McCarthy H. Rules of Decorum and Expressions of Gender Fluidity in Tawosret's Tomb // Sex and Gender in Ancient Egypt: 'Don Your Wig for a Joyful Hour / Ed. C. Graves-Brown. Swansea: The Classical Press of Wales, 2008. P. 83–113.

340. Meadows A. Money, Freedom, and Empire in the Hellenistic World // Money and its Uses in the Ancient Greek World / Eds. A. Meadows, K. Shipton. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 53–63.

341. Meadows A.R. Weighing up the coinage reform of Ptolemy Philadelphus // Money Rules! The Monetary Economy of Egypt, from Persians until the Beginning of Islam / Ed. T. Faucher. Cairo: L'Institut français d'archéologie orientale, 2020. P. 89–103.

342. Middleton R. Brother-Sister and Father-Daughter Marriage in Ancient Egypt // American Sociological Review. 1962. Vol. 27. No. 5. P. 603–611.

343. Miller P.J. Horse and Herald: Posidippus' Equestrian Angelia // Mouseion. 2016. Vol. 16. P. 433–452.

344. Minas-Nerpel M. Die Pithom-Stele. Chronologische Bemerkungen zur frühen Ptolemäerzeit // Aspekte Spätägyptischer Kultur, Festschrift für Erich Winter zum 65 / Eds. M. Minas-Nerpel, J. Zeidler. Mainz am Rhein: Geburtstag, 1994. S. 203–212.

345. Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil 1 // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1996. Vol. 27. S. 51–78.

346. Minas-Nerpel M. Die Dekorationstätigkeit von Ptolemaios VI. Philometor und Ptolemaios VIII. Euergetes II. An ägyptischen Tempeln. Teil. 2 // Orientalia Lovaniensia Periodica. 1997. Vol. 28. S. 87–121.

347. Minas-Nerpel M. Die Kanephoros. Aspekte des ptolemaischen Dynastiekultes // Le culte du souverain dans l'Egypte ptolémaïque au lIIe siècle avant notre ère / Ed. H. Melaerts. Louvain: Peeters, 1998. P. 43–60.

348. Minas-Nerpel M. Die hieroglyphischen Ahnenreihen der ptolemäischen Könige: ein Vergleich mit den Titeln der eponymen Priester in den demotischen und griechischen Papyri. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 2000. 259 s.

349. Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 2005. Bd. 51. S. 127–154.

350. Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power // Ägypten zwischen innerem Zwist und äußerem Druck. Die Zeit Ptolemaios' VI. bis VIII. Internationales Symposion Heidelberg 16.-19.9.2007 / Eds. A. Jördens, J.F. Quack. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. P. 58–76.

351. Minas-Nerpel M. Koregentschaft und Thronfolge: Legitimation ptolemäischer Machtstrukturen in den ägyptischen Tempeln der Ptolemärzeit // Orient und Okzident in hellenistischer Zeit. Beiträge zur Tagung „Orient und Okzident – Antagonismus oder Konstrukt? Machtstrukturen, Ideologien und Kulturtransfer in hellenistischer Zeit" / Eds. F. Hoffmann, K.S. Schmidt. Vaterstetten: Verlag Patrick Brose, 2014. S. 143–166.

352. Minas-Nerpel M. Ptolemaic Queens in Egyptian Temple Reliefs: Intercultural Reflections of Political Authority, or Religious Imperatives? // Proceedings of the Tenth International Congress of Egyptologists, University of the Aegean, Rhodes, 22–29 May 2008 / Eds. P. Kousoulis and N. Lazaridis. Leuven: Peeters, 2015, P. 809–821.

353. Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique: continuités et changements / Ed. G. Lenzo, C. Nihan, M. Pellet. Tübingen: Mohr Siebeck, 2022. P. 117–146.

354. Minas-Nerpel M. The Creation of New "Cultural Codes": The Ptolemaic Queens and Their Syncretic Processes with Isis, Hathor, and Aphrodite // Egypt and the Classical World: Cross-Cultural Encounters in Antiquity / Eds. J. Spier, S.E. Cole. Los Angeles: J. Paul Getty Museum, 2022. P. 59–79.

355. Mitford T.B. The Character of Ptolemaic Rule in Cyprus // Aegyptus. 1953. Vol. 33. 80–90.

356. Morenz S. La religion égyptienne. Essai d'interprétation. Paris: Payot, 1977. 352 p.

357. Mørkholm O. The portrait coinage of Ptolemy V. The main series // Essays in honour of Margaret Thompson / Eds. O. Morkholm, N. Waggoner. Wetteren: Éditions NR, 1979. P. 203–214.

358. Mørkholm O. Early Hellenistic Coinage: From the Accession of Alexander to the Peace of. Apamea (336–188 B.C.). Cambridge, 2003. 273 p.
359. Müller C. A Koinon after 146? Reflections on the Political and Institutional Situation of Boeotia in the Late Hellenistic Period // The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects / Ed. N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2014. P. 119–146.
360. Müller S. Arsinoë III. als Artemis? Zur Ikonographie ptolemäischer Königinnen // Anzeiger der philosophisch-historischen Klasse. 2007. Vol. 142. P. 137–157.
361. Müller S. Berenike II // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D.Carney, S. Müller. London: Routledge, 2020. P. 84–95.
362. Munster J.v.B. M. Meretamun // Lexikon der Ägyptologie. Vol. IV / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1975. P. 88–89.
363. Myres J.L. Handbook of the Cesnola Collection of Antiquities from Cyprus. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1914. 672 p.
364. Myśliwiec K. Royal Portraiture of the Dynasties XXI-XXX. Mainz am Rhein: von Zabern, 1988. 135 p.
365. Naoum D.-Ch. The Hellenisation of Isis and the spread of the cults. PhD thesis. Liverpool: University of Liverpool, 2008. 257 p.
366. Naville E. The Temple of Deir El-Bahari. Pt IV. London, 1901.
367. Naville E. La stèle de Pithom // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 1902. Bd. 40. No. 1. P. 66–75.
368. Nenna M.D. Vaisselle en faïence, en métal, en verre et en céramique: filiations et imitations dans l'Égypte ptolémaïque // Cérmaiques hellénistiques et romaines: productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne) / Eds. F. Blondé, P. Ballet, J.F. Salles. Lyon, 2002. P. 321–329.
369. Nenna M.D., Seif El-Din M. La vaisselle en faïence du musée gréco-romain d'Alexandrie // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1993. Vol. 117. No. 2. P. 396–399.

370. Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 A.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901. Montpellier: Université Paul-Valéry, 2015. 410 p.

371. Newberry P.E. The Amherst Papyri. London: B. Quaritch, 1899. 61 p.

372. Nicolaou I. Inscriptiones Cypriae Alphabeticae XXXII, 1992 // Report of the Department of Antiquities, Cyprus. 1993. P. 223–232.

373. Niemeyer H.G. Eine Ptolemäerkanne aus Karthago // Hommages à Jean Leclant. 1994. Vol. 3. P. 391–395.

374. Nilsson M. The crown of Arsinoë II. The creation and development of an imagery of authority: Doctoral thesis. Gothenburg: University of Gothenburg, 2010. 760 p.

375. Nisetich F. The poems of Posidippus // The New Posidippus: A Hellenic poetry book / Ed. K. Gutzviller. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 17–64.

376. Noreña C. Coins and Communication // The Oxford Handbook of Social Relations in the Roman World / Ed. M. Peachin. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 248–268.

377. Ogden D. Polygamy, Prostitutes and Death The Hellenistic Dynasties. London; Swansea: Duckworth – The Classical Press of Wales, 1999. 317 p.

378. Ohnefalsch-Richter M.H. Kypros, the Bible and Homer Oriental civilization, art and religion in ancient times. London: Asher, 1893. 550 p.

379. Onasch Ch. Zur Königsideologie der Ptolemäer in den Dekreten von Kanopus und Memphis (Rosettana) // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1976. Vol. 24–25. S. 137–155.

380. Otto W. Ptolemaica // Digitale Literatur/Digital Literature Zeitschrift/Journal: Sitzungsberichte der philosophisch-historische Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften München. 1939. S. 1–34.

381. Otto W., Bengtson H. Zur Geschichte des Niederganges des Ptolemaerreiches. Ein Beitrag zur Regierungszeit des 8. und des 9. Ptolemaers. Miinchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, in Kommission bei der C.H. Beck, 1938. 244 s.

382. Palagia O. Arsinoe III Philopator in Sydney // Mediterranean Archaeology. 1999. Vol. 12. P. 107–109.

383. Pantelia M. Theocritus at Sparta: Homeric Allusions in Idyll 18 // Hermes 1995. Vol. 123. P. 76–81.

384. Pantos P.A. Bérénice II Démèter // Bulletin de Correspondance Hellénique. 1987. Vol. 111. P. 343–352.

385. Papiri geroglifici e Ieratici da Tebtunis / Eds. J. Osing, R. Rosati. Florenz: Istituto papirologico G. Vitelli, 1998. 219 p.

386. Parkinson R. Cracking Codes: The Rosetta Stone and Decipherment. Los Angeles: University of California Press. 1999. 208 p.

387. Parsons P.J. Callimachus: Victoria Berenices // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1977. Vol. 25. P. 1–50.

388. Partsch J., Wilcken U. Juristische Urkunden der Ptolemäerzeit. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1927. 112 p.

389. Pasek S. Demotische und griechische Urkunden aus Hawara in Übersetzung. Aachen: Shaker, 2012. 320 s.

390. Peek W. Der ìsishymnus von Andros und verwandte Texte. Berlin: Weidmann, 1930. 159 p.

391. Perpillou-Thomas F. Fêtes d'Egypte ptolémaïque et romaine d'après la documentation papyrologique grecque. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1993. 292 p.

392. Pestman W. Chronologie égyptienne d’après les textes démotiques. Leiden: Brill, 1967. 233 p.

393. Pfeiffer S. The God Serapis, his Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II Philadelphus and his world / Eds. P. McKechnie, Ph. Guillame. Leiden: Brill, 2008. P. 387–408.

394. Pfeiffer S. Die Bekämpfung einer drohenden Hungersnot durch Ptolemaios III und seine Gemahlin Berenike II // Inklusion/Exklusion. Studien zu Fremdheit und Armut

von der Antike bis zur Gegenwart / Hgs. A. Gestrich, L. Raphael. Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Wien: P. Lang, 2008. S. 245–263.

395. Pfeiffer S. Herrscher- und Dynastiekulte im Ptolemäerreich. Systematik und Einordnung der Kultformen. Munich: C.H.Beck, 2008. 180 s.

396. Pfeiffer S. The Ptolemies: Hellenistic Kingship in Egypt / Oxford Handbook Topics in Classical Studies (online edn, Oxford Academic, 1 Apr. 2014). [электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935390.001.0001. Дата обращения: 6.03.2026.

397. Pfeiffer S. A Successful Ruler and Imperial Cult // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. K. Vandorpe. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2019. P. 429–438.

398. Pfeiffer S. Royal women and Ptolemaic cults // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London, 2020. P. 96–107.

399. Pierce R. Three Demotic Papyri in the Brooklyn Museum. A Contribution to the Study of Contracts and Their Instruments in Ptolemaic Egypt. Osloae: In Aedibus Universitetsforlaget, 1972. 232 p.

400. Pincock R. A Possibly Unique Isis Head Bronze Coin of Cleopatra I (180-176 BC) // The Numismatic Chronicle. 2010. Vol. 170. P. 53–62.

401. Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions // More than Men, Less than Gods: Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Belgian School at Athens (November 1-2, 2007) / Eds. P.P. Iossif, A.S. Chankowski and A.S. Lorber. Leuven, 2011. P. 389–416.

402. Pomeroy S. B. Women in Hellenistic Egypt: from Alexander to Cleopatra. Detroit: Wayne State University Press, 1990. 243 p.

403. Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. London: British Museum Press, 1883. 136 p.

404. Power Couples in Antiquity. Transversal Perspectives / Ed. A. Bielman Sánchez. London: Routledge, 2019. 214 p.
405. Preisigke F. Griechische Papyrus der Kaiserlichen Universitäts- und Landesbibliothek zu Strassburg. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1912. 88 s.
406. Preisigke F. Sammelbuch Griechischer Urkunden aus Ägypten. Strassburg: K.J. Trübner, 1915. 668 s.
407. Preys R., Dégremont A. Cléopâtre I et la couronne d'Arsinoé: À propos des scènes de culte royal sur la porte ptolémaïque du 2ème pylône de Karnak // Documents de Théologies Thébaines Tardives (D3T 2). Cahiers Egypte nilotique et méditerranéenne (CENIM), vol. 8, Egypte Nilotique et Méditerranéenne (ENIM) / Ed. Ch. Thiers. Montpellier: Université Paul-Valéry-Montpellier, 2013. P. 95–109.
408. Preys R. Roi vivant et roi ancêtre: iconographie et idéologie royale sous les Ptolémées // Édités par Christiane Zivie-Coche, Offrandes, rites et rituels dans les temples d'époques ptolémaïque et romaine. Actes de la journée d'études de l'équipe EPHE (EA 4519) « Égypte ancienne: Archéologie, Langue, Religion » Paris, 27 juin 2013. Ed. C. Zivie-Coche. Montpellier: Université Paul Valéry-Montpellier, 2015. P. 149–184.
409. Preys R. Le culte des Ptolémées dans les temples égyptiens: les décrets royaux et la décoration des temples // Les cultes aux rois et aux héros à l'époque hellénistique: continuités et changements. ? Ed. G. Lenzo, C. Nihan, M. Pellet. Tübingen: Mohr Siebeck, 2022. P. 171–196.
410. Price M.J. The Coinage in the Name of Alexander the Great and Philip Arrhidaeus. A British Museum Catalogue 1. Zurich, London: Swiss Numismatic Society, 1991. 637 p.
411. Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée // Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1970. Vol. 69. P. 191–217.
412. Quaegebeur J. Documents Concerning a Cult of Arsinoe Philadelphos at Memphis // Journal of Near Eastern Studies. 1971. Vol. 30. P. 239–270.

413. Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes // Das ptolemäische Ägypten: Akten d. internat. Symposions, 27–29. September 1976 in Berlin / Eds. H. Maehler, V. M. Strocka. Mainz am Rhein: von Zabern, 1978. P. 245–262.

414. Quaegebeur J. Trois statues de femme d'époque ptolémaique // Artibus Aegypti: studi in honorem Bernardi v Bothmer. Bruxelles: Musées royaux d'art et d'histoire, 1983. P. 109–127.

415. Quaegebeur J. Arsinoé Philadelphe, reine, 'roi' et déesse, à Hildesheim // Göttinger Miszellen. 1985. Bd. 87. S. 73–78.

416. Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens // Cleopatra's Egypt. Age of the Ptolemies / Eds. R. S. Bianchi et al. Brooklyn: Brooklyn Museum. 1988. P. 41–54.

417. Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty // Ancient Society. 1989. Vol. 20. P. 93–116.

418. Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe // Le culte du souverain dans l'Egypte ptolémaïque / Ed. H. Melaerts. Louvain: Peeters, 1998. P. 73–108.

419. Queenship and Power. Royal Women and Dynastic Loyalty / Eds. C. Dunn, E.D. Carney. London: Palgrave Macmillan, 2018. 199 p.

420. Queyrel F. L′Autel De Pergame. Images Et Pouvoir En Grèce d′Asie. Paris: Picard, 2005. 207 p.

421. Radwan A. Die Darstellungen des regierenden Königs und seiner Familienangehörigen in den Privatgräbern der 18. Dynastie, Berlin: Hessling, 1968. 128 s.

422. Radwan A. Ramses II und seine Mutter vor Osiris // Studien zur Altägyptischen Kultur. 1978. Bd. 6. S. 157–161.

423. Reeve E. Catalogue of the Museum of Antiquities of the Sydney University. Sydney: F. Cunninghame & Company, 1870. 111 p.

424. Reich N. Papyri juristischen Inhalts in hieratischer und demotischer Schrift aus dem British Museum – Text, Transkription und Übersetzung mit philologischem und historischem Kommentar. Wien: Hölder, 1914. 136 s.
425. Remijsen S. Challenged by Egyptians: Greek Sports in the Third Century BC // The International Journal of the History of Sport. 2009. Vol. 26. No. 2. P. 246–271.
426. Revillout Ch.E. Études sur divers points de droit et d'histoire ptolémaïque. Paris: F. Vieweg, 1880. 178 p.
427. Reymond E.A.E. Catalogue of Demotic Papyri in the Ashmolean Museum. Vol. I. Oxford: Griffith Institute, 1973. 170 p.
428. Ricci S., Spiegelberg W., Reinach T. Papyrus grecs et démotiques recueillis en Égypte et pub. par Théodore Reinach. Paris: E. Leroux, 1905. 243 p.
429. Rice E.E. The Grand Procession of Plolemy Philadelphus. Oxford: Oxford University Press, 1983. 225 p.
430. Richter G.M.A. The Portraits of the Greeks. London: Cornell University Press, 1965. 256 p.
431. Robins G. Women in Ancient Egypt. Cambridge: Harvard University Press, 1993. 205 p.
432. Robins G. The Names of Hatshepsut as King // The Journal of Egyptian Archaeology. 1999. Vol. 85. P. 103–112.
433. Roccos L.J. The Kanephoros and Her Festival Mantle in Greek Art // American Journal of Archaeology. 1995. Vol. 99. P. 641–666.
434. Romero L.A.G. Sur les papyrus d'Achmîm 3 et 5 // Zeitschrift Für Papyrologie Und Epigraphik. 2005. Vol. 154. P. 190–194.
435. Roubekas N. P. Belief in Belief and Divine Kingship in Early Ptolemaic Egypt: the Case of Ptolemy II Philadelphus and Arsinoe II // Religio: revue pro religionostiku. 2015. Vol. 1. No. 23. P. 3–23.
436. Roussel P. Les cultes égyptiens à Délos du IIIe au Ier siècle av. J.-C. Paris: Berger-Ledrault, 1916. 295 p.

437. Rubensohn O., Schubart W., Spiegelberg W. Elephantine-Papyri. Berlin: Weidmann, 1907. 92 p.

438. Saint-Martin J.A. Notice sur quelques Manuscrits grecs apportés récemment d'Égypte // Journal des Savants. 1822. P. 555–567.

439. Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica) // Hapi. Revista da Associação Cultural de Amizade Portugal-Egipto. 2020. Vol. 7. P. 106–145.

440. Sauneron S. Un document égyptien relatif à la divinisation de la reine Arsinoé II // The Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale. 1960. Vol. 60. P. 83–109.

441. Scheidel W. Brother–sister and parent–child marriage outside royal families in ancient Egypt and Iran: a challenge to the sociobiological view of incest avoidance // Ethnology and Sociobiology. 1996. Vol. 17. P. 319–340.

442. Schentuleit M. Gender Issues: Women to the Fore // A Companion to Greco-Roman and Late Antique Egypt / Ed. K. Vandorpe. Hoboken: John Wiley & Sons, Inc., 2019. P. 347–360.

443. Schorn S. Eine Prozession zu Ehren Arsinoes II. (P. Oxy. XXVII 2465, fr. 2: Satyros, Über die Demen von Alexandreia // Punica, Libyca, Ptolemaica : Festschrift für Werner Huss zum 65. Geburtstag, dargebracht von Schülern, Freunden und Kollegen / Eds. K. Geus, K. Zimmermann. Leuven: Peeters, 2001. S. 199–220.

444. Schwartz J. Decrets des pretres sous Ptolemee III Evergete // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. Bd. 91. S. 83–84.

445. Scott N.E. Egyptian Statuettes. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1946. 32 p.

446. Seipel W. Ahhotep I // Lexikon der Ägyptologie. Vol. I / Eds. W. Helck, E. Otto, W. Westendorf. Wiesbaden, 1975. P. 98.

447. Seipel W. Gott. Gott, Mensch, Pharao: viertausend Jahre Menschenbild in der Skulptur des Alten Ägypten: Künstlerhaus 25. Mai bis 4. Oktober 1992: eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien. Vienna: Eine Ausstellung des Kunsthistorischen Museums Wien, 1992. 510 s.

448. Sethe K. Zur Geschichte und Erklärung der Rosettana. Göttingen: Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1916. 314 p.
449. Sewell-Lasater T.L. A Die Study of the Gold and Silver Coinage of Berenike II, with Numismatic and Historical Commentary // Revue numismatique. 2020. T. 177. P. 59–116.
450. Sewell-Lasater T.L. Becoming Kleopatra: Ptolemaic Royal Marriage, Incest, and the Path to Female Rule. PhD Thesis. Houston: University of Houston, 2020. 479 p.
451. Sewell-Lasater T.L. Arsinoë II and Berenike II: Ptolemaic Vanguards of Queenly Political Power // Women in ancient Egypt: revisiting power, agency, and autonomy / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York: The American University in Cairo Press, 2022. P. 147–164.
452. Sewell-Lasater T.L. Kleopatra III: Not the Evil Queen // Queens in Antiquity and the Present. Speculative Visions and Critical Histories / Eds. P.E. Kim, A. Tchaplyghine. London: Bloowsbury, 2024. P. 80–103.
453. Shore A.F., Smith H.S. Two Unpublished Demotic Documents from the Asyūṭ Archive // Journal of Egyptian Archaeology. 1959. Vol. 45. P. 52–60.
454. Smith A.C. Queens and empresses as goddesses: The public role of the personal tyche in the Graeco-Roman world // Yale University Art Gallery Bulletin. 1994. P. 86–105.
455. Smith M.J. Remarks on the Orthography of Some Archaisms in Demotic // Enchoria. 1978. Vol. 8. No. 2. P. 17–27.
456. Smith R.R.R. Hellenistic royal portraits. Oxford, New York: Clarendon Press, Oxford University Press, 1988. 196 p.
457. Spiegelberg W. Die demotischen Papyrus der Strassburger Bibliothek. Strassburg: Verlag von Schlesier & Schweikhardt, 1902. 52 s.
458. Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166. Die demotischen Denkmäler I Die demotischen Inschriften. Leipzig: W. Drugulin, 1904. 100 p.

459. Spiegelberg W. Demotische Papyrus von der Insel Elephantine Nr. 1 - 13. Leipzig: Istituto editoriale Cisalpino-La Goliardica, 1908. 27 s.
460. Spiegelberg W. Die Demotischen Denkmäler. Band II: Die demotischen Papyrus: Text (Catalogue Général du Musée du Caire, Nos 30601-31270 & 50001-50022). Leipzig: Hiersemann, 1908. 308 s.
461. Spiegelberg W. Die Demotischen Denkmäler Band III: Demotische Inschriften und Papyri (Nos. 50023 – 50165). Berlin: Reichsdruckerei, 1932. 117 s.
462. Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. Austin: University of Texas Press, 2003. 236 p.
463. Stephanake V.E. Κώς. Athens: Υπουργείο Παιδείας και Θρησκευμάτων, Πολιτισμού και Αθλητισμού, 2012. 531 p.
464. Strootman R. Courts and Elites in the Hellenistic Empires: The Near East after the Achaemenids, 330–30 BCE. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014. 344 p.
465. Strootman R. Women and dynasty at the Hellenistic imperial courts // The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London: Routledge, 2020. P. 333–345.
466. Strootman R. Warrior Queens of the Hellenistic World // The Public Lives of Ancient Women (500 BCE-650 CE) / Eds. L. Dirven, M. Icks, and S. Remijsen. Leiden: Brill, 2023. P. 18–45.
467. Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. Vols. I-II. Athens: Sakellarios, 1904. 588 p.; 100 pl.
468. The Amherst papyri: being an account of the Greek papyri in the collection of Lord Amherst of Hackney / Eds. B.P. Grenfell, A.S. Hunt. London: Oxford University Press, 1901. 243 p.
469. The Temple of Khonsu. Vols. I-II. Scenes and Inscriptions in the Court and the First Hypostyle Hall. The Epigraphic Survey / The Epigraphic Survey. Chicago: The Oriental Institute, 1981. P. XXIII + 97 pl.
470. The Routledge Companion to Women and Monarchy in the Ancient Mediterranean World / Eds. E.D. Carney, S. Müller. London: Routledge, 2020. 537 p.

471. Thiers C. Fêtes et propagande sous les Lagides: les sorties processionnelles des statues du Pharaon-Basileus // Égypte, Afrique & Orient. 2003. Vol. 32. P. 23–30.

472. Thiers C. Tôd: Les Inscriptions du temple ptolémaique et romain. Vol. II. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 2003. 420 p.

473. Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181) // Zeitschrift für Ägyptische Sprache und Altertumskunde. 2007. Bd. 134. P. 64–65.

474. Thiers C. La stèle de Ptolémée VIII Evergète II à Héracléion. Oxford: Oxford Centre for Maritime Archaeology, 2009. 115 p.

475. Thissen H.-J. Studien zum Raphiadekret. Meisenheim am Glan: Verlag Anton Hain, 1966. 84 s.

476. Thompson D.B. A Portrait of Arsinoe Philadelphos // American Journal of Archaeology. 1955. Vol. 59. No. 3. P. 199–206.

477. Thompson D.B. Demeter in Graeco-Roman Egypt // Egyptian Religion: the Last Thousand Years. Studies Dedicated to the Memory of Jan Quaegebeur / Eds. W. Clarysse, A. Schoors, H. Willems. Leuven: Peeters, 1998. P. 699–707.

478. Thompson D.B. Ptolemaic oinochoai and portraits in faience: aspects of the ruler-cult. Oxford: Clarendon Press, 1973. 221 p.

479. Thompson D.J. Posidippus, Poet of the Ptolemies // The New Posidippus. A Hellenistic Poetry Book / Ed. K. Gutzwiller. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 269–286.

480. Thompson H. A Family Archive from Siut from Papyri in the British Museum Including an Account of a Trial before the Laocritae in the Year B.C. 170. Oxford: Oxford University Press, 1934. 148 p.

481. Tôd (1934 à 1936) / Ed. F. Bisson de la Roque. Le Caire: l'Institut français d'archéologie orientale, 1937. 186 p.

482. Tondriau J. Princesses ptolémaïques comparées ou identifiées à des déesses, IIIe-Ier siècles avant J.-C // Bulletin de la Société. Archéologique d' Alexandrie. 1948. Vol. 23. P. 127–146.

483. Tracy S.V, Habicht Ch. New and Old Panathenaic Victor Lists // Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. 1991. Vol. 60. No. 2. P. 187–236.

484. Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. Uppsala, Stockholm: Universitetet; Almquist & Wiksell International distributors, 1986. 236 p.

485. Turner E.G. P. Oxy. 25 2436 // Gammacurta, Papyrologica scaenica. 1962. Vol. 18. P. 187–193.

486. Tyldesley J. The role of Egypt's dynastic queens // Women in Antiquity. Real women across the Ancient World / Eds. S.L. Budin, J.M. Turfa. London: Routledge. 2016. P. 271–279.

487. Uebel F. Tarache ton Aigyption. Ein Jenaer Papyrus-Zeugnis der nationalen Unruhen Oberägyptens in der ersten Hälfte des 2. vorchristlichen Jahrhunderts // Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete. 1962. Vol. 17. S. 147–162.

488. Vagi D. The Ptolemaic Pentekaidekadrachm // Journal for the Society for Ancient Numismatics. 1997. Vol. 20. P. 5–10.

489. Valbelle D. Komir. I. The Discovery of Komir Temple. Preliminary Report. II. - Deux hymnes aux divinités de Komir : Anoukis et Nephthys [avec 2 dépliants et 4 planches] // Le Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. 1983. Vol. 83. S. 149–158.

490. van Nijf O.M., Williamson C.G. Netwerken, panhelleense festivals en de globalisering van de Hellenistische wereld // Groniek. Historisch Tijdschrift. 2013. Vol. 200. P. 253–265.

491. van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens with Aphrodite, Demeter, Hathor and Isis. New York: City University of New York, 2007. 611 p.

492. van Oppen de Ruiter B. The death of Arsinoë II Philadelphus: the evidence reconsidered // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 2010. Vol. 39. P. 139–150.

493. van Oppen de Ruiter B. Berenice II Euergetis: Essays in Early Hellenistic Queenship. New York: Palgrave Macmillan, 2015. 245 p.

494. Vandorpe K. Der Früheste Beleg eines Strategen der Thebais als Epistrategen // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphi. 1988. Bd. 73. S. 47–50.

495. Vandorpe K. The Bilingual Family Archive of Dryton, his Wife Apollonia and their Daughter Senmouthis. Brussel: Koninklijke Vlaamse Academie van België voor Wetenschappen en Kunsten, 2002. 462 p.

496. Vassilika E. Ptolemaic Philae. Leuven: Peeters, 1989. 403 p.

497. Vassilika E. The pronaos decoration of the temple of Horus at Edfu // Egyptian religion the last thousand years. Studies dedicated to the memory of Jan Quaegebeur / Ed. W. Clarysse. Leuven: Peeters, 1998. P. 937–960.

498. Versnel H.S. Inconsistencies in Greek and Roman Religion, Volume 1: Ter Unus. Isis, Dionysos, Hermes. Three Studies in Henotheism. Leiden: Brill, 1990. 267 p.

499. Volkmann H. Ptolemaion // Pauly-Wissowa. Bd. 23. T. 2 / Eds. G. Wissowa et al. München: J.B. Metzler, 1959. Col. 1591.

500. von Beckerath J. Handbuch der ägyptischen Königsnamen. Mainz am Rhein: von Zabern, 1999. 330 s.

501. von Bergmann E. Hieroglyphische Inschriften. Hildesheim, Georg Olms Verlag. 1878. 160 p.

502. Walker E. Horse. London: Reaktion books, 2008. 215 p.

503. Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. London: British Museum Press, 2001. 384 p.

504. Walters E.J. Attic Grave Reliefs that Represent Women in the Dress of Isis. New York: New York University, 1988. 486 p.

505. Weber G. Ungleichheiten, Integration oder Adaptation? Der ptolemäische Herrscher- und Dynastiekult in griechischmakedonischer Perspektive // Alexandreia und das ptolemäische Ägypten - Kulturbegegnungen in hellenistischer Zeit / Ed. Weber G. Berlin: Verlag Antike, 2010. P. 55–83.

506. Westermann W.L. The Ptolemies and the Welfare of Their Subjects // The American Historical Review. 1938. Vol. 43. No. 2. P. 270–287.

507. Whitehorne J. Cleopatras. London, New York: Routledge, 1994. 243 p.

508. Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 a.C.). Volume I. De la mort d'Alexandre aux avènements d'Antiochos III et de Philippe V. Nancy: Faculte des Lettres, 1966. 369 p.

509. Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele // Journal of Juristic Papyrology. 1990. Vol. 20. S. 157–167.

510. Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln // Das ptolemäische Ägypten. Akten des internationalen Symposions 27. – 29. September 1976 in Berlin / Ed. H. Maehler, V. Strocka. Mainz am Rhein: von Zabern, 1978. S. 147–160.

511. Wins V. The state ideology of the Ptolemies: Origins and influences // Chronique d'Égypte. 2017. Vol. XCII fasc. 183. P. 137–174.

512. Women in Ancient Egypt: Revisiting Power, Agency, and Autonomy / Ed. M.F. Ayad. Cairo, New York: The American University in Cairo Press, 2022. 580 p.

513. Women in Antiquity. Real women across the Ancient World / Eds. S.L. Budin, J.M. Turfa. London: Routledge, 2016. 1064 p.

514. Women in the classical world Image and Text / Eds. by E. Fantham, S.B. Pomeroy, H.A. Shapiro. Oxford: Oxford University Press, 1994. 448 p.

515. Yoyotte J. L'Égypte ancienne et les origines de l'antijudaïsme // Annuaire du Collège de France. 1993–1994. Vol. 94. P. 667–698.

516. Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover: University Press of New England, 1988. 203 p.

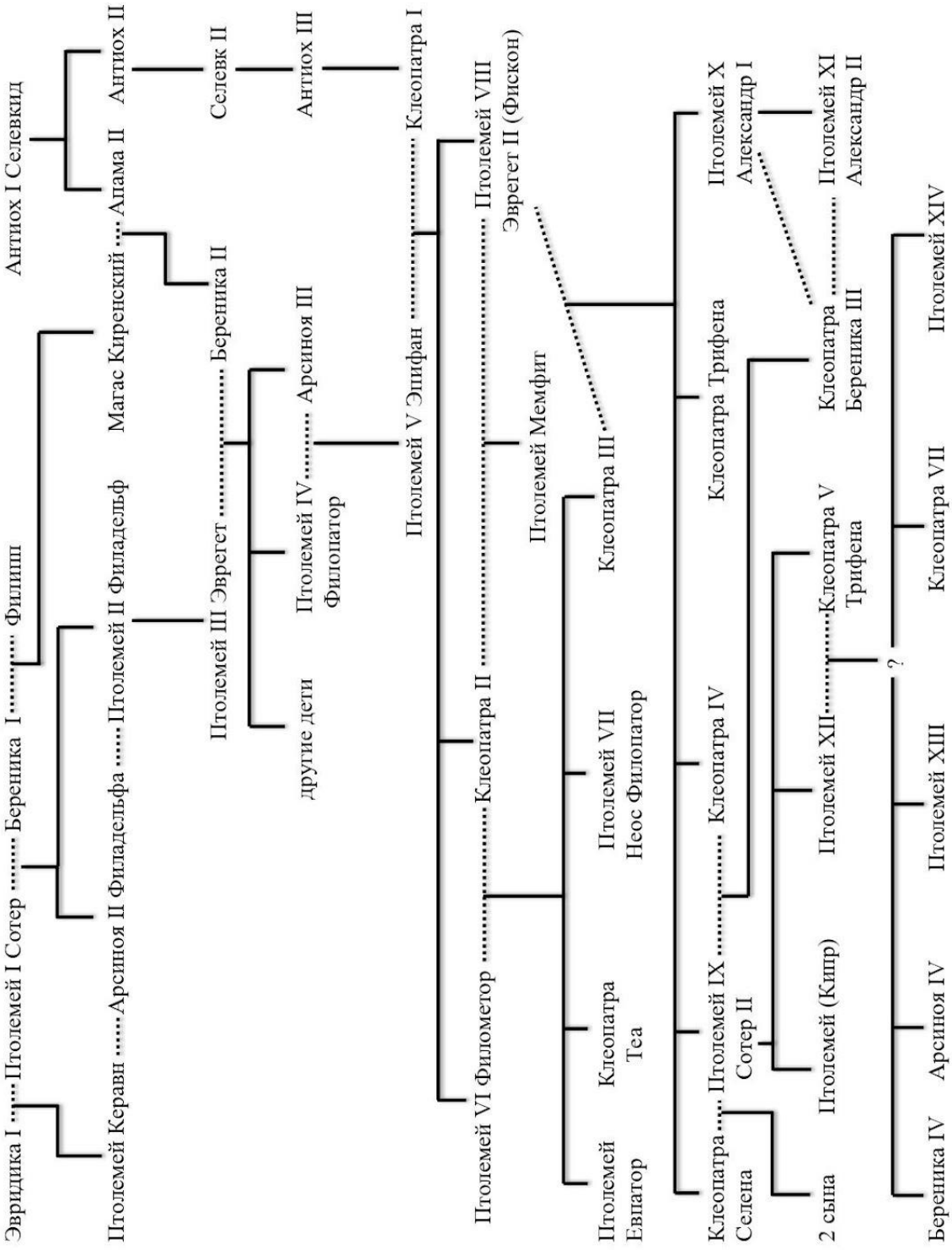
517. Salem Z. M. Arsinoe II as an Image of Isis in Egyptian Source Materials // Current Research in Egyptology 2022. Proceedings of the Twenty-Second Annual Symposium, Université Paul-Valéry Montpellier 3, 26-30 September 2022 / Eds. A. Bouhafs et al. Oxford: Archaeopress Publishing, 2023. P. 317–324.

518. Zauzich K.-Th. Die ägyptische Schreibertradition in Aufbau, Sprache und Schrift der demotischen Kaufverträge aus ptolemäischer Zeit. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. 241 s.

519. Ziegler C. The Queens of the New Kingdom // The Pharaohs / Ed. C. Ziegler. London: Thames & Hudson, 2002. P. 237–267.

Приложение:

№ 1. Генеалогия династии Птолемеев

№ 2. Хронология основных событий

Год, до н.э.	Событие
332	Завоевание Александром Египта
331	Основание Александрии
323	Птолемей I становится сатрапом Египта
319–318	Птолемей I женится на Беренике I
316	Рождение Арсинои II
304	Птолемей I коронован
290	Учреждение жреца Александра в Александрии
285–284	Птолемей II объявлен соправителем Птолемея I
283–282	Смерть Птолемея I, Птолемей II становится царем Египта
281	Птолемей I обожествлен как Птолемей Сотер
279	Смерть Береники I, возвращение Арсинои II в Египет
279–278	Праздник Птолемеи в Александрии
275	Птолемей II женится на Арсиное II
270	Смерть Арсинои II, обожествлена как Арсиноя Филадельфа
268–267	Учреждена жрица канефора Арсинои Филадельфы на празднике Птолемеи в Александрии
269–267	Праздник Арсинои в Александрии
250	Птолемей III обручен с Береникой II
253	Праздник Филадельфии в Александрии
238	Принятие Канопского указа на синоде жрецов, учреждение праздника в честь богов Эвергетов (Птолемея III и Береники II)
246	Смерть Птолемея II, его сын Птолемей III становится царем, женится на Беренике II
246–241	Третья Сирийская война. Береника II временно управляет Египтом
223–200	Переименование критского порта Ретимна в честь Арсинои III, учреждение культа Птолемеев на острове
222–221	Смерть Птолемея III, Птолемей IV становится царем, женится на Арсиное III. Убийство Береники II.
219–217	Четвертая Сирийская война

217	Битва при Рафии, Арсиноя III выступает перед войском, принятие Рафийского декрета и учреждение праздника в честь богов Филопаторов
216	Боги Филопаторы включены в культ Александра
215–214	Боги Сотеры включены в культ Александра и богов Птолемеев на празднике Птолемеи в Александрии. Птолемей IV учредил в Птолемаиде культ Птолемея I и правящего царя
211–210	Учреждена жрица атлофора Береники Эвергеты на празднике Птолемеи в Александрии
205–204	Птолемей IV убит в результате заговора
204	Арсиноя III убита в результате заговора, царем становится Птолемей V
199–198	Учреждена жрица Арсинои III на празднике Птолемеи в Александрии, также Птолемей V при жизни включен в династический культ как бог Эпифан Эвхарист
196	Коронация Птолемея V в Мемфисе
194–193	Птолемей V женится на Клеопатре I
183–182	Учреждена жрица канефора Арсинои Филадельфы в Птолемаиде
180	Убийство Птолемея V. Клеопатра I – регент при сыне
179–178	Птолемей VI включен при жизни в династический культ
177–176	Учрежден жрец Птолемея и Клеопатры, его матери, богов Эпифанов
176	Смерть Клеопатры I
175	Птолемей VI женится на Клеопатре II
172	Учреждена жрица Клеопатры II в Птолемаиде
170	Совместное правление Птолемея VI, Клеопатры II и Птолемея VIII
164	Восстание в Фиваиде, Птолемей VI подавил мятеж
164	Учреждение жреца Птолемея Филометора и жрицы Клеопатры, матери Птолемея, [от] бога Эпифана Эвхариста вместо жреца Птолемея и Клеопатры, его матери, богов Эпифанов
163–145	Птолемей VIII становится царем ливийских иностранных владений; Птолемей VI и Клеопатра II правят из Александрии остальным царством
146	Учреждение жрицы Клеопатры божественной матери Эпифаны вместо жрицы Клеопатры, матери Птолемея, [от] бога Эпифана
146–145	Смерть Птолемея VI в сражении, царем становится Птолемей VIII

145–144	Птолемей VIII женится на Клеопатре II, они включены в династический культ как боги Эвергеты
144	Коронация Птолемея VIII в Мемфисе
145–146	Учреждена жрица Клеопатры III, дочери в Птолемаиде
142–141	Птолемей VIII женится на своей племяннице Клеопатре III
141–140	Учреждение жриц Клеопатры-сестры (т.е. Клеопатры II) и Клеопатры-жены (т.е. Клеопатры III) в Птолемаиде
132–124	Конфликт между Клеопатрой II и Птолемеем VIII
132–131	Клеопатра II инициировала восстание, провозгласила себя Клеопатра Филометор Сотейра. Птолемей VIII и Клеопатра III бегут на Кипр.
131	Учрежден жрец священного жеребенка Исиды, великой матери богов в Птолемаиде
120	Учрежден жрец священного жеребенка Исиды, великой матери богов в Александрии
116	Смерть Птолемея VIII и Клеопатры II. Учреждение жриц стефанофоры, фосфоры и жрицы царицы Клеопатры Филометоры Сотейры Дикайосюны Никефоры. Совместное правдение Клеопатры II, Клеопатры III и Птолемея IX Сотера II
116	Смерть Клеопатры II. Совместное правление Клеопатры III, Птолемея IX Сотера II и Клеопатры IV
115	По принуждению матери Птолемей IX расторг брак с Клеопатрой IV и женился на Клеопатре V Селене
107	Птолемей IX Сотер II бежит на Кипр в результате заговора. Клеопатра III правит с младшим сыном Птолемеем X Александром I
107–106	Учрежден жрец при жизни царицы Клеопатры, богини Афродиты и Филометоры
105–104	Клеопатра III страла жрецом культа Александра и богов Птолемеев
103–101	Война в Сирии. Клеопатра III посылает Птолемея X Александра I в Финикию и Дамаск. Клеопатра III осаждает Птолемаиду. Птолемей IX Сотер II пытается закрепиться в Египте, Птолемей X Александр I изгоняет его, Сотер II бежит на Кипр.
101	Убийство Клеопатры III по приказу Птолемея X Александра I, он женится на Клеопатре Беренике III

№ 3. Победы представителей династии Птолемеев в гонках на колесницах

Имя победителя	Страна	Игры	Город проведения игр	Год соревнования до н.э.	Возраст победителя	Количество лошадей, запряженных в колесницу
Птолемей I Сотер	Египет	Пифийские	Дельфы	314–313	53–52	две
		Олимпийские	Олимпия	292	75–76	четыре
Береника I	Египет	Пифийские	Дельфы	292–280	48–60	четыре
		Олимпийские	Олимпия			
Птолемей II Филадельф	Египет	Олимпийские	Олимпия	284	24–25	четыре
Арсиноя II	Египет	Олимпийские	Олимпия	272	44	две гонки на четырех и одна на двух лошадях
Береника II	Египет	Истмийские	Коринф	конец 260–х	ок. 8	четыре
		Немейские	Немейская долина (Пелопоннес)	259	8	
		Олимпийские	Олимпия	244	23	
Птолемей VI Филометор	Египет	Панафинейские	Афины	182–181	4–5	четыре
				162–161	24–25	две

				158	28	одна
Птолемей V Эпифан	Египет	Панафинейс-кие	Афины	182–181	31–32	четыре
Клеопатра II	Египет	Панафинейс-кие	Афины	162–161	23–21	Две ИЛИ четыре лошади
Птолемей Авлет	Египет	Лейбадеи	Беотия	80–51	37–66	четыре

№ 4 Фрагмент папируса P.Colon. inv. 5063 и перевод

Начальные строки сохранившегося текста содержат традиционную формулу датировки[1]:

При правящих Клеопатре богине Эвергете и Филометоре Дикайосюне Никефоре и Птолемее Александре боге Филометоре в 13-м году, который также 10-й, при царице Клеопатре, богине Эвергете, Филометоре, Дикайосюне, Никефоре, **исполняющей жречество** Александра и богов Сотеров, и богов Адельфов, и богов Эврегетов, и богов Филопаторов, и богов Эпифанов, и бога Эвпатора, и бога Филометора, и бога Неоса Филопатора и бога Эвергета, и богов Филометоров, при жреце при жизни царицы Клеопатры, богини Эвергеты и Филометоры Дикайосюны Никефоры Теодоре, сыне Селевка … и экзегета, и при жрице царицы Клеопатры, богини Эвергеты и Филометоры Дикайосюны Никефоры, Мнемозине, дочери Никанора <...>.

βασιλευόντων Κλεοπάτρας θεᾶς Εὐεργέτιδος τῆς καὶ Φιλο/μή[τ]ορος Δικαιοσύνης Νικηφόρου καὶ Πτολεμαίου τοῦ <καὶ> Ἀ̣λ̣ε̣ξ̣ά̣ν̣[δρου] / θεοῦ Φιλομήτορος ἔτους̣ ι̣γ τοῦ καὶ ι, ***ἱερατευούσης*** βασι/λίσσης Κλεοπάτρας Θεᾶς Εὐεργέτιδος τῆς καὶ Φιλομήτορος / Δικαιοσύνης Νικηφόρου Ἀλεξάνδρου καὶ θεῶν Σωτήρων / καὶ θεῶν Ἀδελφῶν καὶ θεῶν Εὐεργετῶν καὶ θεῶν Φιλοπατόρων / καὶ θεῶν Ἐπιφανῶν καὶ θεοῦ Εὐπάτορος καὶ θεοῦ

[1] P.Colon. inv. 5063: Koenen L. Kleopatra III. Als Priesterin des Alexanderkultes (P. Colon. inv. nr. 5063). P. 68.

Φιλομήτορος / καὶ θε[ο]ῦ Νέου Φιλοπάτορος καὶ θεοῦ Εὐεργέτου καὶ θεῶν / Φιλομητόρων, ἱερέως διὰ βίου βασιλίσσης Κλεοπάτρας / θεᾶς Εὐεργέτιδος τῆς καὶ Φιλομήτορος Δικαιοσύνης / Νικηφόρου Θεοδώρου τοῦ Σελεύκου . . . . ειουσ̣τ[. . . . .]υ̣ / καὶ ἐξηγητοῦ, ἱερείας βασιλίσσης Κλεοπάτρας θε[ᾶς Εὐερ]/γέτιδος τ[ῆς κα]ὶ Φ[ιλο]μήτορος Δικαιοσύνης Νικηφ[όρου] / Μνημοσύν[η]ς τῆς Νικάνορος <...>

Активное причастие родительного падежа женского рода единственного числа «ἱερατευούσης» несомненно относится к Клеопатре III, однако она не названа жрицей, как, например, упомянутая ниже жрица Клеопатры III. При этом для царицы употребление формулы «при жреце» (ἐφ’ ἱερέως), было бы неуместно, так как могло бы создать ложное впечатление, что жрецом Александра являлось другое лицо. Следовательно, выражение «ἱερατευούσης βασιλίσσης Κλεοπάτρας Θεάς Εὐρεγετίδος τῆς καὶ Φιλομήτορος Δικαιοσύνης Νικηφόρου Αλεξάνδρου» переводится как «царице Клеопатре, богине Эвергете, Филометоре, Дикайосюне, Никефоре, “исполняющей жречество” Александра». Это подтверждает, что Клеопатра III лично взяла на себя роль верховного жреца Александра, как ранее делали цари из династии Птолемеев.

№ 5. Монеты

 	№ 5.1. Инв. № Z 2884.67 Национальная библиотека Франции (кабинет медалей) Царица: Береника I Дата: 285–246 гг. до н.э. Материал: серебро Место изготовления: Кирена Kahrstedt U. Fraue auf antiken Münzen. P. 261–314. Фото: https://numismatics.org/pco/id/cpe.1_1.729C?lang=ru
 	№ 5.2. Инв. № 1852,0902.76. Британский музей Царица: Береника I Дата: 305 г. до н.э. Материал: медный сплав Место изготовления: Родос Head B.V. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes &c. P. 251. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1852-0902-76
 	№ 5.3. Инв. № 1848,0617.24. Британский музей Царица: Береника I Дата: 305 г. до н.э. Материал: медный сплав Место изготовления: Родос Head B.V. Catalogue of the Greek coins of Caria, Cos, Rhodes &c. P. 251. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1848-0617-24
 	№ 5.4. Инв. № 1898,0601.36. Британский музей Царица: Береника I Дата: 345–330 гг. до н.э. Материал: серебро Место изготовления: Кос Stephanake V.E., Κώς. P. 14. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1898-0601-36

 	№ 5.5. Инв. № BNK,G.906. Британский музей Аверс: Птолемей II и Арсиноя II Реверс: Птолемей I и Береника I Дата: 272–180 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Poole R.S. Catalogue of Greek Coins in the British Museum. The Ptolemies, Kings of Egypt. P. 40 Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_BNK-G-906
 	№ 5.6. Инв. № 1964,1303.3. Британский музей Аверс: Птолемей II и Арсиноя II Реверс: Птолемей I и Береника I Дата: 272–180 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. P. 68. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1964-1303-3
 	№ 5.7. Инв. № 1841,0726.516. Британский музей Царица: Арсиноя II Дата: 205–180 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Издатель: Svoronos J.N. The Coins of the Ptolemaic Kings. No. 476; Poole R.S. Op. cit. P. 43. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1841-0726-516
 	№ 5.8. Инв. №. RPK,p208.1.ArsAlt. Британский музей Царица: Арсиноя II Дата: III в. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 475; Poole R.S. Op. cit. P. 43. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_RPK-p208-1-ArsAlt

 	№ 5.9. Инв. №. RPK,p208.1.ArsLys. Британский музей Царица: Арсиноя II Дата: III в. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 460 Poole R.S. Op. cit. P. 43. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_RPK-p208-1-ArsLys
 	№ 5.10. Инв. №. 1922,0317.8. Британский музей Дата: 249–245 гг. до н.э. Материал: серебро Царица: Арсиноя II Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 961; Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire Part I. Vol. I. P. 328. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1922-0317-8
 	№ 5.11. Инв. №. 1987,0649.279. Британский музей Дата: III в. до н.э. Материал: серебро Царица: Арсиноя II Место изготовления: Александрия Poole R.S. Op. cit. P. 44 Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1987-0649-279
 	№ 5.12. Инв. №. 1987,0649.280. Британский музей Дата: III в. до н.э. Материал: серебро Царица: Арсиноя II Место изготовления: Александрия Poole R.S. Op. cit. P. 44. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1987-0649-280

	№ 5.13. Инв. №. 1879,0610.10. Британский музей Дата: 246-240 гг. до н.э. Материал: золото Царица: Арсиноя II Место изготовления: Сидон (Финикия) Poole R.S. Op. cit. P. 42; Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 69; Lorber C.C. Op. cit. P. 417. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1879-0610-10
	№ 5.14. Инв. №. 1868,0320.12. Британский музей Дата: 285–246 гг. до н.э. Материал: золото Царица: Арсиноя II Место изготовления: Тир (Финикия) Poole R.S. Op. cit. P. 42; Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 69. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1868-0320-12
	№ 5.15. Инв. №. RPK,p212.1.ArsII. Британский музей Царица: Арсиноя II Дата: III в. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Китион (Кипр) Poole R.S. Op. cit. P. 42; Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 69. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_RPK-p212-1-ArsII
	№ 5.16. Инв. №. 1987,0649.141. Британский музей Царица: Арсиноя II Дата: 261–252 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Пафос Poole R.S. Op. cit. P. 42; Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 69; Lorber C.C. Op. cit. P. 353. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1987-0649-141

 	№ 5.17. Инв. №. 1987,0649.281. Британский музей Царица: Береника II Дата: 246–222 гг. до н.э. Материал: серебро Место изготовления: Александрия Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 80–81. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1987-0649-281
 	№ 5.18. Инв. №. TC,p235.1. Британский музей Царица: Береника II Дата: 246–222 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 981; Poole R.S. Op. cit. P. 59. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_TC-p235-1
 	№ 5.19. Инв. №. 1900,1204.9. Британский музей Царица: Береника II Дата: 246–222 гг. до н.э. Материал: серебро Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 990 Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1900-1204-9
 	№ 5.20. Инв. №. RPK,p207.1. Британский музей Царица: Береника II Дата: 246–222 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Египет Svoronos J.N. Op. cit. No. 982; Poole R.S. Op. cit. P. 60. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_RPK-p207-1

	№ 5.21. Инв. № 1858,1124.87. Британский музей Царица: Арсиноя III Дата: 221–204 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159. Poole R.S. Op. cit. P. 62, 67. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1858-1124-87
	№ 5.22. Инв. № BNK,G.913. Британский музей Царица: Арсиноя III Дата: 221–204 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159. Poole R.S. Op. cit. P. 62, 67. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_BNK-G-913
	№ 5.23. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э Материал: серебро Место изготовления: Фаселида Svoronos J.N. Op. cit. No. 1196. Фото: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1196.
	№ 5.24. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э Материал: золото Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159a Фото: Gorrini M.E. Un ritratto di Arsinoe III a Palazzo Te a Mantova: alcune considerazioni. P. 234.
	№ 5.25. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э Материал: золото Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159b Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 234.

	№ 5.26. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э Материал: золото Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1159 c Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 234.
	№ 5.27. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1269 Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 234.
	№ 5.28. Царица: Арсиноя III Дата: 205–202 гг. до н.э Материал: золото Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1272 Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 234.
	№ 5.29. Царица: Арсиноя III Дата: Материал: бронза Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1163. Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 233.
	№ 5.30. Царица: Арсиноя III Дата: Материал: бронза Место изготовления: Svoronos J.N. Op. cit. No. 1164. Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 233.
	№ 5.31. Царица: Арсиноя III Дата: 207 г. до н.э. Материал: бронза Место изготовления: Мараф (Финикия) Svoronos J.N. Op. cit. No. 1201a Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 235.
 3b	№ 5.32. Царица: Арсиноя III Дата: 205 г. до н.э. Материал: бронза Место изготовления: Мараф (Финикия) Svoronos J.N. Op. cit. 1203b Фото: Gorrini M.E. Op. cit. P. 234.

	№ 5.33. Инв. № 1978,1021.1. Британский музей Царица: Клеопатра I Дата: 180–176 гг. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Египет Cheshire W. Cleopatra "the Syrian" and a Couple of Rebels: Their Images, Iconography, and Propaganda. P. 379–380; Walker S., Higgs P. Op. cit. P. 77. Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/C_1978-1021-1
	№ 5.34. Инв. № 1944.100.78697. Нью-Йорк, Американское нумизматическое общество Царица: Клеопатра I Дата: 180–176 гг. до н.э. Материал: медь Место изготовления: Пафос (Кипр) Cheshire W. Op. cit. P. 362. Фото: Cheshire W. Op. cit. P. 361.
	№ 5.35. Царица: Клеопатра II или Клеопатра III. Серия 6. Коллекция Д. Досуэла. Дата: II в. до н.э. Материал: медь Место изготовления: Кипр Whitehorne J. Cleopatras. Pl. 19; Maritz J. The face of Alexandria - the face of Africa? P. 48–49. Фото: Lorber C.C. Part II. Vol. 1. P. 64.
	№ 5.36. Клеопатра II в образе Арсинои Филадельфы Дата: II в. до н.э. Материал: золото Место изготовления: Александрия Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 139–141. Фото: Lorber C.C. Coins of the Ptolemaic Empire: Ptolemy V through Cleopatra VII. Part II Vol. 1. P. 141.

	№ 5.37. Царица: Клеопатра III Дата: II в. до н.э. Материал: медь Место изготовления: Египет Poole R.S. Op. cit. P. 70–71. Фото: Poole R.S. Op. cit. Pl. XIII. No. 3.
	№ 5.38. Царица: Клеопатра III не изображена, вместо этого – двойной рог изобилия Дата: 117–111 гг. до н.э. Материал: бронза Место изготовления: Кирена Poole R.S. Op. cit. P. 79–80 Фото: Lorber C.C. Part II. Vol. 1. P. 270.
	№ 5.39. Царица: Клеопатра III не изображена, вместо нее – головной убор Исиды Дата: 117–111 гг. до н.э. Материал: бронза Место изготовления: Кирена Poole R.S. Op. cit. P. 79–80 Фото: Lorber C.C. Op. cit. Part II. Vol. 1. P. 270.
	№ 5.40. Царица: Клеопатра III не изображена, вместо этого – годы правления Клеопатры III и Птолемея IX Царица: Клеопатра III Дата: Материал: серебро Место изготовления: Александрия Poole R.S. Op. cit. P. 110. Фото: Poole R.S. Op. cit. Pl. XXVI No. 2.

№ 6. Ойнохои

№ 6.1. Инв. № 1873,0820.389. Британский музей
Царица: Арсиноя II
Дата: 270–240 гг. до н.э.
Высота: 32,4 см
Материал: фаянс
Место изготовления: Египет
Thompson D.B. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Cat. No. 1; Minas-Nerpel M. Beyond Boundaries: The Roles of the Queens in the Ptolemaic Ruler Cult. P. 117–121.
Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/G_1873-0820-389

№ 6.2. Инв. № 96.AI.58. Музей Гетти
Царица: Береника II
Дата: 266–221 гг. до н.э.
Размер: 22, 2 × 14 см
Материал: фаянс
Место изготовления: Египет
Kozloff A. P. Is There an Alexandrian Style-What is Egyptian about It? / Alexandria and Alexandrianism. / Ed. K. Hamma. Malibu: J. Paul Getty Museum, 1996. P. 252.
Фото: http://vocab.getty.edu/page/cona/700007124

№ 6.3. Инв. № 48.309. Художественный музей Уолтерса
Царица: Арсиноя III
Дата: III–II в. до н.э.
Размер: 14,8 × 8,9 × 4,4 см
Материал: фаянс
Место изготовления: Египет
Hill D.K. Some Late Egyptian Ceramics in the Walters Art Gallery. // Gazette des Beaux-Arts. 1946. No. 30. P. 195, Fig. 2; Hill D.K. Four Fragments from Ptolemaic High-Relief Faience. // Revue archeologique. 1954. No. 43. P. 44–50, Figs. 1, 2, 4.
Фото: https://art.thewalters.org/object/48.309/

	№ 6.4. Стамбульский археологический музей Царица: Арсиноя III Дата: 250–200 гг. до н.э. Материал: фаянс Место изготовления: Египет Thompson D.B. Op. cit. P. 62, 87; Cat. No. 112. Pl. 45; Barr-Sharrar B. The Anticythera Fulcrum Bust: A Portrait of Arsinoë III. P. 689–692. Фото: Thompson D.B. Op. cit. Pl. 45.

№ 7. Рельефы

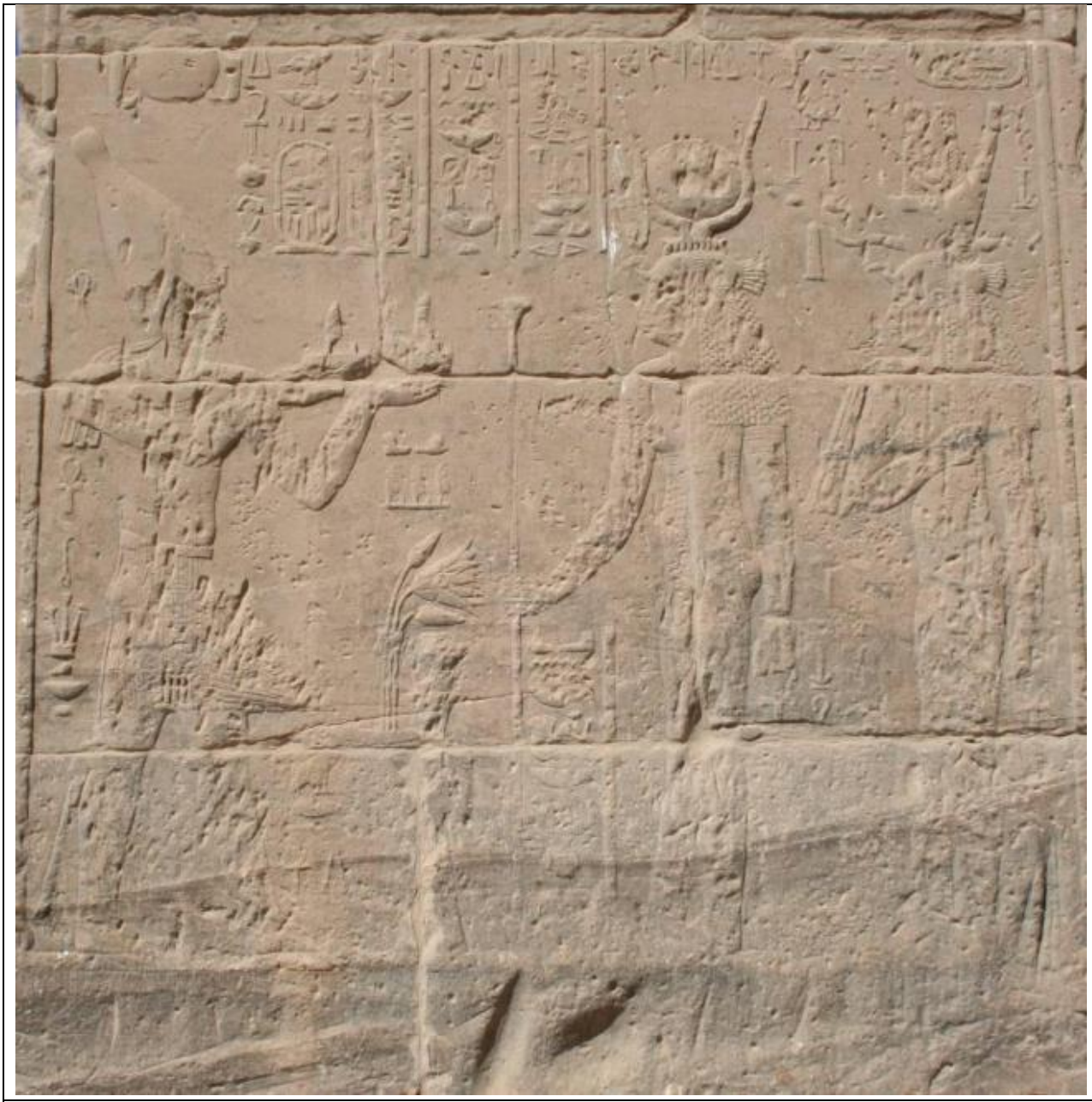
№ 7.1. Рельеф из 46 фигур, разделенных осередине солнечным диском. Арсиноя II стоит в самом левом углу за Птолемеем II. Береника стоит в самом правом углу перед Птолемеем I Карнак. Храм Хонсу, южная сторона врат Эвергета.
PM. II. 225, 1; LD. III. 53–57; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213, No. 29; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 242, 252; Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 152; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 92, No. 27.
Фото: Nilsson M. The crown of Arsinoë II… P. 632.

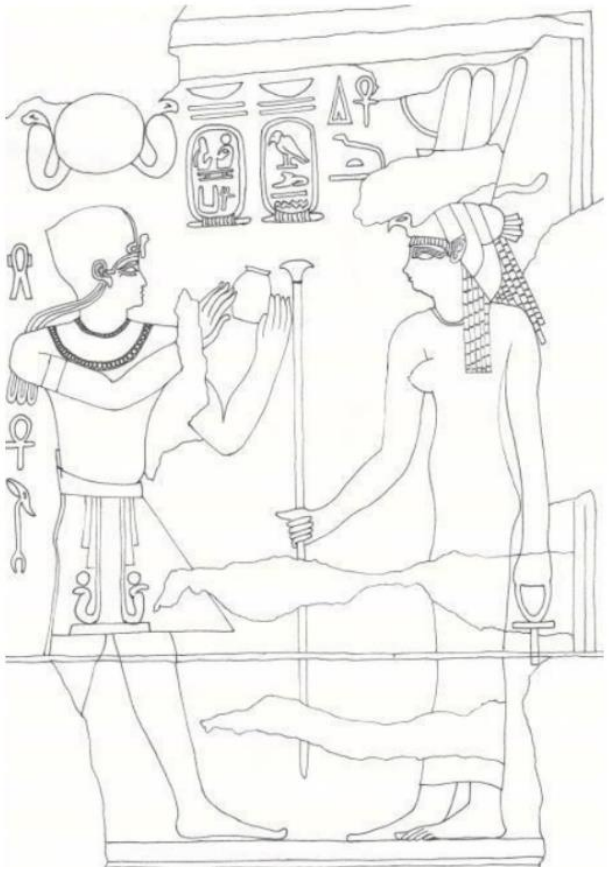
№ 7.2. Арсиноя II и Птолемей совершают подношения богам.
Телль Атриб. Архитрав наоса. Инв. № 10026. Археологический музей в Стокгольме. Albersmeier S., Minas-Nerpel M. Ein Weihrelief für die vergöttlichte Arsinoe II. P. 7, 15.
Фото: Nilsson M. Op. cit. P. 621.

№ 7.3. Птолемей II совершает подношение Исиде и Арсиное II.
Филе. Храм Исиды. Врата Птолемея II, северная перегородка, обращенная на восток, первый регистр.
PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 636.

№ 7.4. Птолемей II совершает подношение Исиде и Арсиное II.
Филе. Храм Исиды. Южная перегородка, обращенная на восток, нижний регистр.
PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 635.

	№ 7.5. Арсиноя II стоит позади сидящей Исиды и принимает дары от Птолемея II. Филе. Храм Исиды. Камера I, северная перегородка, восточная сторона, нижний регистр. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45. Фото: Nilson M. Op. cit. P. 637.
	№ 7.6. Птолемей II приподносит Арсиное II сосуд немсет. Филе. Храм Исиды. Камера V, южная перегородка, западная сторона дверного косяка. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45. Прорисовка: Nilson M. Op. cit. P. 641.

№ 7.7. Арсиноя II и Исида принимают дары от Птолемея II. Филе. Храм Исиды. Камера VII, северная перегородка, восточная сторона двери, нижний главный регистр. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45. Фото: Nilson M. Op. cit. P. 638.

№ 7.8. Арсиноя II и Исида, кормящая Харпократа принимают подношение от Птолемея II Филе. Храм Исиды. Камера X, восточная перегородка, нижний регистр. PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45. Фото: Nilson M. Op. cit. P. 640.

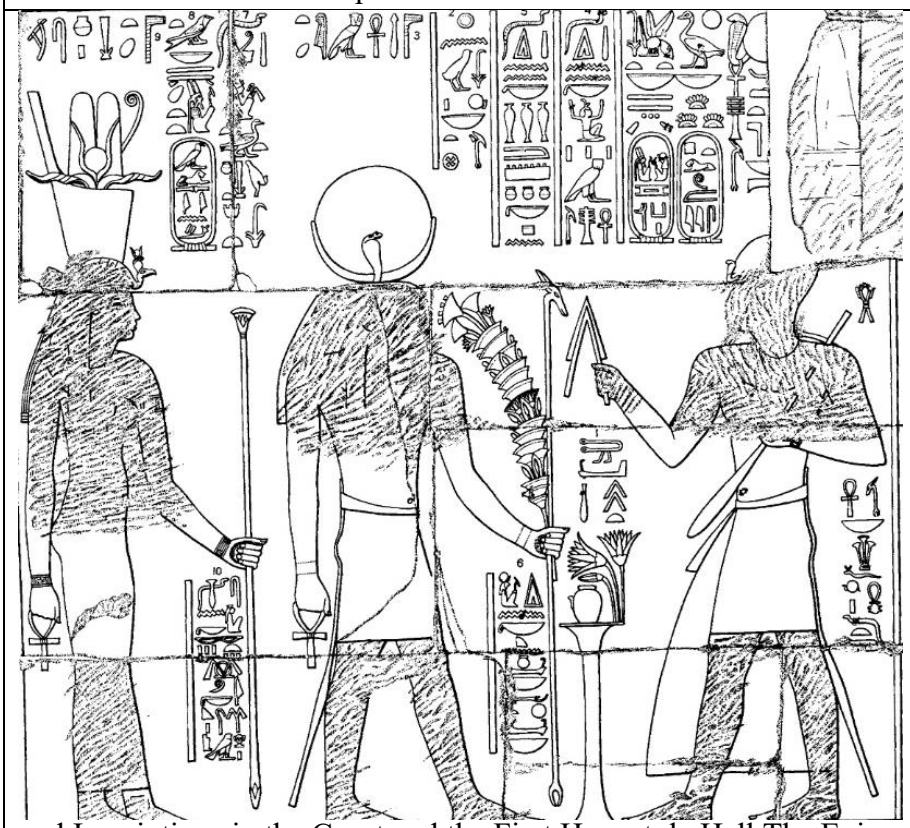
№ 7.9. Птолемей II совершает подношение Исиде и Арсиное II.
Филе. Храм Исиды. Западная перегородка, нижний регистр.
PM. VI. 212, 214, 238, 240, 243, 241; Žabkar L.V. Hymns to Isis in Her Temple at Philae. Hanover, 1988. P. 13, 89; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. No. 39, 40, 41, 42, 43, 44; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 33, 34, 35, 36, 45.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 639.

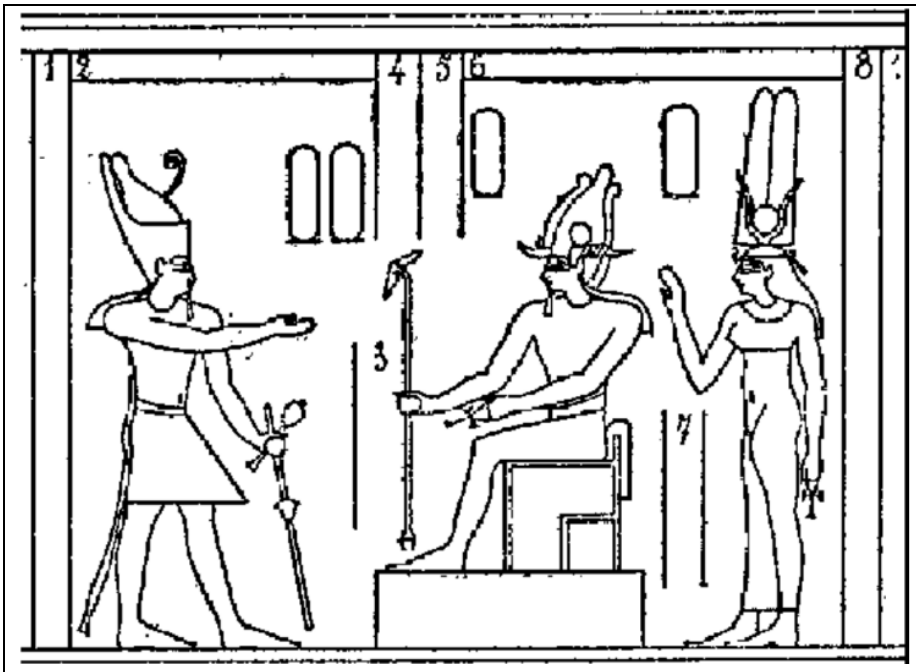
№ 7.10. Перед Арсиноей II и Птолемеем II стоит Птолемей III и воскуряет благовония
Карнак. Храм Хонсу. Врата Эвергета, внутренняя сторона восточной перегородки, второй регистр снизу.
PM. II. 226; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 257; Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 149.
По: Фото: Nilson M. Op. cit. P. 630.

№ 7.11. Арсиноя II стоит позади богов Амона и Хонсу, в то время как Птолемей II совершает всем им подношение в виде фигурки Маат.
Карнак. Храм Хонсу. Восточные ворота рядом с храмом Рамсеса II (так называемые ворота Нектанеба или Баб-эль-Мелаха), сцена на перемычке
PM. II. 208; LdR. IV. 240; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213; Troy L. Patterns of queenship in ancient Egyptian myth and history. P. 179; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91.
Фото: Фото: Nilson M. Op. cit. P. 633.

№ 7.12. Птолемей II и Арсиноя II перед Хонсу-Ра
Карнак. Храм Хонсу. Пилон, северная перегородка (перистильный двор), сцена на перемычке.
PM. II. 229; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 213; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91 no. 25.
Прорисовка: The Temple of Khonsu. Vol. II. Scenes and Inscriptions in the Court and the First Hypostyle Hall The Epigraphic Survey. / The Epigraphic Survey. Chicago, 1981. Pl. 116.

№ 7.13. Арсиноя II и Птолемей II принимают дары от Птолемея IV. Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал, западная перегородка, верхний регистр. PM. IV. 136; Le temple d'Édfou. Vol. II. P. 55, Vol. I Pl. XL; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter E. Op. cit. P. 149; Cauville S. Essai sur la théologie du temple d‟Horus à Edfou. Vol. I. P. 115

Прорисовка: Le temple d'Édfou. Vol. II. Pl. XL.

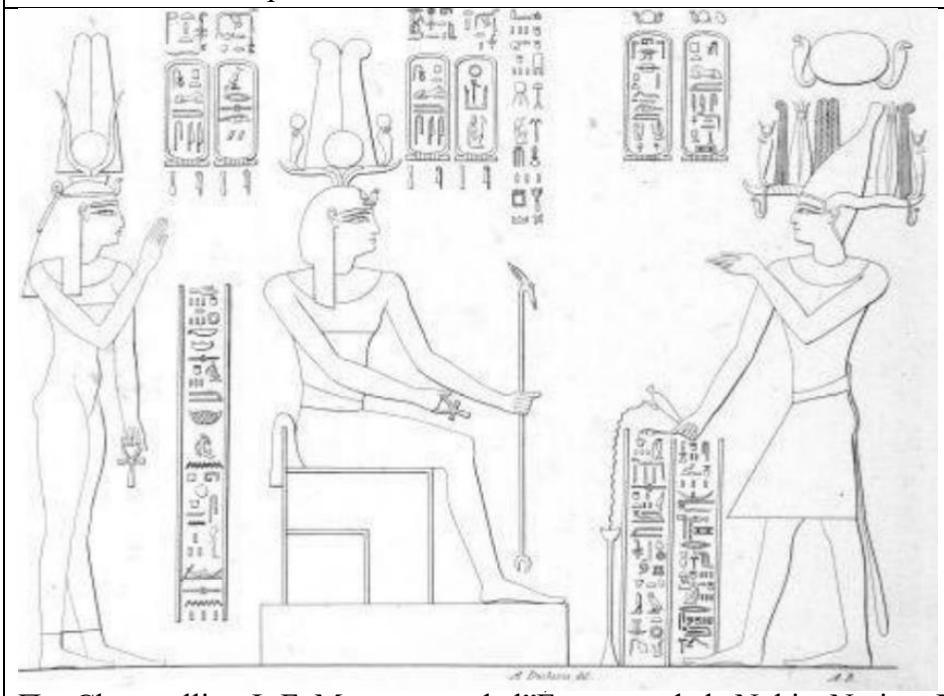
№ 7.14. Арсиноя II и Птолемей II принимают дары от Птолемея IV.

Эдфу. Храм Хора. Внутреннее святилище (A), восточная перегородка, средний регистр. PM. VI. 146; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 46; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 36; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252.

Фото: Nilson M. Op. cit. P. 625.

№ 7.15. Арсиноя II и Птолемей II принимают дары от Птолемея IV.
Эдфу. Храм Хора. Зал для жертвоприношений (внешний вестибюль, справа), северная перегородка, средний регистр (3-й снизу). PM. VI. 141; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 479; Quaegebeur 1970, 214, no. 34; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 90, No.19.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 623.

№ 7.16. Арсиноя II и Птолемей II принимают дары от Птолемея VIII.
Эдфу. Храм Хора. Коридор храма, западная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 156; Le temple d'Édfou. Vol. IV. P. 148; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 38; Winter E. Op. cit. P. 150.
По: Champollion J.-F. Monuments de l‘‘Égypte et de la Nubie: Notices Descriptives. Paris, 1844. CXXXIX. No 4.

№ 7.17. Арсиноя II и Птолемей II принимают дары от Птолемея VIII.
Эдфу. Храм Хора. Внешний гипостильный зал (C), восточная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 132; Le temple d'Édfou. Vol. III. P. 190–192, Pl. 63; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 32; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Winter 1978, 150; Cauville S. Op. cit. P. 134–137, fig. 42; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 91, No. 23.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 622.

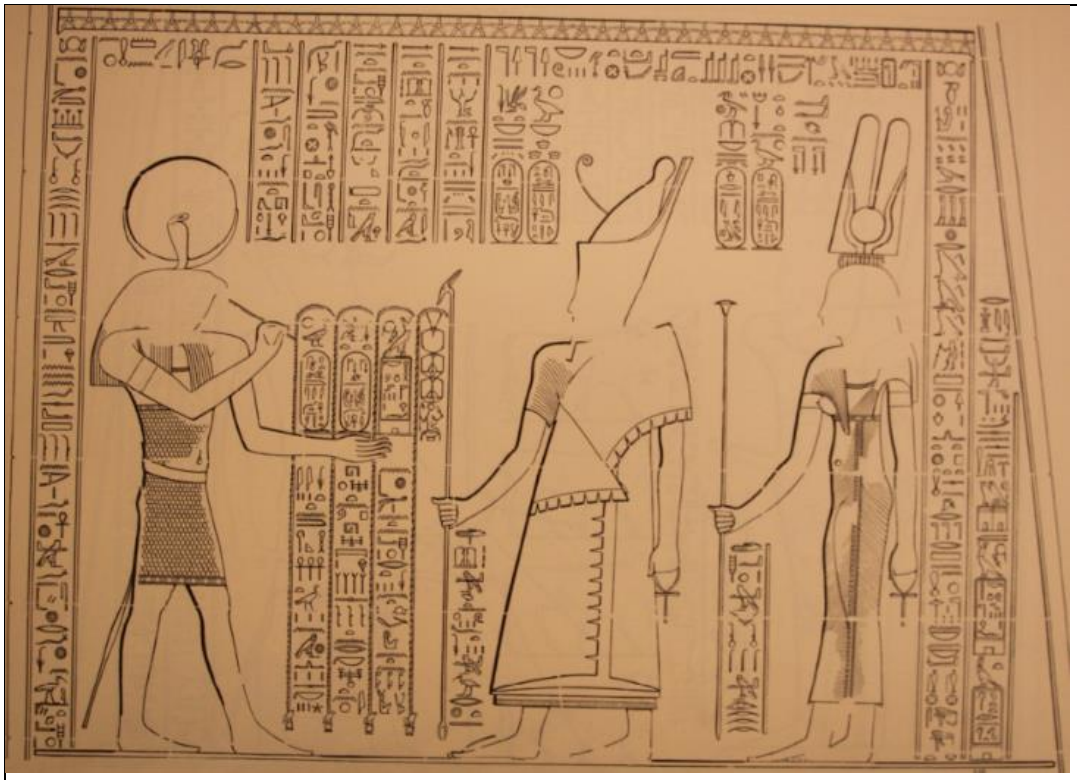
№ 7.18. Арсиноя II, Птолемей II, Хатхор и Хор сидят перед Птолемеем IV, принимающем от божеств знак праздника Сед, а также картуши.
Эдфу. Храм Хора. Коридор храма, восточная перегородка, верхний регистр. PM. VI. 148; Le temple d'Édfou. Vol. I. P. 112; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 37; Winter E. Op. cit. P. 149; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252; Cauville S. Op. cit. P. 17.
Фото: Фото: Nilson M. Op. cit. P. 626.

№ 7.19. Птолемей VIII приподносит дары Птолемею II и Арсиное II.
Каср эль-Агуз. Храм Тота. Внутреннее святилище, восточная стена, верхний регистр.
PM. II. 529; LÄ. V. 40; Winter E. Op. cit. P. 151; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 30; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 214, No. 38; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 642.

№ 7.20. Птолемей IV Филопатор приносит пищу в жертву Хору, Хатхор, Харсомтусу, а также своим царственным предкам –Птолемею III и Беренике II, Птолемею II и Арсиное II, Птолемею I и Беренике I.
Эдфу. Храм Хора. Помещение у западной лестницы. Северная перегородка, нижний регистр.
PM. VI. 142; Winter E. Op. cit. P. 152; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 214, No. 33; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 252, No. 42; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 90, No. 20.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 624.

№ 7.21. Птолемей III и Береника II получают свои титулы и миллионы лет правления от бога Хонсу Карнак. Храм Хонсу. Западная сторона врат Эвергета, 5-й регистр. Clère P. La porte d'Évergète à Karnak II: plancher. Pl. 43. Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 245–262, 254; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt. P. 162.
Прорисовка: Clère P. Op. cit. Pl. 43.

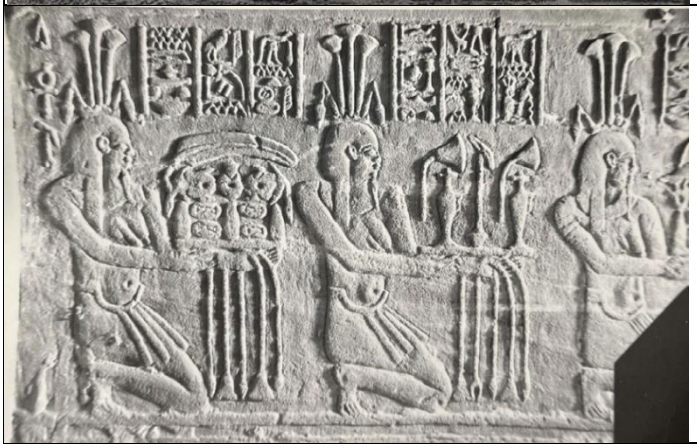

№ 7.22. Богиня Хут-Херет стоит позади Хонсу. Перед ними Птолемей III преподносит сосуды, а Береника II – лотосовые гирлянды. Карнак. Храм Хонсу. Южная сторона врат Эвергета, 4-й регистр.

Clère P. Op. cit. Pl. 16; Llewellyn-Jones L., Winder S. A key to Berenike's Lock? The Hathoric model of queenship in early Ptolemaic Egypt. P. 260.
Прорисовка: Clère P. Op. cit. Pl. 16;

№ 7.23. Береника II стоит за Птолемеем III, он приносит дары Исиде
Филе. Храм Исиды. Северная сторона пронаоса, первый регистр к востоку от дверного проема.
Vassilika E. Ptolemaic Philae. Leuven, 1989. P. 64.
Фото: Vassilika E. Ptolemaic Philae. Leuven, 1989. Pl. XXII D.

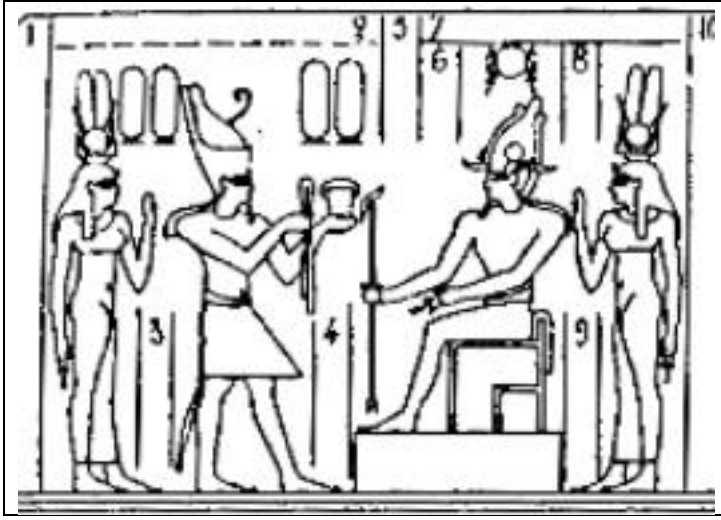
№ 7.24. Птолемей III и Береника II возглавляли шествие богов плодородия. Фигуры царей не сохранились.
Филе. Храм Исиды. Маммиси рядом с храмом, западная и восточная стены, цоколь.
Фото: Vassilika E. Op. cit. P. 38–43.

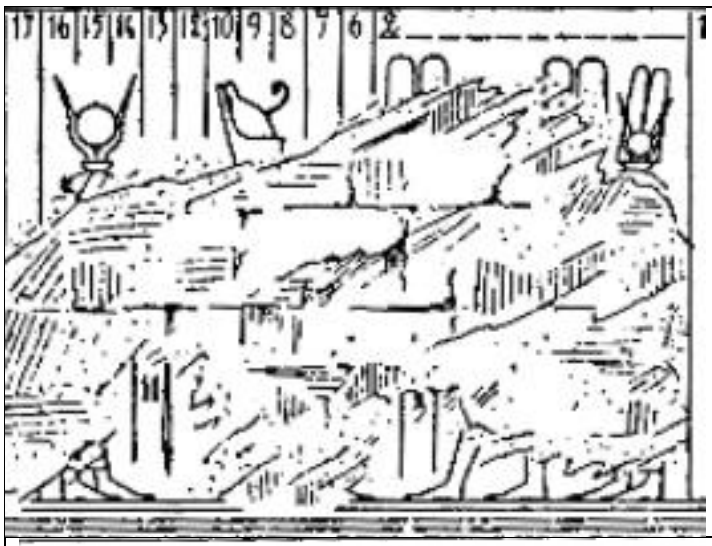
№ 7.25. Арсиноя III приносит дары богине Хатхор.
Филе. Храм Аренснуфиса. Восточная стена южной стороны помещения III.
SERaT, № 340053. Beinlich H., Hallof J. Einführung in das Würzburger Datenbanksystem SERaT; Bielman Sánchez A., Joliton V. Marital crises or institutional crises? Two Ptolemaic couples under the spotlight. P. 80.
Фото: Joliton V. Arsinoé III dans les temples ptolémaïques, la légitimation d'une dynastie hellénistique. P. 162.

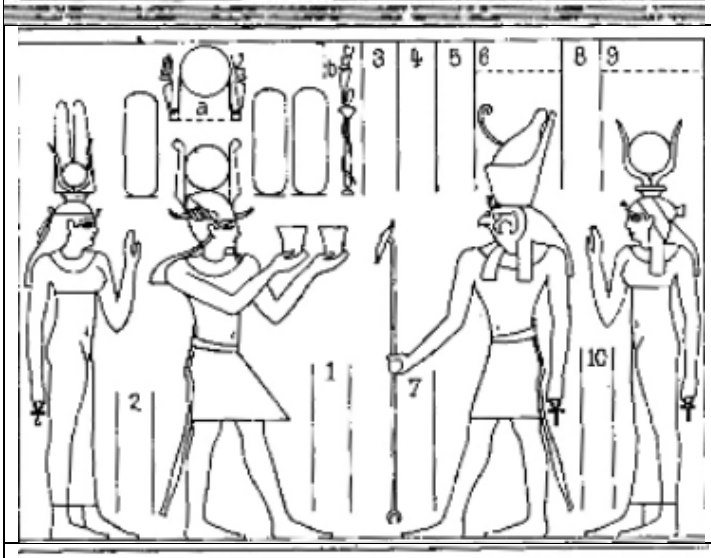
№ 7.26. Арсиноя III приносит дары богине Хатхор.
Филе. Храм Аренснуфиса. Каменный блок.
SERaT, № 340055 Beinlich H., Hallof J. Op. cit; Bielman Sánchez A., Joliton V. Op. cit. P. 80.
Фото: Joliton V. Op. cit. P. 162.

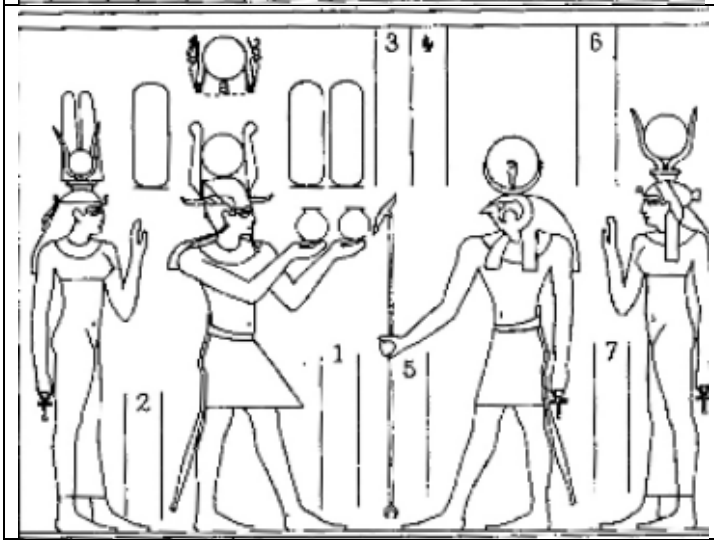
№ 7.27. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит пикториаль Осирису и Исиде.
Эдфу. Храм Хора. Уабет, западная стена.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XXXIII a.
Прорисовка: Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XXXIII a.

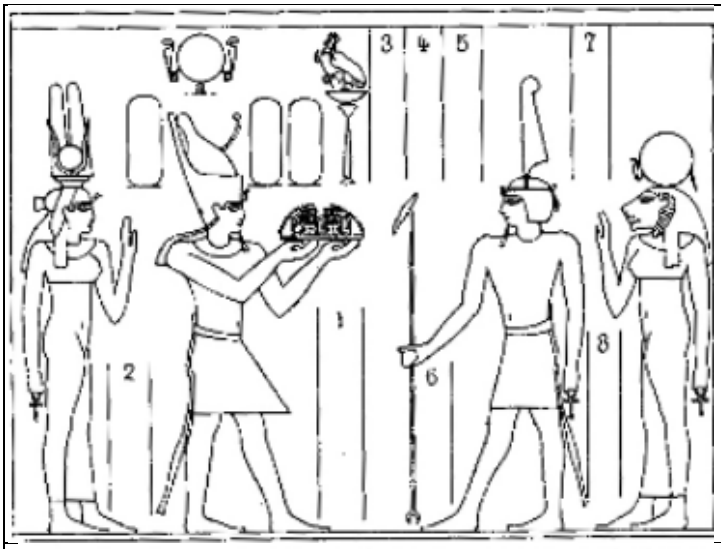
№ 7.28. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар богам.
Эдфу. Храм Хора. Уабет, западная стена.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XXXIII b.
Прорисовка: Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XXXIII b.

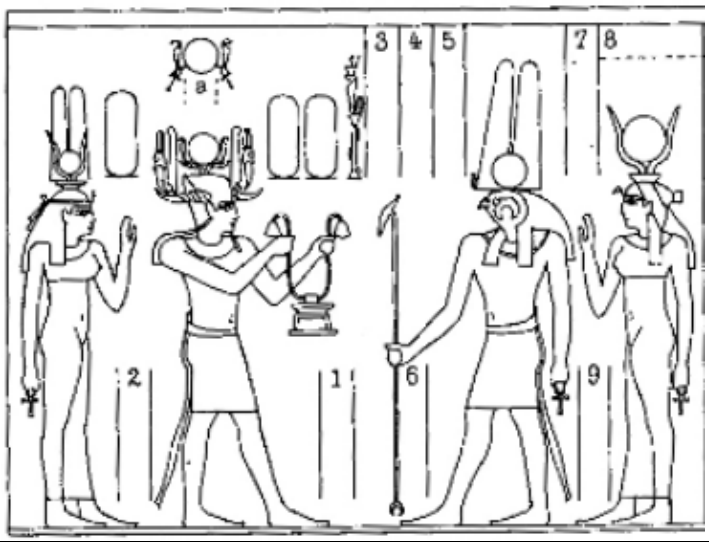
№ 7.29. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит вино Хору и Хатхор.
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL j.

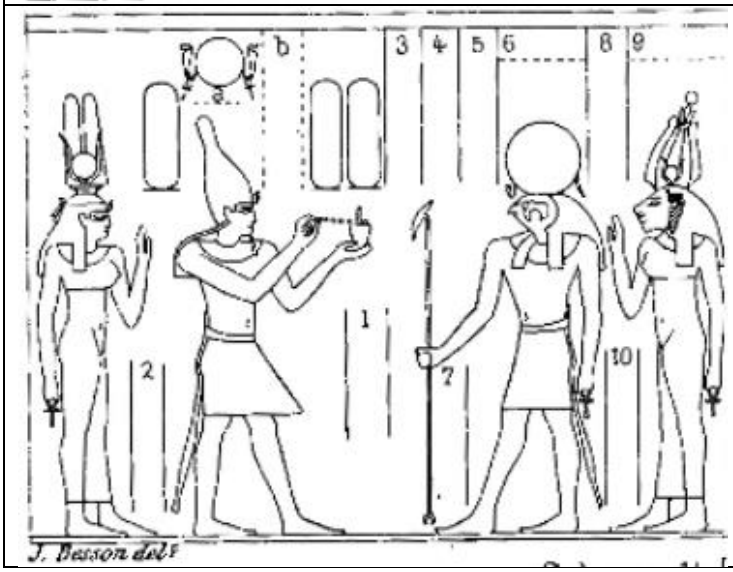
№ 7.30. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит сосуды *nw* Хору и Хатхор.
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL j.

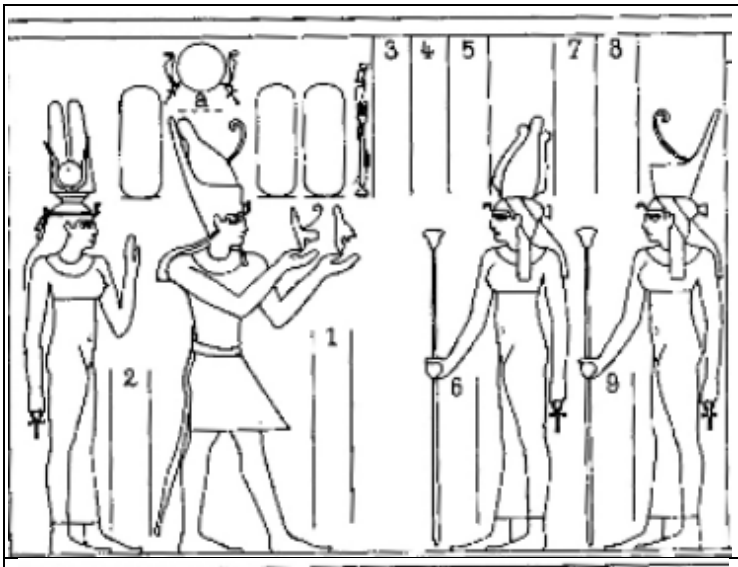
№ 7.31. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Шу и Тефнут
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL j.

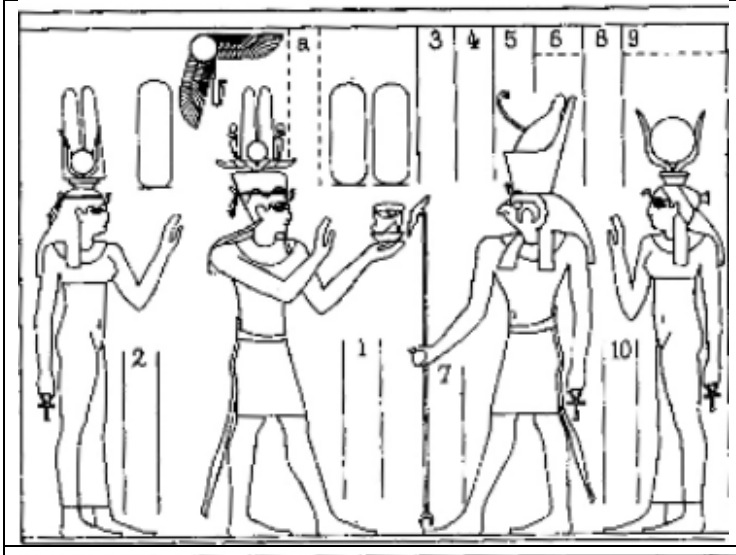
№ 7.32. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Хору и Хатхор
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL j.

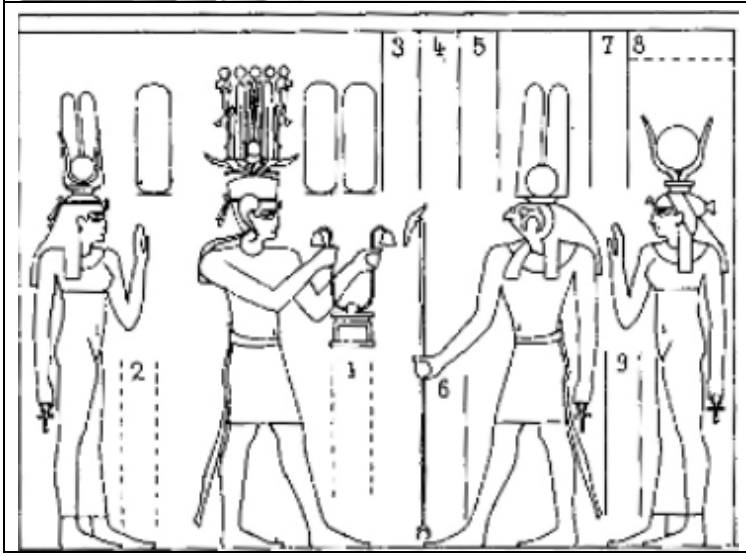
№ 7.33. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Хору и Сехмет
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL k.

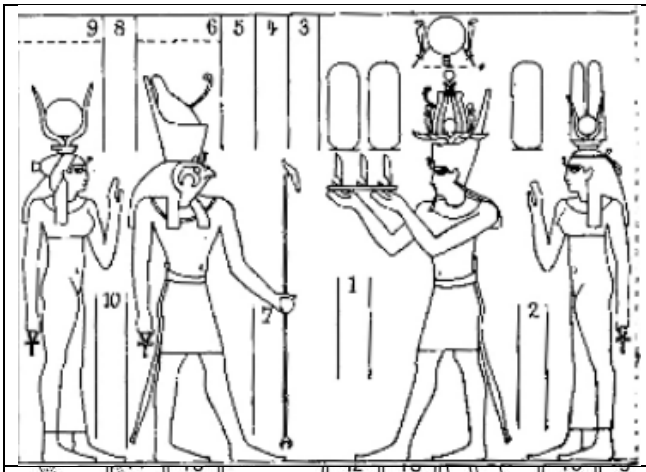
№ 7.34. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит короны Верхнего и Нижнего Египта Нехбет и Буто
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL k.

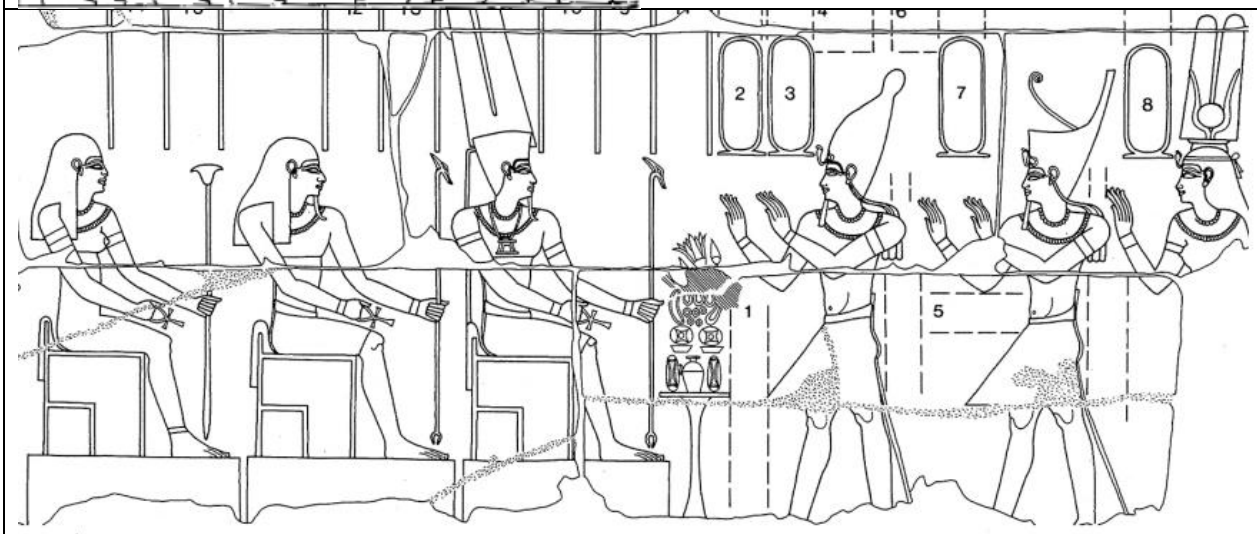
№ 7.35. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Хору и Хатхор
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL k.

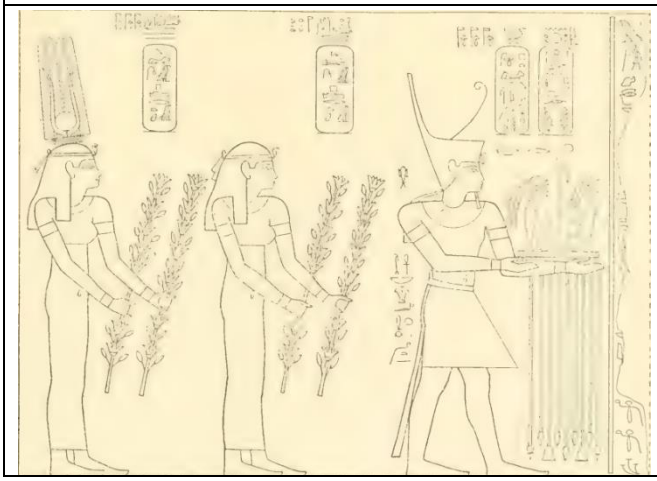
№ 7.36. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Хору и Хатхор
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL k.

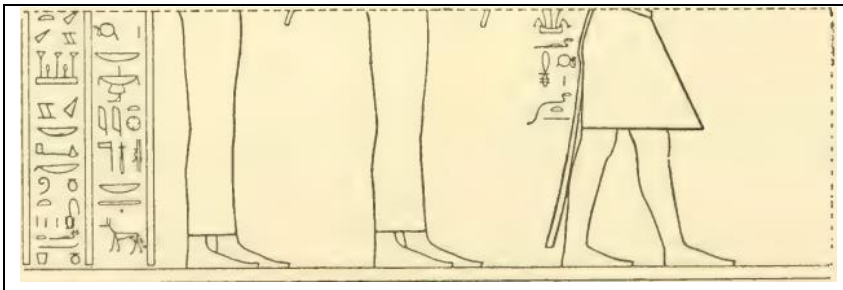
№ 7.37. Арсиноя III стоит за Птолемеем IV, который преподносит дар Хору и Хатхор
Эдфу. Храм Хора. Внутренний гипостильный зал. Колонна.
Le temple d'Édfou. Vol. IX. Pl. XL k.

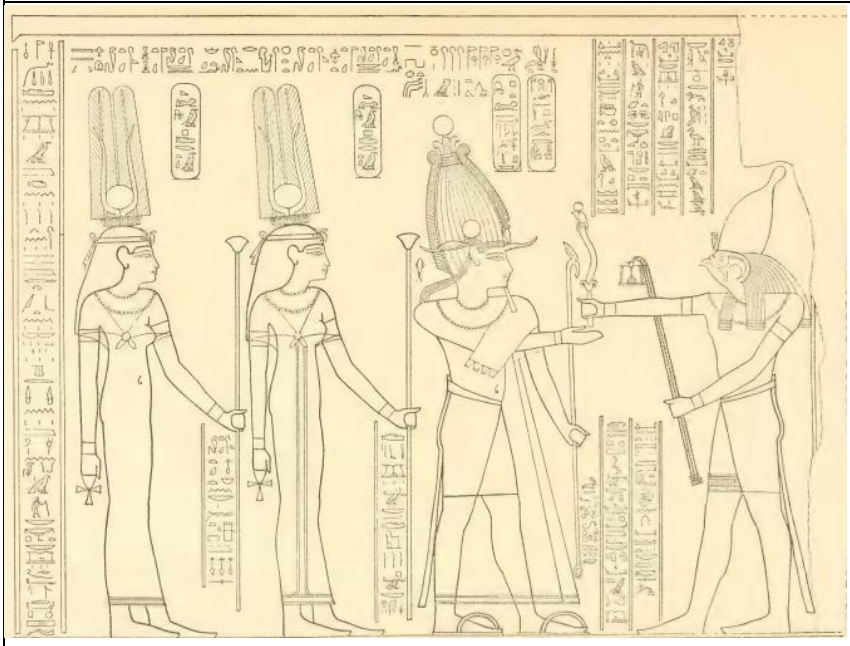
№ 7.38. Птолемей VI, Птолемей VIII и Клеопатра II предстают перед богами Амоном-Ра, Амуном и Амаунет
Дейр эль-Медина. Храм Хатхор. Пронаос.
PM. II. 403; du Bourguet P. Le temple de Deir al-Medina. P. 97, No. 103; Huß W. Op. cit. S. 545; Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 268–269, Fig. 9.7.
Прорисовка: Le temple de Deir al - Medina. Nr. 103.

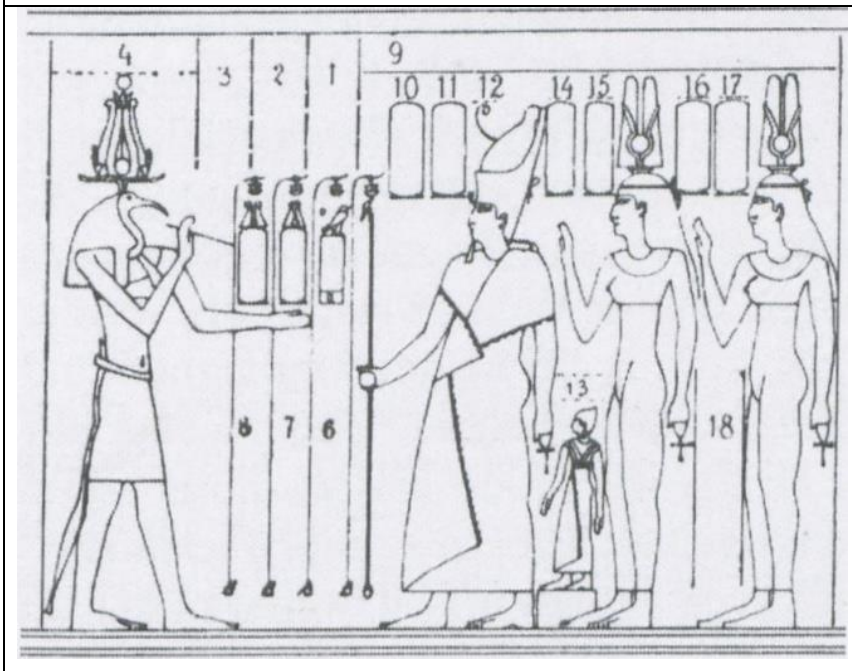
№ 7.39. Птолемей VIII, Клеопатра II и Клеопатра III
Ком Омбо. Храм Себека. Внутренний гипостильный зал, на цоколе северной стены
Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I. P. 453.
Прорисовка: Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. I. No. 453.

№ 7.40. Птолемей VIII, Клеопатра II и Клеопатра III
Ком Омбо. Храм Себека. Внутренний гипостильный зал, на цоколе южной стены.
Прорисовка: Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l’Égypte antique. Vol. I. P. 427

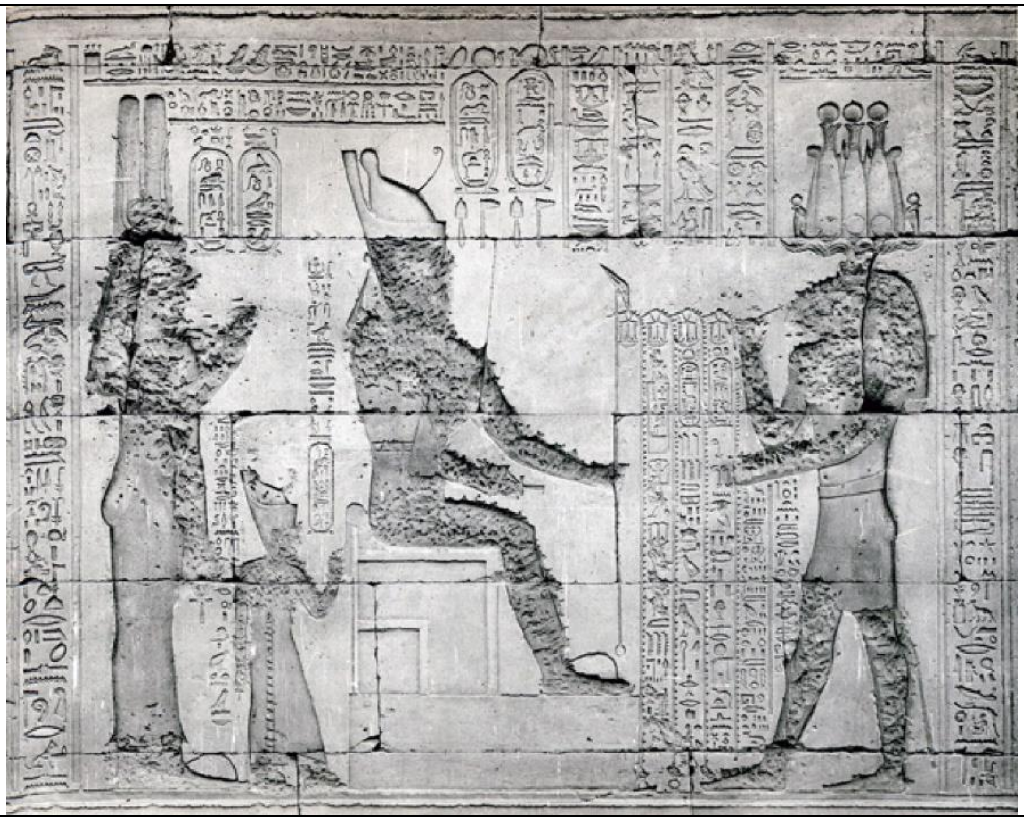
№ 7.41. Клеопатра III, Клеопатра II Птолемей VIII получают от Хора, держащего знак *ḥd-sd*, оружие
Ком Омбо. Храм Себека. Внутренний гипостильный зал, на северной стене в первом регистре.
Gutbub A., Inconnu-Bocquillon D. Kom Ombo I. Les inscriptions du naos (sanctuaires, salle de l'ennéade, salle des offrandes, couloir mystérieux). P. 13–15, No. 14; PM. VI. 189;
Прорисовка: Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l’Égypte antique. Vol. I. P. 462.

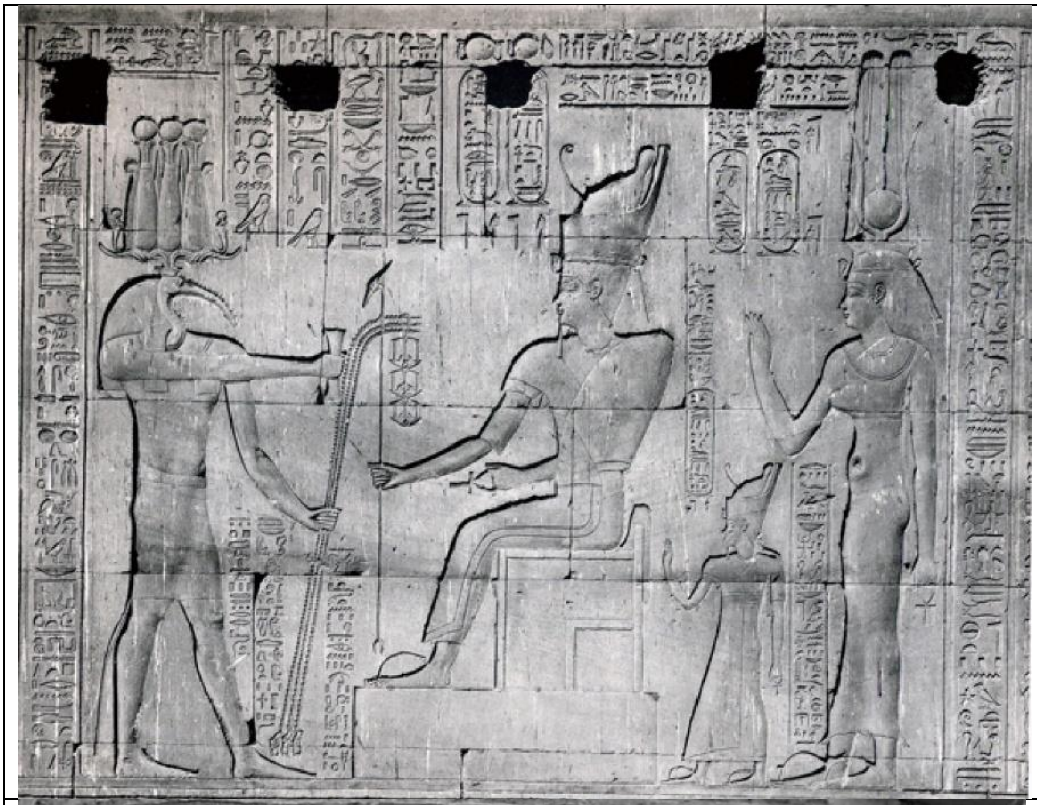
№ 7.42. Бог Тот описывает годы правления Птолемея VIII, Птолемея (IX?), Клеопатры II и Клеопатры III. Эдфу. Храм Хора. Маммиси. Южная стена, первый регистр, третья сцена.
Chassinat E. Le Mammisi d’Edfou. Pl. XIII; PM. VI. 173 (83–86); Minas-Nerpel M. Koregentschaft und Thronfolge: Legitimation ptolemäischer Machtstrukturen in den ägyptischen Tempeln der Ptolemärzeit. P. 155–157.
Прорисовка: Chassinat E. Le Mammisi d’Edfou. Pl. Pl. XIII.

№ 7.43. Клеопатра II совершает возлияние вином, тогда как Клеопатра III поднимает правую руку в молитвенном жесте.
Филе. Храм Исиды. Гипостиль, северная стена, правая сторона, нижний регистр.
PM. VI. 234; Hölbl G. Altägypten im römischen Reich: der römische Pharao und seine Tempel II. Die Tempel des römischen Nubien. S. 14.
Фото: Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period… P. 137.

№ 7.44. Бог Тот дарует Птолемею VIII, Клеопатре II и наследнику долгие годы правления, юбилеи. Эдфу. Храм Хора. Восточная наружная стена наоса.
Le temple d'Édfou. Vol. XIII. Pl. 346.
Фото: Le temple d'Édfou. Vol. XIII. Pl. 346.

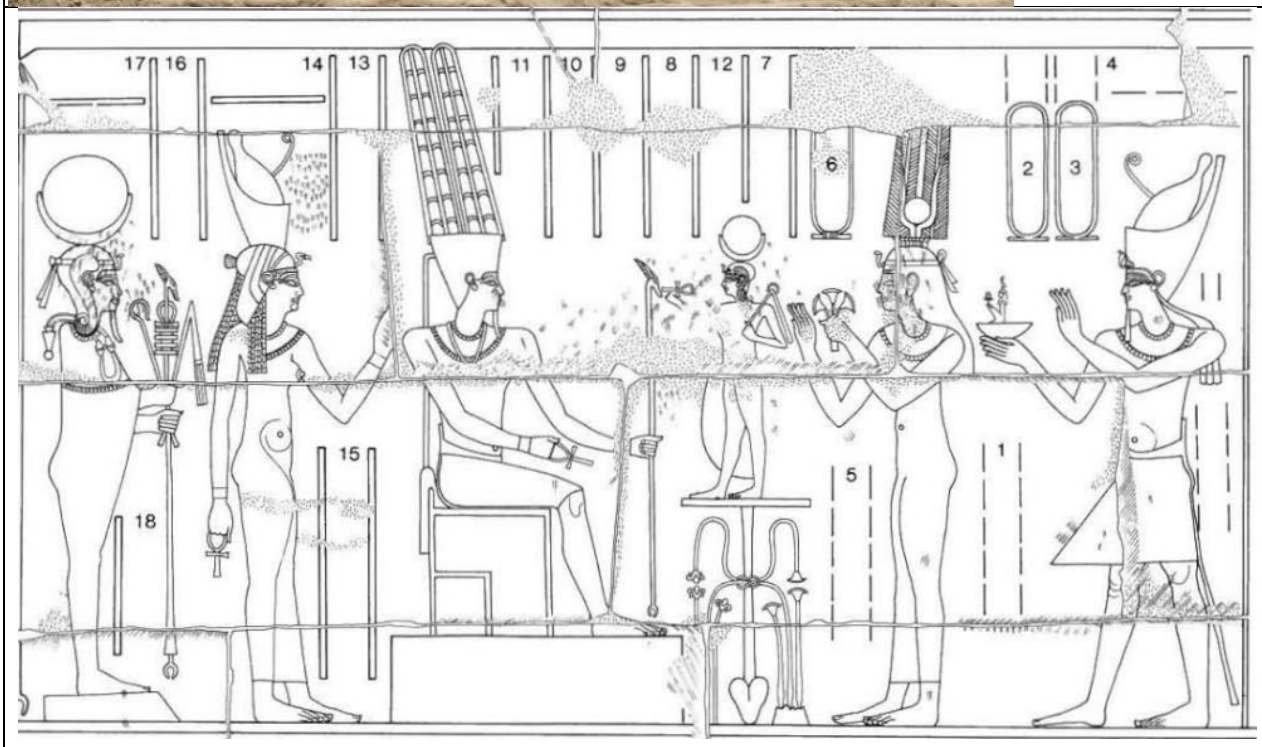
№ 7.45. Бог Тот дарует Птолемею VIII, Клеопатре III и наследнику долгие годы правления, юбилеи.
Эдфу. Храм Хора. Западная наружная стена наоса.
Le temple d'Édfou. Vol. XIII. Pl. 339.
Фото: Le temple d'Édfou. Vol. XIII. Pl. 339.

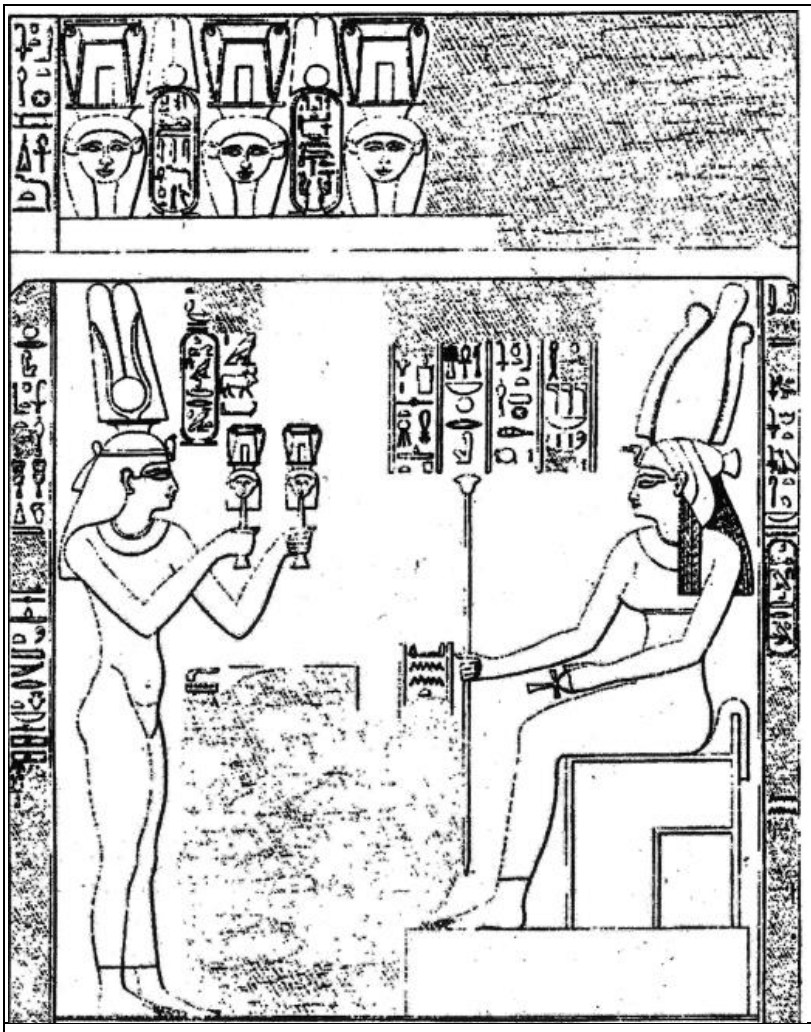
№ 7.46. Птолемей VII, Клеопатра III преподносят по два сосуда, за ними бог Хапи.
Карнак. Храм Хонсу. Четвертый пилон, южная перегородка, правая сторона входа, нижний регистр.
PM. II. 79 (202 j); Nilson M. Op. cit. P. 220.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 757.

№ 7.47.
Птолемей VII преподносит пектораль, Клеопатра III стоит за ним, перед ними Хонсу.
Эдфу. Храм Хора. Правая сторона двери гипостильного зала, ведущей в зал барки.
PM. II. Pl XX.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 758.

№ 7.48. Клеопатра III и Птолемей IX преподносят фигурку Маат Амону-Ра, Мут и Хонсу. Также перед богами стоит Хор- Сематауи
Дейр эль-Медина. Маммиси.
PM. II. 407; du Bourguet P. Le temple de Deir al-Medina. No. 183.
Прорисовка: du Bourguet P. Op. cit. No. 183.

№ 7.49. Клеопатра III держит систры (*sššt*) перед Нехбет.
Эль-Каб. Храм Нехбет.
Llewellyn-Jones L., McAuley A. Sister-Queens in the High Hellenistic Period… 116; Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 93; Minas-Nerpel M. Cleopatra II and III: The queens of Ptolemy VI and VIII as guarantors of kingship and rivals for power. P. 68.
Прорисовка: Derchain Ph. El Kab: Les monuments religieux a l'entree de l'ouady Hellal. Pl. 14

№ 7.50. Клеопатра III преподносит сосуд Хонсу; надпись ниже упоминает ее и Птолемея IX.
Ком Омбо. Храм Себека. Фрагмент колонны.
Hölbl G. Ptolemäische Königin und weiblicher Pharao. P. 94.
Прорисовка: Kom Ombos. Catalogue des monuments et inscriptions de l'Égypte antique. Vol. II. Nr. 1063.

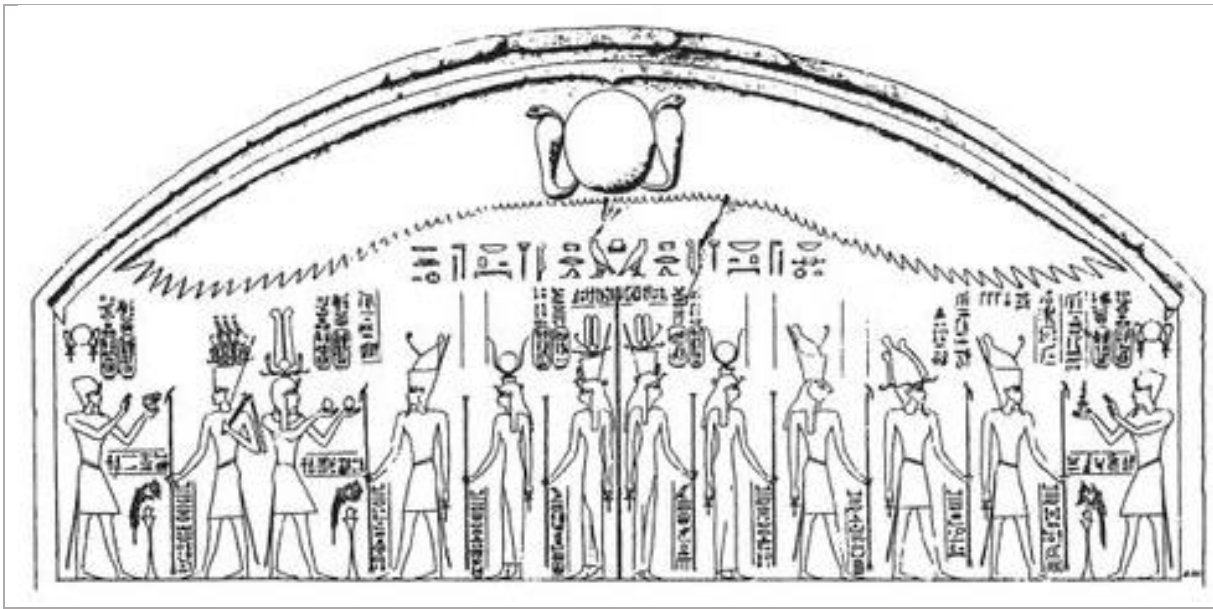
№ 7.51. Ряд цариц и царей династии Птолемеев, стоящих перед Птолемеем VIII, который совершает возлияние и воскурение благовоний, а Клеопатра II стоит позади него.
Эль-Тод. Храм Монту.
PM. V. 167; Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 191–217, No. 31; Quaegebeur J. Cleopatra VII and the Cult of the Ptolemaic Queens. P. 41–54, No. 39; Winter E. Der Herrscherkult in den ägyptischen Ptolemäertempeln. P. 147–160, 151; Thiers C. Tôd: Les Inscriptions du temple ptolémaique et romain. Vol. II. No. 318.
Фото: Фото: Nilson M. Op. cit. P. 643.

№ 8. Стелы

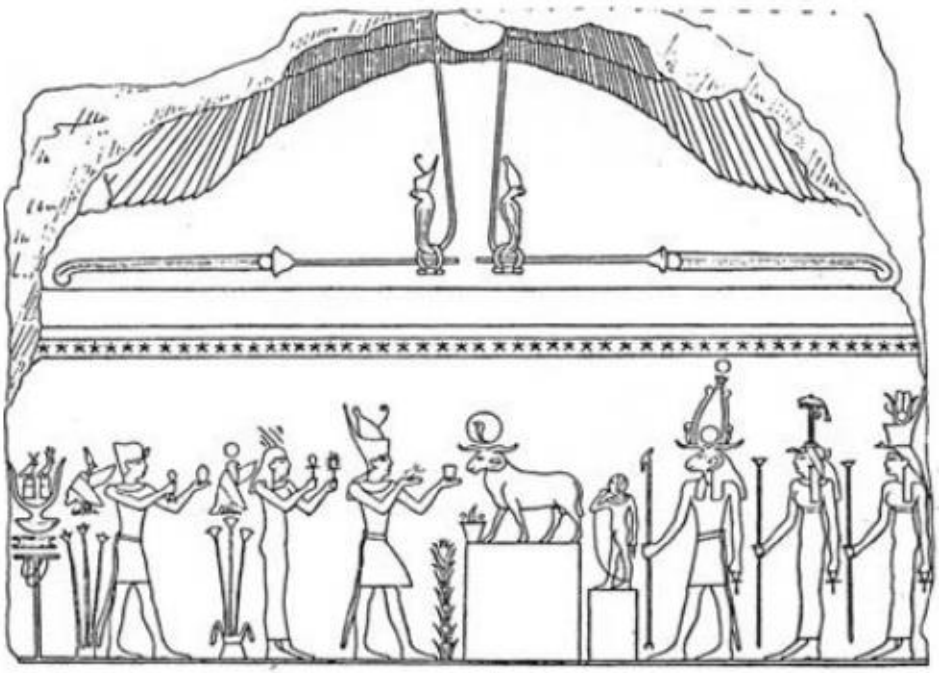
№ 8.1. Инв. № 5375. ГМИИ им. Пушкина
Царица: Арсиноя II
Дата: 270 г. до н.э.
Размер: 27×21 см
Материал: известняк
Место изготовления: Тапосирис Магна.
Hodjash S., Berlev O. The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin museum of fine arts. P. 184–186.
Фото: 401. Sales J. das C. Arsínoe II (Dinastia Ptolomaica). P. 124.

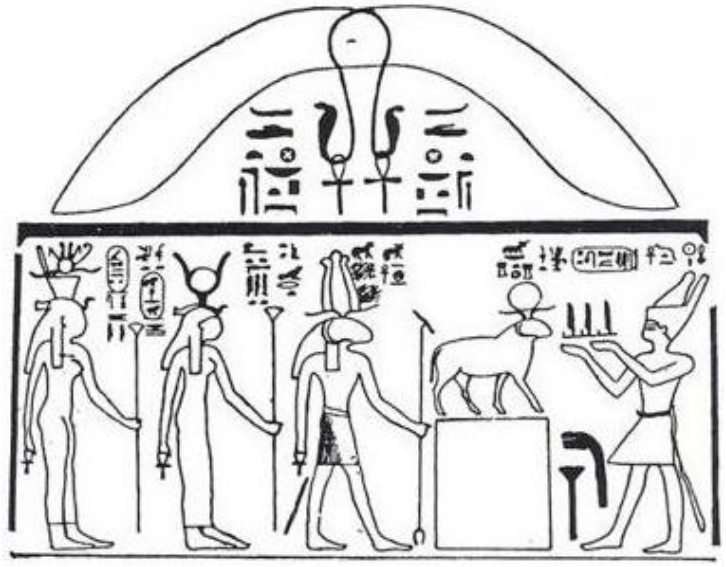

№ 8.2. Инв. № CG 22183 / JE 37547. Египетский музей в Каире
Царица: Арсиноя II
Дата: 264 г. до н.э.
Высота: 128 см
Материал: серый гранит
Место изготовления: Пифом.
Urk. II. 81–105. Andersson E., Sjöberg N. La stèle de Pithom et les estampages de M. Ed. Naville. P. 223–236; Naville E. La stèle de Pithom. P. 66–75; Winnicki K. Bericht von einem Feldzug des Ptolemaios Philadelphos in der Pithom-Stele. P. 157–167;
Фото: Nilsson M. The crown of Arsinoë II…P. 603.
Прорисовка: Plantzos D. The Iconography of Assimilation. Isis and Royal Imagery on Ptolemaic Seal Impressions. P. 404.

№ 8.3. Инв. № CG 22181. Египетский музей в Каире
Царица: Арсиноя II.
Дата: 265–264 гг. до н.э.
Высота: 147 см
Материал: известняк
Место изготовления: Тель-Тимаи (Мендес).
Urk. II. 28–54; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 73–108, no. 6; Thiers C. Le mariage divin des dieux Adelphes dans la stèle de Mendès (Caire CG 22181). P. 64–65.
Фото: Давыдова О.А.
Проросивка: Plantzos D. Op. cit. P. 404.

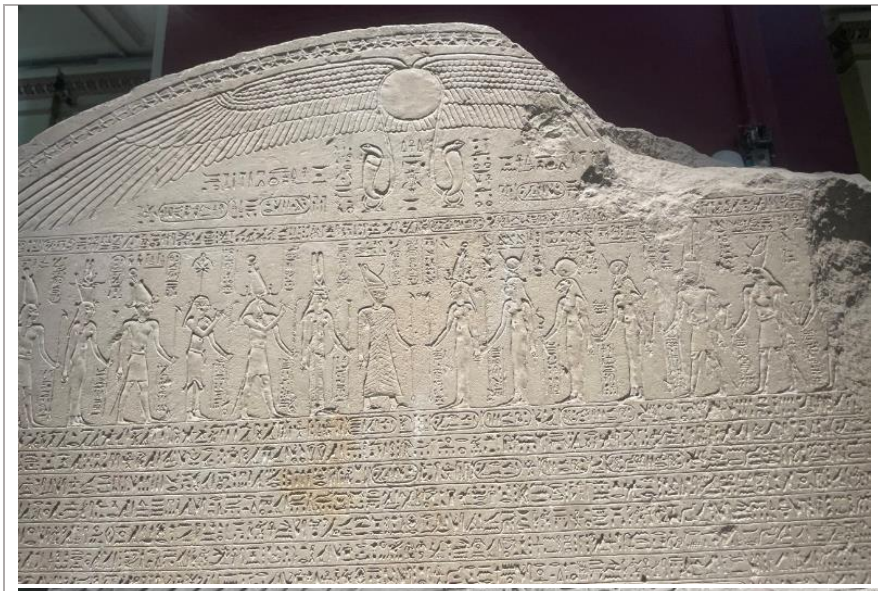

№ 8.4. Инв. № H 854.
Национальный музей Шаркея в Херритат-Разнах
Царица: Арсиноя II
Дата: 265–264 гг. до н.э.
Размер: 41,8×38,5 см
Материал: известняк
Место изготовления: Тель-Тимаи (Мендес)
Quaegebeur J. Ptolémée II en adoration devant Arsinoe II divinisée. P. 191–217. no. 13; Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; De Meulenaere H., MacKay P. Mendes

	II. P. 176–177; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. no. 15. Проросивка: Plantzos D. Op. cit. P. 122.
	№ 8.5. Инв. № 979.63. Королевский музей Онтарио Царица: Арсиноя II Дата: ок. 250 г. до н.э. Размер: 27×16 см. Материал: известняк Место изготовления: неизвестно Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. Mainz am Rheine, 1988. P. 44, 46; Quaegebeur J. Egyptian clergy and the Ptolemaic cult. P. 112; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. No. 73. Фото: https://collections.rom.on.ca/objects/194129/stela-of-king-ptolemy-ii-and-the-deified-queen-arsinoe-ii?ctx=44ecdc46-04e3-4d19-afd5-ea818c01da0e&idx=1

№ 8.6. Инв. № E. 8387. Музей Брюсселя
Царица: Арсиноя II
Дата: 255–254 гг. до н.э.
Размер: 61,5×36,5 см.
Материал: известняк
Место изготовления: Диосполис Парва
Quaegebeur J. Reines ptolémaïques et traditions égyptiennes. P. 250; Cheshire W. Zur Deutung eines Szepters der Arsinoe II Philadelphos. S. 109.
Фото: Nilsson M. The crown of Arsinoë II…P. 611.

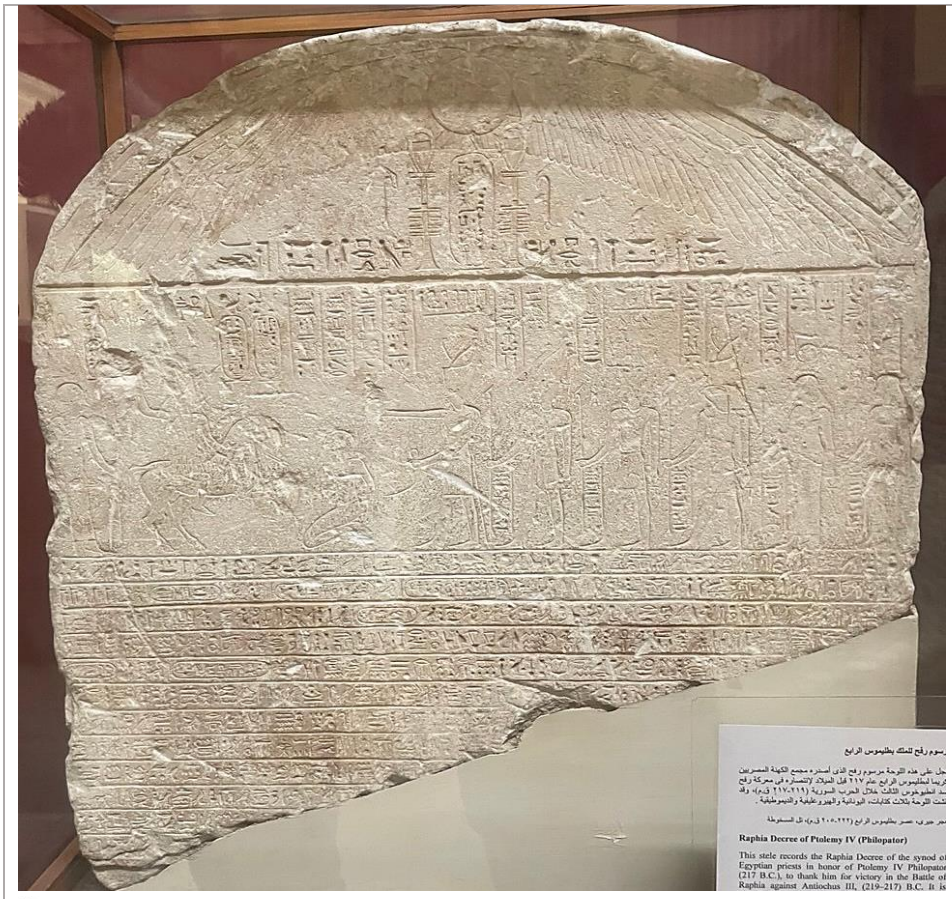

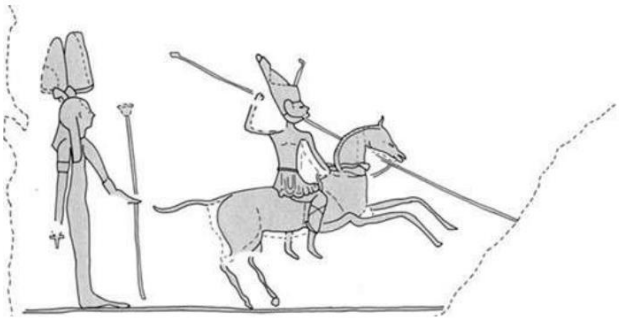

№ 8.7. Инв. № CG 22186 / JE 37548. Египетский музей в Каире
Царицы: Береника I, Арсиноя II, Береника II
Дата: 238–221 гг. до н.э.
Размер: 2,22×0,78 м.
Материал: белый известняк
Место изготовления: Ком эль-Хисн
Quaegebeur J. The Egyptian Clergy and the Cult of the Ptolemaic Dynasty. P. 96; Quaegebeur J. Reines Ptolemaiques et traditions egyptiennes. P. 254, 257; Minas-Nerpel M. Macht und Ohnmacht. Die Repräsentation ptolemäischer Königinnen in ägyptischen Tempeln. S. 135.
Фото: Давыдова О.А.

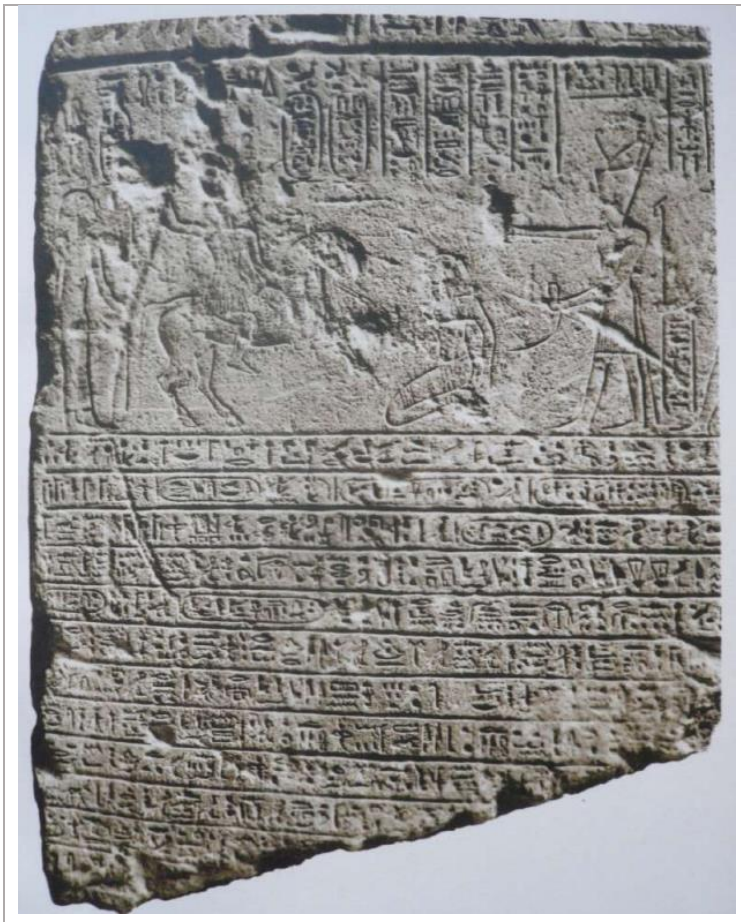

№ 8.8. Инв. № EA1054. Британский музей
Царица: Арсиноя III
Дата: 222–204 гг. до н.э.
Материал: известняк, золото
Место изготовления: Танис
Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. No. 15; PM. IV. 24; Coutts H. Gold of the Pharaohs: Catalogue of the Exhibition of Treasures from Tanis. P. 91; Myśliwiec K. Royal Portraiture of the Dynasties XXI-XXX. P. 85.
Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA1054

№ 8.9. Инв. № CG 31088/JE 35635. Египетский музей в Каире
Царица: Арсиноя III
Дата: 217 г. до н.э.
Размер: 47×75×35 см
Материал: песчаник
Место изготовления: Мемфис
Spiegelberg W. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire № 30601–31166. Die demotischen Denkmäler I Die demotischen Inschriften. P. 15–16; Kamal A. Stèles ptolémaïques et romaines. Catalogue général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire No. 22001–22208. S. 218–219.
Фото: Давыдова О.А.
Прорисовка: Pfeiffer S. The Ptolemies: Hellenistic Kingship in Egypt. / Oxford Handbook Topics in Classical Studies (online edn, Oxford Academic, 1 Apr. 2014). [электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199935390.001.0001. Дата обращения: 6.03.2026. Fig. 3.

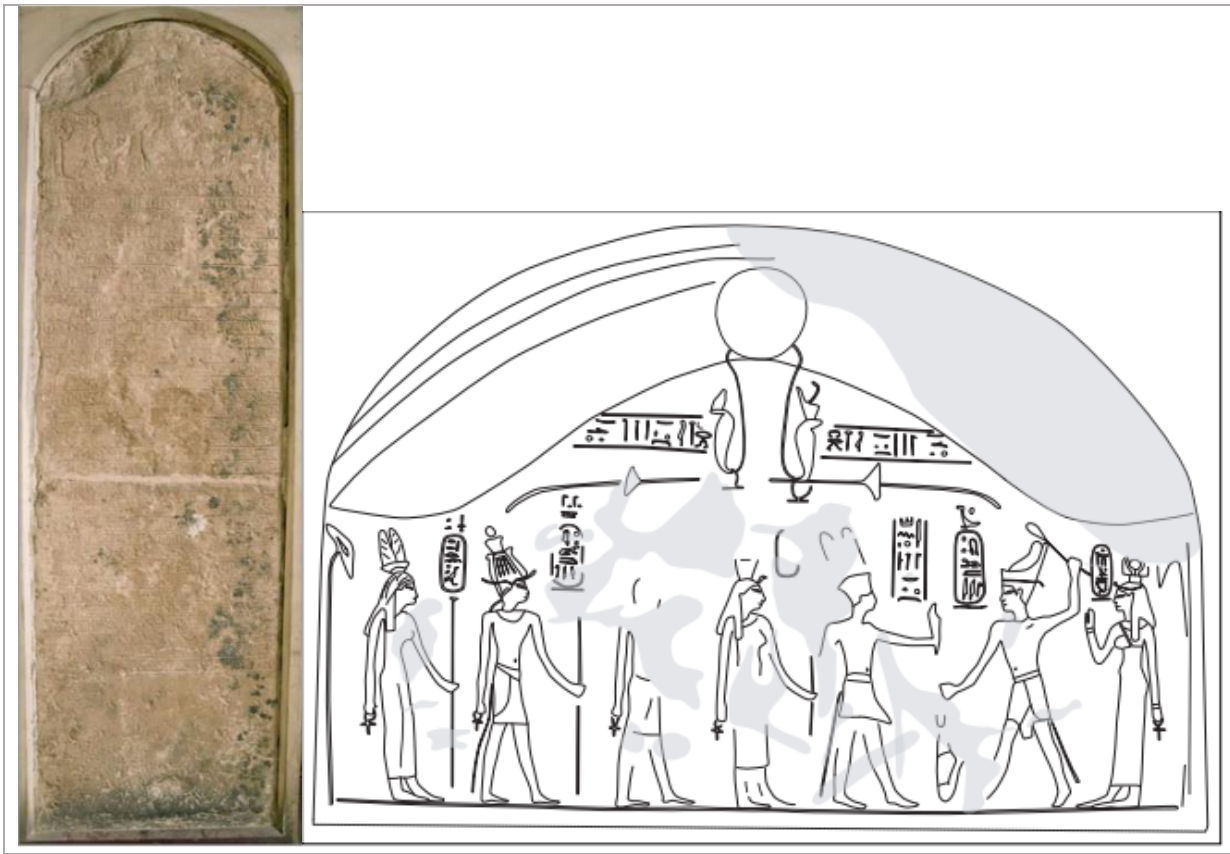
№ 8.10. Инв. № CG 50048. Египетский музей в Каире
Царица: Арсиноя III
Дата: 217 г. до н.э.
Размер: 63×61,5×16 см
Материал: песчаник
Место изготовления: Пифом
Gauthier H. Un nouveau décret trilingue ptolémaïque. P. 376–383; Gauthier H., Sottas H. Un décret trilingue en l'honneur de Ptolémée IV.
Фото: Gauthier H., Sottas H. Op. cit. Pl. II.
Прорисовка: Pfeiffer S. Op. cit. Fig. 4.

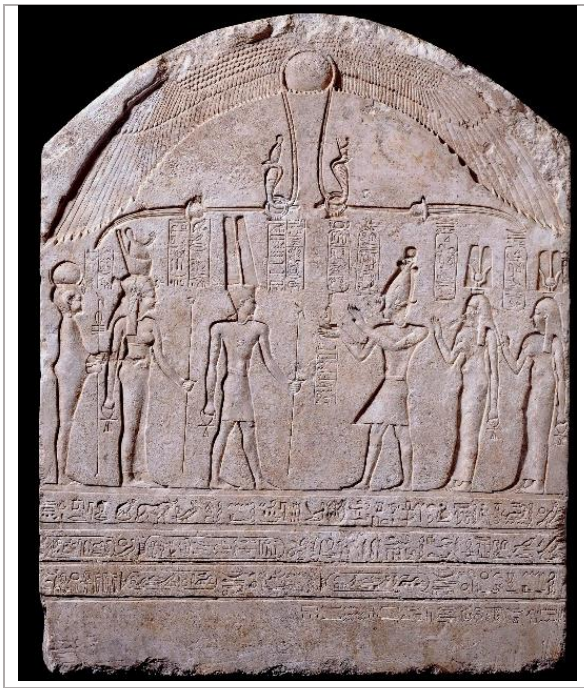
№ 8.11. Инв. № CG 22188. Египетский музей в Каире
Царицы: Арсиноя II, Береника II, Арсиноя III, Клеопатра I
Дата: ок. 182 г. до н.э.
Размер: 127×51 см
Материал: известняк
Место изготовления:
Daressy G. Un décret de l’an 23 de Ptolémée Épiphane. P. 1–8; Kamal A. Op. cit. P. 183–187, Pl. 62–63; Sethe K. Zur Geschichte und Erklärung der Rosettana. P. 284–297; Daumas F. Les moyens d'expression du grec et de l'égyptien: comparés dans les décrets de Canope et de Memphis. S. 6–7; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 101.
Фото: Nilson M. Op. cit. P. 606.

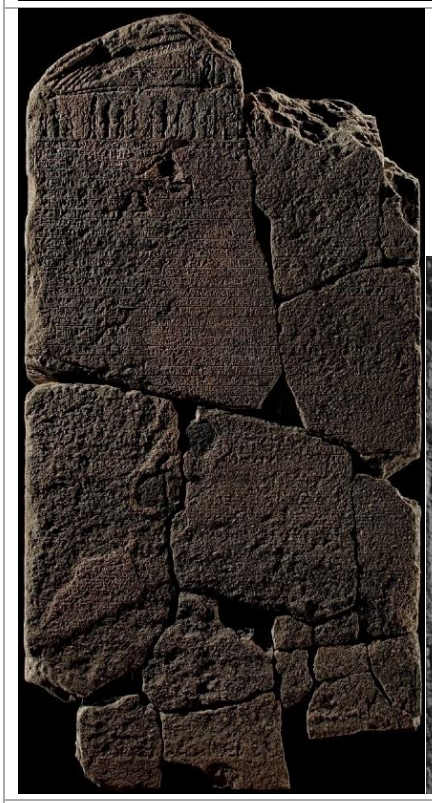
№ 8.12. Инв. № JE 44901. Египетский музей в Каире
Царица: Клеопатра I
Дата: ок. 182 г. до н.э.
Размер 85×69 см
Материал: песчаник
Место изготовления: Асфинис
Daressy G. Un second exemplaire du décret de l’an 23 de Ptolémée Épiphane. P. 175–179.
Фото: Nespoulous-Phalippou A. Ptolémée Épiphane, Aristonikos et les prêtres d'Égypte. Le Décret de Memphis (182 A.C.). Édition commentée des stèles Caire RT 2/3/25/7 et JE 44901. P. 11.
Прорисовка: Nespoulous-Phalippou A. Op. cit. Pl. 9.

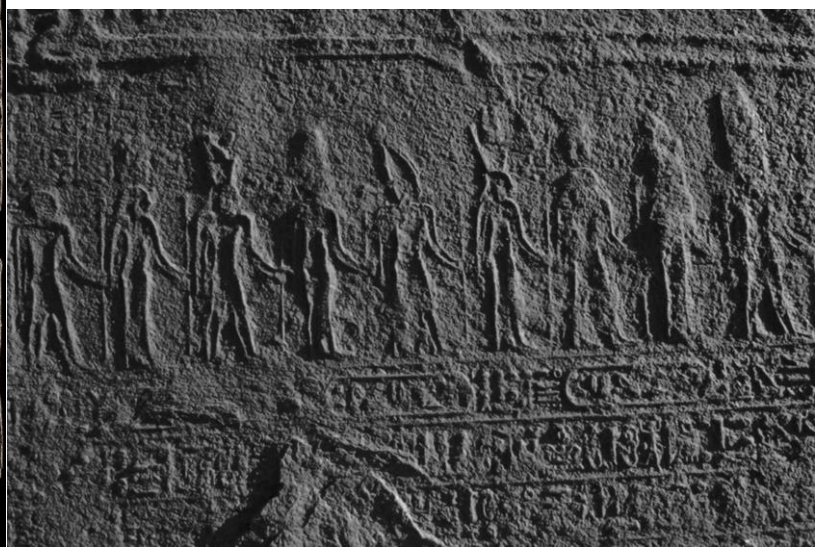

№ 8.13. Инв. № RT 2/3/25/7. Египетский музей в Каире
Царицы: Арсиноя III, Клеопатра I
Дата: 182 г. до н.э.
Размер: 128×49 см
Материал: известняк
Место изготовления: Навкратис
Leclère Fr. Les villes de Basse Égypte au Ier millénaire av. J.-C.: analyse archéologique et historique de la topographie urbaine. Vol. I. P. 132.
Фото: Nespoulous-Phalippou A. Op. cit. P. 7.
Прорисовка: Nespoulous-Phalippou A. Op. cit. P. 8.

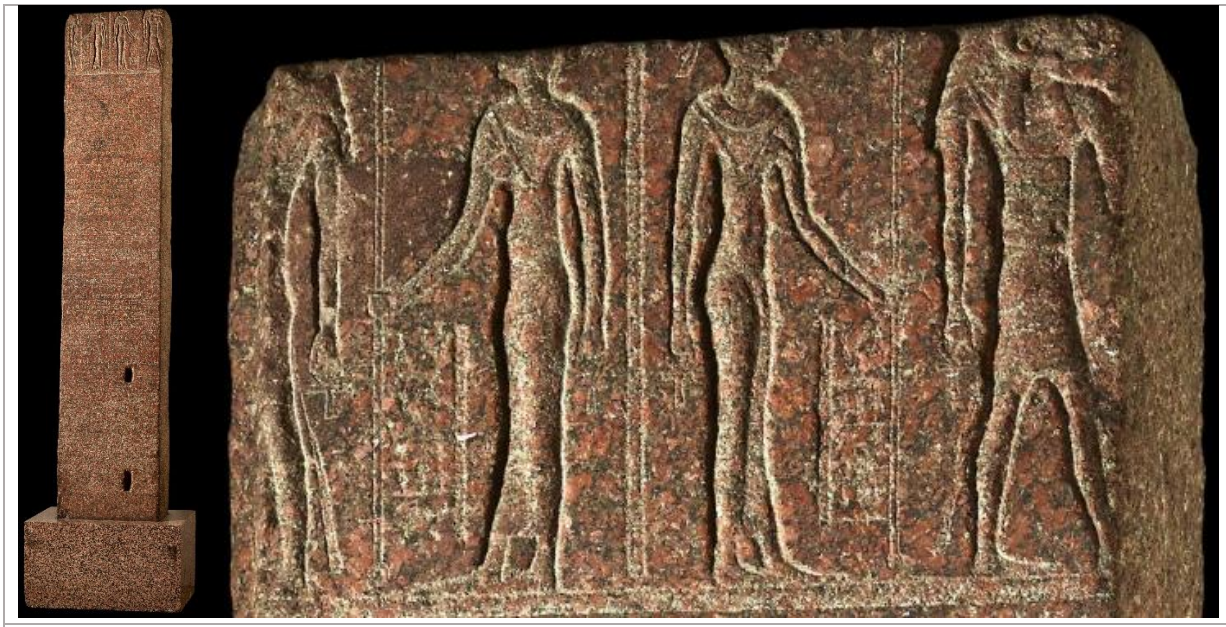

№ 8.14. Инв. № EA612. Британский музей
Царицы: Клеопатра II, Клеопатра III
Дата: 142–116 гг. до н.э.
Размер 63×49,5×15 см.
Материал: известняк
Место изготовления: Фивы
Budge W. A Guide to the Egyptian Galleries (Sculpture). P. 260, No. 961.
Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA612

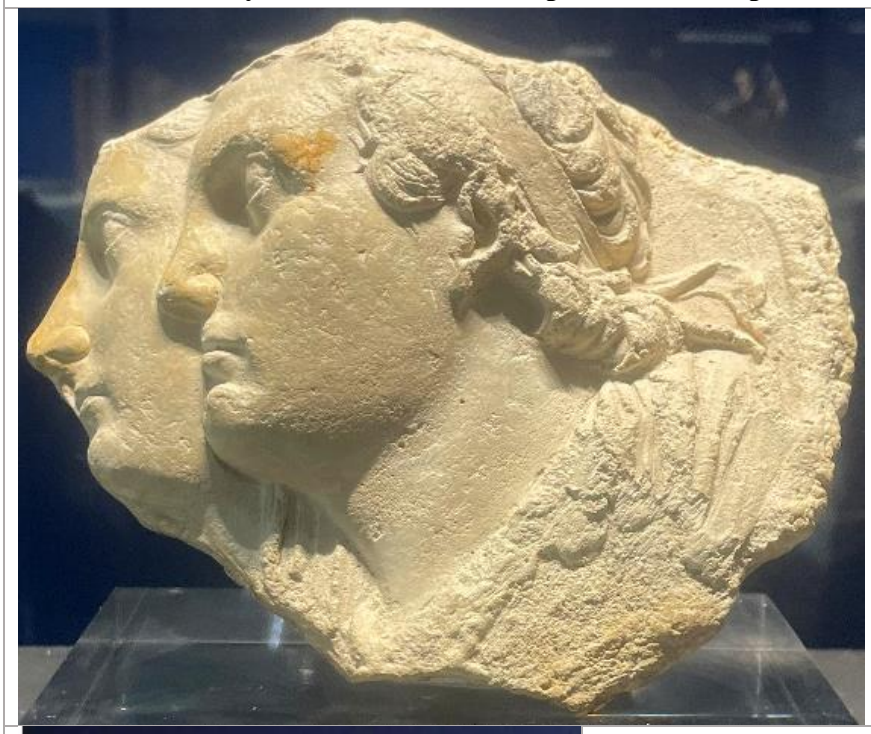

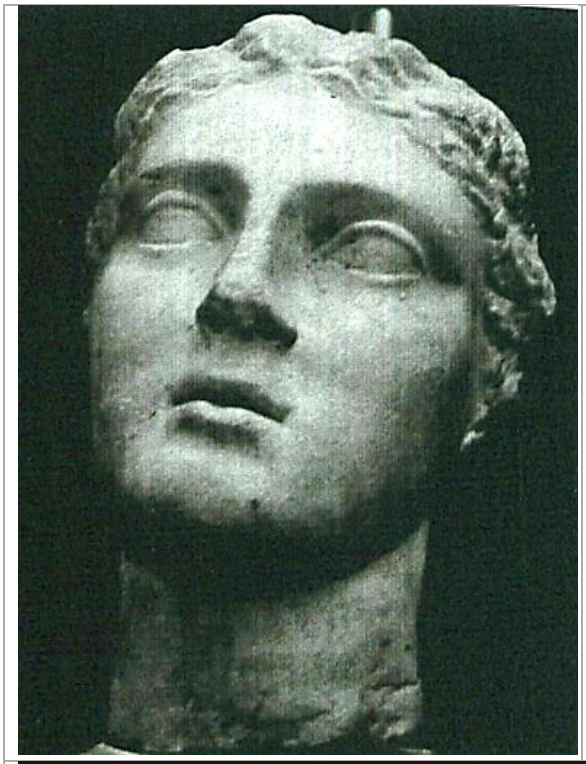
№ 8.15. Инв. № SCA 529. Морской музей Кайтбей в Александрии.
Царицы: Клеопатра II, Клеопатра III, Клеопатра I, Арсиноя II
Дата: 141–116 до н.э.
Размер: 610×310×40 см.
Материал: гранит
Место изготовления: Тонис-Гераклейон
Thiers C. La stèle de Ptolémée VIII Evergète II à Héracléion.
Фото: https://www.franckgoddio.org/projects/sunken-civilizations/heracleion/interactive-map/thonis-heracleion/colossal-stele-ptolemy-viii/

№ 8.16. Инв. № EA1020. Британский музей
Царица: Клеопатра III
Дата: 115 г. до н.э.
Размер: 270×321 см.
Материал: красный гранит
Место изготовления: Асуан
Parkinson R. Cracking Codes: The Rosetta Stone and Decipherment. P. 27.
Фото:
https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA1020?selectedImageId=1446816001

№ 9. Статуи

Статуи, выполненные в греческой изобразительной традиции	
	№ 9.1. Инв. № 24345. Греко-римский музей Александрии Царица: Береника I Дата: III в. до н.э. Диаметр: 35 см Материал: гипс Место нахождения: Фаюм Hussein Y. L'Iconographie des Reines Lagides Bérénice I. P. 14–16. Фото: Давыдова О.А.
	№ 9.2. Инв. № B284. Бонн, Академический художественный музей Царица: Арсиноя II Дата: 270–246 гг. до н.э. Высота: 24,6 см Материал: мрамор Место изготовления: неизвестно Gabelmann H. et al. Antiken aus dem Akademischen Kunstmuseum Bonn. P. 18. Фото: Nilson M. Op. cit. P. 50.

№ 9.3. Инв. № 3262. Греко-римский музей Александрии
Царица: Арсиноя II
Дата: 270–246 гг. до н.э.
Высота: 24 см
Материал: мрамор
Место изготовления: неизвестно
Breccia E. Alexandrea ad Aegyptum. P. 179.
Фото: Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 282.

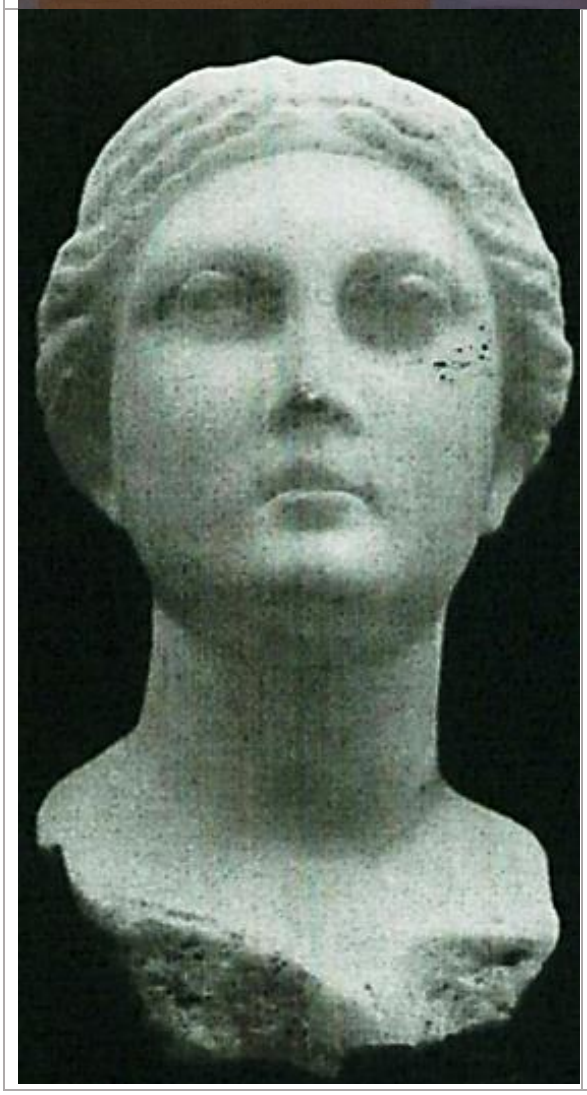
№ 9.4. Инв № EA38443. Британский музей
Царица: Арсиноя II
Дата: III в. до н.э.
Высота: до 30 см.
Материал: бронза
Caneva S. From Alexander to the Theoi Adelphoi: Foundation and Legitimation of a Dynasty. P. 153.Фото: https://www.britishmuseum.org/collection/object/Y_EA38443

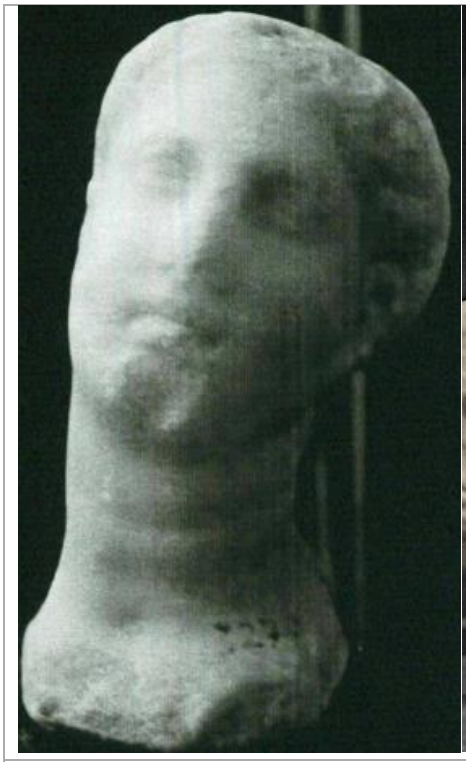
№ 9.5. Инв. № 14942. Греко-римский музей Александрии
Царица: Береника II (?)
Дата: 246–222 гг. до н.э.
Высота: 192 см
Материал: известняк
Место изготовления: Александрия
Adriani A. Annuario del Museo Greco-Romano: I, 1932–3. No. 100.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.6. Инв. № JE 39525. Египетский музей в Каире
Царица: Береника II
Дата: 246–222 гг. до н.э.
Высота: 13,5 см
Материал: мрамор
Место нахождения: Тель-Тимаи
Lembke K. Eine Ptolemäergalerie aus Thmuis/Tell Timai. P. 127.
Фото: Давыдова О.А.

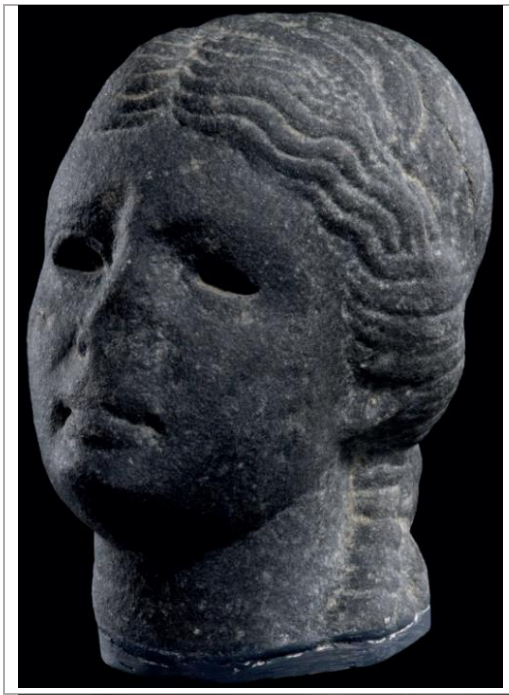
№ 9.7. Инв. № 23052. Греко-римский музей Александрии
Царица: Береника II
Дата: 222–204 гг. до н.э.
Высота: 13 см
Материал: мрамор
Место изготовления: Александрия
Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 308.
Фото: Ashton S.-A. Op. cit. P. 308.

№ 9.8. Инв. № 3279. Греко-римский музей Александрии
Царица: Береника II
Дата: 222–204 гг. до н.э.
Высота: 12 см
Материал: мрамор
Ashton S.-A. Op. cit. P. 300.
Фото: Ashton S.-A. Op. cit. P. 300; Давыдова О.А.

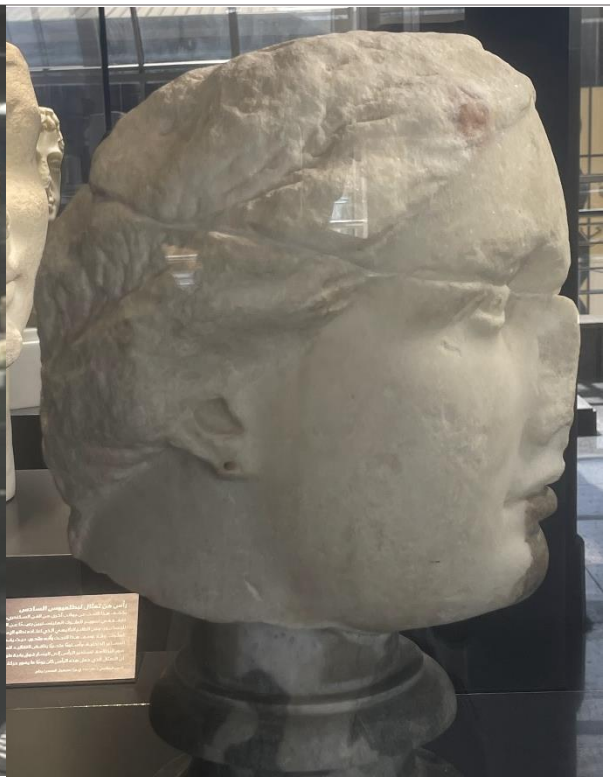

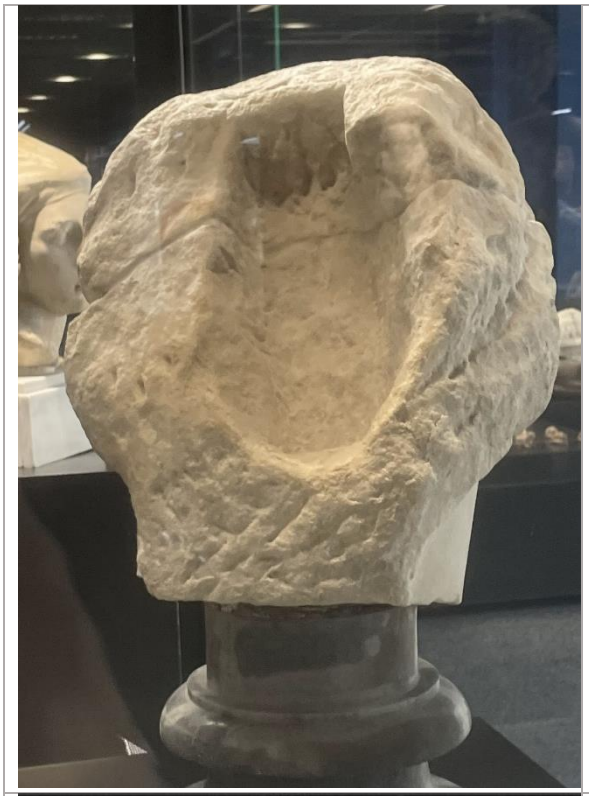
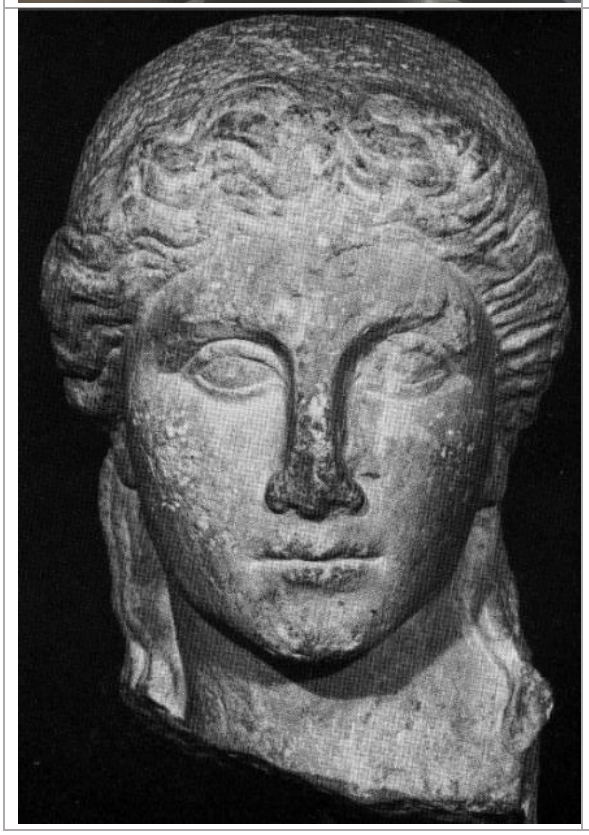

№ 9.9. Инв. № JE 37188. Египетский музей в Каире
Царица: Береника II или Арсиноя III
Дата: 222–204 гг. до н.э.
Высота: 20 см
Материал: мрамор
Место нахождения: Тель-Тимаи
Ashton S.-A. Op. cit. P. 309.
Фото: Давыдова О.А.

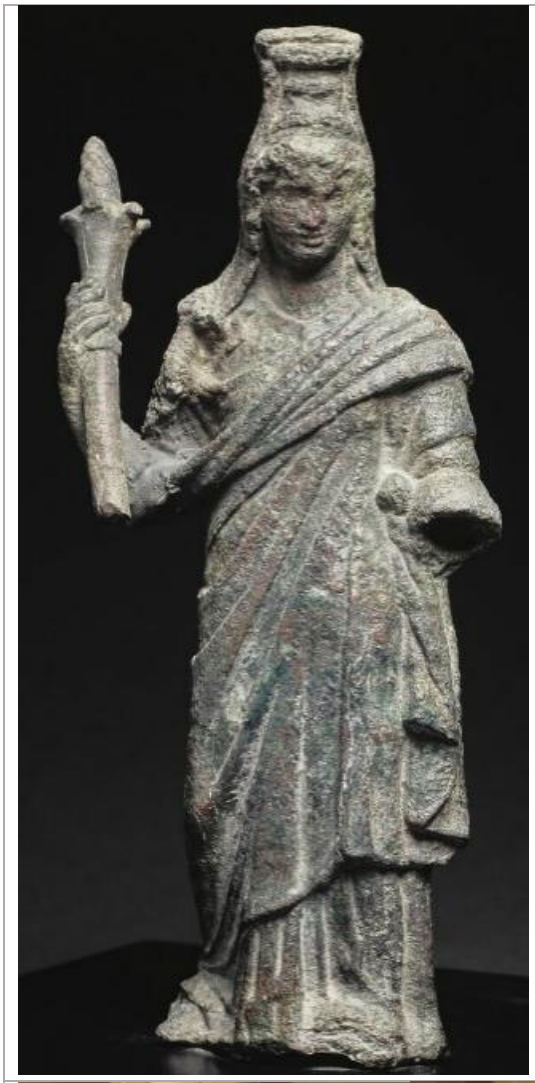

№ 9.10. Инв. № SCA204. Музей при Александрийской библиотеке
Царица: Береника II
Дата: 222–204 гг. до н.э.
Размер: 13.7×11.4×9 см
Материал: диорит
Место нахождения: Каноп
Goddio F. Underwater Archaeology in the Canopic Region in Egypt: The Topography and Excavation of Heracleion-Thonis and East Canopus (1996 - 2006). P. 33–50; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 87.
Фото: https://www.franckgoddio.org/fileadmin/pics/3_5_finds/documents/Franck_Goddio_BerenikeII.pdf

	№ 9.11. Инв. № 22199. Греко-римский музей Александрии Царица: Береника II Дата: 222–204 гг. до н.э. Высота: 55 см Материал: мрамор Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 99; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 88. Фото: Давыдова О.А.
	№ 9.12. Инв. № 66.64. Никольсонский музей Царица: Арсиноя III Дата: кон. III в. до н.э. Высота: 32 см Материал: мрамор Место изготовления: Reeve E. Catalogue of the Museum of Antiquities of the Sydney University. Sydney, 1870. P. 70. Фото: Palagia O. Arsinoe III Philopator in Sydney. Pl. 21.

№ 9.13. Инв. № Br 373. Лувр
Царица: Арсиноя III
Дата: 225–200 гг. до н.э.
Размер: 24×10,5×5,4 см
Материал: бронза
Место изготовления: Египет
Longpérier A. Notice des bronzes antiques exposés dans les galeries du Musée National du Louvre (ancien fonds et Musée Napoléon III). Vol. I. P. 57.
Фото: https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010258121

№ 9.14. Инв. № JE 39520. Египетский музей в Каире
Царица: Арсиноя III
Дата: 246–204 гг. до н.э.

Высота: 20 см
Материал: мрамор
Место изготовления: Тель-Тимаи
Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 250–251; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220… P. 109–110.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.15. Инв. № 01.8208. Музей изящных искусств, Бостон
Царица: Арсиноя III
Дата: ок. 215 г. до н.э.
Размер: 35×15.3 см
Материал: мрамор
Место изготовления:
Ashton S.-A. P. 310–311; Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. S. 44–46, 104; van Oppen de Ruiter B. Religious identification of Ptolemaic Queens… P. 200–201.
Фото: https://collections.mfa.org/objects/151134/portrait-of-arsinoe-iii?ctx=8ae4ad9d-0d3a-4532-988d-3d528d551a99&idx=12

№ 9.16. Инв. № JE 39517. Египетский музей в Каире
(в настоящее время в Музее при Александрийской библиотеке инв. № 433)
Царица: Арсиноя III
Дата: 246–204 гг. до н.э.
Высота: 19 см
Материал: мрамор
Место изготовления: Тель-Тимаи
De Meulenaere H., MacKay P. Mendes II. No. 81. Pl. 28c; Walker S., Higgs P. Cleopatra of Egypt: from History to Myth. No. 10–11.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.17. Инв. № I 406. Музей истории искусств в Вене.
Царица: Клеопатра III
Дата: 145–101 гг. до н.э.
Высота: 32,5 см
Материал: базальт
Место изготовления: неизвестно
Seipel W. Gott. Mensch. Pharao. P. 440–441; Smith R.R.R. Ptolemaic Portraits: Alexandrian Types, Egyptian Versions. P. 208.
Фото: Stanwick P.E. Op. cit. P. 191.

№ 9.18. Инв. № MA 3546. Лувр
Царица: Клеопатра III
Дата: 150–100 гг. до н.э.
Размер: 43×38,5×30 см
Материал: мрамор
Место изготовления: Египет
Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 120–121; Smith R.R.R. Hellenistic Royal Portraits. P. 94, 166–167; Hamiaux M. Les sculptures grecques, II, La période hellénistique (IIIe-Ier siècles avant J.-C.). P. 87.
Фото: https://collections.louvre.fr/ark:/53355/cl010277217

Статуи, выполненные в египетской изобразительной традиции

№ 9.19. Инв. № 22681. Григорианский Египетский музей Ватикана.
Царица: Арсиноя II
Дата: 278–250 гг. до н.э.
Размер: 270×42×81,5 см
Материал: гранит
Место изготовления: Египет
Urk. II. 71–72; Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 47–48.
Фото: https://www.museivaticani.va/content/museivaticani/en/collezioni/musei/museo-gregoriano-egizio/sala-v--statuario/gruppo-con-tolomeo-ii.html

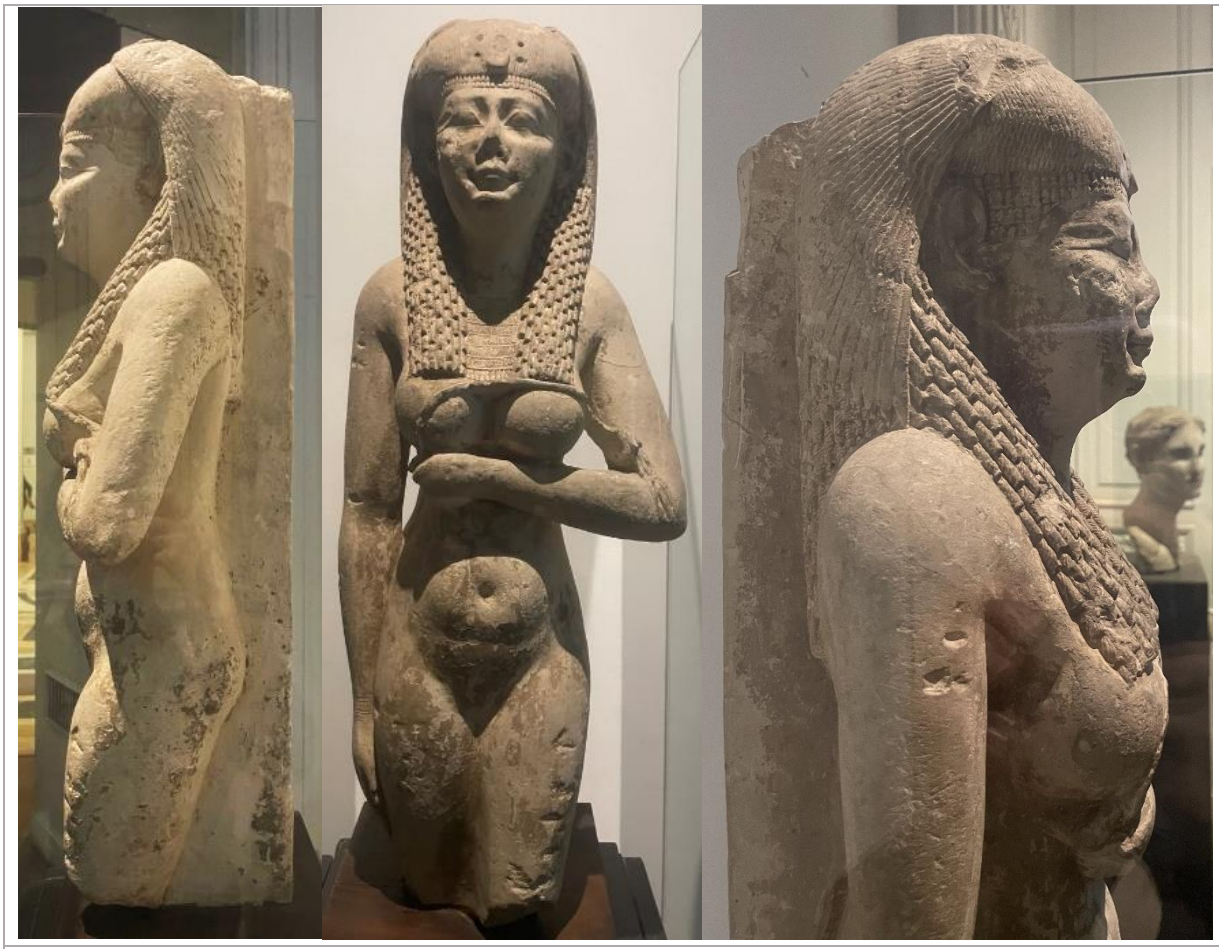

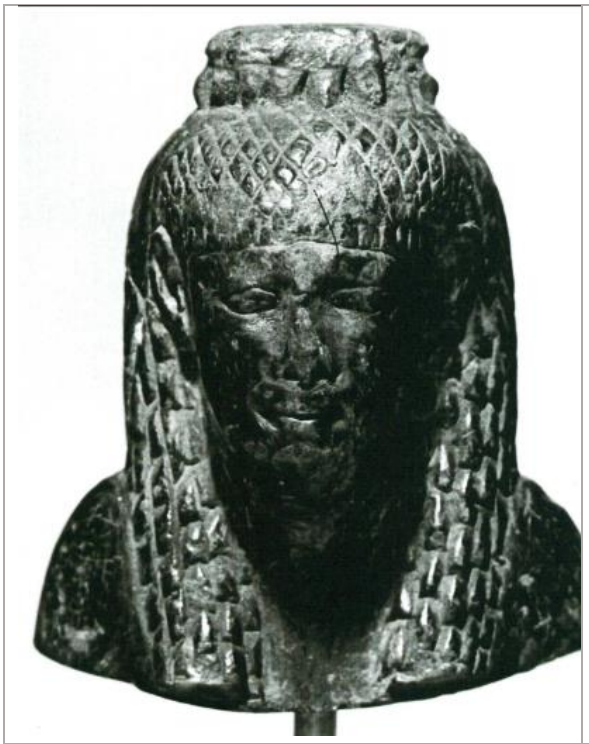
№ 9.20. Инв. № 38.10. Метрополитен музей.
Царица: Арсиноя II
Дата: 278–270 гг. до н.э.
Размер: 12×9×9 см
Материал: уплотненный известняк
Место изготовления: Египет
Bothmer B.V. Egyptian Sculpture of the Late Period, 700 B.C. to A.D. 100. P. 125–126; Bianchi R.S. Cleopatra´s Egypt: Age of the Ptolemies. P. 166.
Фото: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/547699

№ 9.21. Инв. № F 1938/7.20. Государственный музей древностей, Лейден
Царица: Арсиноя II
Дата: 250–20 гг. до н.э.
Размер: 83×14×20,5 см
Материал: известняк
Место изготовления: Египет
Quaegebeur J. Documents égyptiens anciens et nouveaux relatifs à Arsinoé Philadelphe. P. 78–79.
Фото: https://www.rmo.nl/en/collection/search-collection/collection-piece/?object=73

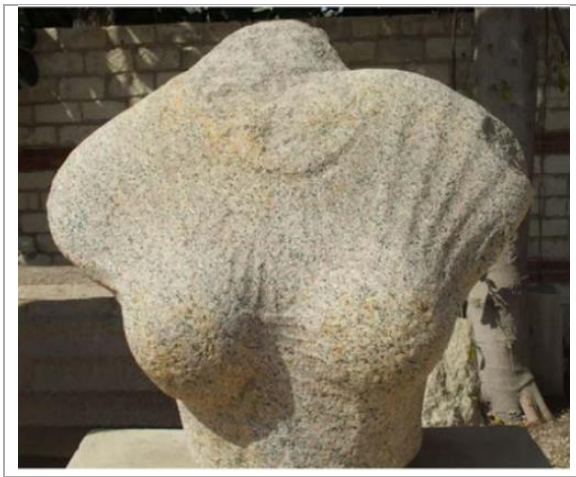
№ 9.22. Инв. № CG 678. Египетский музей в Каире
(в настоящее время в Музее при Александрийской библиотеке)
Царица: Клеопатра I или II
Дата: 204–130 гг. до н.э.
Высота: 78 см
Материал: известняк
Место изготовления: Египет
Borchardt L. Statuen und Statuetten von Königen und Privatleuten: im Museum von Kairo (Band 3): Text und Tafeln zu Nr. 654 – 950. Berlin, 1930. S. 23.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.23. Инв. № SK 77. Музей Касселя
Царица: Клеопатра II или III
Дата: 170–101 гг. до н.э.
Размер: 5.1×4.2×3 см
Материал: диорит
Место изготовления: Египет
Felgenhauer A. Staatliche Museen Kassel: Agyptische und agyptisierende Kunstwerke. Kassel, 1996. S. 202–204.
Фото: Ashton S-A. Op. cit. P. 378–379

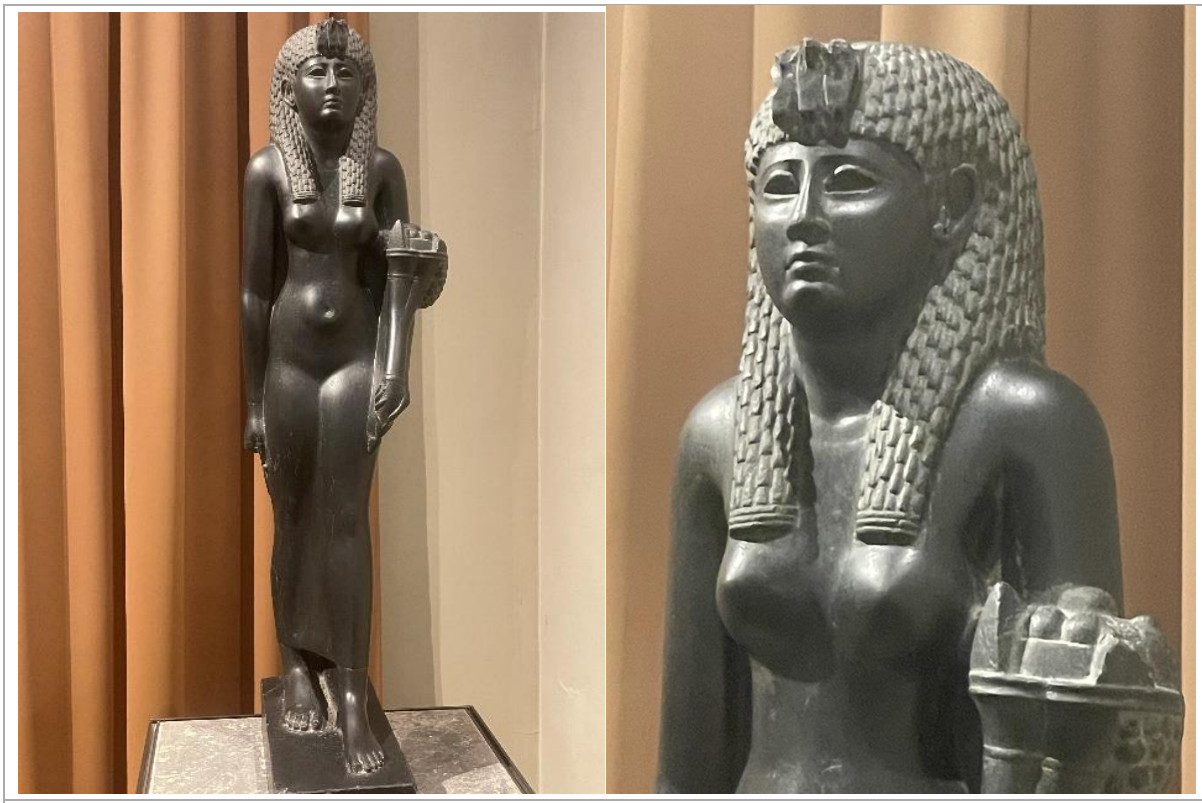
№ 9.24. Инв. № 106. Музей Ком эль-Дикка, Александрия
Царица: Клеопатра III
Дата: 116–101 гг. до н.э.
Высота: 980 см
Материал: гранит
Место изготовления: Асуан
Ashton S-A. Op. cit. P. 473–474; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…P. 146.
Фото: Давыдова О.А.

	№ 9.25. Инв. № 1005. Музей Ком эль-Дикка, Александрия Царица: Клеопатра III Дата: 116–101 гг. до н.э. Размер: 125 см Материал: розовый гранит Место изготовления: Александрия Ashton S-A. Op. cit. P. 476; Op. cit. P. 147. Фото: Brophy E. Op. cit. P. 147.
	№ 9.26. Сфинкс-Клеопатра III Дата: 116–101 гг. до н.э. Высота: ок 50 см Материал: известняк Место изготовления: Нармутис (Мединет-мади) Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 427–428; Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 141. Фото: Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the Greek and Egyptian traditions and their interaction. Vol. II. P. 428; ретушь – Давыдова О.А.

Статуи, выполненные в египетской изобразительной традиции с добавлением греческих причесок, одежды или атрибутов греческих богинь

№ 9.27. Инв. № 20.2.21. Метрополитен музей
Царица: Арсиноя II
Дата: 150–100 гг. до н.э.
Размер: 38.7×9.6×13.2 см
Материал: известняк, позолота
Место изготовления: Египет
Scott N.E. Egyptian Statuettes. Fig. 36; Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. P. 115.
Фото: https://www.metmuseum.org/art/collection/search/545764

№ 9.28. Инв. № ДВ 3936. Государственный Эрмитаж
Царица: Арсиноя II или Клеопатра VII
Дата: 51–30 гг. до н. э.
Материал: черный базальт
Размер: 105×18,5×38 см
Место изготовления: неизвестно
Ashton S.-A. Ptolemaic royal sculpture from Egypt: the interaction between Greek and Egyptian traditions. P. 114; Albersmeier S. Op. cit. S. 187–189, 363–364; Арсиноя или Клеопатра? С. 3–7; Большаков А.О. Древний Египет в Эрмитаже. Новые открытия. С. 108–115.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.29. Инв. № 18370. Греко-римский музей

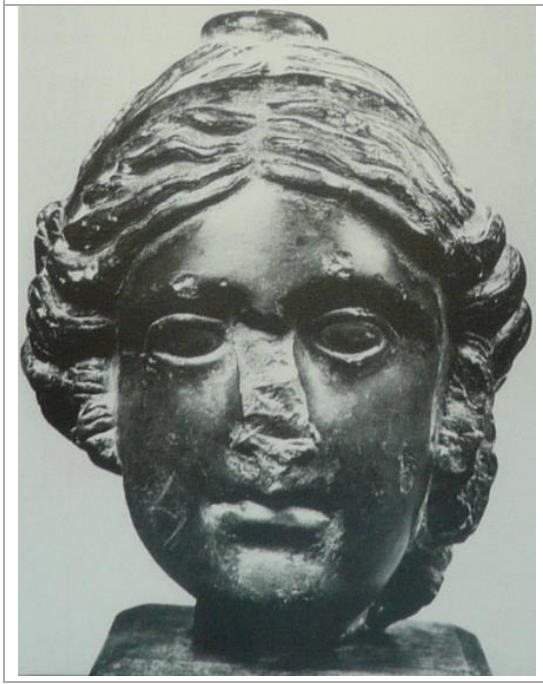
Царица: Береника II (Арсиноя II, Клеопатра III)
Дата: I–II вв. до н.э.
Высота: 16 см
Материал: гранит
Место изготовления: Каноп
Ashton S-A. Op. cit. P. 489–490; Brophy E. Royal Statues in Egypt 300 BC-AD 220…P. 92–93; Breccia E. Le rovine e i monumenti di Canopo. P. 60–61; Stanwick P.E. Portraits of the Ptolemies. Greek kings as Egyptian pharaohs. P. 118.
Фото: Давыдова О.А.

№ 9.30. Инв. № 71.12. Бруклинский музей
Царица: Клеопатра I
Дата: 305–30 гг. до н.э.
Размер: 13.5×11×12 см
Материал: мрамор
Место изготовления: Египет
Alexandria and Alexandrianism, Symposium, J. Paul Getty Museum, April 22–25, 1993. P. 218.
Ashton S.-A. Identifying the Egyptian-style Ptolemaic Queens. P. 164.
Фото: https://www.brooklynmuseum.org/ru-RU/objects/3799

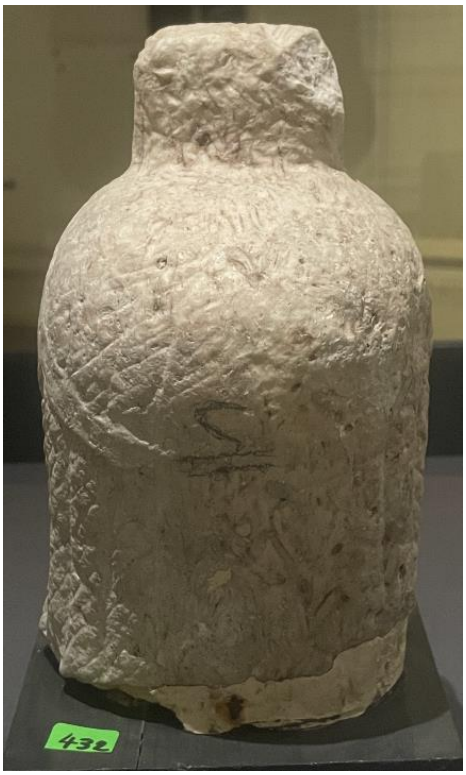

№ 9.31. Инв. № 21992. Греко-римский музей Александрии
Царица: Клеопатра II
Дата: 181–164 гг. до н.э.
Высота: 80 см
Материал: нуммулитовый известняк
Место изготовления: Александрия
Kyrieleis H. Bildnisse der Ptolemäer. P. 119, 184–186; Ashton S.-A. Op. cit. P. 407–408.
Фото: Давыдова О.А.

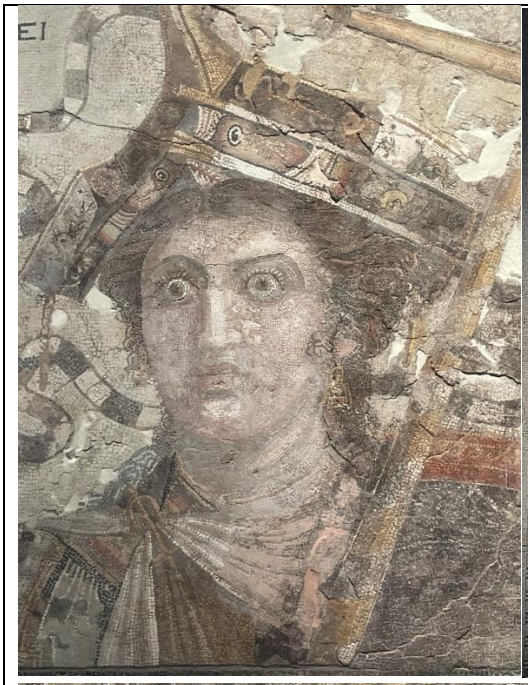
№ 9.32. Инв. № 25264. Греко-римский музей Александрии
Царица: Клеопатра II
Дата: 116–101 гг. до н.э.
Высота: 8,5 см
Материал: сланец
Место изготовления: неизвестно
Adriani A. Sculture del Museo Greco-Romano VI. P. 345, 347; Stanwick P.E. Op. cit. P. 188.
Фото: Albersmeier S. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten. Taf. 32. Kat. Nr. 16.

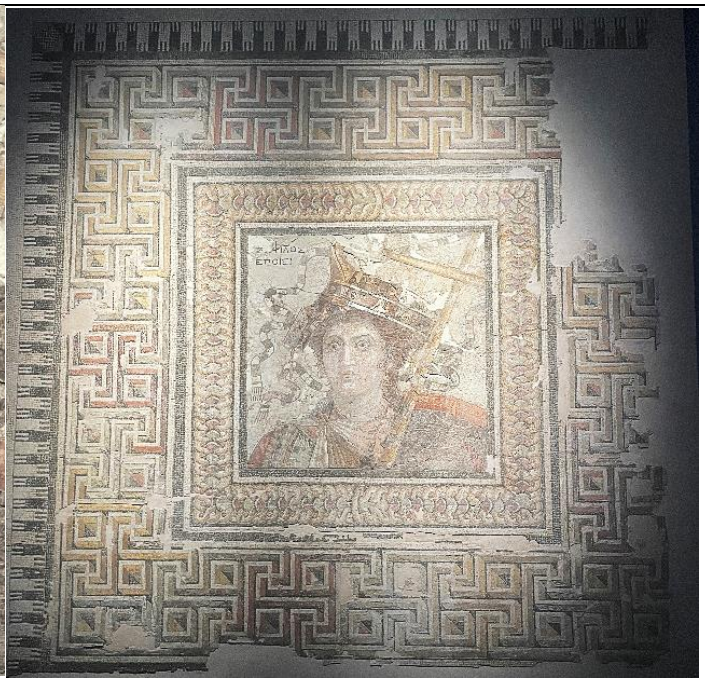

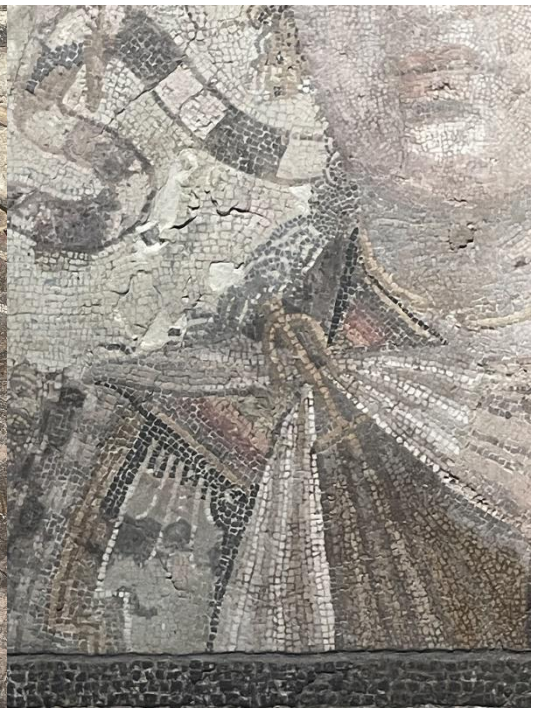
№ 9.33. Инв. № 3267. Греко-римский музей Александрии (в настоящее время в Музее при Александрийской библиотеке инв. № 432)
Царица: Клеопатра III
Дата: 145–101 гг. до н.э.
Размер: 18×10,5×7,5 см
Материал: известняк
Место изготовления: неизвестно
Stanwick P.E. Op. cit. P. 75.
Фото: Давыдова О.А.

№ 10. Мозаика с изображением Береники II

№ 10. Инв. № 21739. Греко-римский музей
Царица: Береника II
Дата: I–II вв. до н.э.
Диаметр: 146 см
Техника: червеобразная мозаика
Место нахождения: Тель-Тимаи
Ashton S.-A. The last queens of Egypt. P. 118; Clayman D.L. Berenice II and the golden age of Ptolemaic Egypt P. 141.
Фото: Давыдова О.А.